

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

[226]

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

СЕРИЯ П
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(156)

Редакционный совет:

академик РАО, д. и. н., проф. Л.С. Белоусов (сопредседатель);
академик РАН, д. и. н., проф. С.П. Карпов (сопредседатель);
член-корреспондент РАН, д. и. н., проф. Н.С. Борисов;
член-корреспондент РАН, д. и. н., проф. Л.И. Бородин;
д. и. н., проф. А.Г. Голиков; д. и. н., проф. С.В. Девятков;
д. и. н., доц. О.Е. Казьмина; д. и. н. А.Р. Канторович;
д. и. н., проф. Н.В. Козлова, гл. н. с., д. и. н. Л.В. Кошман;
Н.В. Литвина; д. и. н., проф. Г.Ф. Матвеев;
член-корреспондент РАН, д. и. н., проф. С.В. Мироненко; к. э. н. С.В. Орлов;
академик РАН, д. и. н., проф. Е.И. Пивовар;
д. и. н. А.В. Подосинов; д. фил. н., проф. О.В. Раевская;
к. и. н., доц. Ю.Н. Роголев; д. и. н. С.Ю. Сапрыкин;
член-корреспондент РАН, д. иск., проф. В.В. Седов;
д. э. н., проф. В.В. Симонов; к. и. н. О.В. Солопова;
к. и. н. А.А. Талызина

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Исторический факультет

О.В. Смыка

**Исследования и переводы
из позднеантичной
и византийской литературы**

Москва 2023

УДК 82'01/04:[821.14+821.124]
ББК 83.3(0)32я44 + 83.3(0)44я44
С 52

*Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
от 27 февраля 2023 г. (протокол № 01)*

Рецензенты:

д. и. н., заведующий кафедрой истории древнего мира исторического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова *С.Ю. Сапрыкин*
д. и. н., заведующий отделом полевых исследований Института
археологии РАН, проф. *А.А. Масленников*

Под редакцией *А.В. Подосинова*

Редакционная коллегия:

к. ф. н. *Е.В. Приходько*, к. ф. н. *А.О. Корчагин*
к. и. н. *А.М. Крюков*, *С.А. Хандажинская*

Т 78   **О.В. Смыка.** Исследования и переводы из позднеантич-
ной и византийской литературы / Отв. редактор А.В. Подоси-
нов. — М., 2023. — 288 с. — (Труды исторического факультета
МГУ. Вып. 226. Сер. II: Исторические исследования, 156).

ISBN 000-0-00000-000-0

В книге публикуются исследования «Аргонавтики» Аполлония
Родосского и переводы позднеантичной и византийской поэзии, вы-
полненные сотрудником кафедры древних языков исторического
факультета МГУ Ольгой Викторовной Смыка (1945–2022).

Для историков и филологов, преподавателей и студентов ву-
зов, а также для всех, интересующихся античной и византийской
поэзией.

*На обложке — изображение льва из рукописи поэмы Мануила
Фила «О свойствах животных» (MS. Aust. F. 4. 15. Fol. 22v)*

УДК 378.4(470-25).096:94:81'02(091)(082)
ББК 74.483я43 + 81.04я43

ISBN 000-0-00000-000-0

© Исторический факультет МГУ, 2023
© Смыка О.В., автор, 2023
© Издательство, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.В. Подосинов.</i> Предисловие: об этой книге и ее авторе Ольге Викторовне Смыка	6
Исследования «Аргонавтики» Аполлония Родосского	
О композиции «Аргонавтики» Аполлония Родосского	9
Некоторые замечания об источниках «Аргонавтики» Аполлония Родосского	27
Замечания о каталоге у Аполлония Родосского	41
Эпитеты Зевса в «Аргонавтике» Аполлония Родосского	50
Переводы позднеантичной и византийской поэзии	
<i>Трифтиодор.</i> «Взятие Илиона» — памятник позднего греческого эпоса	59
<i>Клавдий Рутимлий Намацциан.</i> Возвращение на родину	76
<i>Коллуф.</i> «Похищение Елены» — памятник позднего греческого эпоса	94
<i>Алексей Комнин.</i> Музы	107
<i>Иоанн Цец.</i> До Гомера	126
Из «Хроники» Константина Манассии	138
<i>Константин Манасси.</i> Жизнь Опшиана	166
Поэма Манасси кир Константина о его поездке в Иерусалим	173
<i>Мануил Фил.</i> Поэтические произведения	201
<i>Мануил Фил.</i> Стихи на разные темы	216
Византийский поэт Мануил Фил и его славословие императору	238
<i>Мануил Фил.</i> О растениях. Роза	244
<i>Мануил Фил.</i> Человек, разговаривающий с Душой	247
<i>Мануил Фил.</i> Из стихов о животных, адресованных императору Михаилу IX Палеологу	257
Фотоальбом	271
Список работ О.В. Смыка	284
Список сокращений	287

ПРЕДИСЛОВИЕ: ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ АВТОРЕ ОЛЬГЕ ВИКТОРОВНЕ СМЫКА

Дорогой читатель, эта книга содержит исследования и переводы замечательного филолога-классика, талантливого переводчика с древнегреческого и латинского языков, великолепного преподавателя этих языков, почти полвека учившего студентов на кафедре древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, наконец, красивого, умного, обаятельного человека — Ольги Викторовны Смыка (1945–2022).

Ольга Викторовна училась на кафедре классической филологии филологического факультета МГУ, которую закончила в 1966 году. С 1972 года она стала преподавать латынь и греческий на кафедре древних языков, куда ее пригласил заведующий этой кафедрой Андрей Чеславович Козаржевский. С тех пор ее судьба и работа были до конца жизни связаны с историческим факультетом. Она воспитала несколько поколений антиковедов, которыми гордилась, с которыми на протяжении многих лет поддерживала теплые отношения и которые «kozyряют» тем, что учили древнегреческий «у самой Смыка». Я это слышал много раз от самых именитых антиковедов страны, будь то историки или археологи, многие из них стали докторами наук, профессорами, заведующими кафедрами. Каким образом Ольга Викторовна смогла внушить многим поколениям студентов и аспирантов любовь к древнегреческому и желание совершенствоваться в этом языке, объясняется, вероятно, кроме ее педагогического дара, еще и ее поэтической натурой, любовью к поэзии вообще и к древней в частности.

Дело в том, что Ольга Викторовна рано почувствовала в себе талант переводчика и, поработав несколько лет над своей кандидатской диссертацией об «Аргонавтике» Аполлония Родосского, вскоре так увлеклась переводом этой поэмы, что забросила чисто научную работу и переключилась на переводческую деятельность. Ее талант был вскоре замечен, она стала сотрудничать с великими С.С. Аверинцевым и М.Л. Гаспаровым, затевавшими мощные издания в знаменитых сериях, типа «Литературные памятники» или «Библиотека античной литературы». Вскоре она уже входила

ла в элиту отечественных переводчиков античной поэзии. Ольга Викторовна переводила «Аргонавтику» Аполлония Родосского, «Орфическую Аргонавтику», Гомеровские гимны, Орфические гимны, гимны Прокла и Синезия, произведения Софокла, Каллимаха, Арриана, Диона Хрисостома, Филострата Старшего, Намациана, Менандра, Квинта Смирнского, Мануила Фила, Константина Манасси, Алексея Комнина, Иоанна Цеца и др. Ее переводы потрясают естественностью и элегантностью русского языка, при этом ей удавалось абсолютно точно, без смысловых потерь, чуть ли не буквально передавать особенности греческого текста. Читать эти переводы — огромное эстетическое наслаждение.

Во второй половине своей творческой жизни Ольга Викторовна все больше увлекалась византийской поэзией, которая до нее редко обращала на себя внимание переводчиков и исследователей. Собственно, можно говорить об открытии ею огромного пласта византийского поэтического наследия, которое, настоянное на античном наследии, могла понять, оценить и передать именно Ольга Викторовна с ее огромным опытом перевода античных поэтических памятников.

В настоящей книге мы публикуем четыре научные статьи Ольги Викторовны, посвященные ее любимому автору — Аполлонию Родосскому. Эти ранние ее работы не потеряли своего значения и в наши дни благодаря тонкому и глубокому анализу поэтических особенностей «Аргонавтики». Кстати, перевод самой «Аргонавтики», выполненный Ольгой Викторовной, еще ждет своей публикации, и мы надеемся в скором будущем издать и его, возможно, с параллельным греческим текстом.

Вторая часть книги — это публикация переводов Ольги Викторовны поэтических произведений позднеантичных и византийских авторов. Мы расположили их не по хронологии их публикаций, а по хронологии жизни этих авторов. Поэтому первыми идут греческая эпическая поэма Трифиодора «Взятие Илиона» (III в. н. э.), латинская поэма Намациана «Возвращение на родину» (V в. н. э.) и греческая поэма Коллуфа «Похищение Елены» (V–VI вв. н. э.). Уже после этого публикуются стихотворения византийских авторов XI–XIV вв. Алексея Комнина, Иоанна Цеца, Константина Манасси и Мануила Фила. Все эти переводы выходили в свет в разных малодоступных изданиях, поэтому увидеть их собранными вместе представляется весьма удачным и удобным для интересующихся византийской поэзией событием.

В конце книги читатель найдет список всех публикаций Ольги Викторовны и альбом ее фотографий.

* * *

Все, кто был знаком с Ольгой Викторовной, дружил с ней или учился у нее, никогда не забудут этого удивительного человека, относившегося по-матерински к своим студентам, с большой любовью и заботой к коллегам, особенно молодым, которым нужна была помощь и поддержка, с неизменной улыбкой и радушием принимавшего всех окружающих ее людей. Настоящая книга — малая дань нашей любви и признательности Ольге Викторовне Смыка.

* * *

И в конце — несколько технических замечаний. В процессе подготовки этого издания мы старались минимально вторгаться в текст Ольги Викторовны, исправляя лишь очевидные опечатки и по возможности унифицируя отсылки к античным авторам и исследовательской литературе в соответствии с современными требованиями. Некоторые поздние публикации даются в несколько сокращенной форме, чтобы избежать повторы, которые относились к одному переводимому автору, но были Ольге Викторовне необходимы в разных работах.

Большую благодарность хочу выразить сотрудникам кафедры древних языков А.О. Корчагину, взявшему на себя сканирование материалов для сборника, Е.В. Приходько, отредактировавшей научные статьи, С.А. Хандажинской, собравшей библиографию трудов Ольги Викторовны и фотоальбом, и А.М. Крюкову, сделавшему верстку этой книги.

Сентябрь 2022 г.

Зав. кафедрой древних языков
исторического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова
д. и. н., проф. А.В. Подосинов

О КОМПОЗИЦИИ «АРГОНАВТИКИ» АПОЛЛОНИЯ РОДОССКОГО

Проблема композиции поэмы Аполлония Родосского «Аргонавтика» имеет важное значение не только для понимания эллинистического характера и специфических особенностей этого произведения, но и для определения его места в александрийской поэзии.

К сожалению, в научной литературе по Аполлонию этот вопрос освещается мало, существует только одна диссертация немецкого исследователя Р. Висса¹, рассматривающая непосредственно композицию поэмы.

Исследователи, авторы общих работ по эллинизму и александрийской поэзии и специальных работ, посвященных некоторым вопросам творчества Аполлония Родосского, касаются композиции поэмы слишком бегло, считая основной проблемой, связанной с этим вопросом, проблему внутреннего единства поэмы.

В основном внутреннее единство поэмы понимается как соответствие ее частей основному принципу, принятому самими исследователями. Одни, например О. Куа², И.М. Тронский³, считают, что объединяющим началом должна являться моральная идея, роль богов, роль главного героя. Другие, например Г.Ф. Церетели⁴, У. фон Виламовиц-Мёллендорф⁵, А. ван Гронинген⁶, полагают, что композицией, обладающей внутренним единством, можно считать лишь такую, при которой действия сменяют одно другое, вытекая друг из друга, и перестановка частей которого без нарушения внутреннего единства да и смысла, вообще совершенно исключена. Разумеется, если исходить из вышеуказанных принци-

---

¹ *Wyss R.* Die Komposition von Apollonios Rhodios Argonautika. Zürich, 1931.

² *Couat Aug.* La poésie Alexandrine sous les trois premières Ptolémées. Paris, 1882. P. 305.

³ *Тронский И.М.* История античной литературы. Л., 1946. С. 219.

⁴ *Аполлоний Родосский.* Аргонавтика (греческий и русский текст, стихотворный перевод Г.Ф. Церетели). Тбилиси, 1964. С. 12.

⁵ *Wilamowitz-Möllendorff U. von.* Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos. Bd. 2. Berlin, 1924.

⁶ *Groningen B.A. van.* La composition littéraire archaïque grecque, procédés et réalisations. Amsterdam, 1958.

пов при рассмотрении поэмы Аполлония Родосского, в которой нет объединяющей моральной идеи, малозначительна роль богов⁷ (она узко функциональна, но не решающая), главный герой которой имеет почти во всех обстоятельствах эпитет ἀμύμονος и большинство эпизодов которой можно легко менять местами без особого ущерба для целого, то совершенно очевидно, что композиция поэмы крайне слаба, ни о каком внутреннем единстве не может быть и речи, и самое большее, на что эта композиция может рассчитывать, — это формальное внешнее хронологическое единство, которое не в состоянии «сколотить» многочисленные части произведения в сколько-нибудь крепкое целое.

Различные исследователи отрицают единство поэмы Аполлония с разной степенью категоричности. Так, например, А. Боннар⁸ и М.Е. Грабарь-Пассек⁹ считают, что в поэме плохо сцеплены друг с другом не только основные части, но и более мелкие элементы, что поэма перегружена ученостью и потому слаба и скучна.

О. Куз¹⁰, однако, не может не согласиться с тем, что техника увязывания столь разнообразного материала у Аполлония виртуозна, что его умение посредством расположения эпизодов держать читателя в напряженном внимании удивительно, и потому считает поэму хорошо построенной в частностях, но слабой в целом¹¹.

Как можно видеть, эти исследователи отказывают поэме Аполлония в единстве только потому, что ни один принцип, который они предлагают для объединения, не оказывается пригодным для этого.

Американский исследователь М. Хэдэс¹² посмотрел на этот вопрос с несколько иной точки зрения. Он пишет: «Аргонавтику объединяет то обстоятельство, что главный герой проходит сквозь все произведение, стремясь к единой цели, и сюжет такого рода Аристотель назвал эпизодическим — некоторые приключения могут быть пропущены, некоторые могут быть добавлены без ущерба для общего замысла. Но помимо единства действующих лиц и единства темы поисков здесь есть особое единство. Это единство такого же рода, как единство «Дона Кихота», который тоже является эпизодическим произведением, и специфический характер которого

⁷ О роли богов в «Аргонавтике» см.: Klein L. Die Göttertechnik in der Argonautika des Apollonios Rhodios // Philologus. 1931. 86. S. 18–51, 215–257.

⁸ Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 3. М., 1962.

⁹ Грабарь-Пассек М.Е. Эпическая поэзия // История греческой литературы. Т. III. М., 1960. С. 83.

¹⁰ Couat A. Op. cit. P. 221.

¹¹ Couat A. Op. cit. P. 326.

¹² Apollonius Rhodius. Argonautica. New York, 1960 (вступит. ст. М. Хэдэс).

определяется тем, что некоторые эпизоды могут быть добавлены, а некоторые пропущены без особого вреда для общего замысла. У Сервантеса все эпизоды призваны доказать, что Дон Кихот предан определенным моральным ценностям, которые он считает сущностью человеческого достоинства. В «Аргонавтике» же все эпизоды истории завоевания золотого руна призваны показать победу цивилизации над варварством»¹³.

Вряд ли можно согласиться с М. Хэдесом в определении общей идеи, которую он вкладывает в поэму, потому что в подтверждение своей мысли он приводит только один эпизод поединка Полидевка с Амиком, царем бебриков. Этот эпизод, правда, прекрасно иллюстрирует положение исследователя. Вероятно, в этом эпизоде (II 67–97) Аполлоний, по мнению М. Хэдеса, стремился выразить превосходство цивилизации над варварством как раз путем столкновения грубой физической силы, одушевляемой только бессмысленной жадной крови (Амик), и силы, сочетающейся с разумом и спортивными приемами (Полидевк). Недаром натиск Амика Аполлоний сравнивает с мощным валом морской волны, нависшей над кораблем, который благодаря мудрости опытного кормчего уклоняется от удара¹⁴.

Для нашей работы существенно именно то обстоятельство, что исследователь не отвергает наличия определенного единства в эпизодичности и не видит противоречия между эпизодичностью и единством.

Немецкий исследователь Тассило фон Шеффер¹⁵ высказывает мысль относительно того, что в поэме Аполлония Родосского есть определенный разработанный план и что она представляет единое целое.

Таким образом, исследователи, отрицающие внутреннее единство композиции поэмы и объясняющие это ее художественной слабостью, приходят к таким выводам на основании несоответствия материала поэмы тем принципам, которые они предлагают сами. При этом вопрос о правомерности требований и правильности собственного подхода остается в стороне.

Со своей стороны, мы понимаем композицию художественного произведения как эстетическую организацию его частей и элементов в соответствии с поэтической задачей, поставленной автором.

¹³ *Apollonius Rhodius*. Op. cit. P. 16.

¹⁴ О поединке Амика и Полидевка см.: *Köhnen A.* Apollonios Rhodios und Theokrit. Die Hylas- und die Amykosgeschichten beider Dichter und die Frage der Priorität. Göttingen, 1965.

¹⁵ *Apollonios Rhodios*. Die Argonautika. Leipzig, 1941 (вступит. ст. Тассило фон Шеффера).

Следовательно, внутреннее единство поэмы есть взаимопереплетение двух сторон композиции — отбора материала и его организации. Поэтическая задача, поставленная автором, разрешается с помощью художественных приемов и средств, определяемых поэтической программой автора, которая отражает ту или иную эстетическую направленность, обусловленную своеобразием социальной и культурной картины данной исторической эпохи. Наиболее объективное определение поэтической задачи автора возможно только путем изучения имманентных закономерностей текста, с одной стороны, и, с другой стороны, путем сопоставления их с объективными данными истории эллинизма, изучения специфических особенностей эллинистического мироощущения и эллинистического искусства.

Время жизни Аполлония Родосского (III в. до н. э.) относится к эпохе раннего эллинизма (вторая половина IV в. до н. э. — I в. н. э.).

К этому времени классический рабовладельческий полис, экономической основой которого являлась мелкая собственность на средства производства и отличительными чертами которого были миниатюрные размеры, небольшое количество рабов, непосредственное участие граждан в общественной государственно-городской жизни, уже был взорван изнутри развитием производительных сил.

Обычно в первое время после существенных исторических сдвигов производительные силы, вызывавшие изменения в старом укладе, в течение некоторого времени находятся в условиях, соответствующих их уровню развития на данном этапе. Поэтому в данный промежуток времени определяющими жизнь общества оказываются прогрессивные силы, и отсюда ранние периоды жизни общественно-экономических формаций обычно носят прогрессивный характер (например, ранний феодализм, ранний капитализм).

Эллинизм, разумеется, не является особой общественно-экономической формацией, это последний этап рабовладельческой формации. Но хотя сущность его — рабовладение — остается общей для всей античности, переход от мелкой собственности на средства производства к крупному землевладению и рабовладению, сопровождаемый могучими сдвигами, великими завоеваниями и образованием огромных многонациональных государств, является весьма существенным этапом развития.

И здесь в первое время после установления измененного порядка в обществе ведущую роль играли прогрессивные силы, что и явилось причиной экономического и культурного подъема ран-

него эллинизма с его специфическим расцветом наук, искусств и техники.

Развитие производительных сил, имевшее тенденцию к разделению труда и к более узкой специализации, обусловило отделение науки от философии и дифференциацию отдельных отраслей науки, как точной, так и гуманитарной. Интерес к детальному научному изучению приобрел большой размах, оказывая влияние и на литературу, в которой мифологический материал, являвшийся до сих пор основным, давал богатую почву для мифологических, этиологических и исторических исследований, кстати, интерес к истории (времени вообще) начинает проявляться лишь в период разложения классики — в эллинизме, поскольку мифология воспринималась как часть исторического прошлого.

В эллинистический период, когда узкие, рамки полисной ограниченности в результате мощных завоеваний и образования гигантских государств, объединявших многие народы, были сломлены, открылся новый широкий мир, гражданами которого стали бывшие обитатели полисов.

Человек того времени, захваченный мощным размахом происходящих вокруг сдвигов, с изумлением и жадным интересом смотрел на изменившуюся жизнь. Его привлекали новые широчайшие горизонты открывшегося ему мира, полного загадок и тайн, мира далеких стран, населенных незнакомыми народами с неизвестными обычаями и особенностями. Ему хотелось много знать, и знать достоверно.

С крушением полисной системы отходил в прошлое и тот непосредственный характер, который носило классическое государство. Представляя до сих пор неразличимое целое, в эллинистический период оно дифференцировалось на аппарат и некую внутреннюю жизнь, превратившись в политическом отношении в абсолютную монархию.

Общественная жизнь в государстве военно-монархического типа сводилась главным образом к исполнению приказов властителя, и тем самым отходила на задний план общественная проблематика.

В эпоху эллинизма, основанную на опосредствованном рабовладении, порождающем частичное освобождение личности и личной инициативы, «личность дается уже не как принцип вообще, а как отдельная личность», самоуглубленная, изолированная, внутренне самостоятельная, ее внутренний мир оказывается для нее «самодовлеющим, и все объективное, ставшее внешним, она познает теперь только сквозь призму внутренних переживаний»¹⁶.

¹⁶ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 1. М., 1963. С. 118.

Вполне закономерно, что искусство этой эпохи формирования индивидуума во всей сложности его субъективной психики будет выставлять на первый план психологизм, настроение, эмоции. «Если в эпоху классики форма и содержание были естественно слиты воедино, то в эпоху разложения классики это единство разлагается, что приводит к разрыву между этими элементами, порождая порой формализм, нарочитую искусственность, рассудочность и любование формой.

Эллинистическое искусство впервые становится бытовым, натуралистичным, ибо только в результате большой дифференциации и абстрагирования из былого цельного мифологического мировоззрения можно было выделить сторону чисто внешнюю, довести ее до бытовой дробности и сделать последнюю основной. Под бытовой поэзией эпохи эллинизма лежит мелкий субъект, потерявший веру в мифы и сводивший все содержание жизни на обыденные ощущения. Это было явлением субъективизма, проявившим к тому же мелкие, а — с точки зрения строгой классики — и выродившиеся формы»¹⁷.

Увеличение внешних масштабов жизни и ограничение масштабов внутренней жизни, явившееся следствием исключения человека из участия в общественной жизни, направившего интересы формирующейся тонко дифференцированной индивидуальности на более узкие (бытовую и психологическую) сферы, вызвало две тенденции в эллинистическом искусстве — внешнее расширение и внутреннее углубление. Поэтому эпоха эллинизма — эпоха существования макро- и микроформы, эпоха Колосса Родосского и изящной миниатюрной терракотовой статуэтки.

Александрийская поэзия, поэзия настроения и учености, общественная проблематика которой ограничивалась выражением верноподданнических чувств к правящим монархам, естественно, скорее тяготела к внутреннему углублению. Внутреннее углубление выражалось не только в пристальном внимании, направленном на человеческую личность, но и в стремлении к серьезному изучению все еще основного мифологического материала, из которого поэты старались выбрать факты, не лежащие на поверхности, всем известные и традиционные, а те, которые будучи малоизвестными, представляли бы удобный материал для их нового психологического или бытового освещения. Поскольку все основные мифологические темы были издавна разработаны, на долю александристов выпадали крохи, которые они филигранно отделявали, вставляли в оправу изысканной ученой эрудиции, пересыпали живыми и пол-

---

¹⁷ Лосев А.Ф. Указ. соч. С. 119.

нокровными замечаниями психологического характера и бытовой зарисовки, и получалась небольшая изящная вещица, проникнутая тонким ароматом настроения.

Аполлоний Родосский, александрийский ученый поэт, разумеется, находился в струе этого течения и в основном принимал его поэтическую программу, которую Каллимах сформулировал для себя таким образом¹⁸: малая форма, борьба с банальностью, тщательная отделка деталей.

Однако у Аполлония и Каллимаха возникли серьезные разногласия по поводу понимания формы, приведшие к конфликту, в результате которого Аполлоний покинул Александрию.

Любая тенденция может принимать здоровую и утрированную форму. Тенденция к «внешнему расширению» в искусстве может быть тенденцией к величественной монументальности, являющейся отражением прогресса и процветания, и в утрированной форме — тенденцией к раздутому гигантизму, обусловленному упадком.

Тенденция к «внутреннему углублению» в здоровой форме может быть действительным серьезным углублением и в утрированной форме — обмельчавшим сужением.

Здоровая форма тенденции к «внутреннему углублению» у Аполлония сочеталась с тяготением к здоровой форме «внешнего расширения».

Здоровая форма тенденции к «внутреннему углублению» у Каллимаха сочеталась с некоторым тяготением к утрированной форме «внутреннего углубления», которая в результате разложения классического единства формы и содержания порой обращалась у некоторых авторов в любование формой, в «искусство для искусства».

Вероятно, в результате именно этого различия Аполлоний предпочитал большой эпос, который он писал для широкого круга читателей, а Каллимах был сторонником малых форм, ориентируясь в своем творчестве на узкого, избранного читателя¹⁹.

¹⁸ Троицкий И.М. История античной литературы. Л., 1957. С. 215.

¹⁹ Тасило фон Шеффер трактует этот вопрос несколько иначе. Он считает, что в литературе того времени существовало два направления. Одни поэты, в их числе Аполлоний, стремились к воспроизведению Гомера и старого эпоса. Другие поэты, в их числе Каллимах, стремились к отысканию новых средств. Т. фон Шеффер считает, что Аполлоний, уклоняясь от модернизированной этики, хотел подражать рапсодам, но бессознательно все же был сыном своего времени (*Apollonios Rhodios*. Op. cit. S. 94). Вряд ли можно безоговорочно согласиться с этим исследователем, если иметь в виду, сколь огромна и решающа роль того, что он называет бессознательным. Вряд ли может быть бессознательной четко выраженная поэтическая программа Аполлония.

Аполлоний выгодно отличается тем, что в его поэме нет прославления монархов и ни явной, ни тонкой лести по отношению к ним, т. е. того, чем изобилуют произведения Каллимаха, Феокрита да и большинства поэтов-александринистов. Напротив, образы монархов Пелия и Ээта весьма отрицательны, а Язона он вовсе не трактует как вождя. Демократические симпатии Аполлония явно ощутимы: у аргонавтов все построено на выборном начале и демократизме, Язон во всем советуется с товарищами, не предпринимая ничего без их одобрения.

Мы говорим, что Аполлоний ориентировался не на цеховую элиту, а на широкого, образованного читателя. При этом следует иметь в виду, что потребительский характер экономической жизни, присущий эллинистическому периоду, отражался на развитии отдельной личности таким образом, что привнес в ее жизнь ту внутреннюю пассивность, которой так отличается эллинистическая культура, несмотря на свой внешний блеск. Аполлоний, следовательно, ориентировался на внутренне пассивного потребителя, которого уже не интересовали ни общественные проблемы, ни высокие моральные идеи, который не нуждался в исключительном величественном герое, но ему был любопытен окружающий его широкий мир, далекие страны, связанные с опасностью приключения, были любопытны малоизвестные стороны истории и мифологии, любопытно, откуда что ведет свое происхождение и почему оно именно так называется. Ему был очень интересен человек и человеческое в его внешнем — бытовом — и внутреннем — психологическом — проявлении. И все эти сведения ему хотелось получить в отточенной художественной форме, соответствующей его вкусам.

Если принять все вышесказанное во внимание, становится очевидным, что в поэтическую задачу Аполлония Родосского входило просто и непосредственно рассказать о походе аргонавтов и сделать это с исчерпывающей полнотой, художественным мастерством и занимательностью, оставив в стороне силу рока, моральные идеи и величественного героя, изображение которых так любят ставить задачей поэта многие исследователи.

Для решения основной проблемы композиции — проблемы внутреннего единства — нам необходимо рассмотреть, насколько две стороны композиции — отбор и организация материала — соответствуют поставленной поэтической задаче, и степень этого соответствия определит степень внутреннего единства произведения.

Для наиболее полного и подробного рассмотрения композиции поэмы будем изучать ее текст с разной степенью приближения в

буквальном смысле слова, т. е. будем идти от непосредственной конкретности текста к постепенному его обобщению.

Первое приближение, наиболее близкое к тексту, позволит нам показать отбор материала и вычлениить элементарные части композиции: эпизоды в развитии действия, речи²⁰, сравнения, описания, замечания (географического, этнологического, мифологического характера) и авторские сентенции. Цель первого приближения — показать отбор материала автором, единица измерения ограничивается стихотворной строкой. Второе приближение является вторым по степени «удаления» от текста. Оно позволит показать непосредственную организацию материала и вычлениить части, стоящие в органической (действие) и логической (комментарий) связи с сюжетным действием, определяемым соответствующим элементом третьего приближения.

Цель второго приближения — показать непосредственную организацию материала.

Единицей измерения здесь является элемент первого приближения.

Третье приближение позволит показать общую организацию материала поэмы. Для целей третьего приближения важно выявить движение материала. Единицей измерения в данном случае является элемент второго приближения.

Рассмотрим, насколько соответствует задаче та сторона композиции, которую мы исследовали в первом приближении, — отбор материала.

Полнота изложения невозможна без определенной ограниченности, поэтому для возможно более полного освещения темы ее необходимо четко определить и максимально ограничить. Аполлоний четко определяет свою тему — подход аргонавтов — с первых же строк вступления (I, 1–4). Во вступлении к поэме явно чувствуется деловой подход, с которым автор берется за свою емкую тему похода, его стремление ограничиться от всего цикла легенд только повествованием о походе, поэтому он дает все предпосылки похода деловито и сжато. Двадцать три строки вступления чрезвычайно насыщены информацией. Обращение к богу Аполлону не только традиционно, но и функционально, поскольку он дал Пелию предсказание, вызвавшее поход. По мнению М.Е. Грабарь-Пассек²¹, то

²⁰ Мы выделяем речи, не дифференцируя их на монолог, диалог и т. д. Вопрос о речах в «Аргонавтике» детально разработан в диссертации Рольфа Ибшера: *Ibscher R. Gestalt der Szene und Form der Rede in den «Argonautika» des Apollonios Rhodios*. Berlin, 1939.

²¹ *Грабарь-Пассек М.Е.* Указ. соч. С. 83.

обстоятельство, что Аполлоний не ввел в повествование красочный эпизод появления Язона в одной сандалии, является большим упущением автора. Однако можно предположить, что этот эпизод не был разработан именно потому, что, являясь предпосылкой, он все же не относился непосредственно к походу, путешествию. Поэтому Аполлоний и говорит о нем коротко, однако не умаляя его важности.

Во вступлении дается намек на будущее покровительство Геры аргонавтам, поскольку указывается причина ее гнева на Пелия.

История золотого руна во вступлении совершенно не затрагивается, здесь подчеркивается, что Пелию нужно было отправить Язона куда угодно, лишь бы меньше было надежды на его возвращение. В дальнейшем также не встречается связного рассказа о Фриксе, Гелле, баране, но замечания о них делаются неоднократно (например, I, 256–259; II, 1440–1447; I, 290–291).

Стремление автора придерживаться темы проявляется и в том, что несколько раз на протяжении повествования, начиная отвлекаться, поэт сразу же обрывает себя и продолжает рассказ, ограниченный его темой. Так, например, увлекшись в I песне замечаниями об Эфалиде, поэт говорит: «...но зачем мне нужно так подробно рассказывать об Эфалиде?» (I, 648–649).

Рассказывая о Гиле (I, 1207–1217), автор сообщает о том, что Геракл вырастил его, взяв у убитого им Фейодоамента, который начал с ним ссору из-за быка. Замечание такого рода было вполне уместным и относящимся к теме, но когда автор, увлекшись, хочет продолжить рассказ о Дриопах и отношении к ним Геракла, он и сам прерывает себя, считая эти сведения неуместными: «...но как бы это не завело меня далеко от песни!» (I, 1220).

Когда аргонавты на обратном пути, миновав все опасности и оставив позади приключения, входят в спокойные воды, омывающие их родные берега, автор считает свою тему исчерпанной и прощается с героями. Заключение поэмы необыкновенно коротко.

Заметим, что полноту изложения Аполлоний понимает не только как наиболее основательное сообщение сведений, относящихся к походу аргонавтов, которые уже были накоплены традицией, но и как введение в повествование возможно большего количества фактов познавательного значения географического, мифологического и этиологического характера. При рассмотрении поэмы в первом приближении мы видели, сколь много разнообразных сведений такого рода содержится в поэме.

Следует подчеркнуть, что вопрос об уместности и правомерности ученого материала вообще является чрезвычайно важным

для понимания композиции «Аргонавтики», ибо основным аргументом исследователей, считавших ее слабой и лишенной внутреннего единства, был именно ученый материал, который не находил места в поэме при рассмотрении поэмы с принятых исследователями позиций.

Так, А. Круазе, говоря о композиции «Аргонавтики», устанавливал в ней «живые» и «мертвые» части, относя к «мертвым» наряду со всем тем, что со времен Гомера считалось принадлежностью эпоса и было освящено традицией, все то, что отзывало александрийской ученостью, в чем бы она ни выражалась, в точных ли географических, этнографических или археологических подробностях, или в каталогизированном способе изложения, с тенденцией передать как можно больше необычного, мало известного или только что открытого тогдашней наукой. К мнению А. Круазе полностью присоединяется Г.Ф. Церетели²², добавляя, что «Аргонавтику» окружает общий сумрак, куда вносят свет только искорки немногочисленных живых частей, к которым он относит некоторые изящные картины, отражающие реальную жизнь, некоторые сравнения и картины природы.

П. Гендель²³ в свою очередь видит у Аполлония две тенденции: с одной стороны, к разнообразию, оригинальности и, с другой стороны, к ученой обстоятельности, противопоставленные друг другу. По мнению Генделя, именно антитеза поэта и ученого выявляет эллинистический характер этого произведения.

В проведенном выше исследовании нами было установлено, что обе тенденции, отмеченные Генделем, обусловлены поэтической задачей автора, следовательно, в этом произведении выявляется не антитеза, а синтез поэта и ученого, и именно он отражает эллинистический характер поэмы. Таким образом, вопрос об уместности и правомерности ученого материала разрешается в его пользу.

Далее относительно техники введения ученого материала наши наблюдения в области первого приближения позволяют сделать некоторые замечания.

Оказывается, что географические и мифологические замечания делятся на два типа: замечания-приложения и замечания-экскурсы.

Замечание-приложение (определение) обычно реализуется непосредственно в тексте и дается в пределах одного предложения. Так, например, во II песне читаем:

²² *Аполлоний Родосский*. Указ. соч. С. 13.

²³ *Händel P.* Beobachtungen zur epischen Technik des Apollonios von Rhodos. Göttingen, 1964.

Они проехали мимо впадающей в море спокойнейшей реки Парфении, в которой дочь Латоны, собираясь взойти на небо после охоты, охлаждает приятной водой свое тело (II, 835–838), —

или в I песне:

Вслед за ним собрались (явились) и Клитий и Ифит, Эхалийские цари (владыки), сыновья жесткого (сурового) Эврита (I, 86–87).

Замечание-экскурс составляет уже небольшое отступление от времени и места действия и относится к действию как обстоятельство места или времени, например (II, 946–954): аргонавты прибыли в Ассирию, где жила некогда Синопа, обманувшая Зевса и Аполлона. Следует рассказ о Синопе (IV, 529–532); Феб дал Язону два треножника, когда сын Язона явился в Пифон, чтобы узнать об исходе плавания. Следует рассказ о свойствах треножника, данного Аполлоном.

Этиологические замечания обычно даются как итог какого-нибудь этапа сюжетного действия, например, когда аргонавты приносили жертвы Кибеле (песнь I), они в полном вооружении со странным шумом мечей и щитов пустились в пляс, чтобы заглушить горестные крики народа, погребавшего молодого царя Кизика: «...с тех пор всегда фригийцы возносят молитвы Рее с тимпанами и бубнами» (I, 1138–1139).

Этиологические экскурсы всегда несут в себе некоторую устремленность в будущее.

Первое приближение, таким образом, наглядно показывает тяготение Аполлония к разнообразию и пестроте, к излюбленной эллинистической *λοκίλμα*. Тема похода в этом отношении является благодатной. Она позволяет вводить в повествование самый разнообразный материал. Каждый новый день приносит новые места, следовательно, и новые сведения. Большой эффект достигается при сочетании стремления к разнообразию с ученой обстоятельностью, которые в этом случае, также как в отмеченном нами выше, не противоплагаются друг другу. Прекрасной иллюстрацией является каталог аргонавтов.

Каталог следует непосредственно за вступлением и занимает промежуточное положение между предварительными замечаниями о походе и началом действия поэмы. Это внушительный список действующих лиц, предпосылаемый в начале, чтобы не загромождать отступлениями действие в дальнейшем, обещающий огромный размах поэмы, задающий тон изложению — оно будет подробным и обстоятельным, показывающим мифологическую эрудицию автора.

Аполлоний последовательно представляет 55 участников похода начиная с Орфея и кончая Язоном. В центре каталога (100 строк от начала и 119 от конца) стоит Геракл. Трудно судить, насколько это сделано умышленно, но во всяком случае расположение героев между тремя наиболее яркими фигурами довольно эффективно. Представление героев — вовсе не сухой и однообразный перечень. Говоря о герое, он указывает его происхождение, место, где он живет, божественную одаренность или умение, бывшие подвиги его или его предков, личный мотив, побудивший принять участие в походе, некоторые обстоятельства из его жизни, предсказание судьбы.

Как можно видеть, количество выделяемых моментов довольно ограничено, и ни об одном герое он не говорит так, чтобы охватить все моменты.

Иногда представление героя оформляется в маленькую, в две-три строчки изящную новеллу. Представляя же Эвритиона и Эрибота, автор, не останавливаясь ни на одном из выделенных выше моментов, обыгрывает их имена и имена их родителей.

Следуя за ним явились Эвритион и мощный Эрибот, сыновья один — Телеонта, а другой Ира Акторида, а именно Эрибот был сыном Телеонта, а Эвритион — сыном Ира (I, 71-74).

В основном же Аполлоний выделяет два-три указанных выше момента, представляя героев, и поскольку содержание этих немногочисленных пунктов для каждого будет свое, создается чрезвычайно пестрая картина, дающая, однако, общее впечатление, что участники похода — действительно, как сказал Катулл в 64 стихотворении (4), «*lecti juvenes, Argivae robora pubis*».

Говоря о разнообразии и пестроте, наблюдаемой при первом приближении, необходимо отметить, что вариация здесь — способ подхода к материалу.

Далее разнообразие и оригинальность также способствуют занимательности поэмы. Внимание читателя, умело направляемое то на один предмет, то на другой, при таком распределении не успевает устать и остается напряженным. Вероятно, из-за стремления автора к оригинальности и вследствие попытки сохранить напряженное внимание Аполлоний отказывается от характерных для эпоса традиционных эпических сцен и повторов, потому что типические сцены и повторы могут отдалить и увести читателя от действия.

Вообще надо сказать, что Аполлоний чрезвычайно разнообразно ощущает дистанцию между автором и используемым материалом.

Так, например, мы, говоря об этиологических экскурсах, отмечали, что они устремлены в будущее, которое, безусловно, известно автору. Поэтому между автором и материалом устанавливается дистанция профетического характера, когда автору известно все, что должно случиться, а герои находятся в счастливом неведении.

Что же касается традиционных эпических сцен, то они у Аполлония отсутствуют и, следовательно, отсутствует свойственное Гомеру чувство дистанции между поэтом и происходящим.

У Гомера традиционные эпические сцены отдаляют от действия и показывают, что это действие происходило уже много раз, происходит сейчас и будет еще много раз происходить в будущем. Поэтому у Гомера эта дистанция велика.

У Аполлония же действие происходит только здесь и сейчас, и тем самым дистанция утрачивается.

Таким образом, у Аполлония есть профетическая дистанция знающего и нет дистанции показывающего.

Наконец последнее, что можно отметить, рассматривая поэму в первом приближении.

П. Гендель²⁴, ссылаясь на диссертацию Мемеля²⁵, говорит, что Аполлоний, давая вещи как феномены, одновременно позволяет видеть их психологическое содержание. Читатель же переживает это психологическое и через переживание постигает внешние события.

П. Гендель пишет: «Все, что чувствует поэт в истории Сфенела, он говорит только через определенную меланхоличность тона. У Гомера печаль и скорбь называются по именам, а не даются во впечатлении»²⁶.

Таким образом, существенно новое, что привносит Аполлоний в освещение событий — именно впечатление.

Второе приближение дает нам уже картину непосредственной организации материала по отношению к сюжетному действию, определяемому соответствующим элементом третьего приближения.

Единицей измерения во втором приближении является элемент первого приближения. Элемент второго приближения, являясь этапом развития действия, поглощает композиционные элементы, вычлняемые при первом приближении. Поэтому во втором приближении не может быть ни разнообразия, ни пестроты, что еще раз доказывает то положение, что вариация у Аполло-

²⁴ *Händel P.* Op. cit.

²⁵ *Mehmel F.* Valerius Flaccus. Hamburg, 1934.

²⁶ *Händel P.* Op. cit. S. 49.

ния является способом подхода к отбору материала, а не к его организации.

Во втором приближении речь идет об этапах развития действия, которые могут либо развивать его, находясь с ним в органической связи (действие), либо останавливать его, не уводя в сторону (комментарий), либо уводить действие в сторону (внесюжетное действие). Связь внесюжетного действия и комментария с действием сюжетным определяется как логическая.

Рассмотрим на выбор какой-нибудь элемент третьего приближения, например, эпизод на Лемносе.

Говоря о прибытии аргонатов на Лемнос, Г.Ф. Церетели замечает, что это — «первая большая дигрессия в монотонном ходе рассказа»²⁷.

Вряд ли можно согласиться с тем, что эпизод, действие которого происходит не в пути, а на одном месте, можно назвать дигрессией. Всевозможные остановки и задержки неразрывно связаны с путешествием. Под дигрессией мы понимаем большое отступление от времени и места действия, чего нет в эпизоде на Лемносе.

Рассмотрим, какие элементы вычлняются при втором приближении.

- 609–632. Авторский рассказ об истории лемноских женщин.
- 633–639. Реакция женщин на появление Арго.
- 640–652. Аргонавты шлют к женщинам Эфалида для переговоров.
- 653–707. Собрание лемноских женщин.
- 708–711. Ифиноя приглашает аргонатов в город.
- 717–720. Аргонавты собираются к женщинам.
- 721–770. Плащ Язона и его копьё.
- 775–841. Свидание Язона и Гипсипилы.
- 842–864. Аргонавты на Лемносе.
- 865–874. Геракл напоминает аргонатам о цели похода.
- 875–887. Аргонавты прощаются с женщинами.
- 888–910. Прощание Язона и Гипсипилы.
- 910–914. Отплытие с Лемноса.

Как можно видеть, при рассмотрении во втором приближении вычлняются этапы развития действия. В данном эпизоде этапы следуют один за другим в органической связи. В логической связи с ними стоят только авторский рассказ об острове, лемнианках и совершенном ими преступлении (609–632), а также плащ Язона (721–774).

---

²⁷ Аполлоний Родосский. Указ. соч. С. 8.

М.Е. Грабарь-Пассек²⁸, говоря об этом эпизоде, подчеркивает, что он не имеет абсолютно никакого значения для дальнейшего. Из этого можно заключить, что этот эпизод вообще не нужен, что его существование композиционно не обусловлено.

Однако это не совсем так. Аполлоний не мог пропустить рассказ о Лемносе, потому что Лемнос лежал на пути аргонавтов, и многие авторы до Аполлония разрабатывали эту тему. Без Лемноса рассказ о путешествии был бы неполным.

Функцию эпизода на Лемносе с точки зрения разделения всех моментов путешествия на сопутствующие и препятствующие не очень легко определить.

С одной стороны, пребывая на Лемносе, аргонавты выполняют волю Гефеста, покровителя этого острова, который не желал, чтобы остров оставался лишенным мужчин. Именно поэтому Афродита вложила любовь в сердца аргонавтов и лемнинок.

Таково объяснение пребывания аргонавтов на Лемносе с божественной точки зрения.

Если же учесть то обстоятельство, что аргонавты, предаваясь на острове веселью с прекрасными девушками, почти забыли о цели своего похода, и для того, чтобы всех их вернуть на корабль и продолжать путешествие, понадобилось вмешательство Геракла, который не принимал участия в празднествах, то можно считать этот эпизод препятствующим.

Главным препятствующим началом здесь выступает чувство, а именно любовь. В этом отношении эпизод является прелюдией к тому главному моменту, когда любовь будет не только сопутствующей, но и единственно необходимым средством для достижения цели.

Остановимся в заключение на третьем приближении, которое показывает общее движение материала и взаимодействие этапов развития действия, представляя определенный конструктивный план поэмы Аполлония.

Обычно, говоря об общем строении поэмы Аполлония, исследователи²⁹ выделяют в ней две основные части: путь в Колхиду и возвращение. Нам кажется, что поэма Аполлония конструктивно распадается на три части. По мнению Г. Дакворса³⁰, трехчастная система общего деления была наиболее характерна для большого эпоса.

²⁸ Грабарь-Пассек М.Е. Указ. соч. С. 83.

²⁹ М.Е. Грабарь-Пассек, Г.Ф. Церетели, О. Куа.

³⁰ Duckworth G.E. Structural patterns and proportions in Virgil's Aeneis. A Study in mathematical composition. Ann Arbor, 1962.

Так, он выделяет три основные части (I–VII, VIII–XII, XIII–XXIV) в «Илиаде», усматривает трехчастную структуру «Одиссеи», а в «Энеиде», по его мнению, трехчастна не только общая структура поэмы, но и каждая песня (например, в I песне: 1 — пролог, Юнона и буря, II — эпизод с Венерой, III — троянцы в Карфагене).

Поэма Аполлония тоже делится на три главные части: путь в Колхиду, совершение подвига и похищение руна, возвращение на родину.

I часть включает I и II песни. Между этими песнями нет четкого существенного различия. II песня не имеет самостоятельного вступления, а начинается с наречия *ἐνθα* и продолжает рассказ о земле бекриков, начатый в I песне.

II часть включает III и начало IV песни (бегство Медеи и похищение руна). Хотя эти песни отделены друг от друга вступлением, но во вступлении поэт обращается к той же Музе, что и во вступлении к III песне, и в обоих вступлениях говорится о Мееде.

III часть начинается с IV, 210 и идет до конца IV песни. Выясняется, что рассказ о путешествии и рассказ о подвиге Аполлоний строит по разным композиционным принципам.

В рассказе о путешествии *οἰκονομία* поэмы подчиняется некому риторическому принципу. Все события делятся на сопутствующие и препятствующие продвижению аргонавтов вперед. Все, что не сопутствует, — препятствует, все, что не препятствует, — сопутствует.

Таким образом, все путешествие легко унифицируется и представляет некое единство.

Мотивировка выбора частей — внешняя, это мотивировка путешествием, мотивировка маршрутом, так как речь идет о тех местах, по которым лежит путь. Некоторые остановки во время пути имеют божественную мотивировку — необходимость умиловить то или иное божество, но и она чисто внешняя.

В центральной части поэмы, в части подвига, *οἰκονομία* подчиняется совсем иному принципу, а именно — драматическому³¹.

Драматизм так постоянно чувствуется в отдельных сценах путешествия, что немецкий исследователь Ф. Штёссль³², на которого ссылается П. Гендель, видит в поэме Аполлония «сокращения» недошедших до нас трагедий (например, в эпизоде убийства Апсирта).

³¹ В настоящей статье мы не рассматриваем этот вопрос подробно, поскольку он является темой специального исследования.

³² *Stössl F.* Apollonios Rhodios. Interpretationen zur Erzählungskunst und Quellenverwertung. Bern, 1941.

Цель, преследуемая аргонавтами, похищение руна, неосуществима без вмешательства Медеи. А Медею может толкнуть на помощь аргонавтам только одно чувство — любовь (чувство, которое Аполлоний характеризует как зло, чуму, наваждение, бедствие для людей, поскольку оно заставляет людей совершать преступления, в которых человек по окончании наваждения раскаивается).

Пользуясь тем, что любовь является единственным средством для достижения цели, Аполлоний делает ее центральным моментом, которому он уделяет максимальное внимание. Отсюда и психологический характер мотивировки событий в этой части поэмы.

Роль божественного плана поэмы разработана в исследовании Л. Клайна³³, в работах Г.Ф. Церетели и М.Е. Грабарь-Пассек о нем делаются замечания, которые мы полностью принимаем. В композиционном отношении божественный план имеет следующие функции. 1) обоснование вводимого мотива (мотиву любви Медеи, столь новому в эпосе, предшествует его божественное обоснование), 2) подчеркивание значительности, важности происходящего (когда Арго снаряжен и спущен на воду, все боги любят его), 3) традиционное вмешательство богов в особенно опасных для героев обстоятельствах (Афина проталкивает корабль между скал, Гера поднимает крик, чтобы заставить аргонавтов изменить курс, Фетида с nereидами проводят корабль между Сциллой и Харибдой и т. д.).

Результаты исследования поэмы Аполлония Родосского с помощью трех приближений позволяют установить, что композиция поэмы построена по четкому плану, что две стороны композиции — отбор материала и его организация неразрывно связаны с поэтической задачей автора, и это является доказательством несомненно внутреннего единства композиции поэмы, своеобразие которой обусловлено синтезом поэта и ученого, столь характерного для эпохи эллинизма.

---

³³ Klein L. Op. cit.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОЧНИКАХ «АРГОНАВТИКИ» АПОЛЛОНИЯ РОДОССКОГО

Теон-грамматик, один из четырех грамматиков, чьи работы легли в основу при составлении схолий к «Аргонавтике», в своем труде *Τέχνη περὶ προϋμνασμάτων*¹ приводит следующее, ставшее традиционным высказывание: ἀνάγνωσις τροφή λέξεως. Теон не утверждает, что эти слова относятся именно к Аполлонию, автору «Аргонавтики», однако таким высказыванием метко характеризуется не только творчество этого поэта, но и определенная тенденция александрийской поэзии. Οὐδὲν ἀμάρτυρον — постулирует школа Каллимаха², эстетическую программу которой Аполлоний, несомненно, принимал, несмотря на все разногласия, связанные с пониманием формы, разногласия столь серьезные, что результатом их во многом был конфликт между учителем и учеником. Каллимах, не желая идти по проторенному пути создания больших эпических поэм, старается выбирать не общеизвестные и разработанные, а малоизвестные и литературно не освещенные мифологические сюжеты, для поэтического воплощения которых была естественна малая форма. Аполлонию, обратившемуся к знаменитому сказанию об аргонавтах, которое восходит к истокам греческой истории и получило на протяжении веков многообразное освещение в литературе, посчастливилось среди множества разработанного материала найти тему, которая прежде не получала сколько-нибудь систематического изложения³.

Тема похода аргонавтов, затрагивающая глубины мифологии и никем до Аполлония полностью не разработанная, была как раз тем «незамутненным источником», о котором говорил Каллимах. Эта

¹ *Rhetores Graeci* / Ed. C. Walz. Vol. 1. Stuttgart, 1832.

² У Каллимаха читаем: ἀμάρτυρον οὐδε ἀεῖδω (Fr. 442 Schneid. = Fr. 612 Pfeiff.).

³ В начале поэмы Аполлоний достаточно четко определяет свою тему, ограничивая область своего повествования от всего цикла сказания об аргонавтах ссылкой на своих предшественников: Νῆα μὲν οὖν οἱ πρόσθεν ἐπικλείουσιν ἄοιοι Ἄργον Ἀθηναίης καμέειν ὑποθημοσύνησιν. νῦν δ' ἂν ἐγὼ γενεῆν τε καὶ οὐνομα μῆθησάμην ἠρώων, δολιχῆς τε πόρους ἄλός, ὅσα τ' ἔρεξαν πλαζόμενοι Μοῦσαι δ' ὑποφήτορες εἶεν ἀοιδῆς (I, 18–22).

тема, относящаяся не к локальному и темному, а к общегреческому и общеизвестному мифу, при своей значимости и масштабе требовала не малой, а большой формы — эпоса гомеровского образца. Принимая эту форму, Аполлоний вносит в традиционный героический эпос отнюдь не традиционный материал, иное мироощущение и новое художественное восприятие действительности, свойственное эллинистическому ученому поэту. Он пользуется внешней формой большого эпоса как вместилищем нового, специфически эллинистического содержания.

Богатство, неисчерпаемость возможностей эпоса обуславливают его жанровую жизнеспособность даже при качественно новом материале и на новом идейно-эстетическом уровне. При этом поэт, разумеется, придерживается в основном традиционных эпических норм, соблюдает требования, предъявляемые к эпической поэзии гомеровского образца.

Однако при всем влиянии великого поэта на Аполлония, при всех довольно многочисленных композиционных, стилистических и языковых «гомеризмах», при несомненной общей стилизации в духе Гомера, отнюдь не следует ставить основной задачей Аполлония реставрацию гомеровского эпоса как такового. При подобной постановке вопроса на первый план выдвигается несоответствие всего нового, что вдохнул в свое произведение Аполлоний, привычным понятиям о гомеровском эпосе, и поэма воспринимается, в первую очередь, как неудачная попытка подражать Гомеру.

Новое специфически-эллинистическое содержание, новые эстетические принципы, реализовавшиеся в принятой жанровой форме, со своей стороны вызвали некоторые сдвиги старого эпического канона.

У Аполлония большой эпос подвергается весьма существенному изменению, захватывающему также и его жанровую структуру, при введении чужеродного, с точки зрения традиционного эпоса, материала и его типично эллинистического поэтического освоения.

Не требует особых доказательств то обстоятельство, что с отказом от большого эпоса и созданием малых жанров новизна и специфичность содержания и новшества поэтической обработки в произведениях александринов воспринимаются как необходимый элемент жанрового целого, в рамках которого неприемлемые для традиционного эпоса черты (в частности, введение «ученого» материала) оказываются естественными и нормативными⁴.

⁴ Немецкий исследователь поэтической техники Аполлония П. Гендель подчеркивает сходство творческого метода и направленности интересов Аполлония и Каллимаха. Признавая права поэтов «малой формы» («новой поэзии», по его

При внешне традиционной форме поэма Аполлония обладает весьма существенными особенностями своей внутренней структуры, и, несмотря на это, она в основном рассматривается только с точки зрения ее проекции на гомеровский образец, тогда как, принимая во внимание те специфические черты, которые качественно отличают ее от традиционного эпоса, можно говорить о том, что она образует своеобразное жанровое явление.

При изучении специфических черт поэмы Аполлония мы, таким образом, сталкиваемся с вопросом о содержащемся в «Аргонавтике» разнообразном материале, который является плодом учености поэта.

Место и роль, «жизнь» этого материала в поэме во многом определяют специфичность «Аргонавтики» как особого жанрового явления.

Следует также уяснить отношение Аполлония к существовавшей в его время научной, мифологической и поэтической традиции сказания об аргонавтах. При этом нужно иметь в виду, что в задачу ученого поэта вовсе не входило изобретение материала как его сочинение, а изобретение как изыскание и нахождение в уже имеющемся, накопленном традицией. Сказание об Аргонавтах на протяжении веков получило широкое и многообразное освещение в древнегреческой литературе. Гомер говорит об известном всем корабле Арго, который достиг царства Ээта, пройдя через Планкты⁵.

Гесиод в «Теогонии» в нескольких строках рассказывает историю похода аргонавтов: пророчество, данное Пелию, подвиг Язона, побег Медеи, обратный путь на родину.

Эпические поэты Эвмел, Агий Трезенский и неизвестный автор «Навпактий» упоминают о путешествии Язона и также сообщают некоторые подробности.

Неоднократно обращается к циклу об аргонавтах Пиндар. В IV Пифийской оде он рассказывает обо всем путешествии; также и

выражению) на использование научного, в частности этиологического, материала, он допускает тем самым принципиальную сочетаемость «научного» и «повествовательного». Когда же речь заходит об Аполлонии, то здесь то же самое гармоническое сочетание «повествовательного» с «научным» он воспринимает как резкое несоответствие одного другому и сочетания их «большому эпосу», полагая, что в данном случае именно это несоответствие носит «истинно эллинистический характер» (*Händel P. Beobachtungen zur epischen Technik des Apollonios Rhodios. München, 1954. S. 49.*)

5

Только один, все моря обежавший, корабль невредимо
Их миновал — посетитель Ээта, прославленный Арго,
Но и его на утесы бы кинуло море, когда б он
Там не прошел, провожаемый Герой, любившей Язона.

(Od. XII, 69–73; пер. В.А. Жуковского)

во фрагментах содержатся отрывки, относящиеся к этому циклу: о Фриксе (Fr. 49 Snell), о городе (Fr. 273), о воспитании Язона Хироном (Nem. III, 54), об участии в походе Пелея (Fr. 172), об Эргине (Ol. V, 24).

Дифирамбическому поэту IV в. до н. э. Телесту принадлежит дифирамб об Арго.

Трагики, также, разумеется, не оставили без внимания историю, изобилующую драматическими ситуациями.

Эсхил, по мнению исследователей, написал трилогию «Арго» (Fr. 20–21 Nauck-Snell)⁶, «Гипсипилу» (Fr. 247–248), «Кабиры» (Fr. 95–97), трагедию «Финей» (Fr. 258–260).

Софоклу принадлежали трагедии «Лемнианки» (Fr. 353–357) и «Колхи» (Fr. 312–323).

Еврипид — автор трагедии «Фрикс» (Fr. 819–838), «Ино» (Fr. 398–427) и «Медея».

История Медеи послужила сюжетом для драм Неофрона, Биона, Каркина, Дисеогена.

Антимах в «Лиде», разрабатывая мифы на любовные сюжеты, уделяет значительное внимание истории Язона и Медеи.

Судя по фрагментам, тему путешествия аргонавтов разрабатывал и Каллимах в «Причинах».

Весьма многочисленны прозаические произведения, затрагивающие тему аргонавтов. В схолиях упоминаются и цитируются достаточно часто такие историки-логографы, как Гекатей Милетский⁷ (Fr. 17 — бегство Фрикса, Fr. 18a, 302e — возвращение аргонавтов), Гелланик (Fr. 126 об Афаманте), Акусилай (Fr. 39 — Фрикс на Иофосе), Геродор (Fr. 5–10), Ферекид и др.

Помимо перечисленных выше произведений, которые были специально посвящены поэтической или прозаической разработке эпизодов цикла об аргонавтах, существовали и другие, написанные в различных жанрах на иные темы, но также послужившие трофій поэме Аполлония.

Известны многочисленные «Гераклеиды», эпические произведения и компиляции в прозе и стихах, авторами которых были Кинетон, Креофил, Пизандр, Писин, Паниасий, Геродор, Фэдим, Диотим, Демарат, Конон, Демодок.

Аполлоний, вероятно, изучал сочинения об основании Гераклом колоний, написанные Проматидом и Каллистратом. Широко

⁶ Tragicorum graecorum fragmenta / Rec. A. Nauck, suppl. add. B. Snell. Hildesheim, 1964.

⁷ Die Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. von F. Jacoby. Teil I. A Text. Leiden, 1957.

использовались им местные хроники и трактаты по географии⁸, например работы Асклепиада о Вифинии, Каллисфена, соратника Александра, о портах и побережье Черного моря и многие другие.

Схолии упоминают в различной связи и лириков — Алкея, Алкмана, Анакреонта, Архилоха, Вакхилида, Ивика, Коринну, Сапфо.

Аполлоний, по всей вероятности, интересовался и философскими произведениями. Начало песни Орфея (I, 496–511) отражает его знакомство с учением Эмпедокла⁹.

Представление о круге чтения Аполлония мы можем составить только с некоторой степенью точности. Схолиасты¹⁰, помещая к тексту обширные грамматические, географические, исторические комментарии, охотно указывают возможные источники Аполлония. В схолиях упомянуто более 200 имен древних авторов, а на деле их могло быть и больше¹¹.

Можно предположить также, что сопоставление соответствующих мест из Аполлония с фрагментами прозаических и научных произведений было вполне правомерно, так как Аполлоний, вероятно, полагался на достоверность используемых им данных и не стремился внести собственный вклад в историческую или географическую науку.

Однако схолиасты, помещая к тексту достаточно полный и разнообразный комментарий, вовсе не занимались критикой текста в современном смысле этого слова. Поэтому к их суждениям следует относиться с осторожностью, особенно при сопоставлении текста Аполлония и его поэтического источника. В подавляющем боль-

⁸ Исследователи творчества Аполлония не раз отмечали преимущественную направленность его научных интересов на географию и этиологию. О географии у Аполлония см.: *Walter R. De Apollonii Rhodii Argonauticorum rebus geographicis*. Halle, 1894; *Delage E. La géographie dans les Argonautiques*. Bordeaux; Paris, 1930.

⁹ Пел он о том, как когда-то и суша, и небо, и море,
Раньше друг с другом в одну перемешаны будучи форму,
В гибельной распре затем отделились одно от другого...

(I, 496–498; пер. Г. Церетели)

¹⁰ Схолии к «Аргонавтике», обширные и достаточно полные, дошли до нашего времени в хорошей сохранности, см.: *Scholia in Apollonium Rhodium vetera / Rec. C. Wendel*. Berlin, 1958. О схолиях см.: *Berckmann F. De scholiis in Apollonii Rhodii Argonautica Etymologici Magni fonte*. Bonnae, 1894; *Deicke L. De scholiis in Apollonium Rhodium quaestiones selectae*. Göttingae, 1901; *Wendel K. Die Überlieferung der Scholien zu Apollonios Rhodios*. Berlin, 1932.

¹¹ Обозревая все богатство художественной и научной литературы, послужившей «пищей» для «Аргонавтики», О. Куа замечает, что александрийский библиотекарь, один из образованнейших людей своего времени, Аполлоний «имел достаточно терпения, чтобы все прочесть и достаточно честолюбия, чтобы ничего не забыть» (*Couat Aug. La poésie Alexandrine sous les trois premiers Ptolémées*. Paris, 1882. P. 302).

шинстве случаев установить точную степень заимствования невозможно. Несомненно, Аполлоний как ученый поэт имел перед собой огромное количество образцов, но, поскольку большинство их потеряно, критика за неимением доказательств часто идет по пути конъюнктур.

Иной раз схолиаст, указывая на сходство Аполлония с одним автором и отличие его от другого, выделяет те традиции, которым он следовал, и те, которым не следовал, но почти всегда остается неизбежным вопрос, насколько эти сходства и несходства умышленны или случайны.

И все же порой именно схолии помогают нам понять влияние на Аполлония того или иного автора, выявить характер зависимости поэта от образца и принцип заимствования.

Так, во II песне (911–929) Аполлоний рассказывает, что аргонавты, миновав реку Каллихор, проплывали мимо могилы Сфенела, сотоварища Геракла, участвовавшего вместе с ним в войне с Амазонками и умершего во время возвращения с войны. Когда аргонавты проплывали мимо, Сфенел Акторид (вернее, его душа) упросил Персефону отпустить его наверх, чтобы хоть немножко (τιτθόν) посмотреть на доблестных мужей, и его призрак явился над курганом во всеоружии, в сверкающем шлеме с развевающейся гривой, отсвечивающей красным. Пораженные этим неожиданным зрелищем аргонавты по совету прорицателя Мопса пристали к берегу, совершили возлияния, принесли жертвы в честь Аполлона и в честь Сфенела, а Орфей в этом месте посвятил свою лиру, отчего оно стало называться λύρη.

Вот что по этому поводу говорится в схолиях (II, 911–914):

«В Пафлагонии находится могила Сфенела, сына Актора, который, сразившись против Амазонок вместе с Гераклом, на обратном пути был ранен и умер, проходя через Пафлагонию. История о Сфенеле взята у Проматида. Рассказ о призраке автор выдумал сам».

Последнее замечание показывает нам, что Аполлоний разыскивал у других авторов факты, которые каким-нибудь образом относились к его теме (в данном случае Аполлония заинтересовала история, рассказанная Проматидом лишь потому, что Пафлагония лежала на маршруте Арго). Найдя такое место, он придал ему драматический колорит и включил в действие по собственному усмотрению. Здесь Аполлоний вводит данный эпизод для того, чтобы подчеркнуть значение похода и доблесть участников (желая взглянуть на них, Сфенел даже покинул Аид) и, наконец, чтобы объяснить, почему это место называется λύρη.

П. Гендель в связи с описанием этой встречи пишет: «Все, что чувствует поэт в истории Сфенела, он передает через определенную меланхоличность тона. У Гомера же печаль и скорбь называются по именам, а не выражаются во впечатлении»¹².

Здесь, таким образом, подчеркивается очень важный момент: для Аполлония является существенным не только сам факт, но и действие этого факта, впечатление от него¹³.

Продолжая речь о значении схолий, можно также добавить, что они содержат соотнесенные с текстом Аполлония отрывки из произведений, вообще не дошедших до нас. Благодаря этому мы можем получить хотя бы самое общее представление об этих произведениях. Иногда в схолиях находятся цитаты из произведений, дошедших только во фрагментах. В этом случае добавления, почерпнутые из схолий, также очень ценны, так как они позволяют более отчетливо представить произведение, которое схолиаст сопоставляет с тем или иным местом поэмы Аполлония.

Так, данные схолий позволяют до некоторой степени наблюдать отношение текста Аргонавтики к произведениям Каллимаха, таким, как «Айтии», «Ямбы», «Гекала», дошедшим в далеко не лучшей сохранности (местами в виде весьма бессвязных отрывков).

При исследовании сопоставленных схолиастом отрывков намечается несколько групп аналогий.

Одну из них образуют аналогии географических названий. Так, и Аполлоний, и Каллимах упоминают гору Парфению и реку Имбрас.

У Аполлония (I, 187): Ἴμβρασίης ἕδος Ἵρης Παρθενίην.

У Каллимаха: ἀντὶ γὰρ ἐκλήθης Ἴμβρασε Παρθενίου (Fr. 213 Schneid. = Fr. 599 Pfeiff.).

И тот, и другой упоминают Рипейские горы.

Аполлоний (IV, 286–287): ...ληγαὶ γὰρ ὑπὲρ πνοιῆς βορέαιο Ῥιταίους ἐν ὄρεσιν ἀλόφροθι μοριύρουσιν.

Каллимах: Ῥιταίους πέμλουσιν ἀπ' οὐρέος ἤχι μάλιστα (Fr. 215 Schneid. = 186, 9 Pfeiff.).

Говоря о посылаемом Апсирту в подарок пеплосе, сотканном для Диониса Харитами, который отдала Гипсипила Язону, Апол-

¹² Händel P. Op. cit. S. 48.

¹³ Ф. Мемель отмечает способность Аполлония, с одной стороны, подавать вещи как феномены и также одновременно, с другой стороны, позволять видеть их психологическое содержание. Читатель, следовательно, переживает данный феномен психологически и через свое внутреннее переживание постигает внешнее событие. Ссылка на Ф. Мемеля (*Mehmel F. Valerius Flaccus. Hamburg, 1933*) дается у П. Генделя (*Händel P. Op. cit. S. 49*).

лоний употребляет название «Диа» или «Дия» (IV, 425), древнее название острова Наксоса, посвященного Дионису, где, по преданию, Тезей оставил Ариадну¹⁴.

У Каллимаха: ἐν Δίῃ· τὸ γὰρ ἔσκε παλαιότερον οὖνομα Νάξω (Fr. 163 Schneid. = 601 Pfeiff.)

Подобного рода аналогии подмечены также между следующими отрывками:

Аполлоний (IV, 983) = Каллимах (Fr. 336 Schneid. = 15 Pfeiff.).

Аполлоний (II, 16) = Каллимах (Fr. 100 Schneid. = 464 Pfeiff.).

И Аполлоний, и Каллимах упоминают о племени халибов, добывающих и обрабатывающих железо:

Аполлоний (I, 1323) = Каллимах (Fr. 35^c Schneid. = 110, 48–49 Pfeiff.) и II, 375 = Fr. 35^c Schneid. = 110, 48–49 Pfeiff.)¹⁵.

Следующую группу составляют лексические аналогии, когда оба поэта употребляют одно и то же слово (иногда редкое), эвфемизм, когда налицо совпадение целого стиха.

Так, Аполлоний (I, 669) употребляет более редкую форму ῥυκνοῖσιν вместо ῥυσοῖς. У Каллимаха (Fr. 49 Schneid. = 250, 51–52 Pfeiff.) καὶ μὰ τὸ ῥυκνὸν σῦφαρ ἐμόν.

Объясняя значение глагола δόλλω у Аполлония (I, 1008), схолиаст приводит цитату из Каллимаха с этим же глаголом (Fr. 167 Schneid. = Fr. 522 Pfeiff.). Таков же характер аналогий следующих отрывков: Аполлоний (I, 1162) = Каллимах (Fr. 275 Schneid. = Fr. 259 Pfeiff.); Аполлоний (I, 1353) = Каллимах (Fr. 277 Schneid. = Fr. 10 Pfeiff.), Аполлоний (III, 1150) = Каллимах (Fr. 278 Schneid. = Fr. 260, 67 Pfeiff.).

Аполлоний и Каллимах употребляют слова ἀκαμή (Апол. III, 1323 = Каллимах Fr. 214 Schneid. = Fr. 24, 6 Pfeiff.) и χαίον (Апол. IV, 972 = Каллимах Fr. 125 Schneid. = Fr. 292 Pfeiff.), которые в словаре Лидделла-Скотта помечены как встречающиеся только у этих двух авторов.

¹⁴ Любопытно, что в эпиллии «Свадьба Пелея и Фетиды» при описании знаменитого брачного покрывала Катулл тоже употребляет название Дия, а не Наксос (LXIV, 52).

¹⁵ Frg. 35^c Schneid. = 110, 48–49 Pfeiff. — Coma Berenicens. В катулловоом переводе строка Каллимаха звучит:

Juppiter, ut Chalybon omne genus pereat

и далее:

Et qui principio sub terra quaerere venas
Institit ac ferri frangere duritiem

Наблюдается также совпадение целого стиха:

Аполлоний (I, 1309) = Каллимах (Fr. 212 Schneid. = Fr. 12, 6 Pfeiff.).

В схолиях содержатся также ссылки на несохранившиеся места из Каллимаха, которые в издании фрагментов даются по данным схолий.

Комментируя эпизод с ливийскими героинями (IV, 1322), схолиаст приводит цитату из Каллимаха:

δέσποινα Διβύης ἡρώϊδες, αἱ Νασαμώνων αἴλιν καὶ δολιχὰς θίνας
ἐπιβλέετε, μητέρα μοι ζώουσαν ὀφέλλετε

(Fr. 126 Schneid. = Fr. 602 Pfeiff.).

Виламовиц-Мёллендорф¹⁶ видит здесь прямую связь текстов Аполлония и Каллимаха, утверждая, что этот отрывок из последнего посвящен походу аргонавтов. В противном случае непонятно, пишет Виламовиц, как может эллин, чья мать так далеко от Ливии, просить ливийских героинь сохранить ее в целостности и сохранности. Ситуация становится ясной, если привлечь текст Аполлония, где сообщается приказ богинь: «Матери вы своей по заслугам воздайте награду за те труды, что она претерпела, нося вас во чреве» (IV, 1327–1328).

Далее слова героинь разгадываются и следует описание путешествия с Арго на руках.

В другом месте схолиаст, сопоставляя Аполлония (IV, 301) и Каллимаха (Fr. 563 Schneid. = Fr. 9 Pfeiff.), сопровождает сопоставление мифографических версий замечанием: φησὶ δὲ Ἀπολλώνιος ὑλοστρέφαι αὐτοὺς ἐναντίως Καλλιμάχῳ.

Исследование даже таких скудных данных схолии все же позволяет сделать некоторые замечания о характере зависимости Аполлония от Каллимаха. Как можно видеть, заимствования (или совпадения) находятся главным образом в плане изобретения материала. От ученого поэта требовалась богатая эрудиция, и важным требованием к тексту была демонстрация учености, что подразумевало помещение в текст всевозможного фактического материала, почерпнутого из различных источников. Освящение традицией, ссылка на авторитет, достигаемые порой цитатой из известного автора, помещенной без изменений, порой употреблением одного и того же редкого слова, географического названия и др., — все это должно

¹⁶ Wilamowitz-Möllendorff U. von. Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos. Bd. 2. Berlin, 1924. S. 173. Здесь Виламовиц, утверждая, что Аполлоний придерживался Каллимаха, особенно ввиду того, что сохранились стихи Каллимаха в схолии, предполагает все же, что сходство было самым общим и не затрагивало подробностей.

было производить на читателя благоприятное впечатление. Таков у Аполлония основной принцип освоения научных источников, и с таких же позиций, как можно видеть, он относится к своему учителю и литературному противнику, которого воспринимает и использует как научный авторитет.

При этом Аполлоний оставляет за собой право располагать почерпнутый материал, оперировать им по своему усмотрению, совершенно в иной связи, чем у Каллимаха¹⁷.

Не располагая полным текстом «Причин» Каллимаха, весьма трудно судить о различии динамики и структуры повествования в тех местах, где поэты разрабатывают одну тему¹⁸. Такой общей темой, возможно, была история о Кизике. Ф. Штёссль высказал предположение, что источником ее было эпическое произведение¹⁹. П. Гендель²⁰ в главе о Кизике указывает на сходство рассказа Аполлония о замене аргонавтами около ключа Артакии якорного камня по настоянию Тифиса, которое Аполлоний помещает в начале повествования о Кизике, с историей о якорном камне, которую Каллимах помещает в конце «Причин» (Fr. 108–109 Pfeiff.). Гендель замечает, что определить соотношение рассказов весьма трудно, поскольку то, что дошло от Каллимаха, не позволяет сделать определенного вывода. Все же с уверенностью Гендель может говорить о том, что и у Каллимаха фигурирует источник Артакия. При этом неясной остается роль Тифиса у Каллимаха²¹.

Гендель стремится отыскать фрагменты, по которым можно было бы более точно судить о соотношении отрывков, ищет возмож-

¹⁷ Так, Виламовиц указывает целый ряд фрагментов Каллимаха, где содержатся данные, совершенно не затрагивающие тему аргонавтов, но все же использованные Аполлонием в поэме (например, Fr. 112 Schneid., где Каллимах упоминает остров Θήρα совсем не в той связи, что Аполлоний).

¹⁸ Еще в прошлом веке Г. Кнаак искал истоки некоторых эпизодов у Аполлония в «Причинах» Каллимаха (*Knaack G. Zu den Aitien des Kallimachos // Hermes. 1883. 23. S. 131–141*).

¹⁹ *Stöpl F. Apollonios Rhodios. Interpretationen zur Erzählungskunst und Quellenverwertung. Bern, 1941. S. 10*. В творчестве Аполлония явно чувствуется влияние драматической традиции, это заставило Ф. Штёссля утверждать, что ряд эпизодов поэмы, такие, как эпизод на Лемносе, отправление из Пагасейского залива, свадьба на Керкире, убийство Аспирта, восходят к трагическим оригиналам и суть «сокращения» аттических трагедий. Историю о Кизике он рассматривает также с точки зрения принадлежности драме и, придя к выводу, что она имеет иные эпические корни, высказывает неудовлетворенность построением повествования, что объясняет использованием неудачных источников.

²⁰ *Händel P. Op. cit. S. 50*.

²¹ В дальнейшем Гендель все же высказывает более определенное мнение об этом эпизоде, говоря, что здесь видна вариация по отношению к Каллимаху (*Händel P. Op. cit. S. 124*).

ность определить более общие и существенные стороны принципов использования источника.

Эта задача вполне удается Генделю при сопоставлении отрывков Аполлония (IV, 1209 и сл.) и Каллимаха (Fr. 12 Pfeiff.), а также (IV, 516 и сл.) и (Fr. 11 Pfeiff.). Гендель приходит к выводу о том, что Аполлоний, хорошо знакомый с произведением Каллимаха²², стремится дополнить и исправить его данные таким образом, чтобы его собственная версия стала видна наиболее ясно. Таким образом, в отношении использования источников можно видеть тенденцию к вариации, которую Гендель считает одним из основных принципов поэтической техники Аполлония²³.

Ориентируясь на вкус и уровень образования эллинистического читателя, Аполлоний в рассказе о тех или иных событиях, ранее литературно освещенных его предшественниками, не может позволить себе излагать старое в старом же духе. Он неизбежно имеет перед глазами тот или иной образец и предполагает, что читателю этот образец также известен. Поэтому Аполлонию приходится, кратко упоминая факты, собранные у своих предшественников, выдвигать на передний план результаты собственного поэтического вымысла.

Так, в начале поэмы, после краткого вступления²⁴ следует предыстория похода, занимающая всего лишь 12 строк (I, 5–17), в которой Аполлоний успевает упомянуть пророчество, данное Пелию, переход Язоном вброд реки Анавр, при которой он потерял

²² *Händel P. Op. cit. S. 52–53.*

²³ Интересно высказывание К. Лерса, которое приводит П. Гендель, говоря о характере заимствования из Каллимаха: *Acumen doctrinamque quaerit in exemplari deflectendo, non ut lateat imitatio, sed ut pateat (Lehrs K. De Aristarchi studiis Homericis. 3. Aufl. S. 70, Anm. 43; Händel P. Op. cit. S. 52).*

²⁴ При анализе вступления большинство исследователей обращает внимание на необычность обращения Аполлония к Фебу вместо традиционного гомеровского обращения к Музе. К. Блюмберг видит в этом влияние гимнической, а не собственно эпической традиции (*Blumberg K. Untersuchungen zur epischen Technik des Apollonios von Rhodes. Leipzig, 1930. S. 7*). Впрочем, известны случаи, когда в начале поэмы вообще нет обращения к богам, а поэма начинается с постановки темы:

Ἦλον ἀεῖδω καὶ Δαρδανίην ἐβπλοῶν,
ἧς πέρι πόλλ' ἔπαθον Δαναοί, θεράποντες Ἴαρος

(*Pias Parva, Fr. 1 Bethe*).

В начале поэмы Квинта Смирнского «Послегомеровские события» отсутствуют как воззвание к божеству, так и определение темы. Первые же строки, по замыслу автора, должны подчеркнуть непосредственное продолжение Гомера. Конец «Илиады»:

Так погребали они конеборного Гектора тело.

сандалию, его приход на пир Пелия в честь Посейдона и других богов, кроме Геры (причина вражды Геры к Пелию), приказание Пелия отправляться за золотым руном. В этом необычайно кратком сообщении указывается, что события следуют одно за другим αἴθη (I, 11) и αἴψα (I, 15).

Такое уплотнение событий приводит к тому, что поэт двигает действие в явной несоразмерности. Вероятно, именно поэтому далее в поэме содержатся необходимые дополнения к этой краткой предыстории.

Становится, например, известно (II, 1194), что Язон отправляется в Колхиду, чтобы совершить жертву Фриксу:

...я жертву за Фрикса

Еду свершить из-за гнева Зевесова на Эолидов.

(II, 1194–95; пер. Г. Церетели)

Арг, внук Ээта, рассказывая ему о прибывших в Колхиду аргонавтах (III, 332–336), о цели и причинах их путешествия, говорит:

Если же хочешь узнать ты, зачем, от тебя я не скрою,

Этого мужа царь некий, желая изгнать из отчизны

И сокровищ лишить, потому что он всех Эолидов

Мощью превысил своей, с тем послал его в путь, чтобы ехал

Он непременно сюда, говорил, будто сам не уйдет он

От душепагубной мести и гнева сурового Зевса

И от кощунства нестерпимого, и от возмездия Фрикса

Всем Эолидам, пока руно не вернется в Элладу.

(IV, 332–339; пер. Г. Церетели)

Таким образом, во вступлении к поэме сообщаются только самые краткие сведения, которые, однако, могут быть раскрыты более подробно в дальнейшем тексте. В предыстории Аполлоний намекает на причину враждебности Геры к Пелию, но не говорит ничего о причине ее дружелюбия к Язону, а между тем ее встреча с Язоном, когда он перенес ее через поток и тем самым завоевал ее симпатию, произошла у того же Анавра, где Язон позднее потерял свою сандалию²⁵. Читатель узнает об этом только в третьей песне из рассказа самой Геры:

Начало поэмы Квинта:

После того, как погиб от руки Ахиллесовой Гектор,

Тело предали огню и останки в земле схоронили,

В граде Приама остались троянцы, обьятые страхом...

(I, 1–3).

²⁵ Исследуя этот момент, П. Гендель (*Händel P. Op. cit. S. 13*) замечает, что Аполлоний в одинаковой мере владеет искусством «обязательной» и «необязательной» этиологии. Под «необязательной» этиологией Гендель понимает случаи,

...и допрежь для меня Эзонид был любезен,
С дня того, как у устья Анавра в пору разлива
Повстречался он мне, людей испытующей честность,
На возвратном пути с охоты. От снега белели
Горы и кручи скал превысокие. С них же потоки
Бурные, вниз низвергаясь, неслись с потрясающим гулом.
Старицы вид я тогда приняла, и меня пожалел он,
На плечи он подъял и пронес через бурные воды,
Вот почему он мной чтим безмерно.

(Ш, 66–74; пер. Г. Церетели)

Особенности изложения Аполлоном предыстории можно объяснить тем, что в этом случае Аполлоний имел перед глазами образец Пиндара (Рyth. IV, 70), который описывает аналогичный эпизод гораздо шире. У Пиндара дается описание первой встречи Язона и Пелия, когда Язон только что приходит в город, прощание Язона с родителями, разговор Пелия с Язоном, когда тот посылает Язона в поход. Таким образом, Пиндар развернуто сообщает предысторию похода, действие которой происходит в довольно значительный промежуток времени (между появлением Язона и второй встречей с Пелием проходит примерно шесть дней). У Аполлония эта сюжетная линия совершенно отсутствует. Зато Пиндар ничего не говорит о реке Анавре, которой Аполлоний сравнительно со всем остальным уделяет большое внимание (I, 7–11; Ш, 66).

Как видим, поэт стремится варьировать факты преданий, чтобы не повторять предыдущего автора, а только добавлять или опускать некоторые детали, предполагая при этом, что читатель, знакомый с версией поэтического образца, мысленно соотносит ее с версией самого Аполлония.

Так, предыстория варьируется по отношению к Пиндару, эпизод с Кизиком — вариант Каллимаха, приключения в IV песне — вариации Гомера.

Не останавливаясь на влиянии поэм Гомера (в пределах настоящей работы это невозможно), заметим, что Аполлоний нигде не дополняет и не уточняет Гомера; он просто заставляет своих героев проделать тот же путь, что и гомеровский Одиссей²⁶. Также

когда излагаются факты, не предписанные мифологией, а сочиненные поэтом. Примером «необязательной» этиологии является объяснение неприязни Геры к Пелию и ее благорасположения к Язону.

²⁶ А. Кортэ по этому поводу пишет: «В основном скитания аргонавтов построены по тому принципу, что они должны испытать все опасности и чудеса, выпавшие на долю Одиссея. Эта новая обработка знаменитых песен имела для слушателей Аполлония особое очарование и, без сомнения, была очень важна для самого Аполлония» (*Korte A. Die hellenistische Dichtung. Leipzig, 1925. S. 193*).

следует подчеркнуть особенно тесную связь IV песни «Аргонавтики» с «Одиссеей» (X, 210 = Arg., IV 659 — Кирка; XII, 39, 166 = Arg. IV, 891 — Сирены; XII, 127, 260 = Arg. IV, 965 — Тринакрия).

Таким образом, хотя сказание об аргонавтах на протяжении веков служило темой многочисленных произведений разных жанров, Аполлоний является первым, кто собрал весь материал о знаменитом походе и свел его в одно произведение, осмыслив и пережив заново давно известные факты.

Поэтические же источники Аполлоний изменяет по закону вариации таким образом, что в «Аргонавтике» сразу же выдвигаются на первый план особенности композиции и развертывания действия, та драматичность и динамичность, которые придают поэме своеобразие, не сравнимое ни с какими ее источниками.

ЗАМЕЧАНИЯ О КАТАЛОГЕ У АПОЛЛОНИЯ РОДОССКОГО

Для понимания специфических особенностей эллинистического эпоса представляет определенный интерес исследование параллельно существующих и оказывающих постоянное взаимное влияние элементов традиционно-эпического и творчески самостоятельного в поэме Аполлония Родосского «Аргонавтика».

Как известно, еще со времен самого Аполлония его жизнь¹ и обстоятельства создания главного труда поэта «Аргонавтики» представлялись до некоторой степени странными, даже загадочными и породили немало противоречивых толков. В самом деле, вполне могло возникнуть недоумение, почему ученый поэт, александрийский библиотекарь, несомненно, близкий кружку самого смелого и изысканного модерниста своего времени, человек, сам владеющий тонкостями мастерства новомодной поэзии малых форм, вдруг всем на удивление вновь обращается к большому эпосу. Достаточно естественна поэтому весьма бурная отрицательная реакция столпов интеллектуальной поэзии² на произведение Аполлония, реакция, которая, вероятно, во многом определила известные перемены в жизни Аполлония и при этом невольно легла в основу и послужила началом традиции порой слишком резких упреков по отношению к поэту не только в древности, но и в новое время. Ведь иной раз можно заметить, что аргументы, которыми оперировали подчас некоторые критики XIX и даже XX века, выступая с обвинениями в адрес Аполлония, по всей вероятности мало чем отличаются от аргументов его эллинистических оппонентов³.

---

¹ Материалы, относящиеся к жизни Аполлония, собрал и обобщил в своей работе Э. Делаж; его книгу современная критика оценивает весьма высоко, не всегда, правда, признавая полную убедительность некоторых выводов автора. См.: *Delage E. Biographie d'Apollonius Rhodius. Paris, 1930.*

² О критическом отношении Каллимаха к Аполлонию см.: *Webster T.B.S. Hellenistic poetry and art. London, 1964. P. 63-65.*

³ В последние годы, однако, появился целый ряд работ, которые, можно сказать, произвели переворот в былых представлениях об Аполлонии. Их общей чертой является тщательное исследование художественного текста поэмы, сочетающееся с весьма серьезным и объективным подходом к тем критериям, которые

Действительно, Аполлоний вновь берется за большой эпос как раз в тот момент, когда «кикликов стих» стал особенно ненавистен его утонченным современникам. Обращение Аполлония к саге об аргонавтах было понято как ретроградство, скучный и упорный консерватизм, шаг назад к возрождению надоевших киклических поэм, и поэтому «Аргонавтика» была воспринята не только с недоумением и раздражением, а даже сугубо враждебно определенными кругами александрийского литературного общества.

Отказ от малой формы и обращение к большому эпосу гомеровского образца вызвали такое раздражение, что Аполлоний был безоговорочно раз и навсегда причислен к неудачливым подражателям Гомера. Задачей Аполлония, таким образом, ставилось искусственное возрождение гомеровского эпоса как такового⁴, и подобное толкование до некоторой степени можно объяснить зародившейся уже в то время характерной тенденцией к искусственности вообще. Такой подход и подобное представление о поэме стали настолько устойчивыми, что порой от внимания ускользали некоторые лежащие на поверхности, очевидные моменты, которые говорят совсем о другом.

Так, обращение Аполлония к теме похода аргонавтов за золотым руном характерно именно для александрийского ученого поэта. Несмотря на то, что речь идет о знаменитом мифе, получившем на протяжении веков литературную разработку во многих жанрах, мы можем утверждать, что именно этот момент — путешествие в Колхиду, заполучение руна и возвращение домой — до Аполлония никем не освещался. Поэт не без удовольствия говорит, что берется за древний, прославленный певцами миф, тут же отмечая, о чем именно он поведет речь в своей поэме.

могут быть применимы для оценки творчества древнего поэта. Среди них нам наиболее важны: *Carspecken J.F.* Apollonius Rhodius and the Homeric epic // *Yale Classical Studies*. 1952. 13. P. 35–143; *Lawall G.* Apollonius' Argonautica: Jason as anti-hero // *Yale Classical Studies*. 1966. 19. P. 121–169; *Phinney E.* Narrative unity in the Argonautica: the Medea–Jason romance // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1967. 98. P. 327–341; *Hurst A.* Apollonius Rhodius, Manière et cohérence. Contribution à l'étude de l'esthétique Alexandrine. Genève, 1967; *Fränkel H.* Noten zu Apollonius Rhodius. München, 1970; *Levin N.-D.* Apollonius Rhodius' Argonautica re-examined. The neglected first and second books. Leiden, 1971.

⁴ История древнегреческой литературы действительно предоставляет нам пример серьезной попытки возрождения гомеровского эпоса. Речь идет о поэме Квинта Смирнского «Послегомеровские события», где архаизирование и максимальное приближение к Гомеру являются сознательной творческой установкой. В этом отношении весьма характерна разница между Квинтом и Аполлоном. См.: *Vian F.* Recherches sur la Posthomeric de Quintus de Smyrne. Paris, 1959; *Means Th.* Incidental observations on the Argonautica and Posthomeric // *Classical Journal*. 1950–1951. XLVI. P. 335–340.

Славят корабль дней минувших певцы и поют о нем в песнях,
Что его выстроил Арг по советам богини Афины.
Я же о роде теперь и об имени славном героев
Речь поведу, и о долгом пути, и что в странствиях ими
Совершено... Музы пусть же о том разгласят мою песню.

(I, 18–22; пер. Г. Церетели)

Избранная поэтом тема могла получить раскрытие только в большой жанровой форме, каковой является героический эпос гомеровского образца.

Принятая жанровая форма (эпос гомеровского образца) и специфически эллинистическое содержание поэмы оказываются неразрывно связанными и взаимно влияют друг на друга, образуя в своем взаимодействии специфически своеобразное жанровое явление — эллинистический эпос с его характерными чертами и особенностями.

В процессе этого взаимодействия происходит, с одной стороны, изменение жанровой структуры большого эпоса (если говорить о его соотношении с гомеровским образцом) под влиянием введения нового, с точки зрения традиционного эпоса, материала и его поэтического освоения с эстетических позиций эллинистического ученого поэта. С другой стороны, весь материал при всей своей специфичности подается автором все же именно в рамках принятого жанра, за которые он нигде не выходит, заставляя, однако, традиционные элементы эпического стиля играть уже несколько иную роль и наполняя их иным значением и звучанием.

Собственное, своеобразное, новое заявляет о себе только в старом и через старое. При этом весьма своеобразно и органично сочетаются следование традиции и самостоятельность, пиетет к освященному веками и смелость к нововведению.

Каким образом осуществляется связь, переплетение, взаимодействие этих на первый взгляд противоречивых, а на самом деле создающих особого рода единство тенденций, быть может, нам помогут понять некоторые наблюдения, которые можно сделать при изучении каталога героев и сопоставлении его с каталогом кораблей у Гомера⁵.

---

⁵ В пределах настоящей работы невозможен сколько-нибудь полный и подробный анализ каталогов у Аполлония и Гомера. По каталогу аргонавтов см.: *Jessen J. Prolegomena in Catalogum argonauticorum*. Berlin, 1889. Здесь автор собрал все существующие каталоги аргонавтов и сравнил их, стремясь определить связь между ними и причины расхождений. Также Дж.Ф. Карепекен (*Carspecken J.F. Op. cit.*) в своей работе сравнивает каталоги Аполлония и Гомера, отмечая виртуозное использование Аполлоном достояния традиции в

Наличие каталога в поэме об аргонавтах абсолютно естественно, ведь каталог по традиции является неотъемлемой принадлежностью эпического стиля⁶. Однако можно заметить, что у Аполлония каталог аргонавтов, помещенный в начале первой песни, непосредственно после вступления к поэме, приобретает еще и особое значение.

Важность сведений, сообщаемых в каталоге, подчеркивает сам автор. Обратимся еще раз к краткому вступлению, предваряющему каталог. Отметив, что корабль Арго, построенный по советам Афины, издревле воспет певцами, Аполлоний определяет круг вопросов, которыми он собирается заниматься в своем произведении. Здесь следует обратить особое внимание на то, что в первую очередь поэт намерен осветить имена и род героев, принимающих участие в походе:

...νῦν δ' ἄν ἐγὼ γενεήν τε καὶ οὖνομα μῆθησάμην
ἥρώων...

Я же о роде теперь и об имени славном героев
Речь поведу...

(I, 20; пер. Г. Церетели).

Далее поэт сообщает, что он намерен осветить также путешествие аргонавтов по морю и те деяния, которые они совершили во время своих странствий:

...δολιχῆς τε πόρους ἄλός, ὅσσα τ' ἔρεξαν
πλαζόμενοι...

...и о долгом пути, и что в странствиях ими
Совершено...

(I, 21-22; пер. Г. Церетели).

Это и есть определение темы произведения⁷.

Как можно видеть, рассказ о героях и их происхождении автор считает для себя и для раскрытия своей темы настолько важным

собственных целях. См. также соответствующие главы в упомянутых выше работах Г. Френкеля и Н.Д. Левина. В отношении литературы о каталоге кораблей отсылаем к богатой библиографии в работе Р.В. Гордезиани «Илиада и вопросы этногенеза» (Тбилиси, 1970).

⁶ *Trüb H. Kataloge in der griechischen Dichtung. Zürich, 1952.*

⁷ Научная строгость и методичность, во многом определяющая специфичность поэтической техники Аполлония, проявляется также в том, насколько точно и четко Аполлоний придерживается намеченной в этих двух строках темы своего произведения. Весьма примечательно, насколько строго Аполлоний следует теме при отборе материала, включаемого в повествование. Этим же объясняется крайняя скупость вступления и заключения к поэме.

делом, что ставит его на один уровень с повествованием о путешествии и подвигах.

Это весьма характерно именно для эллинистического ученого поэта. Ведь при всей известности, окружавшей миф о корабле Арго многие века, как участников похода точно знали только несколько знаменитых героев. Таким образом, выяснение полного состава аргонавтов, а также их генеалогии и обстоятельств их мифологических биографий было делом вовсе не легким и не простым. Автору пришлось проделать большую работу сугубо научного характера при освоении многочисленных источников⁸ и увязывании различных мифологических версий для выработки собственной установки при решении этой проблемы.

Подобная декларация — определение темы в указанных выше стихах — весьма естественна для александриниста, преследующего собственные, достаточно характерные цели, и совершенно неприемлема для автора, стремящегося к возрождению гомеровского эпоса. Все исследователи признают, что Аполлоний обладает весьма тонким вкусом и достаточно острым поэтическим чутьем, так что было бы непоследовательно считать, что он позволил бы себе начать поэму именно таким образом, как он начал, если бы в его цели входила реставрация Гомера, как сознательная творческая установка⁹.

Вступление к «Аргонавтике», за которым непосредственно следует каталог участников похода за золотым руном, завершает обращение к Музам. Так называемый «каталог кораблей» во второй песне «Илиады» также открывает достаточно пространное обращение к Музам:

Ныне поведайте, Музы, живущие в сених Олимпа
Вы, божества, вездесущи и знаете все в поднебесной.
Мы ничего не знаем, молву мы единую слышим:
Вы мне поведайте, кто и вожди, и владыки данаев;
Всех же бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имел языков я и десять гортаней,
Если б имел неслабеющий голос и медные перси,

⁸ Об источниках поэмы см.: *Stöbl F.* Apollonios Rhodios. Interpretationen zur Erzählungskunst und Quellenverwertung. Bern, 1941; *Knorr E.R.* De Apollonii Rhodii fontibus. Leipzig, 1902.

⁹ А. Хурет (Op. cit.) справедливо напоминает, что поэты эллинистической эпохи любили включать в произведения собственный комментарий и отмечать в поэмах принципы своего искусства. Таким образом, возможно, мы могли бы ожидать, что Аполлоний так или иначе хотя бы формально заявит о сознательной установке на Гомера, однако этого мы не находим. В поэме нет прямого авторского комментария, но есть богатый материал, который все же позволяет делать выводы о теоретических установках автора.

Разве небесные Музы, Кронида великого дщери,
 Вы бы напомнили всех, приходивших под Трою ахеян.
 Только вождей корабельных и все корабли я исчислю.

(II, 484–493; пер. Н.И. Гнедича)

Приступая к перечислению «вождей и владык данаев», поэт, таким образом, обращается за помощью к всеведущим Музам, обнаруживая тем самым, во-первых, свою близость Музам, во-вторых, должную скромность перед лицом божества, в-третьих, подчеркивая значимость излагаемого — ведь исчислить войска ахейцев именно выше сил смертного.

Подобное обращение к божеству стало традиционным, и обращения Аполлония к Эрато в третьей песне и к безымянной Музе в первой песне выдержаны в основном в этом духе. Воззвания к богам в первой песне стоят в этом отношении особняком. Прежде всего, вопреки традиции Аполлоний начинает свою поэму с обращения к Фебу. Обычно исследователи объясняют это тем, что именно Феб дал пророчание Пелию, с одной стороны, и тем, что Аполлоний придавал этому богу особое значение¹⁰, — с другой.

Обращение к Музам, которое по традиции мы были бы вправе ожидать в начале поэмы вместо обращения к Аполлону¹¹, включает собой вступление к поэме:

Славят корабль дней минувших певцы и поют о нем в песнях,
 Что его выстроил Арг по советам богини Афины.
 Я же о роде теперь и об имени славном героев
 Речь поведу, и о долгом пути, и что в странствиях ими
 Совершенно... Музы пусть же о том разгласят мою песню.

(I, 18–22; пер. Г. Церетели)

¹⁰ В самом деле, Аполлон в «Аргонавтике» играет совершенно особую роль по сравнению с другими олимпийскими богами. Он не принимает того непосредственного участия в делах аргонавтов и не оказывает им той зримой помощи, какую оказывают им Гера, Афина, Афродита, морские божества, без чего совершение подвигов и достижение цели было бы невозможно. Аполлон только однажды является на заре аргонавтам. Тем не менее чаще всего они приносят жертвы и обращаются с мольбами именно к Аполлону, замечания о нем достаточно многозначительны, существует даже целый ряд сравнений, одну из частей которых составляет или сам бог, или предметы и обстоятельства, связанные с его культом. Мы не останавливаемся на этом вопросе, поскольку это предмет отдельного исследования, пока отсутствующего в литературе по Аполлонию Родосскому.

¹¹ К. Блюмберг, П. Гендель и Н.Д. Левин объясняют обращение к Аполлону, а не к Музе, влиянием гимнической традиции: Μουσάων ἄρχομαι Ἀπόλλωνός τε Διός τε (Hom. Hymn. XXV, 1) (*Blumberg K. Untersuchungen zur epischen Technik des Apollonios von Rodos. Leipzig, 1930. S. 10; Händel P. Beobachtungen zur epischen Technik des Apollonios Rhodios. München, 1954. S. 11; Levin N.-D. Op. cit. P. 13.*)

Таким образом, на первом месте оказывается сам поэт ($\nu\bar{\nu}\nu \delta' \epsilon\acute{\upsilon}\omega$), потому что речь об имени героев, их путешествиях и свершениях поведет именно он. Музам отведена роль $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\phi\eta\tau\omicron\rho\epsilon\varsigma \acute{\iota}\omicron\omicron\delta\eta\varsigma$. Такое четкое разграничение обязанностей между поэтом и Музами, такое близкое соседство в маленьком отрывке $\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ и Μοῦσαι , особенно в сравнении с обращениями в начале каждой поэмы у Гомера, достаточно неожиданно и необъяснимо, если считать задачей Аполлония возможно близкое следование Гомеру¹².

Далее обратимся к каталогу аргонавтов. Как известно, традиционным образцом его послужил знаменитый «каталог кораблей», который по праву можно было бы назвать также каталогом ахейских вождей, поскольку о кораблях¹³ говорится весьма мало, в основном автора интересует только количество кораблей, которое привел с собой под Троию каждый вождь.

При этом через несколько строк после каталога ахейских вождей, который занимает 265 стихов, Гомер приводит также и каталог троянских предводителей, значительно более краткий (61 стих).

Если рассматривать каталоги Гомера, помещенные во вторую песню и занимающие приблизительно половину из всех 877 стихов этой песни, в связи с окружающим их материалом, то выясняется, что, несмотря на столь большую протяженность перечисления, непрерывность повествования у Гомера все же не нарушается. Каталог в данном случае может считаться определенным этапом развития сюжетного действия, поскольку подразумевается, что во время перечисления перечисляемые воины и предводительствуемые ими отряды строились в боевой порядок. Таким образом, к началу третьей песни обе рати оказываются построеными.

Так лишь на битву построились оба народа с вождями.

(П. III, 1; пер. Н.И. Гнедича)

Совершенно иное место занимает каталог героев в «Аргонавтике». В отличие от гомеровского каталога, помещенного в повествовательный материал и являющегося его органической частью,

¹² Обсуждая стих I, 22 «Аргонавтики», Г. Кайбель замечает, что такое обращение к Музам у Аполлония существует *contra omnium poetarum usum* (*Kaibel G. Sententiarum liber quartus // Hermes. 1888. 22*).

¹³ Как правило, сообщение о количестве кораблей, приведенных тем или иным вождем, дается в конце каждого эпизода каталога. При этом употребляются следующие стереотипные формулы: $\acute{\iota}\mu\alpha\ldots \mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\nu\alpha\iota \nu\eta\epsilon\varsigma \acute{\epsilon}\lambda\omicron\nu\tau\omicron$ (II, 524, 534, 545, 556, 568, 630, 637, 644, 652, 710, 746, 759), $\tau\acute{\omega}$ ($\tau\omicron\iota\varsigma$) $\delta\acute{\epsilon}\dots \gamma\lambda\alpha\phi\upsilon\rho\alpha\iota \nu\eta\epsilon\varsigma \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\chi\omicron\omega\nu\tau\omicron$ (II, 516, 602, 680, 733).

Аполлоний помещает свой каталог сразу после вступления, ставя его, таким образом, как бы перед действием.

Тем самым автор, уже заявлявший во вступлении о своем намерении рассказать «об имени и роде героев», еще раз подчеркивает самостоятельный интерес, который представляет для него материал каталога.

Возможно, Аполлоний считал, что сведения, сообщаемые им об участниках похода за золотым руном, сами по себе имеют уже достаточную ценность для его произведения, даже принимая во внимание то обстоятельство, что рассказ о них и не составляет определенного этапа в развитии сюжетного действия.

Немецкий исследователь эпической техники «Аргонавтики» П. Гендель¹⁴ полагает, что Аполлоний помещает каталог в начале поэмы, потому что тем самым хочет подчеркнуть, что это перечисление, а не действие, и он, не имея возможности придать перечню элемент действия, намеренно разграничивает каталог и действие. Таким образом, П. Гендель высказывает предположение, что Аполлоний не нашел также достаточных оснований, чтобы прервать на такой большой промежуток времени ход повествования, что было бы неизбежным при помещении каталога не в начале, а в дальнейшем тексте поэмы. Отсюда П. Гендель делает интересный вывод. По его мнению, характерной отличительной чертой эпоса Аполлония является чрезвычайно сильное и постоянно присутствующее сознание однородности и равномерности времени¹⁵. Время в поэме Аполлония равномерно и постоянно идет вперед, так что помещение каталога не в начале могло бы нарушить четкую временную структуру повествования.

Можно, пожалуй, сделать также предположение, что предположение каталога изложению событий, являющееся явно не традиционным, не гомеровским, возможно, восходит не к эпической, а к драматической традиции¹⁶, которая, как признано исследователями, оказала весьма сильное влияние на поэта. Таким образом,

¹⁴ *Händel P.* Op. cit., S. 14.

¹⁵ Интересны замечания Ф. Мемеля о сознании и чувстве времени у Аполлония: *Mehmel F.* *Virgil und Apollonios Rhodios* // *Hamburger Arbeiten zur Altertumwissenschaft.* 1940. Hf. 1.

¹⁶ Элементы драматического, несомненно, ощутимы в поэме Аполлония. Так, *оковоρία* третьей песни явно подчиняется некоему драматическому принципу, тогда как в остальных трех песнях, повествующих в основном о приключениях и путешествии, — скорее риторическому началу. Влияние драматической традиции на Аполлония настолько велико, что некоторые исследователи, например, Ф. Штёссель, видят даже в некоторых отдельных сценах путешествия «сокращения» аттических трагедий, не дошедших до нас (эпизод убийства Аписира) (*Stößel F.* Op. cit.).

мы можем сравнить каталог в эпосе Аполлония и τὰ τοῦ δράματος πρόσωπα трагедии, то есть «список действующих лиц», которые вступали в действие трагедии в тот момент своей мифологической биографии, который был заранее известен зрителю, в свою очередь, подготовленному услышать и заново пережить вполне определенные, давно известные из мифологии события. В эпосе Аполлония действующие лица не были общеизвестными, напротив, установление участия многих из них в походе было результатом научных изысканий ученого поэта, что и вызвало необходимость, прежде чем перейти к повествованию, рассказать о героях, чтобы в дальнейшем не отвлекаться на это.

Нельзя, однако, полностью приравнять каталог «списку действующих лиц», т. е. сухому и однообразному перечню. Помещая его перед действием, Аполлоний все же стремится к тому, чтобы каталог не только содержал важные сведения об участниках похода, но также находился бы в определенной связи с соответствующим сюжетным действием.

Интересно, каким именно образом представляет Аполлоний своих героев в каталоге. Можно заметить, что в основном он употребляет глаголы движения со значениями «прибыл», «пришел», «отправился», «двинулся», «проследовал», «явился» и т. д.

Так, например, Астерион (I, 35), Корон (I, 57), Мопс (I, 65), Эвридамант (I, 67) и др. — ἦλθε, Полифем Элатид (I, 40), Флиант (I, 115), Эвфем (I, 179) и др. — ἵκαθεν, Эвритион и Эрибот (I, 71) — εἶλετο, Канф (I, 77), Гил (I, 131), Навплий (I, 133) — κίεν, Теламон и Пелей (I, 90), Идмон (I, 139) — μεθεκίαθεν, Линкей и Ид (I, 151) — ἔβαν и т. д.

Таким образом, перечисление героев Аполлоний старается осуществить так, чтобы создать впечатление, будто герои при этом собираются к месту действия. Когда же все аргонавты названы и обобщены под именем минийцев, поэт изображает их совместное шествие к снаряженному кораблю, ожидающему их на берегу Пагасейского залива, описывая впечатление, производимое ими на толпу.

Как видно, автор хочет сохранить иллюзию непрерывного действия: сначала дается постепенное прибытие участников похода, которое затем выливается в общее шествие к кораблю. Пытаясь тем самым придать своему искусно составленному перечню некоторые функции действия и включая его в сюжетное действие, Аполлоний стремится следовать гомеровскому образцу, хотя и делает это достаточно своеобразно.

ЭПИТЕТЫ ЗЕВСА В «АРГОНАВТИКЕ» АПОЛЛОНИЯ РОДОССКОГО

Известно, что в эстетике александризма стремление к новизне и неприятие надоевшего «старого» сочеталось с пристрастием к «старинному». Искусственный древний диалект, редкостные, старинные слова и формы слов, особо древние мифы — все это привлекало авторов и питало их произведения, выдвигаясь порой на первый план.

Аполлоний Родосский, однако, обладал удивительно глубоким внутренним равновесием и был чужд нервной погоне за крайностями. В его «Аргонавтике» мы находим все основные принципы александрийской эстетики в наиболее здоровом и гармоничном виде, осуществленные на самом «доброкачественном» материале. Будучи знатоком Гомера (и даже автором теоретических сочинений о нем), Аполлоний знал толк в литературной «старине», однако тяготение к ней не оттесняло его собственных задач, в которые не входило искусственное возрождение древнего эпоса ради самого этого факта. Воплотить свой замысел на материале похода аргонавтов Аполлоний мог, только следуя традиции Гомера (написать поэму прозой, ямбом или дистихом было для него немыслимо). Принимая эту жанровую форму как единственно целесообразную, поэт, будучи ученым-филологом, воспитанным на изучении Гомера, и являющийся не только его горячим поклонником, но и профессионалом-комментатором, особенно чутко сознавал, насколько осторожного и ответственного обращения требовал его божественный образец. Профессиональная работа над текстом Гомера дала Аполлонию возможность глубочайшим образом вникнуть в стихию гомеровского языка, стиля, образов, и весь этот материал стал для ученого также и предметом литературоведческого осмысления — ведь для работы по эпическому образцу необходимо четкое осознание частей и элементов, его составляющих, и связей между ними. Так что, постигнув это, Аполлоний определенным образом постиг и ту систему, которую составляет эпический жанровый канон.

Происходит ли переосмысление важности тех или иных элементов или наследие традиции принимается неизменным — это вопрос

о том, насколько творчески автор подходит к проблеме традиции. Таким образом, можно выяснить, отвечает ли избранный образ поэтического воплощения задачам изображения того, что имеет общезначимый человеческий интерес, или автор преследует сугубо литературные цели. И даже если его эстетические установки таковы, что эти две тенденции могут изначально сосуществовать, то какая все же является определяющей и каково их соотношение.

Найти путь к пониманию этого помогает конкретное исследование поэтического языка, важной стороной которого является исследование эпитета, занимающего среди художественных приемов почетное место¹. В статье «К вопросу об эпитете» А.Н. Веселовский писал: «Если я скажу, что история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании, то это не будет преувеличением. И не только стиля, но и поэтического сознания от его физиологических и антропологических начал и выражений их в слове — до их закрепощения в ряды формул, наполняющихся содержанием в очередных общественных мирозерцаниях»². Общеизвестно, что эпитеты героев у Гомера являются яркой, характерной и важной особенностью гомеровского стиля, запоминающейся также и в русском переводе: «волоокая» Гера, «сребролукий» Аполлон, «хитроумный» Одиссей. Американский ученый Милман Пэрри³, называемый «Дарвином гомероведения»⁴, исследовав формулы, состоящие из эпитетов при собственных именах богов и героев, вскрыл их важнейшую метрическую функцию в построении устного поэтического повествования и показал, что техника формул, результат многовековой устной традиции, великолепно отработана у Гомера.

Во второй главе работы «Традиционный эпитет у Гомера» М. Пэрри останавливается на вопросе об использовании эпитета в эпических поэмах «нетрадиционного» стиля, как он называет «Аргонавтику» и «Энеиду», отмечая исчезновение гомеровской формулы у этих поэтов. Автор исследует случаи упоминания Язона и устанавливает, что в подавляющем большинстве Язон представлен без эпитета; специфика эпитетов при его имени, по мнению автора, состоит в тенденции к более точному употреблению постоянного эпитета и к его большей индивидуализации. При этом

¹ См. в его кн.: *Жирмунский В.М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 355.

² *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л., 1940. С. 73.

³ Взгляды Пэрри, нашедшие много последователей, изложены в следующих его работах: *Parry M.* L'épithète traditionnelle dans Homère. Paris, 1928; *Parry M.* The making of Homeric verse. Oxford, 1971.

⁴ По выражению Уэйд-Джери, см.: *Wade-Gery H.T.* The poet of Iliad. Cambridge, 1952. P. 38.

он высоко ценит мастерство Аполлония и отмечает его большую оригинальность⁵.

В настоящей статье, представляющей лишь небольшую часть нашей работы по эпитету в «Аргонавтике», мы остановимся на эпитетах Зевса у Аполлония в сопоставлении с Гомером и Квинтом Смирнским (IV в. н. э.), чья поэма «После Гомера» непосредственно продолжает события «Илиады»⁶.

В поэмах Гомера имя Зевса, а также его патронимы Кронион и Кронион весьма многообразно сочетаются с эпитетами, отражающими различные стороны понимания древними этого божества. Так, восприятие Зевса в его стихийном проявлении как бога молнии, грома и дождя выражают эпитеты: *τερτικέραυτος* «радостно мечущий молнии» (П. I, 419; II, 478, 781; VIII, 2; XI, 773; XII, 252; XVI, 232; XXIV, 529; Od. I, 27; IV, 74; VII, 164, 180; XIV, 268; XVII, 437; XIX, 365; XX, 24, 75 — 17 раз), *ἀργικέραυτος* «мечущий яркие молнии» (П. XIX, 121; XX, 16; XXII, 178 — 3 раза), *ἀστεροπητής* «мечущий молнии» (П. I, 580, 609; VII, 443; XII, 275 — 3 раза), *στεροπηγέρετα* «собираетел ь или метатель молний» (П. XVI, 298 — 1 раз), *ὑψιβρεμέτης* «гремящий в вышине» (П. I, 354; XII, 68; XIV, 54; XVI, 121; Od. V, 4; XXIII, 331 — 6 раз), *ἐριβρεμέτης* «сильно гремящий» (П. XIII, 624 — 1 раз), *ἐρίγδουπος* «сильно грохочущий» (П. V, 672; VII, 411; X, 329; XII, 235; XIII, 154; XV, 293; XVI, 88; Od. VIII, 465; XV, 112, 180 — 10 раз), *νεφεληγέρετα* «собираетел ь туч» (П. I, 511, 517, 560; IV, 30; V, 764, 888; VII, 280, 454; VIII, 38, 469; X, 552; XI, 318; XIV, 293, 312, 341; XV, 220; XVI, 666; XVII, 198; XX, 19, 215; XXII, 182; XXIV, 64; Od. I, 63; V, 21; IX, 67; XII, 313, 384; XIII, 139, 153; XXIV, 477 — 30 раз), *κελανεφής* «темнотучий» (П. I, 397; II, 412; VI, 267; XI, 78; XXIV, 290; Od. IX, 552; XIII, 25 — 7 раз).

Эпитеты многообразно выражают божественность Зевса. Он бес смертен (*ἀθάνατος*) (П. II, 741; XVI, 434; XXI, 2; XXIV, 693 — 4 раза), велик (*μέγας*) (П. II, 134; V, 907; VI, 304, 312; VII, 24; IX, 502, 536; X, 296; XII, 241; XIV, 417; XVII, 409; XXI, 187, 198; Od. IV, 27; VI, 151, 323; VIII, 82; IX, 411; XI, 255, 268, 604; XVI, 403; XIX, 179; XXII, 334, 379; XXIV, 521 — 26 раз), могуч (*ἐρισθενής*) (П. XIII, 54; XIX, 355; XXI, 184; Od. VIII, 289 — 4 раза), обитает в эфире (*αιθέρι ναίων*) (П. IV, 166; Od. XV, 523 — 2 раза), высоко восседает (*ὑψίσυος*) (П. IV, 166; VIII, 69; XI, 544; XVIII, 185 — 4 раза); он житель Олимпа (*Ὀλύμπιος*) (П. I,

⁵ Parry M. L'épithète traditionnelle dans Homer. Paris, 1928. P. 212.

⁶ Gehring A. Index homericum. Lipsiae, 1891; Ebeling H. Lexicon homericum. Vol. 1-2. Lipsiae, 1874-1880; Bruchmann C. Epitheta deorum. Lipsiae, 1893; Liddell H.G., Scott R. A Greek-English lexicon. Oxford, 1968; Apollonius Rhodius. Argonautica. Oxford, 1954; Quinti Smirnaei Posthomericon libri XIV. Lipsiae, 1853.

353, 508, 580, 583, 589, 609; II, 309; IV, 160; VI, 282; VIII, 335; XII, 575; XIII, 58; XV, 131, 375; XVIII, 79; XIX, 108; XX, 130; XXIV, 140, 175; Od. I, 27, 60; II, 68; IV, 74, 173; VI, 188; XV, 523; XXIII, 140 — 27 раз), однако он и подземный (*καταχθόνιος*) (II. IX, 457 — 1 раз).

Зевс — эгиох (*Αἰγίοχος*) (II. I, 202, 222; II, 157, 348, 375, 491, 598, 787; III, 426; V, 115, 396, 635, 693, 714, 733, 742, 815; VI, 352, 420, 427; VII, 60; VIII, 287, 375, 384; X, 278, 553; XI, 66; XII, 209; XIII, 825; XIV, 160, 252; XV, 175, 242, 379; XVI, 176; XXI, 420; XXII, 221; Od. III, 42, 394; IV, 752, 762; V, 103, 137; VI, 105, 324; IX, 154, 275; XIII, 252, 371; XV, 245; XVI, 320; XXIV, 164, 529, 547 — 54 раза); Зевс — промыслитель (*μητίετα*) (II. I, 175, 508; II, 197, 324; VI, 198; VII, 478; VIII, 170; IX, 377; X, 104; XI, 278; XII, 279, 292; XV, 377, 599; XVI, 249; XXIV, 314; Od. XIV, 243; XVI, 298; XX, 102 — 19 раз); ему все известно и видно, поскольку он *εὐρύοτα* «видящий широко» (II. V, 265; VIII, 206, 442; IX, 419, 686; XIII, 732; XIV, 203, 265; XV, 724; XVI, 241; XVII, 545; XXIV, 296, 331; Od. II, 146; III, 288; IV, 173; XI, 436; XIV, 235; XVII, 322; XXIV, 544 — 20 раз), *πανόμφατος* «всевидящий» (II. VIII, 250 — 1 раз).

Эпитеты показывают и владычество Зевса на Олимпе. Он *ὑπλάτος καὶ ἄριστος* «высший и лучший» (II. XIX, 258; XXIII, 43; Od. XIX, 258, 303 — 4 раза), *ὑλάτος* «высший» (II. V, 756; VIII, 22; XVII, 339; XIX, 258; XXIII, 43; Od. I, 45, 81; XIX, 303; XXIV, 473 — 9 раз), *ἄριστος* «лучший» (II. XIII, 154 — 1 раз), *ἄναξ* «владыка» (II. I, 502; II, 102; III, 351; VII, 194, 200; XVI, 233; XVIII, 118; Od. XVII, 354 — 8 раз); Зевс — супруг Геры (*Ἑρῆς λόσις*) (II. VII, 411; X, 329; Od. VIII, 465; XV, 112, 180 — 5 раз) и отец (*πατήρ*) (II. I, 505, 579; II, 146, 371; III, 276, 320, 350, 365; IV, 23, 235, 288; V, 33, 362, 421, 457, 757, 762, 872; VI, 179, 202, 259, 446; VII, 60, 132, 236; VIII, 69, 245, 397, 420, 438; X, 154; XI, 66, 80, 201, 544; XII, 164; XIII, 631, 796, 818; XIV, 352, 414; XV, 372, 637; XVI, 97, 227, 250, 253; XVII, 19, 46, 498, 630, 645, 648; XIX, 121, 270; XX, 11, 192; XXI, 83, 273, 508; XXII, 60, 178, 209, 221; XXIV, 100, 287, 308; Od. IV, 341; V, 7; VII, 311, 316, 331; VIII, 306; XII, 63, 65, 371, 377; XIII, 51, 128, 324; XIV, 440; XV, 341; XVI, 260; XVII, 132; XVIII, 235; XX, 98, 112, 201; XXI, 200; XXIV, 351, 376, 518 — 92 раза).

В эпитетах отражено почитание Зевса пеласгами (*Πελασγικός*) (II. XVI, 233 — 1 раз); по важнейшим местам культа он назван Идейским (*Ἰδαίος*) (II. XXIV, 291 — 1 раз) и Додонским (*Δωδωναῖος*) (II. XVI, 233 — 1 раз).

Отражены и социальные функции Зевса: он советчик (*μῆτορ*) (II. VIII, 22; XVII, 339 — 2 раза), защитник молящих (*Ἰκετήσιος*) (Od. XIII, 213 — 1 раз), страж гостеприимства (*Ξείνιος*) (II. XIII, 625; Od.

XIV, 284, 383 — 3 раза), покровитель дома (Ερκεῖος) (Od. XXII, 335 — 1 раз).

Таким образом, формульные эпитеты у Гомера, играющие столь важную метрическую роль, многообразны и богаты содержанием, так что при неизбежной дидактичности, порождаемой повторяемостью формул, они являются мощным средством создания целостного образа Зевса в совокупности его верховно-божественных, стийных и социальных функций.

Мифологическая основа «Аргонавтики» и *Götterapparat*, его сущность и стилистический смысл уже были исследованы⁷. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, заметим, что, обладая обширными и углубленными знаниями в мифологии, Аполлоний свел воедино множество различных версий (а в отношении главных героев выработал собственные), он привлек и упорядочил колоссальный материал и тем самым создал весьма четкие пространственно-временные координаты своей фантастической реальности. Сохраняя *Götterapparat*, он коренным образом изменяет его содержание и функцию. Обращение к мифологическому пласту, на поколение более глубокому, чем троянский, формально дает обоснование введения мощного хтонического материала. Олимпийцы Аполлония менее деятельны, чем у Гомера, но более благоразумны и благопристойны. В действии принимают участие в основном только женские божества — Гера, Афина, Афродита, Фетида. Совершенно особая роль у Аполлона — главного героя божественного плана. В начале поэмы автор призывает именно к нему, а не к Музе, героини постоянно обращают к нему мольбы и направляют свои действия по его советам. Ему приносят жертвы, воздвигают алтари. Сравнения, связанные с Аполлоном, многочисленны. Но Аполлон не помогает аргонавтам так постоянно и ощутимо, как богини (Афина строила Арго, Гера интриговала в пользу Язона, Афродита влюбила Медею, Фетида с nereидами протасила Арго между скал и т. д.). Всего дважды Аполлон явился героям, и оба эпизода его теофании (частичной и полной) полны совершенно особого смысла и в сюжетном, и в эмоциональном плане. Аполлона характеризует 21 эпитет.

В «Аргонавтике» Зевс ни разу не показывается и ни с кем не говорит. Никакого антропоморфного настоящего у него нет — все в прошлом, воспоминания о котором очень кратко проскальзывают

⁷ См.: *Тахо-Годи А.А.* Стилистический смысл хтонической мифологии в «Аргонавтике» Аполлония Родосского // Вопросы классической филологии. 1973. V. С. 68–89; *Klein L.* Die Göttertechnik in den Argonautika des Apollonios Rhodios // Philologus. 1931. 86. S. 18–51.

в поэме: детство в Диктейской пещере (I, 511; II 1234); детская игрушка Зевса — мяч (IV, 132); получение перунов (II, 731). Любовные похождения Зевса тоже в прошлом — кратко и сухо упомянуты Леда (I, 150), Асопа (II, 948), Ганимед (III, 115), Фетида (III, 793), Европа (IV, 1643). Зато Гера называется «супругой» (III, 95, 753; IV, 1152), а Геракл (I, 1188), Аполлон (II, 163), Дионис (IV, 1134), Артемида (III, 334) и Афина (III, 8) называются детьми Зевса. Зевс решает дела в своей семье; так, он отдает Афродите в жены Гефесту (III 38). Зевс распределяет обязанности богов (III, 655). Зевс пребывает на Олимпе с другими богами (III, 8–9); там у него роскошный сад (III, 114, 158). Зевс употребляет перуны всего однажды, о чем кратко упомянуто в рассказе о судьбе колхов, преследовавших Медею (IV, 520). С молнией Зевса сравнивается золотое руно (III, 185). Других «грозовых» проявлений нет, зато Зевс насыляет ветер (II, 409, 525; IV, 1124); дождь тоже зависит от него (II, 1098, 1120; III, 270). Судьбой аргонавтов Зевс не занимается до убийства Апсирта, после чего им овладевает гнев, и он посылает им испытания, о чем они и не подозревают (III, 557). Все это сообщается сжато, в одной фразе. Аргонавты, со своей стороны, всего однажды совершают в его честь возлияние — после песни Орфея, окончившейся как раз рассказом о Зевсе (I, 516). Зато Зевс фигурирует в роли предопределятеля человеческой судьбы (I, 1071; II, 154, 181, 313; IV, 1254), подателя сил (I, 468; II, 275), благого промыслителя (III, 325). Зевс строго карает нарушителей законов (IV, 1100), страшен его гнев (II, 1195; III, 337), к нему взывают несправедливо пострадавшие (III, 229).

В «Аргонавтике» Зевс без эпитета упомянут 53 раза: I, 150, 468, 503, 511, 516, 997, 1071, 1188, 1345; II, 40, 154, 163, 181, 275, 313, 461, 499, 525, 948, 1098, 1120, 1195, 1234; III, 8, 38, 114, 115, 132, 158, 328, 337, 557, 985; IV, 95, 185, 229, 270, 334, 382, 561, 585, 651, 653, 700, 793, 967, 1100, 1134, 1152, 1224, 1254, 1275, 1673.

Все сведения о Зевсе, приведенные нами выше, были собраны по крохам, ибо сообщения о нем настолько кратки, что нигде не только не разворачиваются в эпизод, но и редко представляют фразу. Тем более ценны эпитеты Зевса.

Зевс Кронид: I, 1101; II, 524, 1083, 1212; IV, 520, 753, 1643 (7 раз). Стихи I, 1101 и II, 524 образуют «пару». Подчеркивая почтение богов к Великой Матери Дидимене, автор говорит, что сам Зевс уступает ей дорогу.

I, 1101: ...Ζεὺ ἀὐτὸς ὀλοχᾶζεται...

В рассказе об Аристея (II песня) сообщается о жертве Аристея Сириусу и «самому Крониду Зевсу».

II, 524: Σειρίφ αὐτῷ τε Κρονίδῃ Διί.

Варьирование сочетания Αὐτὸς Ζεὺς Κρονίδης metri causa создает подобие формулы, и формула осмыслена: и αὐτός, и более чем обычно распространенное поименование Зевса создает впечатление величественности имени верховного бога, что важно в обоих контекстах, где он соотносится с представителями божественно-космического мира.

Еще одна пара — пример «аполлониевой» формулы. Во второй песне в рассказе о Тифоне и в четвертой — в рассказе о колхах, которым молнии Зевса помешали поселиться на острове, встречаем:

II, 1212: ἔνθα Τυφάονά φασι Διὸς Κρονίδαο κεραυνῷ;

IV, 520: ἐκ τόθεν, ἔξοτε τοῦσγε Διὸς Κρονίδαο κεραυνοί.

В стихе II, 1212 хорош ассонанс на *a*; стих IV, 520 имеет удивительный фонетический образ: цезура делит его на противоречивые половины, первая обладает тем, что по Деметрию (48) — способствующая величавости труднопроизносимость (δυσφωνία), а во второй присутствует также способствующий величавости σύγκρουσις. Обе части объединяет ассонанс на *κ*.

В стихах III, 1083; IV, 753, 1643 Зевс назван просто Кронидом, явно metri causa.

Характеризуя божество Зевса, Аполлоний дважды употребляет гомеровский эпитет «великий» (μέγας): I, 1315; II, 289. В обоих случаях такого рода усиление совершенно уместно: в стихе I, 1315 Нерей таким образом подкрепляет свое приказание не искать Геракла, в стихе II, 289 Гарпии называются «псами великого Зевса». Гомеровский ἄναξ встречается дважды; I, 730: киклопы куют Зевсу-владыке перун — не только символ, но и способ осуществления его власти; I, 242: в восклицании, выражающем негодующее изумление.

У Гомера выражение верховного владычества Зевса над природными силами многообразно; Аполлонию незачем развивать очевидную мысль, и он закрепляет за Зевсом отсутствующее у Гомера выражение Ζεὺς θεῶν βασιλεύς (IV, 558: Ζῆνα, θεῶν βασιλῆα, χόλος λάβεν, οἶον ἔρεξαν). Эта концентрированная формула подчеркивает ужас и грех убийства Апсирта тем, что доселе державшийся в стороне Зевс, царь богов, вмешивается и наказывает героев испытанием.

У Гомера стихийное проявление божественной природы Зевса выражено в основном в эпитетах, связанных с грозой, — молния, гром, тучи. Стремясь не повторять Гомера, Аполлоний, как уже было сказано, дважды косвенно упоминает «молниеносность» Зевса, громовые эффекты вовсе оставляет в стороне, зато говорит о Зев-

се — насылателе ветров и дождя. Единственный эпитет, который он применяет к Зевсу в этом плане, — Ἰκμαῖος⁸ «влажный», «насылатель влажных ветров» (II, 522) — как бы объединяет оба этих качества. Выражающие у Гомера социальную функцию редкие эпитеты Ξεινός (3 раза) и Τεκτήσιος (1 раз) Аполлоний соединяет в одну формулу и употребляет ее трижды в смысле, близком к гомеровскому (II, 1132; III, 193; IV, 700). Новые по сравнению с Гомером социальные функции выражают введенные Аполлонием эпитеты: Φύξιος «покровитель изгнанников» (II, 699, 1147; IV, 119)⁹, Ἐλόπιος «всезнающий блюститель» (II, 1123¹⁰) и Καθάριστος «очиститель от скверны» (IV, 708) — эпитет совершенно понятный и поему не комментированный схолиастом. К сожалению, отсутствует комментарий и к не вполне понятному эпитету Γενηταῖος «родитель» (II, 1009), не имеющий аналогий ни у предшественников, ни у последователей. В стихе II, 378 генетейским назван мыс: Ζηνὸς Ἐυξεινοῦ Γενηταίην ὑπὲρ ἄκρην. Зевс здесь назван отсутствующим у Гомера эпитетом Эвксинский. Вероятно, этот эпитет Эвксинский (черноморский) употреблен в том же смысле, что и гомеровский «пеласгический», — он означает не места культа, а, скорее, «сферу влияния» божества. Применительно к мысу эпитет «генетейский» не вполне понятен, и далее в тексте мы встречаем как бы его этиологию: стих II, 1009 прямо указывает — мыс Зевса-родителя. Теперь можно понять этот топоним как выражение глобальности почитания Зевса и на Черном море.

Итак, эпитет у Аполлония, как и у Гомера, также существенно раскрывает образ его Зевса — уже абстрактного носителя высших сил и мирового порядка; как и у Гомера, этот образ целостен, хоть и создан своеобразными средствами, в постоянной соотносительности с моделью гомеровского Зевса. При этом тенденция к большому абстрагированию образа сочетается с дифференциацией и углублением его общественной функции.

У Квинта Смирнского Зевс без эпитета назван 74 раза; эпитеты его таковы: сильногремящий (μεγαλοβρεμέτης — II, 508), мощногремящий (ἐριβρεμέτης — III, 635), сильношумящий (ἐρίγδουλος — X, 301; XIII, 520; XIV, 421, 560), оглушительно грохочущий

⁸ Схолиаст поясняет: II, 522: ἔνεκα τῆς ἰκμάδος. ἐν τῇ Κέφῳ δὲ ἐστὶν ἱερὸν Διὸς Ἰκμαίου, τοῦτέστι διύρου, ἐπεὶ αἴτιος γέγονε τῆς λυοῆς τῶν ἀνέμων. См.: *Wendel C. Scholia in Apollonium Rhodium vetera*. Berlin, 1958. У предшественников Аполлония этот эпитет не встречается. Им пользуется Нонн (*Dionys. V, 570*).

⁹ Схолиаст комментирует: II, 1147: Φύξιος Ζεὺς παρὰ Θεσσαλοῖς, ἦτοι ἐπειδὴ τὸν ἐπὶ Δευκαλίονος κατέρφυγον κατακλυσμὸν, ἢ διὰ τὸ φυγεῖν τὸν Φρίξον αὐτόν.

¹⁰ Схолия дает краткий комментарий: II, 1123: ἐλόπιος δὲ ὁ ἐλόπιης.

(ἐρισμάραυος — XIII, 361), сверкающий молнией (ἀργυκέραινος — IV, 49). Зевс бессмертен (II, 612), велик (I, 502; II, 524; VI, 259; VII, 531; VIII, 225, 354; IX, 254, 460; XII, 386; XIII, 512 — 10 раз), он отец (III, 499; VIII, 431; IX, 7; XIV, 70, 427 — 5 раз), владыка (III, 635; IV, 49 — 2 раза), царь (XIV, 425), высший (XIII, 559), олимпиец (XI, 401, 415 — 2 раза). Зевс — охранитель дома (Ἐρκεῖος — XIII, 436), гостеприимец (Ξένιος — XIII, 413).

Как видим, разнообразнее всего эпитеты Зевса, представляющие вариант гомеровских, как воплощения стихии, но их однообразная «шумность» поражает. В отличие от Гомера и Аполлония, к Зевсу прилагаются также обычные для героев, а не для богов эпитеты: многосильный (μεγασθενής — II, 140), весьма сильный (πολυσθενής — III, 128), полный пыла (ὑπερθυμός — II, 434), громадный, исполинский (πελώριος — XI, 273). Самый частый после эпитета «великий» (10 раз) эпитет «неутомимый» (ἀκάματος — III, 380; VIII, 223; X, 47, 319; XI, 419; XII, 465 — 6 раз). У Гомера и Аполлония этот эпитет применяется к огню и реке; у Аполлония есть μένος ἀκάματος «неутомимая сила» (II, 275) и Ἐροτες ἀκάματοι «неутомимые Эроты» (III, 765). Вероятно, Квинта привлекло звучание этого слова. Также странным кажется и πελώριος — исполинский, чудовищный, огромный. Аполлоний, например, называет так верзилу-бегрика Итимонея (II, 105). Подобная переадресация эпитетов, несомненно, служит снижению образа, так что либо у Квинта идет речь о его переосмыслении, либо налицо неточное использование гомеровского языка.

Таким образом, количественно сокращаясь, эпитеты у Аполлония качественно концентрируются в исполнении тех же функций, что и в гомеровской модели. Его эпитеты по-прежнему выполняют существенную содержательную роль, не превращаясь, однако, в самоцель. Пиетет к традиции не позволяет ему допускать резкие новшества, но ее завоевания он ощущает слишком полнокровно, чтобы свести свою работу в ее русле только к литературным целям. Глубоко осмыслив возможности традиционной жанровой формы, Аполлоний обращает их для собственного творчества, непринужденно и уважительно заставляя старые элементы играть уже новую роль в соответствии с его интересами и задачами.

Трифидор

«ВЗЯТИЕ ИЛИОНА» —

ПАМЯТНИК ПОЗДНЕГО ГРЕЧЕСКОГО ЭПОСА

Мы публикуем первый полный русский перевод поэмы древнегреческого автора Трифидора. Это один из весьма немногочисленных хорошо сохранившихся образцов поэзии позднего периода.

Имя Трифидора и фрагменты его поэмы «Взятие Илиона» известны русскому читателю благодаря замечательному изданию, предпринятому коллективом сектора античной литературы Института мировой литературы имени Горького¹. Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек, автор перевода почти всех фрагментов поэтических текстов в этом издании, перевела и фрагменты поэмы Трифидора: стихи 1–50 (вступление), 305–327, 342–351, 358–359, 365–472, 487–513 (троянский конь, стенания Кассандры).

О Трифидоре известно очень мало. Указания на время его жизни автор словаря «Суда» не дает, он только перечисляет его сочинения². Временные рамки его жизни современные исследователи устанавливают, анализируя его тексты в соотношении с другими дошедшими памятниками. Публикация оксиринхского папируса Р.Оху. 41.2946 в семидесятые годы, содержащего 301–402 строки «Взятия Илиона», датированная третьим или ранним четвертым веком нашей эры, позволила исследователям Трифидора отнести его к III в. (см. издания Livrea, Gerlaud и Dubelzig).

Ядро содержания поэмы, описывающей ужас последней ночи гибнущей Трои, — песнь Демодока в VIII песни «Одиссеи».

Поздней античной литературе в последнее время исследователи стали уделять гораздо большее внимание. Возросло число работ, посвященных авторам этого периода. Так, Трифидору посвящены четыре новых издания, лексикон и много статей и монографий. Укажем только монографию *Miquélez-Cavero L. Triphiodorus*,

---

¹ Памятники поздней античной поэзии и прозы: II–V века / Под ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1964.

² В словаре Суда читаем (Т 1111 Adler): «Трифидор, египтянин, грамматик и сочинитель эпоса, написал поэмы „Марафониака“, „Взятие Илиона“, „О Гипподамии“, липограмматическую „Одиссею“. Существует еще поэма об испытаниях Одиссея и о том, что говорят о нем мифы, а также другое».

The Sack of Troy: A General Introduction and a Commentary. Berlin, 2013, содержащую обширную библиографию, и издания *Campbell M.* Lexicon in Triphiodorum. Hildesheim, 1985; *Quartero Iborra F.J.* Trifiodor, La Presa de Troia. Barcelona, 1988; *Dubielzig U.* Triphiodor, Die Einnahme Iliions. Tübingen, 1996; *Gerlaud B.* Triphiodore, La Prise d'Ilion. Paris, 1982; *Livrea E.* Triphiodorus, Ilii excidium. Leipzig, 1982.

Перевод выполнен по изданию:

Hesiodi Carmina; Apollonii Argonautica; Musaei Carmen de Herone et Leandro; Coluthi Raptus Helenae; Quinti Posthomerica; Tryphiodori Excidium Ilii; Tzetzae Antehomerica, etc. / Graece et Latine cum indicibus nominum et rerum edidit F.S. Lehrs; Asii, Pisandri, Panyasidis, Choerili, Antimachi fragmenta cum commentariis aliorum et suis adiecit Fridericus Dübner. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot. 1840 и сверен по изданию: A.W. Mair. Oppian, Colluthus, Tryphiodorus, London; New York: Loeb, 1928.

Взятие Илиона

- Поздний исход многотрудной войны и хитрость — засаду, —
 Конное дело Аргивской Афины, — воспой, Каллиопа,
 Долгий рассказ опустив, — сейчас я объят нетерпением!
 Быстрым словом своим разреши старинную распрю
 5 Древлерожденных мужей, что ее разрешали войною!
 Вот и десятый уж круг годовой обращаться пустился,
 А над троянцами и над данайцами все простиралась
 Демон войны Энио — ненасытная кровью старуха.
 Копья устали разить, мечи от резни затупились,
 10 Панцирей грохот затих — истончились они постепенно,
 Слабли, рвались витые крепления ремней щитоносных,
 Щит же не мог уже боле выдерживать копий удары,
 Гнутые луки ломались, а стрелы текли из колчанов.
 Кони бродили понуро от яслей пустых в отдалении,
 15 Жалобно ржали, напрасно зовя по упряжке соседа
 Или возницу любимого, павшего замертво в битве.
 Мертвый Пелид poleg уже рядом с товарищем мертвым,
 Нестор уже Антилоха оплакал, любимого сына,
 Самоубийственной раной Аякс свое мощное тело
 20 Ранил и гибельный меч обагрил иступленную кровью.
 Но и троянцы, скорбя о поруганном Гектора теле,
 Не об одних лишь согражданах горе свое горевали —
 Жалобным плачем они отзывались на горькие слезы
 Многоязычных друзей — чужеземцев, союзниках в битвах.
 25 Все они вместе оплакали смерть Сарпедона-ликийца,
 Мать его, гордая Зевсовым ложем, послала под Трою,

- Пал он, сраженный Патрокла копьем, и по смерти героя
Отчий Эфир на землю излил кровавые слезы.
Рес фракийцам на горе злым сном смежил свои очи
30 Ночью коварной, а Эос-Денница, скорбя по потере
Мемнона, сына, сокрывшись от взоров в небесную тучу,
Свет умыкнула дневной, и все погрузилось в потемки.
Жены с берегов Фермодонта, реки, любезной Арею,
Кто не по-женски себе несозрелую грудь отсекает,
35 Горько скорбели о Пентесилее, воинственной деве,
Что в хороводе войны, чужеземцев вовлекшей немало,
Девичьей дланью рассеяла тучи мужей, оттеснила
Их к прибрежным судам, и Ахиллу лишь было под силу
Деву сразить, и доспехи совлечь и свершить погребенье.
40 Троя же, град многозданный, стояла пока нерушимо.
Высились башни, и стены незыблемо в землю врастали.
Время тянули ахейцы бесславно, — Афина старалась
Их на последний подвигнуть рывок, но богиня, которой
Устали нет никогда, — лишь вотще напрягалась до пота.
45 Так бы и шло, если б вещей Гелен не пришел к ним из Трои.
Наглости он уступил похитителя жен Деифоба, —
Как бы желая утешить в беде Менелая-страдальца,
Он возвестил долгожданную гибель своей же отчизне.
Вняв прорицанью Гелена, гнетомого ревностью тяжкой,
50 Сразу восприяли ахейцы покончить с войной затяжной.
Тут, покинув обильный прекрасными девами Скирос,
Сын Ахиллеса явился, дитя Деидами славною,
Лик благородный его еще первым пушком не покрылся,
Мужеством был он в отца, хоть летами для воина юный.
55 Даже Афина священный кумир свой данайцам вручила,
Тот, что погибель врагам, а своим — величайшая помощь.
Вот по советам богини помощник Эпей изготовил
Трое на гибель коня изваянье громадных размеров.
Лес для работы рубили, а после несли на равнину
60 С Иды самой, откуда Ферекл уже брал его прежде,
Строя корабль Александру — начало всех бед и несчастий.
Мастер коня сотворил, меж широких боков приспособив
Чрево настолько пространное, что по размеру не меньше
Было оно, чем корабль, и вмещало, конечно, не меньше.
65 Мастер приделал и шею коню над полою грудью,
В темную гриву его вкропил он золота блестки,
Пышная грива волной стекала с изогнутой шеи,
Лента из конских волос держала ее на макушке.
Вставил в глазницы Эпей и глаза из камней драгоценных, —
70 Взял он берилл голубой, аметист с кровавым оттенком,
И при смещеньи глаза двойным заблестали отливом,

- Очи из синих камней были будто бы кровью налиты.
Белые зубы коню умелец в челюсти вставил,
Словно хотели уже закусить удила эти зубы!
- 75 В пасти огромной коня скрыл мастер такие отверстия,
Чтоб выпускали дыхания тех, кто запрячется в чреве, —
Свежий живительный воздух втекал через конские ноздри.
Уши прямые коню на макушке приладил умело, —
Звуки трубы уловить всегда они были готовы.
- 80 Сзади приделал он гибкий хребет, поясицу и спину,
И с ягодицами гладкими бедра, сопрягши, приладил.
Хвост же пушистый коня концом по земле волочился,
Вниз по нему бахрома, как лоза, опускалась витая,
К пегим коленям и стройные ноги мастер приделал,
- 85 Ноги, что бег обратить в полет, вот только без крыльев,
Были способны, да их нужда держала на месте.
Не был тот конь неподкован — легко поднимал он копыта,
Были покрыты они черепаховым панцирем ярким,
Чуть лишь касаясь земли могучею медной подковой.
- 90 Сделал искусную лестницу мастер и дверь на запоре,
Сбоку пристроил ее, потайную, — она пропускала
Внутрь и наружу засадный отряд славноконных ахейцев.
Лестницу ту размотать и обратно смотать было можно,
Это был путь и спуститься, и снова наверх устремиться,
- 95 Ремни на морде коня и на шее лоснящейся тоже
Были увиты красивой гирляндой цветов разноцветных,
И украшали узду, что конем поведительно правит,
Гнутых колец завитки, — сплав меди и кости слоновой.
Вот наконец, над огромным конем завершилась работа.
- 100 В поножь с приделанным к ней колесом обувает умелец
Каждую ногу коня, — теперь он будет послушен
Тем, кто потащит его, — а иначе и с места не стронуть.
Так и сиял этот конь красотой, вселяющей ужас,
Мощный, огромный, — его несомненно, — и всем так казалось, —
- 105 Будь он живым, тотчас же угнал бы Арес — конелюбец.
Конь был высокой стеной обнесен, чтоб ахейские мужи,
Видя его, преждевременно хитрость раскрыть не сумели.
Той порой на Микенский корабль Агамемнона тихо
Все цари собрались на совет, покинувши войско,
- 110 Выйдя из бурной толпы возбужденно шумевших народов.
Вдруг в обличи некого вестника с голосом зычным
Пред Одиссеем Афина сама советчицей встала,
Речь наплатала ему источающим сладость нектаром.
Он же, вращая в уме все то, что богиня внушила,
- 115 Так и стоял поначалу, безмозглому мужу подобясь,
Выпучив очи и взор неподвижный вперя под ноги.

- Вдруг, ощутив наступление родин бессмертного слова,
Грянула он дивно, и речь полилась, как будто разверзся
С высшей источник могучий потоком текущего меда,
120 Рек он: «О, други! Готова уже западня потайная!
Руки людские и разум Афины ее сотворили.
Вы, кто особо на мощь своих дланей надеяться смеет,
Кто выдается умом, в ком бьется отважное сердце,
Ныне — за мной! Негоже нам, здесь пребывая годами,
125 Муки терпеть без конца, поджидая бессмысленно старость.
Лучше, покуда живем, дерзнуть на великое дело
Или погибнуть, — и в смерти спастись от позора бесславья!
Боле у нас, чем у наших врагов, на победу надежды —
Если припомните вы и гнездо, и страшного змея,
130 Вспомните пышный платан, и птенцов, и бедную птицу,
Ту, что погибла с несчастными нежными детками вместе, —
Все, что вещал нам и старец Калхас в своих прорицаньях,
Вам ведь пришелец Гелен давал вдохновенный оракул, —
Все одно к одному — близка уже наша победа.
135 Вот отчего говорю: повинуйтесь! И с твердой душою
Смело во чрево коня поспешим! Пускай же трояне
Сами несчастье свое выбирают, несут себе в город
И принимают с весельем и лаской свою же погибель.
Наши теперь пускай отрешат корабли от причалов,
140 Пусть поджигают шатры и палатки на нашей стоянке,
Пусть покидают теперь побережье пустынное Трои
И отплывают все вместе, как будто домой направляясь.
Так и плывите, покуда с удобного, видного места
Вам, что сберетесь все вместе на бреге, отсюда ближайшем,
145 Знак к возвращению не даст в ночи пылающий светоч.
Тут нерешительность — прочь! Сильней налегайте на весла!
Тут — все страхи долой, что на слабую душу людскую
Темные ночи низводят, и ужас, и трепет вселяя.
Честь отчизны да станет первейшею доблестью вашей!
150 Славу свою да никто не уронит! Пускай же получит
Всеяк по заслугам своим и награду за бранное дело!»
Рек и совет распустил. И по слову его устремился
Неоптолем боговидный вперед, — он самый был первый,
Будто бы конь молодой, что на поле росистое рвется,
155 Гордо красуясь нарядной, недавно прилаженной сбруей,
Опережая удары хлыста и окрик возницы.
Следом за ним пошел Диомед, потомок Тидея,
В сердце дивясь, что точно таким Ахиллес был когда-то.
С ними пошел Кланипп, чья мать — Комето, дочь Тидея,
160 С Эгиалеем она сочеталась супружеством кратким,
Сына родив щитоносцу, чей век оказался недолгим.

- Вышел и сам Менелай. Вела его дикая жажда
 В схватку вступить с Деифобом — засела в нем ярость жестоко,
 Рвался сыскать он того, кто брак вторично ограбил.
- 165 С ним — и Локровский Аякс, стремительный сын Оилея,
 Он хоть и скор, да разумен умом и до женщин не падок
 Так, чтоб закон забывать. Аякс позвал и другого —
 Критского Идоменея, — царя, уже полуседого.
 Нестора сын Фрасимед пошел с ними вместе, могучий,
- 170 Также и Тевкр, Теламоном рожденный, стрелок-дальновержец,
 Вышел и отпрыск Адмета, Эвмел, богатый конями,
 После него заспешил и Калхас, прорицатель бессмертных.
 Он-то в душе уже знал, что окончены тяжкие муки,
 Вступят теперь, наконец, ахейские всадники в Трою.
- 175 Нет, не остались тогда в стороне от этого дела
 Эвемонид Эвришил с Леонтеем добрым, — на помощь
 Также пришли Акамант с Демофооном, дети Тезея,
 И Антикл Ортигид — его потом со слезами
 Похоронили ахейцы — ведь прямо в коне он скончался,
- 180 Мегес и Пенелей с Антифатом, исполненным силы,
 Ифидамас и Эвридамас из Пелия рода,
 С лучником Амфидамасом. Последним же вместе с друзьями
 Блещущий мыслью Эпей к своему направлялся творенью.
 Вот, наконец, восславивши дочь совооую Зевса,
- 185 Все поспешили к коню. Афина же им подмешала
 В завтрак амвросию, пищу богов, дабы все подкрепились
 И не ослабли колени у них от сосущего глада —
 В чреве коня, притаясь, весь день просидеть предстояло.
 Так же, как если, когда налетевшие темные тучи
- 190 Воздух морозом сгустят и снег всю землю покроет,
 После же таять начнет и сплошным разольется потоком, —
 Тут в горах со скал и с шумом, и с брызгами мчатся
 Вниз стремительно целые реки, и горные звери,
 Шум их слыша, спешат поскорее укрыться подальше,
- 195 И по берлогам, по логовам прячутся все, затаившись,
 Тихо за горными кряжами в скалах, и ждут терпеливо,
 Чтобы поток миновал, и терпят, несчастные, муку, —
 Так и ахейцы, забившись в точеное конское чрево,
 Ждали теперь, и тяжкие муки сломить не могли их.
- 200 Обремененное чрево коня Одиссей запирает
 В твердой надежде, что хитрость осталась никем не раскрытой.
 Сам в голове у коня помещается как наблюдатель,
 В оба глядит из засады, невидимый, что там, снаружи.
 Слугам своим Агамемнон велит, чтобы, заступы взявши,
- 205 Срыли ограду из камня, служившую стройке заслоном, —
 Мыслил Атрид — чтобы конь, как он есть, без всяких прикрытий,

- Издали людям сиял, красою своей привлекая,
Вот и сравнивали ограду с землей по цареву приказу.
Солнце меж тем уступало за ним поспешающей ночи,
210 Запад горел по вершинам, а понизу мрак расстилался.
Вот послышался вестников клич, возвещавший народу
Время спускать корабли, чьи реи прилажены ладно,
В море глубокое плыть, обрубив у причалов канаты.
Вот и сосновые факелы взяли, огонь запалили
- 215 И подожгли всю ограду стоянки, поставленной славно.
После, взойдя на свои корабли, от Ротейского берега
В гавань напротив пошли, к Тенедосу, венчанному дивно,
Синюю гладь бороздя Афантовой дочери Геллы.
Возле же Трои лишь Синон остался, потомок Эсима,
- 220 Хитрый герой, — себя самого он нарочно изранил,
Дабы троянцев верней обманула военная хитрость.
Так, промышляя зверей, что по горным чащобам блуждают,
Ловчие крепят силок многопетельный, колья вбивая,
Сделают, — и отойдут, но один остается в засаде,
- 225 Спрячется, и при сетях сторожит появление зверя,
Ветви густые кустов надежно его закрывают.
Так вот и Синон, себе нанеся добровольные раны,
Там выжидал, замышляя жестокую гибель для Трои.
Кровь же из деланных ран по спине изливалась потоком,
- 230 Пламя пожара всю ночь напролет у шагров бушевало,
Мощно клубясь, воздымались стремительно дымные вихри,
Во исполнение воли Гефеста, чей грохот ужасен.
Огненной бури напор и Гера сама раздувала,
Мать бессмертного пламени, свет приносящая людям.
- 235 Стало светать, и тогда до троянцев и жен илионских
Вмиг долетает молва многогласная, им возвещая
Бегство врагов, и дым от пожара его подтверждает.
Тотчас троянцы спешат разрешить от запоров ворота,
Все — кто верхом, кто пешком — устремились потоком на поле,
- 240 В сердце сомненье тая, уж не хитрость ли это ахейцев.
Старцы, почтенные в городе, те, что совет составляют,
Мулов проворных запрягши в повозки, выходят из Трои
Вместе с Приамом царем, и объяла их странная легкость,
Их, что пеклись о потомках, пока пощаженных Аресом,
- 245 Словно блеснула надежда, что старость их будет свободной, —
Впрочем, недолгую радость судила им Зевсова воля.
Видят трояне коня неживого, блестящей работы,
Диву даются, его окружают, и шум поднимают, —
Словно крикливые галки орла-силача увидали.
- 250 Прежде всего зародились у них недобрые мысли
В душах, истерзанных тяжко войной, тяжелой и горькой.

- Кто предлагает коня, врагов ненавистных творенье,
Сбросить немедля с высокой горы, да в глубокую пропасть:
Кто предлагает рубить его в щепки тотчас топорами.
- 255 Были и те, кто, пленившись искусством прекрасной работы,
В дар предлагали богам принести коня боевого, —
Пусть об аргивской войне на память потомкам стоял бы.
Так совещались они, как вдруг человек появился
На поле, еле влача изнуренное ранами тело, —
- 260 Исполосован он был бичами свистящими, видно.
Свежие раны страдальца мучительно кровью сочились,
Прямо к Приаму он шел, и у ног его наземь простерся.
Жестом просящего тронул колени почтенного старца,
И, умоляя, такое изрек ему хитрое слово:
- 265 «О, если сжалишься ты, Дарданид-скиптродержец, над мужем,
Спутником бывшим ахейцев, а ныне — защитником Трои,
Если спасешь его, знай — ахейцам он враг наизлейший!
Глянь, как богов не боясь, меня изувечили страшно!
И ни за что, ни про что. Таковы уж их злость и жестокость!
- 270 У Эакида Ахилла они отобрали награду,
За неприступной водой Филоктета оставили, бросив,
И самого Паламеда по зависти злой погубили.
Ну, а со мной сотворили они, подлецы, нечестивцы,
Это за то, что с ними бежать не желал я с дружиной.
- 275 Злоба их ум помрачила — с меня посрывали одежды,
Стали меня бичевать беззаконно, всю кожу содрали,
После же здесь, на чужом берегу, был один я оставлен.
Старец блаженный! Во имя Зевеса, оплота молящих!
Вот уж злорадоваться будут ахейцы, когда ты допустишь
- 280 Мне пропадать, кто с мольбой простер свои руки к троянцам!
Я же для вас для всех надежно буду подмогой,
Да не внушит вам боязни аргивской войны возвращенье!»
Рек, и ответствовал старец ему ободряющим словом:
«Гость наш! Ведь ты средь троянцев! Страшиться не следует боле!
- 285 Наглых обид от ахейцев теперь навсегда ты избегнул!
Будешь нам другом всегда, и скучать по отчизне не станешь!
Дом свой богатый с тоскою тебе вспоминать не придется.
Ныне и мне ты поведай, — сей конь, что за дивное диво,
Чудище странное это? Открой же мне имя и род свой
- 290 И расскажи, из какой же земли приплыл ты под Трою».
Тут, осмелев, многохитрый герой ему отвечает:
«Все расскажу я тебе, — ведь и сам я того же желаю.
Аргос — мой город родной, и Синоном я называюсь.
Эсим — вот имя, что носит почтенный седой мой родитель.
- 295 Конь сей Эпеем сработан — старинное было реченье:
Если оставите вы коня стоять на равнине, —

- Грекам тогда суждено захватить оружием Трою,
Если же примете вы как кумир его в храме Афины,
Будет война бесполезна ахейцам, — они разбегутся.
- 300 Так поспешите коня, что сбруей украшен златою,
Крепче веревкой вязать и в крепость влеките скорее!
Будет вести нас Афина сама, защитница града,
Сей искусный подарок к себе принять поспешая».
- Молвил. Приам повелед, чтобы Синону дали одежду —
- 305 Хлен и хитон. А троянцы канатом коня обвязали,
Также ремнями из кожи бычачей скрепили надежно
И повлекли на быстрых колесах его по равнине.
Шел начиненный героями конь, перед ним раздавался
Песни веселый напев и флейт, и форминги беспечной.
- 310 Бедные смертные! Сколь неразумно их жалкое племя!
Мрак непроглядный грядущее им застилает, — и часто
Радость питают они, хоть гибель кругом обступила.
Так и троянцы, веселой шумливой толпой, распевая,
В город по собственной воле с почетом вели свою гибель.
- 315 Было им всем невдомек, что бескрайнее горе их ждало.
Срезав с речных берегов росистых цветов, увенчали,
В славный венок их сплетя, своего погубителя шею.
Страшно земля застонала, треща под чудовищным весом
Медных колес, и послышался резкий, пронзительный скрежет, —
- 320 Это при треньи о них визжали железные оси.
Крепкий канат затрещал, напряглись витые веревки,
Пыль взметнулась с земли, дымясь густыми клубами, —
И потащили коня. Тут шум поднялся несказанный —
Ида и с нею дубы — обиталище нимф — зашумели,
- 325 Стоном и Ксанф отозвался, волной окружающий город,
Вторя, гудел Симоент, и от Зевса пророческим громом
С неба труба протрубила, возврат войны возвещаая.
Конь продвигался вперед, а путь был нелегким и долгим, —
Местность неровной была, ее перерезали речки,
- 330 Он же легко был влеком к алтарям, Арею угодным,
Мощно красуясь, — богиня Афина своими руками
Гладкие ребра его обхватила, коня продвигала.
Стало быть, двигался он напрямик, как стрела, — не догонишь.
Резвым ходом своим троянцев вперед подгоняя.
- 335 Вот, наконец, подошел он вплотную к воротам дарданским,
Но не впускают ворота коня — для него они низки.
В сей же миг поднимает врата, давая дорогу,
Гера сама, а бог Посейдон на башенных высях
Грозно трезубцем потряс — и створки ворот распахнулись.
- 340 Стали стекаться по граду к коню отовсюду троянки,
Девы — невесты и те, кто изведал Илифию, жены.

- В пляске они, распевая, кружились вокруг изваянья,
Стали они расстилать под конем деревянным цветочный
Нежный ковер из роз, душистой исполненный влаги.
- 345 Сняли другие с себя свои пурпурные ленты,
Те, что носили под грудью, — коню сплели украшение.
Пифос огромный откупорив, стала одна из троянок
Землю крошить вкруг коня, и ее напитала душистым
Дивным вином, — к нему золотой шафран был подмешан.
- 350 Женских звон голосов мешался с мужскими басами,
Дети галдели, и ахали старцы, и шум воздымался,
Словно ряды журавлей, перелетных гостей океана,
Слуг зимы самой, поднялись в небеса, и в полете
Пляску бродяжью свою завели, и наполнился воздух
- 355 Песней, приход возвестившей поры, ненавистой селянам.
Так и троянцы шумели, ведя суматошной толпою
В кремль через город коня, чье чрево полнилось тяжко.
Вещая дочь Приама, гонимая богом Кассандра
В женских покоях сидеть не могла, — сорвавши запоры,
- 360 Ринулась вон, как телица, которую гонит и гонит
Овода жало, что вечно коров и быков истязает;
Стадо не видя свое, пастуху не послушная боле,
Свежей не ищет травы, но, язвимаая острою раной,
Рвется она из загона, — вот так же пророчицу-деву
- 365 Вещий дар, как бодец, подстрекал. И душа содрогалась,
Словно священный лавр, сотрясаемый манием бога.
Рев, то ли рык ее град огласил — позабыла Кассандра
И про родителей, и про подруг, и про девичью скромность,
Так во Фракийском лесу напев Дионисовой флейты
- 370 Сладостный мигом пронзает насквозь фракиянки душу,
Чует она божество, и глазами безумно блуждая,
Скинув убор с головы, ее темным плещом увивает.
Так и Кассандра, взлетев высоко умом окрыленным,
Впала в неистовство, в грудь себя била, волосы вырывала,
- 375 И предрекла, наконец, иступления полное слово:
«Что вы, безумцы, ведете коня себе на погибель!
Разума, бедные, вы лишены, что спешите приблизить
Нашу последнюю ночь, поражение и сон беспробудный!
Это толпа — строй врагов, а не шествие с песней веселой!
- 380 Вот они, вот они роды, что снились несчастной Гекубе!
Вот он, кончается год, к окончанью войны преддрешенный!
Это — засада, и мощные воины здесь затаились,
Их изведет на свет в боевых блестящих доспехах
Конь сей огромный под темным покровом ночи непроглядной,
- 385 Выпрыгнут все они вниз, и бой возгорится последний.
Женская помощь не будет нужна при муках родильных,

- Что разрешатся мужами — Илифией будет при этом
Та сама, кто, его сотворив, на свет и явила!
Это она закричит, разрешив его полое чрево, —
- 390 Станет его повитухой крушащая грады Афина!
Вижу: меж башен уже расплескалось пурпурное море
Проливой крови, и волны убийств по нему пробегают!
Вижу я: цепи ложатся на нежные женские руки!
В чреве сего коня истребительный пламень тaitся!
- 395 Горе и мне, и горе тебе, о город мой отчий,
Станешь ты пеплом сплошным — погибает творенье бессмертных,
Гибнет, что крепко поставлено было при Лаомедонте!
Мать и отец, я рыдаю о вас! Ведь я уже знаю,
Что вас обоих постигнет, — отец, ты жалко простертый,
- 400 Близ алтаря Оградного Зевса великого ляжешь!
Матерь детей наилучших, а ты человеческий облик
С горя по детям утратишь — собакою сделают боги.
О Поликсена прекрасная! Скоро тебя я оплачу!
Скоро ты мертвой падешь недалеко от отчего града!
- 405 Быть бы убитой и мне, как тебя я оплакивать стану!
Что мне за радость от жизни, коль ждет самое меня вскоре
Смерть еще жалче твоей, и чужая земля меня примет, —
Вот что готовит моя госпожа и мне, и владыке,
Вот что возьмет Агамемнон в награду за все свои муки.
- 410 О, поскорей образумьтесь, поймите, что вас ожидает!
Други, рассейте обмана туман, умы помрачивший!
Полое тело коня разрубите скорей топорами!
Жгите его! Да сгинут злодеи, что там затаились!
Пусть же данайцев постигнет тоска и великое горе!
- 415 Вот уж тогда — сама вам скажу — пляшите, пируйте,
Полните чаши и празднуйте милую нашу свободу!»
Смолкла. Никто ей не вял. Аполлонова воля вершилась —
Правду вещала она, да словам ее не было веры.
Строго ответил родитель, возвысив свой голос во гневе:
- 420 «Что, злопророчица! Вновь обуял тебя демон недобрый!
Наглая муха собачья! Твой лай никого не удержит!
Все еще ум поврежден твой, как бешенством, этим недугом,
Все не насытишься ты беснованьем своим злоречивым!
Нет, преисполнена зависти к нашим пирам и веселью,
- 425 Ты появилась сюда, когда нам ниспослал, наконец-то,
Зевс Кронид избавления день, и отплыли ахейцы.
Копий не мечет никто, не натянуты более луки,
Блеска не видно мечей, и стрелы молчат, а не свищут!
Пляска и музыка, медом дышащая, здесь, а не распря!
- 430 Мать не рыдает о сыне, супруга не плачет о муже
Мертвом, — на битву его проводив, она стала вдовою, —

- Дева Афина, защитница града, коня принимает!
Ты же посмела, негодная, вырвавшись дерзко из дома,
Всякую лож проричать и буйствовать в диком безумстве!
435 Только стараешься, град оскверняя священный, напрасно!
Вон убирайся! А мы предадимся пирам и веселью!
Страха уже не осталось теперь под стенами Трои!
Более нет ни малейшей нужды нам в твоих проричаньях!»
Рек и велел увести в покои глубинные дома
- 440 Дочь безумную прочь — и деве пришлось покориться
Воле отца, и Кассандра, упав на девичье ложе,
Ведаю участь свою, зарыдала, ведь вещие очи
Явственно зрели огонь, пожиравший родимые стены.
Прочие жители Трои коня между тем провожают
- 445 В храм Афины — защитницы града, и там водружают
На постаменте резном, возжигают священные жертвы
На алтарях, — но вотще! Отвергнуты их гекатомбы.
После уселись за пир, и буйство пошло, умножая
Крепость хмельного вина, что и так-то мужей расслабляло.
- 450 Город в бесчувствие впал, упившись, и все опустело.
Стража в ничтожном числе при вратах городских оставалась,
Солнце меж тем закатилось, и вот над Троей высокой
Ночь роковая нависла, несущая городу гибель.
Тут Аргивской Елене сама Афродита явилась
- 455 В дивном уборе. Богиня премудрая, хитрость затея,
К ней обратилась, и так, убеждая ее, говорила:
«Милая! Муж Менелай твой тебя призывает, владыка,
Скрыт он в коне деревянном с вожжами ахейскими вкупе,
Ждут они часа в засаде твои отомстить испытанья.
- 460 Шествуй же к ним! А старец Приам да тебя не заботит!
И о троянцах забудь, и забудь о самом Деифобе!
Я возвращаю тебе Менелая, страдавшего много!»
Смоклка и тотчас исчезла. С душой, замороженной словом,
Брачный покой благовонный Елена тогда оставляет,
- 465 Следом — супруг Деифоб. И дивились идущей по граду
Пышноодежные жены — троянки, ее созерцая.
Вот достигла Елена высокого храма Афины,
Внутрь вступила, и там коня-исполина узрела.
Трижды Елена обходит коня, и, пытая героев,
470 Голосом нежным прекрасноволосых их жен называет.
Рвутся сердца у бойцов, тяжело участилось дыханье,
Молча терзаются мукой, невольные слезы скрывая.
Стон издает Менелай, заслышав свою Тиндариду,
Плачет потомок Тидея — жену Эгилею он вспомнил,
- 475 Боль Одиссея пронзила, когда позвала Пенелопа.
Словно копьё, Лаодамии имя сразило Антикла,

- Был он один, кто не в силах сдержаться, хотел ей ответить,
Но Одиссеей могучей рукой закрывает мгновенно
Рот его, было отверстый, и тем заставляет умолкнуть.
- 480 Крепко держал Одиссеей в объятиях нерасторжимых,
Затрепетал и забился Антикл под могучей рукою,
Сияясь избегнуть несущего страшную гибель молчанья —
Тщетно. Уже и дыхание жизни его оставляет.
Слезы беззвучно лия, мужи ахейцы Антикла
- 485 В бедренной полости емкой конева бедра положили,
Теплым накрыли плащом его холодевшее тело.
Заворожила бы, верно, Елена и прочих ахейцев,
Но появилась в эфире Афина-Паллада пред нею,
С грозным лицом увела ее прочь от любимого храма,
- 490 Зрима Елене одной, и гневное бросила слово:
«Жалкая! Где же предел! Куда тебя гонит порочность,
Жажда все нового ложа и хитрые ковы Киприды?
Ты и не вспомнишь о первом супруге, не жаль тебе вовсе
Дочь Гермionу! Доколе ты будешь радеть о троянцах?»
- 495 Шествуй домой! Подымайся в покой, что в доме наиверхний,
Факел приветный зажги и встречай корабли и ахейцев!»
Смолкла и чары обманные прочь от Елены прогнала.
Сами домой ее ноги несли. А тою порою
Кончили пляски свои до упаду троянцы, и крепкий
- 500 Сон их сморил, и форминги умолкли, и флейта упала
Прямо в кратер, утомясь. Опрокинулись винные чаши
В сонных руках, и вино потихоньку стекало на землю.
В город вошла Тишина, эта верная спутница Ночи.
Даже собаки затихли, и в мертвом, глубоком молчаньи
- 505 Город побоища ждал, напоенного воплем и стоном.
Зеве, войны казначей, на весы свои полагает
Гибель троянцам — а чашу ахейцев колеблет едва лишь.
Вот тогда, наконец, Аполлон Илион покидает,
Шествует в храм свой ликийский, скорбя о стенах великих.
- 510 Тотчас же Синон возжег сигнальное яркое пламя,
Там на кургане Ахилла, аргивянам знак подавая.
Ночь напролет и Елена сама из верхних покоев
Для земляков золотистый сосновый огонь выставляла.
Словно луна, что наполнившись белым огнем светоносным,
- 515 Лицом своим золотит небеса, разливая сиянье,
Нет, не тою порой, как ее заостряются рожки,
Месяцем новорожденным во тьме густоты непроглядной,
Но погода, округлившись, и очи наполнив сияньем,
Властно она призывает лучи отраженные солнца, —
- 520 Этой подобясь луне, в окне Ферапнейская нимфа
Правила луч путеводный, и пламя ей длань озаряло.

- Знак условный завидя, ахейцы поспешно пускают
В путь корабли, направляясь обратно все той же дорогой.
Всяк мореход поспешал, не терпелось любому скорее
- 525 Тяжкой войны затажной обрести, наконец, завершенье, —
Каждый моряк одновременно был и воителем храбрым.
Все торопили друг друга, и флот, ускоряя движенье,
Слушаясь силы порывистых ветров, стремительно гнавших
При Посейдона содействе, пришел, наконец, к Илиону,
- 530 Двинулась первой пехота, а конницу сзади держали —
Кони могли бы троянский народ разбудить своим ржаньем.
Тут же из гладкого чрева коня устремились наружу
В полных доспехах цари — словно пчелы дупло покидали
Мощного дуба, в котором гнездилися их улей просторный,
- 535 Воск ароматный творя, — умельцы роem из дуба
Прочь улетев и разлившись, кружат над пологой долиной,
Острыми жалами мучают всех, кто попался навстречу, —
Так и данайцы, отверзши засовы дверей потайные,
В яростном натиске мигом напали на жителей Трои —
- 540 Спали они по домам, и еще не успели проснуться, —
Медная смерть окутала их ужасными снами.
В кровь погрузилась земля, и вопль бесконечный воздвигся,
Кинулись в бегство троянцы, и стон поднялся несказанный,
Дрогнула Трои святыня под бременем павших. Данайцы
- 545 Всюду носились, как ярые львы, и свежие трупы —
Смерти недавней добыча запрудили улицы Трои.
Жены троянки, из верхних покоев побоище видя,
В жажде свободы желанной спешили мужьям оробевшим
Шеи свои добровольно подставить под меч смертоносный.
- 550 Матери бились в рыданиях, и, ласточкам легким подобны,
Чад закрывали собой; жениха побуждает невеста,
Полного трепета, к смерти — и вскоре сама погибает,
В плен не желая идти — разъярила захватчика дева, —
Он убивает ее, хоть сам он желал бы иного —
- 555 Деву же общее ложе с ее нареченным приемлет.
Многие жены, во чреве нося нерожденных младенцев,
Сияются их извести поскорей в преждевременных родах,
Дух испускают с малютками вместе в мученьях безмерных.
Ночь напролет, клокоча, бушует по граду, как буря,
- 560 Тяжкие пеня валы многостонного бурного боя,
Демон войны Энио, опьяненная чистою кровью,
Вместе со свитой, — то вьется Вражда, в небеса упираясь,
В бой подстрекая ахейцев, а вот, хоть и поздно, явился
Сам убийца Арес, принося данайцам Победу,
- 565 Ту, что решает войну, и свою переметную Помощь.
Крикнула тут Совеокая с высей Акрополя Дева,

- Щит Зевеса, Эгиду, потряси. Затем содрогнулся
Весь Эфир — это Гера спешила. Вот гул прокатился
Тяжкий — то землю сотряс Посейдона могучий трезубец.
- 570 Ужас напал на Аида — вскочил он с подземного трона
В страхе, что Зеве, распалившись безмерно неистовым гневом,
Весь человеческий род низвести прикажет Гермесу.
После смешалось все, обратившись в сплошное убийство.
Всех, кто пытался бежать, убивали при Скейских воротах,
- 575 Ставши в засаду. Троянец, проснувшись, кидался к оружию, —
Тут же его настигало копьё и во мрак повергало.
Чей-либо гость, ночевавший в доме в затемненных покоях,
Голос возвысив, своих призывал, как мнилось, хозяев, —
О, несчастливец! Не чаял никак он при встрече недоброй
- 580 Вражий гостинец принять. А некто поднялся на крышу —
Что там, взглянуть, — но сраженный копьём, ничего не увидел.
Были и те, кто, вином на беду переполнивши душу,
Шум слышав, вскочили, и кинулись в страхе спускаться,
Не разбирая пути, позабыв, где и лестница в доме,
- 585 Падали сверху, затылки круша, позвонки разбивая.
Шей ломали свои и вино изрыгали при этом.
Больше всего ж полегло отбивавшихся сомкнутым строем, —
Все на месте одном. А многие с башен кидались
В смертном прыжке в Аид, от вражьей погони спасаясь.
- 590 Были однако — их было немного, о, все ж они были, —
В узкие щели, как воры, забившись, старались сокрыться,
Жизнь норовили спасти, когда погибала отчизна,
Люди, носимые в гуще побоища, словно в тумане,
Не беглецам — мертвецам уподобясь, один на другого
- 595 Падали, рухнув, — и град не вмещал уже хлещущей крови,
Трунами полнился город, мужей же — терял, сиротою.
Не было места пощаде, и демон бессонный Смятенья
Бешеным щёлкал бичом — незаконные эти удары
Гнали ахейцев совсем уже страх пред богами отринуть,
- 600 Чистые их алтари в крови обагрить нечестиво.
Старцев жалчайших, о чести забыв, они умерщвляют,
Те, обнимая колена убийц, о пощаде молили —
Головы им отсекали седые — в мольбе распростертым.
Малых детей от сосцов материнских они отрывали —
- 605 Крошки безвинно расплату несли за отцов прегрешенья,
И молоко материнскую грудь отягчало напрасно —
Некому было вшивать, — и оно истекало впустую.
Птицы и псы, отовсюду сбежавшись, шныряли по граду,
По небу и на земле сообща пировать собирались,
- 610 Черную кровь выпивая, вкушали ужасную пищу,
Смертью дышали их крики, и бешеный лай поднимался

- С воем над трупами павших, и псы, жестокие твари,
Бывших хозяев своих уже защищать не старались.
Вот ворвались Одиссеей с Менелаем прекрасноволосым
615 В дом самого Деифоба, чей ум помрачен женолюбьем.
Словно свирепые волки, которые зимней порою
Вместе задравши отару овец, что была без примотра,
Хмуро уходят, избавив теперь пастухов от работы,
Так и они — отойдя от одной нескончаемой сечи
620 В новую кинулись — встречных разили; из верхних покоев
Дома в них камни метали и жгучие стрелы пускали —
Головы смелые им защищали надежные шлемы,
Крепкие; оба героя, прикрывшись большими щитами,
В дом, наконец, ворвались, и всех, кто навстречу попался,
625 Всех уложил Одиссеей, словно хищник пугливых оленей.
Сам же Атрид Менелай, погнавшись, схватил Деифоба,
Полного страха, и чрево мечом рассек посредине, —
Печень и скользкие с нею кишки появились наружу,
Пал Деифоб, позабыв об искусстве своем колесничьем,
630 А за Атридом пошла добытая с бою супруга
В трепете — то она радость питала, что кончились муки,
То оплывал ее стыд, и впервые, столь поздно, отчизна,
Словно сон, ей на память пришла, и вздохнула Елена.
Старца Приама царя, согбенного горем, сражает
635 При алтаре Оградного Зевса потомок Эака
Неоптолем, милосердье отцово отринув, к молениям
Глух, не уважил седин, что Пелеевым равными были, —
Тех седин, что Ахилл пощадил, столь тяжкий во гневе, —
В ярости он обезглавил Приама смертельным ударом.
640 Жалкий! Неведомо было ему, что его ожидало
При алтаре Аполлона — правдивца погибнуть в грядущем
После, когда его, как врага священного храма,
Муж-дельфиец убьет, ножом священным зарезав.
Вопль Андромаха исторгла, узрев своими глазами,
645 Как Одиссеева длань низвергает с башенной выси
Вниз в смертельном броске малютку Астианакса.
Быстрый Аякс Оилид обесчестил деву Кассандру,
Что обнимала колени кумира пречистой Афины,
И не простила насилья Афина, помощница прежде,
650 Гневом на всех воспылав за грех одного Оилида.
Сжалась, спасла Афродита Энея с отцом его вместе,
Их, похитив, она унесла к Авзонейским пределам,
Вдаль от Трои родной — богов вершилася воля,
Зевсом одобрена, дабы вовеки была нерушима
655 Мощь Афродиты детей и потомков, любезной Арею.
Поросль и всю родню Антенора, подобного богу,

- Гостеприимного старца, Атрид пощадил Агамемнон,
Тем благодарность воздав за обильный стол и за ласку,
С коими принят бывал Теано, его доброй супругой.
- 660 О, Лаодика — бедняжка! Тебя близ отчих пределов,
Шедро объятья раскрыв, земля, разверзшись, прияла,
И не Тезид Акамант, и никто иной из ахейцев
В плен не увел как добычу тебя — умерла ты в отчизне!
Все, что вершилось той ночью в чудовищном месиве боя,
- 665 Ни разобрать, ни подробно воспеть для меня невозможно —
Музам лишь это под силу, — а я лишь до этих пределов,
Словно коня до меты на ристанье, гоню свою песню.
Вот, наконец, на востоке, на самом краю Океана
Мало-помалу светать начинало — то конница Эос,
- 670 Ночь стирая убийств, белила огромное небо.
Грекам победная гордость сердца через край заливала,
Все продолжали они по городу рыскать, — искали,
Кто уцелел, притаился, избегнув беды всенародной.
Словно смертельной сетью окутаны были троянцы —
- 675 Гибли, как рыбы, что в неводе бьются на бреге приморском,
Все украшенья высоких палат выносили данайцы,
Вон приношенья из храмов несли, а в домах опустелых
Грабили ценное все, к кораблям тащили, и женщин
Пленниц, добычу войны, с детьми уводили насильно.
- 680 Стены кольцом огненным, истребляющим град, окружили,
С пламенем, вспыхнувшим мигом, слилось Посейдоново дело.
Троя, пылая, справляла любимым сынам погребенье.
Взор устремив на пожар, дотла пожирающий город,
Ксанф зарыдал, и от слез его струи солеными стали,
- 685 Но уступил он Гефесту — огню, перед Герой робея.
Вот Поликсену заклали аргивяне в жертву Ахиллу,
Гнев Эакида смягчая, на холме могильном героя.
После по жребию женщин троянских они разобрали,
Золото и серебро поделили, и все погрузивши
- 690 В емкие трюмы судов, по широкому морю поплыли
Прочь от троянского берега, с войною покончив, ахейцы.

Клавдий Рутилий Намациан ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ*

Клавдий Рутилий Намациан — выходец из Галлии, высокопоставленный государственный деятель в Риме (*magister officiorum* в 412 г., *praefectus urbis* в 414 г.). В 416 году, через шесть лет после трехдневного захвата Рима Аларихом, Рутилий возвращается в Галлию морским путем, о чём повествует его поэма «*De reditu suo*», от которой дошла большая часть первой книги и 68 стихов второй. Она написана элегическим дистихом, отмеченным метрической правильностью; несомненна глубокая образованность автора, свободное владение поэтической техникой в традиции элегической поэзии августовского периода. Повествование динамично, описания ярки, многообразен мастерски подаваемый познавательный материал, характеристики персонажей живы. Всё это позволяет оценивать поэму как важный исторический источник, как значительное литературное произведение. Предлагаемая публикация — новая редакция нашего перевода, опубликованного в 1982 г.¹, выполненная с учетом последних работ по Рутилию Намациану².

Мы посвящаем эту работу Инне Андреевне Гвоздевой, неутомимой и даровой исследовательнице истории древнего Рима.

Возвращение на родину

Книга первая

Быстрый отъезд мой тебя удивит, любезный читатель:
Как это можно — спешить римских лишаться усад?
Всем почитающим Рим и век не покажется долгим —
Всякий срок невелик для бесконечной любви.

---

* Наша глубокая благодарность Алексею Андреевичу Изотову за помощь при подготовке текста к изданию.

¹ Рутилий Намациан. Возвращение на родину / Пер. О. Смыки // Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 281–302.

² Rutilius Claudius Namatianus: *De reditu suo sive Iter Gallicum* / Ed. E. Doblhofer. Bd. I: Einleitung, Text, Übersetzung, Wörterverzeichnis; Bd. II: Kommentar. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 1972–1977; *Cameron A. The Last Pagans of Rome*. Oxford: University Press, 2011.

- 5 Сколь блаженны, и как блаженны, и мне ли исчислить
Тех, кто судьбою рожден в этой счастливой земле,
Тех, кто умножил от римских отцов благородное племя
И возвеличил своей славой римскую честь!
Ведь семена добродетели — их небеса посылают —
- 10 Больше нигде не могли так же достойно взойти.
Счастливы также и те, кому меньшая выпала доля,
Ежели Рим и для них сделался домом родным!
Курия Рима святая открыта и славе неримлян,
И не чужие ему, кто по заслугам свои.
- 15 Властью не меньше они, чем коллеги и все их сословье,
И сопричастны они Гению, коего чтят.
Верим: такой же совет существует у высшего бога,
Там, на эфирной оси сферы, объемлющей мир!
- Но отрывает меня судьба от любимого края,
20 И своего земляка галльские пашни зовут.
Обезобразили их бесконечные войны, и все же
Чем неприглядней их вид, тем еще больше их жаль.
Можно простить небрежность к согражданам в мирное время,
Здесь же общий ущерб требует личных забот.
- 25 Слезы текут из очей при мысли о дедовских кровах,
Горем же вызванный труд часто на пользу идет,
Больше нельзя нам не знать разорения этого края —
Мешкает помощь и тем множит размеры беды.
Там, на полях, истерзанных после свирепых пожаров,
- 30 Время поставить дома хоть бы лачугам под стая,
Если бы наши ручьи обладали разумною речью,
Если бы только могли наши кусты говорить, —
Их справедливый упрек меня, кто все еще медлит,
В путь бы погнал и напярк парус печали моей,
- 35 Зов их меня победил, и разжались объятия Рима.
Вот наконец-то настал час отправления в путь.
Мы предпочли сухопутным дорогам морскую, поскольку
Реки в полях разлились, кручи опасны в горах.
Ныне, когда и Аврелиев путь, и этрусские пашни
40 Гетским огнем и мечом разорены, и когда
Всюду леса без жилья, и на реках мостов не осталось, —
Лучше неверным волнам вверить свои паруса.
- Перед разлукою мы поцелуями дверь осыпаем,
Через священный порог ноги идти не хотят;
- 45 Молим прощенья в слезах и жертву приносим хвалою,
В меру, насколько словам слезы дорогу дают:

- «Слух преклони, о царица, прекраснее всех в твоём мире,
Рома, чей вечный удел — в небе, исполненном звезд!
Слух преклони, о прагматерь людей и прагматерь бессмертных, —
50 Храмы святые твои нас приближают к богам.
Мы воспеваем тебя и будем петь до кончины,
Счастлив не будет никто, если забудет тебя.
Солнце затмится преступным забвеньем скорей, чем из сердца
Нашего может уйти это почтенье к тебе.
- 55 Милости, равные солнца лучам, достигают пределов,
Где обтекающий мир волны несет Океан.
Встав из твоих земель, в твои же опустится земли
Сам всеобъемлющий Феб, мчася для тебя лишь одной,
Пламень Ливийских пустынь тебя удержать неспособен,
60 И не помеха тебе холод арктических звезд.
Сколь простирается ввысь животворная наша природа,
Столь же доступна земля доблести, Рома, твоей.
Разным народам единую ты подарила отчизну,
Благо — под властью твоей им беззаконье забыть.
- 65 Ты побеждённым дала участие в собственном праве,
То, что было — весь мир, городом стало одним.
Мы говорим, что Венера и Марс — основатели рода,
Мать Энеадов она, он — Ромулидов отец:
Бранную силу и мощь смягчает победная кротость,
70 Свойства обоих богов, Рома, присущи тебе.
Вот почему отраднo тебе и щадить и сражаться,
Грозных уметь побеждать, а побеждённых — любить.
Чтим мы богов, подаривших оливу и сок винограда,
Отрока чтим, кто вонзил в землю впервые сошник,
- 75 И врачеванью воздвигнут алтарь по заслугам Пеона,
И по заслугам Алкид в славе причислен к богам.
С ними — и ты, кто, объяв триумфом, несущим законы,
Землю, заставила всех в общем согласии жить.
Каждый римский предел тебя прославляет, богиня,
80 И на свободных плечах гнёт миротворный несет.
Звезды, которые мир блюдут в вековечном движенье,
Более славную власть видеть нигде не могли.
Разве такое могли сплотить мечи ассириян?
Даже мидийская власть дальше соседей не шла.
- 85 В царском доме парфян и среди македонских тиранов
Каждый имел свой черед ставить законы другим.
Было немного людей и сил у тебя при рожденье,
Мудрость, однако, в тебе и справедливость была.
Правые войны веда и мир принося ненадменно,
90 К высшей мощи пришла знатная слава твоя.

- Дело не в том, что царишь ты, а в том, что царишь по заслугам —
Ты начертанье судьбы делом своим превзошла.
Не перечислить трофеев твоих, возносящихся в славе, —
Легче было бы счесть звезды в ночных небесах.
- 95 Блеск твоих храмов слепит на них обращенные взоры, —
Можно поверить, что здесь сами живут божества.
Как рассказать, что по аркам воздушным текут к тебе воды?
Радуга в тучах и та столь высоко не висит,
Впору об этом сказать, что горы до звезд дотянулись, —
- 100 Делом Гигантов зовет Греция труд таковой.
В стены втекают твои на путях пресеченные реки,
Пышные бани твои тратят озера воды.
Впрочем, не меньше того есть влаги и в собственных жилах,
Город так и звенит звоном природных ключей.
- 105 Свежим дыханьем они умеряют палящее лето,
Чистая их струя жгучую жажду уймёт.
Мало того: горячий поток пробрызнул когда-то
Возле Тарпейской скалы, путь преграждая врагам.
Если бы тек он всегда, я счел бы, что это — случайность;
- 110 Нет: на помощь придя, в землю он скрылся опять.
Что говорить о лесах, под резным потолком заключенных,
Где доморощенных птиц пестрые песни звучат?
Здесь наслаждается год твоей бесконечной весной
И, покоряясь, зима радость твою бережет.
- 115 Векинь же, о Рома, венчанную лавром главу и святую
Преобрази седину в юную свежесть кудрей!
Пусть башненосный венец горит золотой диадемой,
Пусть твой щит золотой вечные мечет огни!
Ты же, обиду забыв, позабудь и причину обиды, —
- 120 Преодоленная скорбь скрытые раны целит.
Твой ведь обычай — всегда в несчастье думать о счастье;
Твой без убытка ущерб, как у светил в небесах.
Видишь, как звезды горят, и заходят, и снова восходят,
Как умирает луна и возрождается вновь.
- 125 Брени, победитель при Аллии, ждал наказания недолго,
Самний за злой договор рабством своим заплатил,
Пирра смогла ты прогнать, уцелев среди многих несчастий,
Даже сам Ганнибал свой же оплакал успех.
То, что не тонет в воде, всплывает с новой силой:
- 130 Чем его глубже топить, тем оно легче всплывет;
Факел, опущенный вниз, обретает новое пламя, —
Так, просиявши, и ты к высям стремишься из бед.
Распростирай же в века бессмертную силу законов:
Нить роковая тебе только одной не страшна.

- 135 Тысяча сто шестьдесят тебе уже лет миновало,
И в добавление к ним год уж девятый идёт, —
Но до конца твоего никакие не мерены сроки —
Лишь бы стояла земля, лишь бы над ней небеса!
Ты укрепляешься тем, чем рушатся прочие царства:
- 140 Путь возрождений твоих — в том, чтобы крепнуть от бед.
Пусть же, как жертва, падёт наконец нечестивое племя,
Пусть вероломный гет в страхе поникнет главой!
Пусть усмиренные земли несут богатые дани,
Прибыль от варваров пусть полнит святую казну.
- 145 Все для тебя: и нильский разлив, и рейнские жатвы:
Пусть плодородный мир кормит кормилицу-мать!
Африка пусть тебе обильные шлет урожаи,
Солнцем богата твоим, влагой же больше твоей.
Пусть на латинских полях наполнятся житницы житом
- 150 И гесперийский нектар густо в давяльни течет.
Пусть даже Тибр, чело увенчав камышом триумфальным,
Воды послушно отдаст Ромула детям служить.
Пусть по нему без помех к тебе поступают богатства:
Сверху — сельский товар, снизу — заморский товар.
- 155 Рома, открой же мне путь в усмиренное Кастором море:
Пусть Киферея тропу мне разровняет в волнах!
Если я не грешил, соблюдая законы Квирина,
Чтил священных отцов, слушал их мудрый совет —
Это не слава префекта; скорее — заслуга народа
- 160 В том, что мечу моему нечего было карать.
Кончу ли жизнь я свою теперь в отцовских пределах
Или глаза мои вновь смогут увидеть тебя —
Буду я счастлив, и мне желать будет нечего боле,
Если мне выпадет честь быть не забытым тобой».
- 165 Это сказав, отправляюсь я в путь, а друзья провожают,
И невозможно без слез взорами молвить «прощай».
Вот и они возвращаются в Рим, а со мной остается
Руфий, в котором жива слава Альбина-отца.
Имя его родовое — от древнего рода Волуса,
- 170 Что из рутульских царей, как сообщает Марон.
Сам доверялся дворец его даровитому слову:
Юный совсем, говорил именем принцепса он.
А до того он подростком в проконсульской Пунике правил,
Вместе и страх, и любовь в сердце тирийцев вселив.
- 175 Ревностный дух ему обещал высокие фаски:
Эти заслуги — залог: консулом будет и он.
Он не хотел, но, горюя, его я заставил вернуться.
Пусть разлучились тела: сердце — одно на двоих!

- Вот я иду к кораблям, туда, где Тибр, раздвоившись,
180 Правым своим рукавом пересекает поля.
Левый рукав — не для нас, от глубоких песков непрístupный:
Слава осталась одна, будто им принят Эней.
Небо бледнеет в клешнях Скорпиона, и Феб восходящий
Больше и больше дает сроку ночной темноте.
- 185 В море идти не спешим, и у пристани медлим и медлим —
Из-за неожиданных помех нам и досут не в упрек:
При захожденье Плеяд коварно бушует пучина,
Всей ополчаясь на нас яростью бурной поры.
Рады мы вновь и вновь озираться на Рим, еще близкий,
190 Взглядом скользя по холмам до утомления глаз,
Чтобы по милым местам наслаждались приглядкою очи,
Воображая, что всё видят они, что хотят.
Этим местам примета — не дым, от земли восходящий,
Той земли, где стоит целого мира оплот,
- 195 Хоть и прославил Гомер видение легкого дыма,
Над дорогою землей вставшего к высям небес.
Нет: в пространствах у нас небосклон и ясней и прозрачней
Там, где семь холмов явственно взору видны.
Кажется, будто бы здесь и солнце не знает заката,
200 Будто над Римом и день чище стоит и светлей.
Игрица шум циркового в ушах у меня возникает,
Крик возбужденный гласит: полон народом театр.
То ли и вправду эфир доносит знакомое эхо,
То ли желанье мое этот обман создает.
- 205 Так пятнадцать мы дней ожидали надежного моря,
Но обновилась луна, ласковой ветер подул, —
Время настало отплыть; отсылаю к делам и ученью
Нашего рода красу, друга-Палладия, в Рим.
Был этот мальчик речистый недавно из Галлии прислан,
210 Чтобы усвоить закон римского форума здесь.
Самые нежные узы меня к нему привязали:
Мне он недаром родня, мне он милее, чем сын,
Экспедиранций, отец его, край Ареморики снова
Мир научил полюбить, изгнанный было совсем,
- 215 Восстановил он закон, а многим вернул и свободу,
Не допустив, чтоб они были в рабах у рабов.
- Мы отплываем в тот миг на рассвете, когда понемногу
Можно опять различать краски окрестных полей.
В маленьких кимбах плывем мы и держимся к берегу близко —
220 Берег изрезанный им всюду убежище даст.
Пусть грузовые суда по летнему плавают морю —
Осенью кимбы верней: легче спастись на них.

- Альзия землю прошли, а вот миновали и Пирги, —
 Стали деревней большой малые встарь городки,
 225 Вот черетанов земля, указал на нее корабельщик:
 Имя Агиллы давно эти не носят места.
 Вот перед нами и Кастр, изъеден годами и морем,
 Где из развалин стены старые встали врата.
 Эти места охраняет, изваян из камня простого,
 230 Бог, по виду пастух, только рога у него.
 Долгие годы изгладили, видно, старинное имя,
 Раньше же (так говорят) был это «Инусов Кастр».
 Мнится: не Пан ли сошел от Менала в тирренские рощи,
 Или родные места Фавн захотел навестить?
 235 Смертное племя сей бог обновляет обильным потомством,
 Вот и ваяют его склонным изрядно к любви.
- Южный усилился Австр, и мы в Центумцеллы заходим,
 В этом спокойном порту ставим свои корабли.
 Амфитеатру подобно охвачены молами воды,
 240 Остров искусственный встал, гавань собою прикрыв,
 Две на нем башни стоят, и, в две стороны разбежаясь,
 Сузила насыпь земли правый и левый пролив.
 Мало того, что за ними — удобный простор для стоянки, —
 Чтоб на покое суда ветер шальной не трепал,
 245 Вглубь, за постройки домов, еще одна бухта заходит,
 Где неподвижность воды ветра не знает совсем,
 Словно эвбейских купален затон, где волна запертая
 Держит движения рук неторопливых пловцов.
- Бани, что названы «Бани быка», посетил я охотно,
 250 И без большого труда целых три мили прошел.
 В теплой и чистой воде нет дымной примеси серы,
 И не испорчен их вкус едкой и горькой струей.
 Даже купальщик в сомненье, как лучше использовать воду —
 Так ароматна она, так хороша на язык.
 255 Если поверить преданью, то теплые эти купальни
 Бык открыл для людей, этот источник вскопав, —
 Это ведь бык перед боем копытами комья взбивает
 И перед твердым стволом точит крутые рога.
 Или какой-нибудь бог под обманчивым бычьим обличем
 260 Людям решил открыть дар раскаленной земли:
 Разве не бог, соблазнив дитя Агенорова дома,
 Нее на бычьей спине по морю девственный груз?
 Ведь не у греков одних творятся подобные дива:
 Если от скотеской ноги ключ Геликона забил, —
 265 Думаю, там и здесь одинаково это случилось:
 Конь копытом своим вырыл источник для Муз.

- Гроты здешней земли ничуть пиерийских не хуже:
Вот и Мессала в стихах эти края воспевал.
Милые эти стихи к дверям священным прибиты,
270 Ими входящий пленен так, что уйти не спешит.
Этот Мессала от первого консула род свой выводит,
Вплоть до Публиколы мы дедов его проследим.
Был он префектом претория, властным в своих мановеньях,
Но знаменитее был речью своей и умом.
- 275 Он показал нам, какие основы нужны красноречью:
Если стремишься к добру — будешь и красноречив.
- Сумрак росистый уже осветило пурпурное небо,
Плещущий парус раскрыв, мы покидаем залив.
Вот Мунион миновали мы, берег, где мелей немало,
280 Узкие устья бурлят очень опасной водой.
Далее стали видны нам редкие крыши Грависков,
Города, где от болот тяжкий разносится дух.
А по соседству его зеленеют лесные дубравы,
Прямо у кромки воды сосны раскинули тень.
- 285 Видим никем не хранимые груды старинных развалин —
Это стоит, запустев, Коса меж рухнувших стен.
Важные были причины тому, но была и смешная, —
Совестно даже сказать, скрыть же улыбку нельзя:
Будто бы (так говорят) покинули граждане город
290 Из-за того, что у них крысы кишели в домах.
Право, легче представить бои и уроны пигмеев
И журавлиных стай строй, устремленный к войне!
Невдалеке ожидала гребцов Геркулесова Гавань,
К вечеру близился день — легче подул ветерок.
- 295 Видя остатки былых лагерей, про Сардинское бегство
Вспомнили мы — ведь туда Лепид поспешно бежал
После того, как при Косе разбила врагов соплеменных
Доблесть римских полков, храброму Катугу велел.
Лепид явился потом еще худший: войной нечестивой
300 Он на сограждан пошел вместе с друзьями двумя,
Он уничтожил свободу, добытую в Мутинской битве,
И на трепещущий Рим новые двинул войска.
Третий же Лепид, на мир посягнув заговором коварным,
Общую участь имел страшных преступников всех.
- 305 Лепид четвертый мечтал прокрасться к Цезаря власти,
Но наказание понес за нечестивую связь.
Нынешний Лепид... но пусть молва ему будет судьёю,
Пусть потомство клеймит весь этот мерзостный род!
Может ли быть, что по имени в людях слагаются нравы?
310 Или наоборот — имя за нравами вслед?

Как бы там ни было — странный закон в латинских анналах
В том, что от Лепидов зло часто вздымало мечи.

- Вот, наконец, не дождавшись рассвета, выходим мы в море,
Ветер подул, что рожден там, на соседней горе.
- 315 Эта гора — Аргентарий, вдающийся в зыбь полуостров,
Чей двухвершинный хребет синие бухты теснит.
Если идти поперек — шесть миль ширина перешейка,
Если же морем в обход — вшестеро больше сочтешь.
- 320 Так в ионийскую хлябь врзается Истм Эфирейский,
С двух омываясь сторон сразу морями двумя.
Еле плывем, меж разбросанных скал выбирая дорогу,
Много вниманья и сил требует это от нас.
- Сколько раз поменялось уже направление ветра!
Вот помогли паруса, вот они только вредят.
- 325 Издалека я люблюсь Игилия высью лесистой, —
Как не воздать ему дань самых почетных похвал!
Сам он недавно себя защитил надежной защитой —
Бог ли хранитель помог, или властитель помог.
- 330 Но неширокий пролив не пустил победителей дальше,
Словно до острова здесь целое море легло.
Жителей он у себя разоренного Города принял
И для испуганных душ верным спасением стал.
Диво, что всадник, природе назло, сухопутные войны
Вдруг на морские сменил, страхом грозя кораблям, —
- 335 Тем удивительней то, что остров — один ведь и тот же! —
Близок римлянам был, а от пришельцев далек.

- К Умбру подходим теперь, а эта река знаменита —
Устье надежный приют в бурю дает кораблям,
Вход всегда открыт, и течение ему не помеха,
- 340 Сколько бы ни бушевал на море злой ураган.
Здесь захотелось и мне сойти на приветливый берег,
Но не пришлось — моряки жаждали путь продолжать.
Мы торопились, но кончился день и кончился ветер,
И ни вперед, ни назад двинуться больше нельзя.
- 345 Располагаемся на берегу для ночного покоя,
В миртовом ищем лесу веток вечерним кострам,
Весла вбивая в песок, мастерим небольшие палатки,
Чтобы держался навес на поперечных шестах.

- День настает, налегаем на весла; хоть кажется — тщетно,
350 Все же в движенье корабль, суша уже позади.
Видим мы Ильву — она знаменита металлом халибов;
Даже норический край не изобильней рудой,

- У битуригов в огромных печах не лучше расплавы,
И из сардинской земли слитки не лучше текут.
355 Большая польза народам в земле, приносящей железо,
Нежели в желтом песке Тага в тартесском краю.
Золото пагубно тем, что оно порождает пороки,
К золоту смертная страсть вводит во всяческий грех.
Золото гасит нередко и брачного факела пламя,
360 Даже объятия дев дождь золотой покупал.
Куплена золотом честь — и предана мощная крепость,
К золоту надкий порок бьется в подкупных делах.
Ну, а железом, напротив, целинные пашутся земли,
К жизни дорогу оно людям впервые дало.
365 Полубогов поколение не знало железного Марса,
Против свирепых богов было железо у них.
Голье руки людей не могли бы служить им защитой,
Если б железо для них новой не стало рукой.
Так рассуждая, гасил я досаду на ветер ленивый,
370 Слушая вскрики гребцов под переменный напев.
- Нам утомительный путь преграждает Фалерия вскоре,
Хоть не прошел еще Феб и половины пути.
Видим: крестьяне веселые на перекрестке деревни
Отдых нашли от забот в шутках, угодных богам.
375 Это ведь день был, когда Осирис, опять возвратившись,
Силу рождает в ростках снова плоды приносить.
Выйдя на берег, на виллу идем и гуляем по роще,
Видим: в кольце берегов милый лежит водоем —
Пруд отгорожен от моря, и волны его не колыщут,
380 Рыбки веселые в нем могут спокойно играть.
Но поплатиться пришлось нам за отдых на месте прелестном:
Злее хозяин наш был, нежели сам Антифат.
Вздорный был иудей управляющим в этом именье,
Даже гнушавшийся есть вместе с другими людьми.
385 Стал он кричать, будто мы и кусты повредили и траву,
Будто испортили мы воду в бассейне, кричал.
Бранью и мы отвечали исчадью породы, где люди
Край детородных частей режут, про стыд позабыв.
В глупости укоренясь, с холодной субботою в сердце,
390 Сердцем они холодной даже субботы своей.
День они каждый седьмой обрекают на мерзкую леность,
Слабым подобьем хотят бога усталого стать.
Много бредней у них, в которые, я полагаю,
Верить не может никто даже из малых детей.
395 Лучше бы никогда, ни в войнах Помпея, ни Тита
Нам Иудею себе не удалось покорить!

Взрезанный чумный бубон лишь больше бывает заразен,
И побеждённый народ победоносных гнетет.

- Дует встречный Борей, но мы, полагаясь на весла,
400 Боремся с ветром, едва звезды погасли в заре.
Вскоре открылся для нас Популонии берег надежный,
Там, где природный залив врезался в землю её.
Здесь не возносите ввысь громада фаросской постройки,
Той, что светом ночным видима издалека, —
405 Но от старинных времен дозорная высится башня —
Здесь, на отвесном мысу, над укрощенной волной.
Людам двоякую пользу такое несло укрепление —
И охраняя страну, и отмечая залив.
Но невозможно узнать этот памятник века былого:
410 Город, когда-то большой, едкое время снесло.
Только следы остаются от стен, которые пали,
Кровли еле видны из-под обломков камней.
Будем ли мы сокрушаться, что брменная плоть погибает?
Вот перед нами пример — город, который погиб.

- 415 Тут долетают до наших ушей приятные вести,
Я уж едва не решил в Рим возвратиться опять.
Мы узнаем: префектура священного города, друг мой,
Вверена, милый, тебе: этого ты заслужил.
В песне хотелось бы мне назвать твое полное имя —
420 Но не ложится оно в строгую меру стиха.
Только я и могу сказать: «драгоценнейший Рүфий!» —
Так называла тебя раньше страница моя.
Праздник, который когда-то моих удостоил пенатов,
Пусть украшает твои двери цветущим венком,
425 Ветви зеленые пусть выражают совместную радость, —
Я ведь немало душой к славе причастен твоей.
Именно, именно так на посту мне хотелось остаться —
Заново честь получив в том, кого сам предпочел.

- Вспять повернул Аквилон, и опять паруса мы готовим,
430 Только блеснула Заря, розовым правя конем.
Вот начинает показывать Корсика темные горы,
Слился с туманом совсем верх, что всегда в облаках.
Так пропадает луна, что лишь тонким серпиком светит,
Только глазами найдешь — вдруг исчезает опять.
435 Морем здесь путь недалек — и отсюда такое преданье:
Некогда бык, говорят, этот пролив переплыл,
А за сбежавшим быком устремилась на берег кирнейский
Женщина Корса, и здесь первой была из людей.

- Дальше мы в море идем, и Капрария нам показалась,
440 Черный остров, — приют тех, кто от света бежит.
Сами назвали себя они греческим словом «монахи»,
Жить им угодно одним, скрыто от всяческих глаз —
Счастье им трижды ужасно, несчастье трижды желанно —
Ищут несчастья они, чтобы счастливыми быть.
- 445 Так трепетать перед злом, что хорошего тоже бояться, —
Что, как не дикий бред явно нездравых умов?
Ищут ли казни за что-то они, забываясь в темницы,
Или у них в животе черная желчь разлилась?
Так Гомер приписал помрачению Беллерофонта
- 450 Именно эту болезнь — желчи избыток большой:
В самом ведь деле, когда поразило юношу горе,
То человеческий род стал ему так же не мил.
- Вдоль Волатерры плывем — этот край называется «Вады»;
Путь я поглубже ищу, плыть здесь опасно весьма.
- 455 Громко вперед смотрящий приказы дает рулевому,
Голосу следует руль, носу покорна корма.
Путь в этом трудном проходе «деревья» собой помечают:
С каждой его стороны вбитые колья стоят,
А чтобы было видней, к этим кольям привязаны ветви
- 460 Лавра, те, что пышней и широкое разрослись.
Так между илистых двух Симплегад, где подводная заросль,
Ясно указан путь с помощью ставленных вех.
Здесь задержаться меня стремительный Кавр заставляет,
Ветер, который привык дебри лесные крушить.
- 465 Еле мы добрались под ливнем до виллы ближайшей,
Там обрели мы приют — виллой Альбин мой владел,
«Мой», потому что к нему перешла моя римская должность,
Власть моей тоги была через него продлена.
Раньше законного срока он в должность вступил по заслугам,
- 470 Юноша возрастом, но — старец серьезным умом.
Нравы похожие наши сошлись во взаимном почтенье,
И благосклонность росла в дружбе с обеих сторон.
Мог он меня превзойти — но мое предпочел руководство,
Только возвысив себя этой любовью ко мне.
- 475 Можно пока осмотреть солеварни в окрестностях виллы —
Так называют затон, полный соленой водой,
Где по наклонным каналам, прорезанным в почве, втекает
Море, и влагой поит множество мелких прудов.
В пору, как Сириус свой палящий огонь насылает,
- 480 Сохнет трава, и поля жаждут напиться воды, —
Шлюзы тогда закрывают и воду в канал не пускают —
И на горячей земле в сущу ссыхается хлябь.

- Зерна соли в воде приемлют палящего Феба,
 И под июльской жарой в плотный спекаются наст.
 485 Так и неистовый Истр, когда подо льдом застывает,
 Держит на твердой воде тяжесть огромных телег.
 Тот, кто привык рассуждать о природе, пускай поразмыслит,
 Как при явленье одном разный бывает исход:
 Жидкость, замерзшая в лед, под солнцем теплеет и тает,
 490 Но и наоборот, может от солнца застыть.
- О, сколь часто несчастье бывает причиною счастья!
 Буря была страшна, а передышка мила:
 Я повстречал Викторина, души моей лучшую долю, —
 Так исполненье нашла общая наша мечта.
 495 После паденья Толозы, скиталец в тускийских пределах
 Вынужден был, поселясь, ларов чужих почитать.
 Мудрость, однако, его проблестала не только в несчастьях, —
 Был он таков же душой в пору, когда процветал.
 Знали заслуги его Океан, и Фула, и дальний
 500 Край, где пашет поля дикий Британии сын.
 Там Викторин как викарий префекта справлял свою должность,
 Прибыль имея всегда в виде всеобщей любви.
 Дальние эти места почти за пределами мира —
 Он же, как центром страны, краем земли управлял.
 505 Это большая заслуга — среди тех уваженья добиться,
 Где не зазорно ничуть ненависть встретить в сердцах.
 Нынче он при дворе получил светлейшее званье,
 Но отстранил почет, сердцем деревню любя.
 Здесь, в объятьях его, обманул я коварные ветры, —
 510 Чудилось, будто уже родина тешит меня.
- В блеске шафранном Аврора бездождных коней выпускает,
 С берега ветер велит к реям крепить паруса.
 Дует легко, резная корма не качается в беге,
 Мягкий парус дрожит, правит им крепкий канат.
 515 Вот островок Горгоны встает, опоясанный морем,
 Там, где Кирна — с одной, Пиза — с другой стороны.
 Эти утесы его — примета недавнего горя:
 Римский здесь гражданин заживо похоронен.
 Юноша наших семейств, потомок известного рода,
 520 Знатную взявший жену, вдосталь имевший добра,
 Бросил людей и отчизну, безумной мечтой обуянный, —
 Вера его погнала в этот постыдный приют.
 Здесь обитая в грязи, ублажить он надеется небо, —
 Меньшей бы кара богов, им оскорбленных, была!
 525 Разве это ученье не хуже Цирцеинных зелий?
 Та меняла тела, души меняют они.

- Вот Тритуррита — такое трехбашенной виллы название.
В море вдается она, словно на острове встав.
И не задаром: вручную здесь камни натасканы в воду —
530 Прежде, чем выстроить дом, сделали почву под ним.
Рядом пизанский Порт приводит меня в восхищенье —
Здесь и морские дары, здесь же и торг городской.
Дивный у местности вид: бьет в сушу открытое море,
Тянется берег нагой, всем открываясь ветрам,
535 Выступа нет никакого на всем берегу, чтобы можно
Было защиту найти против Оловых гроз;
Дно же глубокое длинной морской окаймилось травой,
Мягкая эта трава для кораблей не страшна,
Но умеряет она, клонясь, мятежные волны,
540 Не позволяя вставать с моря громадным валам.
Эвр непогоду развеял, но мы отплываем не сразу —
Нужно еще посетить друга-Протадия мне.
Если по точным приметам узнать бы его захотелось,
Мысленно доблесть представь — сразу узнаешь его.
545 Живопись с помощью красок не лучше нам облик покажет,
Нежели душу его — смесь добродетелей всех.
В каждой черте у него несомненная видится мудрость,
И справедливости свет ярко горит на лице.
Мало того, что Галлия в нем земляка восхваляет, —
550 Сам державный Рим в нем предводителя чтит.
В Умбрии малый удел получив, он покинул отчизну, —
Для благородной души всякая доля равна.
Вместо большого на малое ум его мощный направлен —
Ведь и большие дела малостью были ему.
555 Малые были дома у тех, кто царей побеждали,
Малым наделом земли сам обладал Цинциннат, —
Скромность Протадия, думаю, столь же достойна почтения,
Как и Серрана сошник, как и Фабриция дом.
- Вот наконец корабли на надежной стоянке оставив,
560 В Пизу я еду, куда ходят обычно пешком.
Дал мне коней и повозку товарищ по службе военной,
Ныне трибун, — полюбил я его с давней поры,
С тех времен, как у принцепса был я начальником ведомств
И у дворцовых дверей верную стражу держал.
565 Город передо мной, создание старинных алфейцев,
С двух сторон текут возле него две реки —
Арн и Авзур перед ним треугольным сливаются клином,
И между ними на нет сходит большая земля.
Но при слиянии рек лишь одна берегает название:
570 К морю приходит лишь Арн, общие воды неся.

- Прежде того, как судьба к Лаврентским царям поселила
 В Трое рожденных богов — мы их «пенатами» чтим, —
 Здесь, в этрусском краю, возродилась элидская Писа —
 Происхождение Пиз даже в названье дано.
- 575 Статую вижу я здесь отца моего дорогого,
 В центре на площади он в граде пизанцев стоит;
 Слышу, как хвалят покойного все, и готов разрыдаться —
 Сразу и радость, и грусть мне увлажняют глаза.
 Был мой когда-то отец правителем в землях тирренских,
- 580 Ликтор носил перед ним шесть консулярских секир.
 Помню, рассказывал он, что правление в области тусков
 Нравилось больше ему прочих высоких постов:
 Ни охрана священной казны — не высокая ль должность? —
 Ни квестура ему столь не казалась мила.
- 585 Так он этрусков любил, что нимало бы не усомнился
 И префектуре самой этот удел предпочесть.
 Да, мой отец не ошибся, любя, в любви этих граждан,
 Здесь благодарность ему будет навеки жива:
 Милостив был он и тверд, и об этом поведают детям
- 590 Те старики, кто еще видел отца моего.
 Рады они, что и я не порочу отцовского рода,
 И привечают меня нелицемерно вдвойне.
 Часто, когда проезжал я дорогой Фламиния, ту же
 Видел заботу к себе в память о славе отца.
- 595 Имя Лахания здесь лелеется благоговейно,
 Чит его Лидия вся, как имена земляков.
 Нравы блюдет старины провинция славная эта,
 Вот почему и дают добрых правителей ей:
 Деций ныне таков, благородный потомок Луцилла,
- 600 Чья опекает рука пашни кортонских полей.
 Не удивительно то, что в столь замечательном сыне
 Счастлив видеть отец сходство с собою самим:
 Ранящей песней сатира его насмеяться умела,
 Ни Ювенал, ни Турн не были лучше его,
- 605 Твердой рукою судьи возрождал он забытую совесть
 И, осуждая дурных, тем наставлял на добро.
 Разве не он, честнейший хранитель священных сокровищ,
 Прочь отогнал от казны гарший, терзавших казну?
 Гарши эти весь мир когтями готовы расхитить,
- 610 Цепкою хваткой берут — что загребли, не отнять:
 Арг из-за них окривеет, Линкей и вовсе ослепнет, —
 Что для них сторожа! каждый грабитель — крылат.
 Но при Луцилле настал конец грабежам бриарейским —
 Он и одною рукою натиск сторукий отвел.

- 615 Вот уже я в Тритурриту вернулся из города Пизы,
Вот уже парус крепил — южные ветры ловить, —
Вдруг небеса вокруг грозовой омрачаются тучей,
Молнии там и здесь вспышками рвут облака.
Мы задержались: ну кто же отважится выйти навстречу
620 Разбушевавшимся волнам в час, когда буря пришла?
В ближнем лесу мы проводим от моря свободное время:
Славно, за зверем гонясь, тело свое поразмять!
Все, что нужно для ловли, дает нам хозяин усадьбы,
Даже охотничьих псов — норы чутьем находить.
625 Сеть раскинув и став в засаду, сражаем мы вепря,
Молнией хищных зубов страх наводившего здесь,
Вепря, которого сам Мелеагр побоялся бы тронуть,
Вепря, с которым едва сладил бы сам Геркулес.
Звонкое эхо на звуки рожка по холмам отвечало —
630 Легче добычу нести, если помощник — рожок.
С влажными крыльями Афр меж тем никак не желает
Черные тучи убраться, день обратившие в ночь.
Вот уже утром заходят Гиады, омывтые влагой,
Вот среди зимних дождей, спрятавшись, Заяц исчез.
635 Эта звезда не сильна лучами — опасна волнами:
Нет моряка, кто при ней в море решится отплыть.
Заяц — небесный сосед Ориона, несущего бури,
Он от палящего Пса, мокрый, спасается прочь.
Видим: со дна взметая пески, порыжела пучина,
640 Видим: белеют поля, пеной покрыты морскойю.
Кажется, сам Океан всю сушу залить устремился
И хоть недолго, но власть солью терзает поля:
Или отливом из мира иного он в наш ударяет,
Или своею водой яркие звезды поит.

Книга вторая

- Книга была недлинна и в нетолстый свивается свиток,
Так что по праву её можно продолжить ещё.
Но бесперывным трудом легко породить отвращенье:
Бросит читатель, боюсь, безостановочный сказ.
5 Пересидишь за столом — отвращение к пище получишь;
Залпом не пей — и тогда жажду скорей утолишь;
Кто от дороги устал, — тому передышкою будет
Камень, что метит собой частые мили пути.
Что ж, разделяю рассказ и вторично, волнуясь, краснею, —
10 Лучше бы было терпеть это единственный раз!

Вот наконец мы свободны от плена морского ненастья,
Можно из гавани Пиз в море открытое плыть.

- Тихая зыбь в дрожащих лучах улыбаётся мирно,
 Мягкая плещет волна за корабельной кормой.
 15 Вот завиднелись уже отроги высот Апеннинских,
 С грохотом бьется волна в скалы высокие там.
 Если Италию, мира владычицу, умственным взором
 Хочешь представить себе, всю её видя зараз,
 Ты найдешь, что она на лист дубовый похожа —
 20 Только с обеих сторон глубже втянулись бока;
 В ней от пролива Сикании до Лигурийских пределов
 Можно в длину насчитать тысячу тысяч шагов,
 А ширину изъедают заливами разных изгибов
 Ярость тирренской волны и Адриатики соль:
 25 Там, где ближе всего они подступают друг к другу,
 Тысяч сто тридцать шагов есть между ними земли.
 В оба моря срединный хребет склоняет откосы:
 Где появляется Феб и окунается Феб.
 Бьется с востока далматская зыбь о высокие горы,
 30 Бьется о западный склон синий этрусский прибой.
 Если считать, что мир сотворен по разумным расчетам,
 Если в устройстве его замысел божий лежит, —
 То Апеннины стоят, как страж, охраняющий римлян,
 И замыкают их край трудными тропами гор.
 35 Страшен завистливый враг; показалось природе, что мало
 Силы в Альпийских горах от заальпийских угроз:
 Так ведь и в теле скрывает она средоточие жизни,
 Пряча за много преград то, что дороже всего.
 С самых древних времен не жалея оплотов для Рима,
 40 Боги пеклись о судьбе мест, где не встал еще Рим.

 Тем-то ещё и страшней злодейская кознь Стилихона:
 Тайну владычества он выдал врагам вековым.
 Римский род пережить надеясь собственным родом,
 В дикой ярости он горнее с дольным смешал.
 45 Сам ужасаясь на тех, от которых заимствовал ужас,
 Варваров он впустил в Лаций со смертным мечом,
 Незащищенное сердце страны он подставил оружию,
 Страшный явивши урон и своевольный обман.
 Рим остался открыт друзьям его, в шкуры одетым:
 50 Был он во власти врага раньше, чем взял его враг.
 Мало того, что предатель свирепствовал с шайками гетов:
 Сжег он свитки судьбы, весть из Сивиллиных уст!
 Мерзко нам, что Алфея сожгла головню Мелеагра,
 Птицы плачут, что Нис, пряди лишившийся, мертв, —
 55 А Стилихон пожелал погубить вековечное царство,
 Коему пряжа прядлась на веретенах судьбы!

В черном Тартаре пусть от Нерона отступятся муки —
Ждет стигийских огней злее казнимая тень!

60 Смертную мать — Нерон, Стилихон же — бессмертную губит,
Первый — только свою, этот же — мира всего.

Сделали мы отступленье, однако, весьма многословно:
Вновь воротиться пора песне на лад путевой.

Мы приближаемся, быстро скользя, к сияющим стенам,
Яркая солнца сестра городу имя дала.

65 Здешние камни горят белизною смеющихся лилий,
И в разноцветных лучах гладкие глыбы блестят.
Мрамором эта богата земля и в искристом сиянье
Так же роскошно бела, как и нетронутый снег...

Коллуф
«ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ» —
ПАМЯТНИК ПОЗДНЕГО ГРЕЧЕСКОГО ЭПОСА

Поэма Коллуфа «Похищение Елены» представляет собой один из весьма немногочисленных хорошо сохранившихся образцов греческой поэзии позднего периода. Ее фрагменты (стихи 69–192) ранее были опубликованы на русском языке в переводе М.Е. Грабарь-Пассек¹. В данной работе мы публикуем первый полный русский перевод поэмы этого древнегреческого автора.

О Коллуфе мы знаем очень мало. Словарь «Суда» сообщает (к1951): Коллуф ликополит², фиванец, эпический поэт, который жил при императоре Анастасии³. Написал поэму «Калидоника» в шести книгах, энкомии в стихах, а также поэму «Персика».

Весьма примечательно, что «Суда» не упоминает «Похищение Елены». Рукопись этой поэмы вместе с неизвестной ранее поэмой Квинта Смирнского «После Гомера»⁴ обнаружил в 1430 г. Виссарион Никейский в одном из монастырей близ Гедрунта (город в Калабрии, ныне — Отранто). Вместе с другими бесценными находками он завещал свою многотомную библиотеку Венеции. Так возникла библиотека Св. Марка; на входной двери этого здания до сих пор сохранился портрет Виссариона⁵.

Научный интерес к поздним авторам был долгое время весьма незначителен. К концу XX в. ситуация изменилась. Появились новые фундаментальные научные издания и специальные работы, трактующие основные проблемы, связанные с памятником. Мы укажем на две наиболее новые работы, затрагивающие основные проблемы исследования поэмы⁶.

---

¹ Грабарь-Пассек 1964, 62–65.

² Ликополис, эллинизированный город на западном берегу Нила в Фиваиде, области Египта, примерно в 100 км к северу от Панополиса, родного города Нонна (IV–V вв. н. э.). Ликополис — также родина философа Плотина (205–270 гг.).

³ Флавий Анастасий I, в 491–518 гг. — император Восточной Римской империи.

⁴ См. русский перевод: Квинт Смирнский 2016.

⁵ Памятники византийской литературы IX–XIV веков 1969, 315.

⁶ См. Cadau 2015; Karavas 2018, 52–70.

Считается, что авторы этого времени в Верхнем Египте находились под влиянием реформы гекзаметра, произведенной Нонном Панополитанским, автором огромной гекзаметрической поэмы в 48 песен «Деяния Диониса»⁷. С.С. Аверинцев писал: «Египетский поэт осуществил важную реформу гекзаметра, сводящуюся к следующим пунктам: 1) исключение стиховых ходов, затруднявших восприятие размера при том состоянии живого греческого языка, которое существовало к этому времени; 2) учет наряду с музыкальным также и тонического ударения; 3) тенденция к унификации цезуры и к педантической гладкости стиха, оправданная тем, что гекзаметр окончательно затвердел в своей академичности и музейности (начиная с VI в. традиционный эпос постепенно оставит гекзаметр и перейдет на ямбы). Гекзаметр Нонна — это попытка найти компромисс между традиционной школьной просодией и живой речью на путях усложнения правил версификации»⁸.

На протяжении многих веков Гомер был для своих читателей всесторонним учебником жизни, а для поэтов — неподражаемым образцом и источником вдохновения, вызывая у некоторых авторов желание восполнить текстуально отсутствующие у Гомера линии. Исследователь Karavas, пользуясь современной терминологией, называет поэму Коллуфа *prequel*, а поэму Трифиодора «Взятие Илиона» — *sequel*. Однако существует и произведение, которое последовательно излагает троянские события, ориентируясь на стилистику Гомера, это — сочинение византийского полигистора, поэта, прозаика и филолога Иоанна Цеца в трех частях: До Гомера, По Гомеру и После Гомера (1676 гекзаметрических стихов), в которой чувствуется сильное влияние не древних, а более поздних авторов — Трифиодора, Квинта Смирнского, Диктиса и даже Иоанна Малалы.

Поэма Коллуфа впервые была опубликована Альдом Мануцием в качестве приложения к его изданию Квинта Смирнского, вышедшему в Венеции без указания года. Библиографы относят эту публикацию к 1505 или 1521 г.⁹ Современные издания:

- Hopkinson N.* Greek Poetry of the Imperial Period. An Anthology. Cambridge: CUP, 1994.
- Livrea E.* Colluto, Il ratto di Elena. Introduzione, testo critico, traduzione e commento. Bologna: Pàtron, 1968.
- Mair A.W.* Oppian, Colluthus, Tryphiodorus. London; New York: Loeb, 1928.

⁷ См. русский перевод: Нонн Панополитанский 1997.

⁸ См.: Бердников 1984, 344.

⁹ См. напр.: Julien 1823, iii.

Orsini P. Colluthus' L'enlèvement d'Hélène. Paris: Les Belles Lettres, 1972.
Schönberger O. Kolluthos, Raub der Helena. Griechisch-Deutsch. Einl., Text, Übers. und Anmerkungen. Würzburg: Konigshausen & Neumann, 1993.

Перевод выполнен по изданию:

Hesiodi Carmina; Apollonii Argonautica; Musaei Carmen de Herone et Leandro; Coluthi Raptus Helenae; Quinti Posthomerica; Tryphiodori Excidium Ilii; Tzetzae Antehomerica, etc. / Graece et Latine cum indicibus nominum et rerum edidit F.S. Lehrs; Asii, Pisandri, Panyasidis, Choerili, Antimachi fragmenta cum commentariis aliorum et suis adiecit Fridericus Dübner. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1840, — и сверен по изданию A.W. Mair.

Литература

- Бердников Г.П. и др.* (ред.) История всемирной литературы в девяти томах. Том 2. М.: Наука, 1984.
- Грабарь-Пассек М.Е.* (ред.) Памятники поздней античной поэзии и прозы: II-V века. М.: Наука, 1964.
- Квент Смирнский.* После Гомера / Пер. А.П. Вольшакова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Нонн Панополитанский.* Деяния Диониса / Пер. Ю.А. Голубца. Вступ. ст. А.В. Захаровой. СПб.: Алетейя, 1997.
- Фрейберг Л.А.* (ред.) Памятники византийской литературы IV-IX веков. М.: Наука, 1968.
- Cadau C.* Studies in Colluthus' Abduction of Helen. Leiden; Boston: Brill, 2015.
- Julien S.A.* (ed.) L'enlèvement d'Hélène, poème de Coluthus, revue sur les meilleures éditions critiques, traduit en Français / Par A. Stanislas Julien. Paris, 1823.
- Karavas O.* Triphiodorus' The Sack of Troy and Colluthus' The Rape of Helen: A Sequel and a Prequel from Late Antiquity // Brill's Companion to Prequels, Sequels, and Retellings of Classical Epic (Brill's Companions to Classical Reception) / Ed. by Robert Simms. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 52-70.

Похищение Елены

Нимфы Троядские, дочери, рожденные Ксанфом потоком,
 Вы, кто порой, побросав на отчем бреге песчаном
 Ленты из пышных кудрей и свои игрушки святые,
 Вместе с толпой устремляетесь в пляске кружиться идейской —
 5 Милость явите, поведайте мне о суде овцепаса!
 Вы мне скажите, зачем это он от горных потоков
 К морю сошел и отправился плыть, не имея привычки
 К делу морскому, и что за нужда была в плаваньи этом,
 Зло породившем такое, что море и твердь содрогнулись —

- 10 Вот что пастух сотворил! И что за старинная распря,
В коей судьей овцепаса призвали бессмертные боги?
Что был за суд? И откуда же имя нимфы Аргивской
Сведаль пастух — довелось вам увидеть своими очами
В пору, когда вы явились на склоны треглавой Фалекры,
- 15 Как восседал Парис на своем престоле пастушьем,
Видели вы и победу царицы Харит Афродиты.
Вот как оно началось — средь высей гор Гемонийских
Брачный звучал Гименей, и славил он свадьбу Пелея,
А Ганимед виночерпием был по велению Зевса.
- 20 Всё семейство богов торопилось честью прославить
Брак родной сестры Амфитриты белоколотной —
Зевс ниспустился с Олимпа, из моря исшел Посейдаон,
А с Мелиссента пришел, с благовонных высот Геликона,
Бог Аполлон — хор Муз за собою он вел сладкогласных, —
- 25 Локоны дивные златом вокруг лика его отливали.
Трогал Зефир эти пышные кудри, не знавшие стрижки,
Следом и Гера спешила, сестра громовержца Зевеса,
И не замедлила в роццу кентавра Хирона явиться
Даже сама Афродита, царица гармонии брачной,
- 30 С нею Пейто, и брачный венец чело ее красил,
Шла, неся колчан Эротов, стрелков неустанных.
Вот и Афина пришла, и щит, и меч свой оставив,
Брак Пелея почтить, сама незнакомая с браком,
И Артемида-охотница тоже явила почтенье,
- 35 Дочь титаниды Латоны, родная сестра Аполлона,
Словно в Гефестов чертог, уже без меча и без шлема,
Входит железный Арес, отбросив копьё боевое,
Панцирь совлекиши и щит свой крепкий огромный оставив,
В пляс он пустился, смеясь. Одну лишь распря Эриду
- 40 Без приглашенья оставил Пелей и Хирон не уважил.
Словно телица, что прочь от прекрасного травами луга
Мчит, обезумев, и мечется в чаще лесной одиноко —
Овод, мучитель коровий, изжалил ее кровожадно —
Так и Эрида металась, гонимая завистью тяжелой,
- 45 Как бы испортить богам торжество, норовила измыслить.
То она вкочит, то снова на трон свой из камня садится,
То колотить по широкому лону земли начинает —
Что ей острые скалы! Она пылает отверзнуть
Мрачные бездны недр, из подземных пропастей вызвать
- 50 Племя могучих титанов и с их подмогою свергнуть
Трон небесный Зевеса, что с высей царствует властно.
Молнии кинулась было схватить, оглашенная громом,
Да пред Гефестом она, необорная, все ж уступила
Силе огня негасимой того, кто правит железом.

- 55 Вот пришло ей на ум в свой щит тяжкозвучный ударить,
Чтоб на пиру все в испуге вскочили при звуках ужасных —
Да воздержаться пришлось и от этого замысла злого —
Пред щитовержцем железным Ареем она оробела.
Тут золотые плоды Гесперид вспоминает Эрида,
60 Яблоко, — вот что послужит раздору войны! Наконец-то
План подходящий посеять жестокою распрю придуман.
Яблоко, семя грядущей войны, в руках повертела
И запустила в пирующих. Впрямь всколыхнулись богини.
Гера — супруга, чья гордость делить Зевесово ложе,
65 Встала, дивясь, и себе это яблоко взять пожелала,
Но и Киприда, рожденная всех победить красотой,
Длань простирает — ведь яблоко — плод, посвященный Эроту.
Гера стоит на своем, уступить не желает Афина.
Зевс же, увидев, что спорят богини, к себе призывает
70 Сына Гермеса, послушно воле его, и вещает:
«Сын мой, у Ксанфа потоков, текущих в подножии Иды,
Можно услышать пастушью игру Приамида — Париса,
Сей прекрасный овчар пасет на горах свое стадо, —
Яблоко выдай ему, да будет судьей богиням,
75 Пусть разбирает их ликов круги и густые ресницы!
Та, кого выберет он, да получит сей плод превосходный,
Славу красавицы первой и все украшенья Эротов».
Вот что Кронион-отец свершить поручает Гермесу.
Тот же, послушный веленью великой отеческой воли,
80 В путь отправляет богинь и заботливо их провожает.
Каждая жаждет красу свою выгодней, ярче представить.
Хитрая эта Киприда накидку спустила пониже,
Вынув заколки, душистые кудри свои распустила,
Нити влетая золотые, и златом себя увенчала.
85 К детям Эротам она с такой обращается речью:
«Влизитесь тяжба, о детки! Уж вы порадейте за маму.
Ныне красоты лица суду подвергнуты будут.
Все-таки страшно, кому это яблоко пастырь присудит?
Гера, ведь все говорят, Харит священная мать,
90 Даже державу и скипетр хранит она, всем то известно.
И называют царицей войны постоянно Афины,
Я же Киприда, одна из богов слаба — не владею
Властью царей. Ни Арея копьа, ни стрел не ношу я.
Впрочем, чего мне бояться напрасно? Ведь вместо оружия,
95 Вместо меча и копьа — сладчайшие жала Эротов,
Пояс волшебный при мне, чудодейственный, лук и стрекало,
Пояс, и если я страсти стрелу из него испускаю,
Жены столь часто страдают от ран моих, пусть не смертельных».
Так розоперстая молвит Киприда, спеша за Гермесом.

- 100 Матери милой услышав приказ, малютки Эроты
Вслед за родимой пустились, готовые встать на защиту.
Вот и достигли они горы Идейской вершины, —
Там, внизу, под отрогами кряжей крутых и скалистых
Юный Парис стада выпасал, достоянье отцово,
105 На берегах, разделенных стремительно мчавшим потоком,
Пас на одном он стадо быков, пересчитанных точно,
А на другом берегу — большую овечью отару.
С плеч по спине свисая, до бедер ему доходила
Шкура горной козы. А у ног был посох положен
110 С загнутым краем, пастуший, которым быков погоняют.
Он у пещеры на месте привычном сидел и негромко
Звонкий напев выводил на свирели простой тростниковой,
Часто за песней своей и быков, и овец забывал он.
Флейта играла, звучала, и стройные звуки лились,
115 И как прекрасный обычай пастуший велит, посвящал он
Милую песню свою и богу Гермесу, и Пану,
Лай собачий умолк, и в стаде быки не мычали,
Лишь носимая ветром, по дальним горам отзывалась
Нимфа Эхо, что первая голос подать не умеет.
120 Сочной насытятся травой, подогнув неспешные ноги,
Тяжеловесы-быки отдохнуть опускались на землю.
Звонко играет Парис, как вдруг вдалеке примечает:
Сам провожатый Гермес под кровом высокого древа!
В страхе вскочив, убегает Парис от божьего взора,
125 Бросив под дубом свою тростниковую звонкую флейту.
Песнь оборвалась его, что столь недолго звучала,
Бог Гермес обратился к нему, дрожащему в страхе:
«Брось-ка подойник, и стадо твое да тебя не заботит,
Ныне ты — судия самим богиням бессмертным,
130 Ныне реши, чей лик превосходит других красотой —
Та, что затмит остальных, сей плод от тебя да примет».
Рек. И Парис, устремив на богинь несмелые взоры,
Робко пытался сравнить их красу. И все оглядел он —
Яркие светочи глаз и шею в затейливых бусах,
135 Золотом блестящих, он оглядел, и убранство прически,
Пятки и те осмотрел, и даже ступни и подошвы.
Он не успел огласить приговор, как богиня Афина,
За руку тронув его, улыбаясь, сказала Парису:
«Слушай меня, Приамид! Оставь ты супругу Зевеса!
140 Незачем думать тебе и о спален царице Киприде,
Мне воздай хвалу — Афине, помощнице в силе!
Ты, говорят, царишь и град охраняешь троянский —
Ну, так по воле моей ты спасителем города станешь.
Даже сама Энио нипочем тебе гневная будет.

- 145 Мне будь послушен, и я научу и войне, и отваге». Так говорила Афина премудрая, но понапрасну. Взгляд исподлобья метнув, белорукая Гера сказала: «Если меня отличишь и яблоком я завладею, Быть тебе, Парис, владыкой Азии полным.
- 150 Что тебе в этой войне? На что властителю храбрость? Храбрый и трус одинаково служат приказам владыки. Слуги Афины отнюдь не всегда среди граждан знатнейших, Кто Энию почитает, в могилу нисходит до срока». Властью такой соблазняла его первотронная Гера.
- 155 В воздух взметнув легчайшего платя глубокие складки, Лоно свое без тени стыда обнажила Киприда, Нежной рукой распустив Эротов сладчайшие узы, Стан свой открыла вполне, не смущаясь сосцов наготово, Сладко она пастуху улыбнулась. И он улыбнулся,
- 160 Весь в ее власти уже, и сказала ему Афродита: «Мне предпочтенье отдай, и о войнах забудь поскорее, Выбери нашу красу, и Азию бросив, и скиптры. Да, я не знаю войны, но к лицу ли щит Афродите? Более женам пристало сияньем красы выделяться,
- 165 Дам я не силу в бою, а прелестную видом супругу, Вместо престола тебя возведу я на ложе Елены, Лакедемон узрит тебя женихом после Трои...» Речь не закончила даже — Парис уже яблоко отдал, Плод — награду красе во владение, пеннорожденной.
- 170 Яблоко в руки схватив, Афродита с издевкой сказала Мужеподобной Афине и Гере, задеть их желая: «Что, уступили победу, вояки бывалые, все же? Я красоту обожала, со мною она и пребудет! Мать Ареева, все говорят, породила ты в муках
- 175 Хор Харит прекрасноволосых — но что ж они ныне Кинули дружно тебя, ни одна не явилась на помощь? Что же Арей не помог, твой Арей с копьём необорным, Ты и царица, но где же твой щит, что тебя прикрывает? Где был огонь Гефеста, что пламень рождает дыханьем?
- 180 Как же и ты Атритона Афина, однако, тщеславна! Ты, что в медное платье свое закутала тело! Ты ведь не браком зачата и мать тебя не рожала, Страшный железа удар тебя, словно корень железный, Вывел на свет из отцовой главы, а не женские роды,
- 185 Ты ведь брака бежишь, стремишься лишь к делу Ареса, Ты не училась гармонии, слитость сердец тебе чужда. Разве не ведала ты, что бессильны такие Афины Вроде тебя, чья утеха одна: это славные войны, Те, о ком не поймешь, мужчины они или жены».

- 190 Вот что надменно Киприда рекла, оскорбляя Афины,
Так получила победу, несущую городу гибель,
Геру изгнав и Афины сумев раздосадовать страшно.
А злосчастный Парис, снедаемый пылом любовным,
Страстным влечением к той, кого еще в жизни не видел,
195 Стал мужей собирать, умелых в делах Атритоны,
В лес их повел, и они дубы могучие Иды,
Стали рубить, и Ферекл многоопытный был их начальник,
Он — злоначальник всех бед, безумству царя потакаая,
Медным своим топором суда мастерил Александру.
200 В этот же день корабли, как задумано, были готовы,
Даже Афине самой таких не измыслить, не сделать!
Так Парис променял Идейские выси на море,
Часто, пристав к берегам, Афродиту он жертвами славил,
Брачных помощницу дел, а богиня его провожала.
205 Вот по широкого моря хребту подошли к Геллеспонту,
Тут было знаменье им грядущих бедствий ужасных —
Черная буря на них тогда внезапно напала,
Темные в молниях тучи кругом небеса обложили,
Воздух сгустился в туман и ливневый дождь проливался,
210 Море, штормя, волновалось — они ж налегали на весла.
Так удалялись они от земли Дардана и Троса,
Вот прошли, миновав, мимо устья болот Исмариды.
Вскоре им показался за кряжем Пангеи Фракийской
Холм могильный Филлиды, что преданно мужа любила,
215 Видели также дорогу-скиталицу торную снова,
Где раздавались твои, Филлида, печальные стоны.
Все ты, бедняжка, ждала, когда невредимым вернется
Демофоонт твой домой из пределов народа Афины.
Вот уже видимы им Гемонийцев тучные земли.
220 Вот узрели они и земли градов Ахейских,
Фтии, пестуны мужей и Микен широкодорожных,
Далее плыть довелось близ болотистых мест Эриманфа
И наконец — прекрасными женами славную Спарту,
Град любимый Атрида, узрели на бреге Эвроты.
225 Близ по соседству прекрасно построенный город Фереи
В сени горного леса, дивясь, увидали пришельцы.
Стало быть, плаванье в Спарту для них оказалось недолгим,
Даже устать не пришлось от шума веселых плесков,
Двинув корабль в залив с красиво изогнутым берегом,
230 Те, кто обучен, канатом корабль прикрепили к причалу,
Сам же Парис в потоке реки совершил омовенье,
В водах студеных ее, стекавших со снежной вершины,
Двинулся в путь, и в чужие следы наступать он старался,
Чтобы прекрасные ноги его не запачкались пылью.

- 235 Шел не спеша, чтобы ветер ему не испортил прическу.
Жителей гостеприимных вокруг возвышались хоромы,
Рядом с домами и храмы, что городу блеск сообщают.
К храму приблизился он и в нем с изумленьем увидел
Местной Афины кумир, отлитый из чистого золота,
- 240 Далее он миновал Амиклейского дом Гиакинфа —
Тот, что особо любим был у Аполлона Карнея —
Как-то видали его Амиклейцы в игре с Аполлоном —
Все подивились, не верилось, что не богиня Латона
Свету явила его, приняв поцелуи Зевеса.
- 245 Все же сберечь его бог не сумел от соперника-ветра.
Слезы царя осушить желая, земля породила
Дивный цветок Аполлону, стараясь бога утешить,
Дивный цветок, что погибшему отроку был соименным.
Вот у порога Атридова дома Парис очутился,
- 250 Встал перед ним, красотой небывалой, чудесной сияя,
Даже Тиона такого красавца родить не сумела.
Ты уж прости, Дионис, хоть ты и Зевесова поросель,
Был он прекрасен, и лик его так красотой и лучился.
Гостеприимного дома засов отодвинув, Елена,
- 255 Тотчас навстречу ему идет через внутренний дворик,
Видит Париса она, что стоит у ворот, ожидая,
Сразу его приглашает, ведет под крышу жилища.
Из серебра новейшей работы дает ему кресло,
Сесть приглашает его — а сама наглядеться не может.
- 260 То ей приходит на ум, что он — сын нимфы Киприды,
Бог восходящих на ложе, но это она отвергает.
Он не Эрот — это точно — при нем нет ни стрел, ни колчана.
Значит, конечно, — решает она, на красу его глядя,
Бог виноградной лозы перед ней с блистающим взором —
- 265 Только тогда почему в кудрях его пышных, прекрасных,
Свежих гроздьев не видно и шея плющом не увита?
И наконец, изумленье смиря, обратилась Елена:
«Гость! Поведай, откуда ведешь ты род свой прекрасный,
Ясно весьма, что своей красотой царю ты подобен,
- 270 Мне же твой род незнаком среди прочих кланов Аргивских,
Не из песчаного Пилоса ты, Нелея владенья —
Знаю я там Антилоха, твое же лицо незнакомо,
И не из милой ты Фтии, пестуны мужей богатырских, —
Девкалионов род беспорочный весь мне известен —
- 275 Всех до единого знаю я в славном роду Эакидов,
И Теламона я знаю, и знаю красавца Пелея,
Знаю характер Патрокла и пыл боевой Ахиллеса», —
Так обходительно молвила нимфа, возжегшись к Парису.
Мягкою речью он ей отвечал, начав издалека:

- 280 «Если когда-нибудь слышала ты, что во Фригии дальней
Троя стоит — Посейдон с Аполлоном ей ставили башни,
Если когда-нибудь слышала ты о царе богатеишем,
Правящем в Трое, что род плодovitый ведет от Кронида,
Знай, что горжусь и я принадлежностью к этому роду,
285 Знай, жена, — многозлатного сын я любезный Приама,
Я Дарданид, а мой предок Дардан происходит от Зевса,
Тот Дардан, кому, опустившись с высей Олимпа,
Часто служили за плату, при том, что были бессмертны, —
Сам Посейдон с Аполлоном, Олимпа бессмертные боги,
290 Отчий наш град окружили стеною, вовек нерушимой.
Сам я, царица, богинь судия! Небожительниц тяжбу
Мне довелось разрешить и выбрать ту, кто прекрасней,
Я предпочел красоту и блеск и прелесть Киприды —
Мне, как достойную плату за труд судейский, богиня
295 Нимфу желанную, лучшую в мире, отдать посулила,
Ту, что Еленой зовут, родную сестру Афродиты.
Ради нее и решил я в пучины морские пуститься,
Стало быть, раз Киферея велит — сочетаемся браком!
Если ж отвергнешь меня — оскорбишь и меня, и Киприду.
300 Я умолкаю. Тебя ль мне учить, ты ведь ведаешь столько!
Раз уж у вас, у аргивян, такие рождаются жены!
Слабые члены свои укрепили они упражненьем,
Видом подобны мужам, и уж будто не женщины вовсе».
Молвил Парис, она же, потупив прелестные очи,
305 Долго в смятении души ответ ему дать не решалась,
Вот, наконец, потрясенная, все же Елена сказала:
«Верно ли, гость, что отчизны твоей самоё основанье
Строили сам Посейдон с Аполлоном в старинное время?
Как бы хотелось и мне на бессмертные эти творенья
310 Глянуть, и луг повидать, игру Аполлона слыхавший,
Там побывать, где в проеме ворот городских богозданных
Часто ходил Аполлон за стадом быков резвоногих!
Ну, я согласна. Из Спарты теперь вези меня в Трою!
Еду с тобой, раз велит Киферея, владычица браков!
315 Пред Менелаем ничуть не дрожу, раз ждет меня Троя.
Знаешь, ведь сам Менелай не особенно храброго рода».
Вот как прекраснoлодыжная нимфа в союз сей вступила.
Той же дорогой, что солнце, и ночь появилась на небе.
Ночь — избавленье от мук, до зари даруя свободу,
320 Створки двойные открыв, выпускает рой сновидений.
Там и правдивые сны — убор их — блестящие рожки,
В них являются людям богов неложные речи,
Там и ложные сны, что питают тщету и обманы.
Тою порой пришелец Парис уводит Елену,

- 325 Дом Менелая покинув приветный, на палубу судна.
Гордостью весь переполнен, обещанный груз Кифереи,
Груз, суливший войну, возведя, поспешил к Илиону.
Вот Эригена взошла, и ветер с Гермионы сдувает,
В спальню ворвавшись, ее покрывало. И девочка в слезы,
- 330 Стала она кричать, к себе призывая служанок,
Плача пронзительно, так сквозь рыданья она говорила:
«Где моя мама? Куда она делась? Меня позабыла!
Вечером дом запирала она в моей спальне и вместе
Рядом на ложе одном уснули спокойно мы обе!»
- 335 Плача, она говорила, а с нею и прочие дети,
Тут и народ отовсюду собрался, топтался у двери,
Женщины стали пытаться унять Гермионины слезы:
«Детка, не надо, не плачь, ушла твоя мама — ну что же
Скоро вернется она! А ты вот от слез заболеешь.
- 340 Разве не видишь? И щечки от слез у тебя похудеют,
Глаз острота притупляется даже у плачущих часто!»
Вскоре уже Гермиона пошла к хороводу подружек,
Вдруг она сбилась с пути, постояла на месте в досаде, —
Вдруг она видит, что горная нимфа пред ней появилась,
- 345 Вышла на луг и уселась в росистую пышную траву.
Видно она, искушав свое тело в отцовских потоках,
Пла, но замешкалась здесь, на бреге потока Эвроты.
К ней обратилась тогда Гермиона, заплакавши горько:
«Знает гора, и потоки реки — они знают дорогу
- 350 К розе, на луг. И зачем это женщины все говорили?
Звезды ложатся спать и ночь в пещере проводят,
Звезды рождаются вновь, но она никогда не вернется,
Мать моя! Где ты? Скажи, на какой ты горе обитаешь?
Может быть, дикие звери в скитаньи тебя растерзали?
- 355 Нет, не трогают звери потомков великого Зевса!
Может быть, ты с колесницы упала на спину во прахе,
Где-то лежит твое тело вдали меж дубов одиноких?
Я же бродила по чаще густой тенистого леса,
Все осмотрела, под низкие ветви деревьев глядела, —
- 360 Тело твое не нашла — не могу я на лес обижаться!
Может, плавала ты и на дно, утонув, опустилась,
Скрыл тебя плодородный Эврот под влажным теченьем?
Но ведь и в реках, и даже в морской соленой пучине
Нимфы Наяды живут, и всегда они женщин спасают!» —
- 365 Так говорила, стеная, и вдруг склонила головку,
Сон налетел на нее, тот сон, что Смерти товарищ.
Сну досталось в удел со Смертью общее дело,
Службу такую же он отправляет, как брат его старший,
Вот отчего и слетает Сон на скорбные очи

- 370 Жен, снедаемых горем, нередко, когда они плачут.
 Видя обманчивый сон, Гермiona и впрямь полагала,
 Будто бы мать перед ней, и радостный вопль испустила
 Девочка, вся в изумленье, хоть только что наполнилась скорбью:
 «Только вчера я рыдала, что ты от меня убежала,
- 375 Спящую бросив меня на твоём, родительском ложе.
 Горы я все обошла! По каким не ходила дорогам!»
 Голос в ответ подавая, сказала тогда Тиндарида:
 «Бедная детка! Меня не вини в ужасных страданиях!
 Муж, что вчера приходил, меня обманом похитил».
- 380 Молвила. Та, вскочив, пред собой не увидев родимой,
 Стала рыдать еще пуще, и громко вопя, причитала:
 «Птицы небесные, вы, о прекрасное племя пернатых!
 Мчите на Крит, к Менелаю, скажите домой воротиться!
 Некий муж вероломный вчера к нам в Спарту явился
- 385 И похитил у нас всю радость нашего дома!»
 Так в слезах, к небесам обращаясь, дитя говорило,
 Тщилась мать обрести, бесплодно повсюду скитаясь.
 Вот для брака, по воле прекраснокудрявой Киприды,
 Чрез города Киконов и Геллы пролив Этолийский
- 390 В порт Дарданский жених свою привозит невесту,
 Тут с Акрополя высей пришелицу видит Кассандра,
 Пышные волосы рвет, на себе разрывает одежду,
 Троя же высокозданная, сняв на воротах запоры,
 Первопричину погибели в стены к себе принимает.

Примечания¹⁰

¹ Кеанф — река в Троаде.

⁴ Ида — гора в Троаде.

⁵ Овцепас — Парис.

¹² Нимфа Аргивская — Елена.

¹⁴ Фалекра — вершина на Иде.

²³ Мелиссент — легендарный царь области горы Геликон.

²⁸ Кентавр Хирон обитал в пещере на Пелионе.

³⁰ Пейто — божество любовных уговоров, спутница Афродиты (Павсаний I, 22, 3).

⁵⁰ Эрида — богиня раздора, дочь Ночи (Гесиод, Теогония, 225).

⁶⁰ Яблоко — символ любви, и бросание яблока было равносильно объяснению в любви.

⁸² Киприда — Афродита.

¹¹⁹ Эхо — нимфа, безответно влюбленная в Пана.

¹³⁹ Сын Приама — Парис.

¹⁴⁴ Энио — богиня военной ярости (Гомер. Илиада V, 592).

¹⁶⁹ Пеннорожденная — Афродита.

¹⁷⁵ Хариты обычно считаются дочерьми Зевса и Эвриномы (Гесиод, Теогония, 907).
 В именах их родителей существуют варианты. Здесь их мать — Гера.

¹⁰ Цифры указывают на номер строки.

- ¹⁸² Афина вышла на свет из головы Зевса, который проглотил ее мать, богиню Метиду, а Гефест или Прометей ударили его по голове.
- ¹⁹⁵ Атритона — Афина.
- ¹⁹⁷ Ферекл — строитель кораблей для Париса.
- ²⁰¹ Афина, покровительница кораблестроения, воздержалась от помощи Парису.
- ²¹² Место во Фракии между Маронеей и Стримой (Геродот VII, 109).
- ²¹⁴ Филлида — дочь царя Фракии. Когда сын Тезея Демофоонт возвращался из Трои в Афины, он на ней женился. Затем он уехал в Афины, но не вернулся.
- ²⁴⁷ Прекрасный юноша Гиакинф погиб, и из его крови вырос удивительный цветок (Овидий. *Метаморфозы* XIII.394).
- ³²⁸ Гермiona — дочь Елены и Менелая.

АЛЕКСЕЙ КОМНИН МУЗЫ

В 1913 г. Пауль Маас¹ (1880–1964) опубликовал в *Byzantinische Zeitschrift* свою счастливую находку. Работая над каталогом греческих рукописей Э. Мартини в библиотеке *Vallicellana*², среди бумаг XIII в., которые содержали в основном новозаветные тексты и окончание последней части *Hexameron* Георгия Писиды, Маас обнаружил сочинение Алексея Комнина «Музы» в сильно поврежденном виде — почти отсутствовала вторая часть. Этот текст лег в основу публикации в венском журнале³.

В итоге перед нами — написанное двенадцатисложником произведение, озаглавленное «Μοῦσαι Ἀλεξιάδης Κομνηνάδης» и состоящее из двух частей. Первая часть озаглавлена «Алексея Комнина, матерелюбивого автократора, сыну его Иоанну, порфирородному победителю, отцелюбивому автократору, славному отцом, от отца его — последние наставления и заветы» и состоит из 420 стихов. Первые 53 стиха содержат вступление, вводящее собственно наставление императора своему сыну. Вступление обращено к покойному императору Алексею и представляет его сверхъестественно явившимся из мира иного, чтобы оставить поучение и своему сыну, и всему народу Нового Рима. Вторая часть озаглавлена «Ἀλεξιάς μοῦσα δευτέρα Κομνηνάς. Второе, последнее наставление Алексея Комнина, автократора». Эта часть обрывается на 80-м стихе.

В заглавии первой части употребляются слова *νοῦθητήματα* и *διατάγματα*, а в заглавии второй части — слово *παράινσις*. Эти понятия сразу же относят нас к широко распространенной традиции *παλδεία βασιλική* княжеских зеркал, существовавших в разнообраз-

---

¹ О П. Маасе см.: Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. IV. 2011. С. 136–173. Благодаря усилиям моих коллег, опубликован русский перевод классической работы Мааса «Критика текста». А.В. Белоусов предложил переводу содержательное вступление о жизненном пути и выдающихся работах Мааса, в котором выделяет (подтверждаемую другими исследователями) необычную способность Мааса крайне сжато и емко выделять суть, и для этого качества даже возник термин *illa Maasiana brevitatis*.

² Cod. Vallicell. 68 (E 22).

³ *Maas P. Mousai // BZ. 1913. 22. S. 348–369.*

ных формах — речи⁴, трактата — к тому же с привлечением поэтической формы⁵. «Музы» Алексея Комнина вносят в эту традицию особенные ноты. В силу обстоятельств, сложившихся в императорской семье во время предсмертной болезни автократора (о чем подробно будет сказано ниже), его послание к наследнику, сопровителю с четырех младенческих лет, горячо любимому сыну, не было закончено и вручено, и создавалось оно, вероятно, как выразился Магдалино, «with the aid of the Muses»⁶, тайно от супруги и дочери. Вполне вероятно, что доверенным лицом, знавшим о работе императора над этим посланием, был его придворный врач, знаменитый медик и известный поэт Николай Калликл⁷.

Пауль Маас — виртуозный специалист по анализу просодии и метрики, и этот анализ дает ему в руки, подобно инструментарию точных наук, ключ к решению таких тонких вопросов, как атрибуция. 53 стиха вступления, которые не могли быть написаны Алексеем Комниным, и текст самого завещания Алексея Комнина представляют казус, естественно порождающий проблему авторства, потому что «поразительно,» как пишет Маас, что «53 стиха вступительной части являются, с точки зрения метрики и просодии, полностью аналогичными всему остальному»⁸. Здесь Маас вво-

⁴ Речи Синезия «О царстве».

⁵ Поучение Агапита, адресованное императору Юстиниану, представляет собой краткие главы, составляющие акростих. См. также *Чичуров И.С.* Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., Наука, 1990. С. 67–68.

⁶ *Magdalino P.* The Empire of Manuel I Komnenos 1143–1180. New York; Cambridge University Press, 1993. P. 27.

⁷ Николай Калликл имел звание архиатра, состоял на государственной службе при императоре Алексее I Комнине (годы правления 1081–1118) и его сыне Иоанне II Комнине (годы правления 1118–1143). Анна Комнина упоминает Калликла в числе трех корифеев медицины, приглашенных к больному Алексею I («Среди врачей три были главными: замечательный Николай Калликл, Михаил Пантехн, получивший прозвище по названию рода, и... евнух Михаил». Анна Комнина, «Алексиада» XV, 11). Литературное наследие Калликла — 33 стихотворения (*Nicolai Calliclis Carmina* / Ed. Leo Sternbach (Dissert. philol. class. Acad. Craşov XXXVI). 1903. P. 315–393; см. также: *Шестаков Д.И.* Три поэта Византийского Ренессанса // Ученые записки Казанского университета. 1906. Кн. 7–8, — и издание: *Nicolaus Callicles. Carmi* / Ed. R. Romano. Napoli, Bibliopolis, 1980; о Калликле см.: *Romano R.* Sulla poesia di Nicola Callicle // *Annali di Facoltà di lettere e filosofia.* Università di Napoli. 22. 1979–1980. P. 61–75; *Garzya A.* Varia philologa XIII // *Studi in onore di Aristide Colonna.* Perugia, 1982. P. 117–122. Иосиф Ракендит (1280 — ок. 1330) в «Риторике», в главе XV «О ямбических стихах», дает канон образцовых ямбографов: «Пусть архетипами тебе будут Писиды и из более поздних — Калликл» (*Walz C.* *Rhetores Graeci.* Vol. 3. Stuttgart; Tübingen; London; Paris, 1834. S. 562). Предполагается, что Николай Калликл — автор диалога «Тимарийон».

⁸ *Maas P.* Op. cit. S. 365. Говоря о приписываемой Алексею Комнину «Молитве» (30 стихов из 100 опубликованы на стр. 369), П. Маас (Op. cit. S. 368–369) на ос-

дит понятие «Редактор» и предполагает, что, будучи хорошо знакомым со стилем и манерой письма императора, Редактор старался воспроизвести его манеру не только во вступлении, но и составляя воедино части поэмы, которые император не успел отделать, — ведь он писал их совсем незадолго до смерти и, вероятно, урывками⁹. Таким образом, Редактор соединял оставленные после смерти автора отрывки, не связанные императором в логически последовательные цепи.

Отец преподает сыну правила правления и дает советы, как обращаться с подданными, каких принципов придерживаться, внушая ему, что главное — Божья помощь, которая подается тем, кто постоянно имеет в душе Бога:

110   И сам ты тоже — правь, суди и будь судим,
               Во первых, Богом, во вторых — законами.
               Но, правя суд, ты помни — ежедневно сам
               Невольно ты свершаешь прегрешения —
               Так сострадай в душе чужому промаху...

и основная ценность, за которую следует бороться всю жизнь, — это добродетель:

161   Порфирородство нрава благородного
               Нетленно украшает и живет вовек,
               И только добродетель принесет тебе
               К ногам твоим сапожки цвета алого.

Человеку следует постоянно думать о том, что земная его жизнь коротка — следует рассуждение о периодах человеческой жизни и ее краткосрочности (предел — 40 лет)¹⁰. Предстоит светопреставление, когда погибнут все, кроме тех, у кого есть надежда на воскресение. Все усилия при жизни следует направить на то, чтобы

новании своего метрического анализа *отрицает* принадлежность этого текста Алексею Комнину.

⁹ Здесь следует отметить, что некоторые авторы позволяют себе беглые замечания о сомнительности авторства Алексея Комнина. Пауль Маас в § 5 своей работы «Алексей как писатель», анализируя поэму, ни в коей мере не подвергает это авторство сомнению. «Умение писать стихи, — пишет Маас, — с X в. было существенной частью риторического образования, и всякий образованный византиец им владел» (Op. cit. S. 366). Так что «то, что Алексей Комнин был в состоянии сочинять ямбы, само собою разумеется» (Op. cit. S. 366). Говоря об упомянутых выше неровностях некоторых частей поэмы, Маас замечает, что «даже это исключает постановку вопроса об аутентичности» (Op. cit. S. 366). Таким образом, мы полностью опираемся на авторитет Мааса и разделяющего эту позицию Магдалино (Op. cit. S. 27). Крупнейший российский специалист и переводчик «Алексиады» А.Я. Любарский в кратком примечании демонстрирует свое знание «Муз» и не выражает никаких сомнений в авторстве Алексея Комнина (*Анна Комнина*. Алексиада. СПб., Алетейя, 2010. С. 524; комментарий 986).

¹⁰ О пределах человеческой жизни в Византии см.: *Talbot A.-M.M. Old Age in Byzantium // BZ. 1984. 77. P. 267-278.*

приобрести эту возможность. В стихах 225–238 говорится о Страшном Суде¹¹ и дается совет сосредоточиться на познании себя:

Познай себя и с мудростью скажи себе:
 Всё суета, всё — тщетное блуждание,
 И золото — ничто, и трон — ничтожество,
 Отец пустой гордыни, суета сует.
 250 Военные дела — шум веток фиговых,
 Лишь тень, лишь пух, дитя земли и тления,

¹¹ Ср. стихотворение Николая Калликла «На второе пришествие во дворце», № 24 в издании Л. Штернбаха (Р. 25–26; перевод наш):

Воздвиглись троны, книги вмиг распахнуты,
 Уста могил раскрыли звуки трубные,
 Животворит умерших дуновение,
 Что выдыхают духи литургически,
 5 И сонмы поклоняющихся ангелов,
 Христос, Твое являют нам пришествие.
 Вот грозный Судия, вот трон немислимый,
 Вселенский трон Судьи — и Суд вершит сам Бог —
 Кого осудит только за деяния,
 10 Кого-то — и за промахи и помыслы.
 И вот я сам дрожу перед Судом Твоим,
 О Весовщик сердец, насквозь всё видящий!
 Я в левый ряд поставлен, пламя жрет меня,
 Ай-ай, охвачен я рекою огненной,
 15 Во мне — бессонный червь и кости ест мой,
 Да, скипетр — дым, порфира — прах, не более,
 Богатства все — ничто, венец — безделица,
 Пусть это всё горит! Но есть спасение —
 И если всё сгорает в наказание,
 20 Я всё-таки спасусь, спасусь из пламени,
 На это только глядя, свой вершите Суд!
 Не глядя на меня и сан мой царственный,
 И кару дайте в меру прегрешения,
 Да буду я судим, как сам я суд вершил!
 25 И мерою такой судите Вы меня.
 То — Слово Бога, Слово должно веровать,
 Вам это говорю, я это вам пишу,
 Я, Алексей Комнин, царь над Авзонами.

По мнению Магдалино (*Magdalino P.* The Empire of Manuel I Komnenos. P. 29; см. также: *Magdalino P., Nelson R.* The Emperor in Byzantine Art of the Twelfth Century // *Byzantinische Forschungen*. 1982. 8. P. 124–126), речь идет об изображении Страшного Суда во дворце Алексея Комнина.

В этом стихотворении Калликла речь произносит Алексей Комнин. Она написана «от лица» Алексея Комнина, что совершенно не означает, что ее автором является Алексей Комнин, — как и во всех бесчетных произведениях византийской поэзии, когда поэт получал заказ говорить от чьего-то лица. Известно, что Николай Калликл получил заказ от вполне живого Иоанна II Комнина написать ему эпитафию (*Sternbach L.* Op. cit.). В «Музах» Алексея Комнина мы не находим упоминания о Николае Калликле.

Материи подобья безобразные,
 След корабля, промчавшего под парусом.
 Одно, одно спасенье — в добродетели!

Главное, что отец хочет внушить сыну —
 254 Одно, одно спасенье — в добродетели!

Далее следуют конкретные советы, полезные при осуществлении обязанностей носителя царской власти. Первая Муза заканчивается призывом к самоанализу:

Чтоб о себе подумать всестороннейше,
 И на спасенье устремив все помыслы
 И ум свой обратив на Первосущее
 420 И на пределы устремлений жизненных.

Маас обращает внимание на контраст между гладкостью метрического единообразия и неровностью и некоторой беспорядочностью мыслей и повторами, особенно в тех частях, где трактуются темы, составляющие топосы «царских речей». Однако там, где Алексей Комнин дает сыну наставления, основанные на собственном опыте успешного 37-летнего правления и личных наблюдениях, когда он хочет передать сыну лучшее из своего индивидуального знания жизни, текст построен четко, динамично и очень ярко.

Вторая часть поэмы («Алексея Комнина вторая Муза. Второе, последнее наставление Алексея Комнина, автократора») полна горячей отеческой любви к сыну и посвящена прославлению его достоинств. Слова восхищения достоинствами сына (признаваемыми и ценимыми современниками), выражающие истинную отцовскую гордость, делают это произведение, по словам Мааса, «единственным в своем роде документом византийской поэзии»¹².

Необходимо сказать несколько слов об обстоятельствах последних часов жизни императора Алексея. Здесь мы, по примеру А.Я. Любарского, дадим слово византийским историкам и поместим их тексты в приложении к нашей работе.

Публикуемый перевод «Муз» Алексея Комнина, выполненный нами, — первый перевод на русский язык¹³.

Закончим наше вступление финальной цитатой из венской публикации Мааса: «Таким образом, «Музы» Алексея Комнина — достойный памятник обоим великим императорам из рода Комнинов»¹⁴.

¹² *Maas P.* Op. cit. S. 366.

¹³ Полностью «Музы» никогда не публиковались и на других языках. Известны прозаические цитирования (например, у Магдалино: *Magdalino P.* The Empire of Manuel I Komnenos. P. 27–29).

¹⁴ *Maas P.* Op. cit. S. 367. О Комнинах см.: *Βυζόζ Κ.* Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν.

Приложение¹⁵

Zon. XVIII, 28: «...Сына императора ставят в известность, что его отец испускает дух. Он является в дом, где лежит умирающий, не с целью оплакать отходящего, а с целью лично убедиться в том, что он умирает. Удостоверившись в этом, он сразу же вышел, вскочил на коня и со своей свитой выехал из Манган. Многие ушли вместе с ним. У самой ограды Манган его встретили авасги (предки современных абхазцев. — *Я. Л.*) — они были присланы из Авассии вместе с девушкой, обрученной со старшим сыном кесаря. Увидев его, они подняли крик и преклонили колена. Императрица же, как рассказывают, с горечью сообщила умирающему императору об уходе сына. В ответ император не издал ни звука, или потому что не хотел, или потому что не мог. Он лишь поднял руку — не знаю, в знак благословения сына или проклятия. Другие рассказывают, что умирающий и руки не поднял, ибо, находясь при последнем издыхании, не был способен на это, а императрица несколько раз громко повторила: «*Твой сын ушел, чтобы похитить у тебя, еще живого, императорскую власть*». На это император слабо улыбнулся, может быть, смеясь над словами жены, — неужели она думает, что он заботится об императорской власти, находясь при последнем издыхании, — а может быть, выражая так свое отношение к происходящему. Ведь сам Порфирородный Самодержец (Иоанн. — *Я. Л.*) и другие люди утверждали, что он явился во дворец не без согласия отца и ушел он по отцовскому разрешению, в знак чего получил у него перстень. Это произошло без ведома и во время отсутствия Императрицы».

Nicet. Chon. P. 8: «У императора Алексея было три сына и четыре дочери. Из мальчиков раньше всех родился Иоанн, но первым ребенком была дочь Анна, сочетавшаяся впоследствии браком с Никифором Вриеннием и получившая титул Кесариссы. Их родитель Император Алексей из всех детей более всего был расположен к Иоанну. Он назначил его наследником императорской власти, обул в красные сандалии и провозгласил Императором. Напротив, мать Иоанна, императрица Ирина, благоволила к дочери Анне и постоянно клеветала супругу на Иоанна. Она называла его человеком увлекающимся, порицала его за изнеженный образ жизни и изменчивый нрав, в котором якобы не было ни одной хорошей черты, и изо всех сил старалась заставить Алексея изменить свое мнение об Иоанне. Иногда под разными предлогами она заговаривала о Вриеннии и очень хвалила его как человека искусного не только в речах, но и в делах, знакомого со свободными науками, которые улучшают нравы людей и готовят к

---

2 vols. (Βυζαντινὰ Κείμενα καὶ Μελέται 20). Thessaloniki, 1984; *Chalandon F. Les Comnène. Études sur l'empire byzantin aux XIe et XIIe siècles I: Essai sur le règne d'Alexis 1er Comnène (1081–1118) II, 1–2, Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180).* New York, 1971.

¹⁵ Цитируется по изданию: *Анна Комнина. Алексиада / Перевод, примечания и статьи Я.Н. Любарского.* 3-е изд. СПб., 2010. С. 593–595.

беспорочному царствованию тех, кто собирается наследовать власть. Алексей, слушая это и зная о ее материнской любви, иногда делал вид, что занят срочными делами и не обращает внимания на ее слова, а иногда уверял Ирину, что подумает и не пренебрежет ее просьбой. Но порой, всплыв, он говорил: *«О жена, делящая со мной ложе и царскую власть, перестань настраивать меня в пользу дочери, ведь ты разрушаешь этим похвальный порядок. Уж не сошла ли ты с ума? Опомнись. Подумай-ка, знаешь ли ты, чтобы кто-нибудь из прежних императоров, имея сына, вполне достойного власти, предпочел зятя и оставил ему скипетр? А если мы и встретимся с таким редким случаем, то сочтем деяние незаконным. Все ромеи стали бы громко надо мной смеяться и сочли бы меня выжившим из ума, если бы я, взявший власть с помощью отнюдь не похвальных средств, проливший кровь соотечественников и нарушивший христианские установления, выбрав наследника, отказал своему родному сыну и приблизил к себе этого македонца»* (так он называл Вриенния, который был родом из Орестиады, одного из наиболее славных и могущественных городов Македонии). Так он гневно отвечал императрице Ирине, а затем вновь начинал притворяться, что вовсе не отказывает ей в просьбе. Так он тянул с ответом жене и делал вид, что постоянно находится в раздумьях. Ведь этот муж был необыкновенно скрытен, считал, что мудрость заключена в постоянном притворстве, и почти никогда не раскрывал своих намерений.

Приближаясь к концу жизни, он лежал в роскошных палатах Манганского монастыря, испуская последние вздохи. В это время его сын Иоанн, видя, что близка кончина отца, и зная о нелюбви к себе матери, которая прочит императорскую власть его сестре, поделился своими замыслами с некоторыми родственниками, которые были к нему расположены — самым могущественным из них был его брат Исаак. Иоанн тайно от матери зашел в отцовскую комнату, как будто в слезах бросился на пол и потихоньку снял с руки отца перстень с печатью. Некоторые говорят, что он сделал это с согласия отца, и это подтверждают дальнейшие события. И вот Иоанн тотчас собрал сообщников, поведал им о своем поступке, сел на коня, взял оружие и отправился в Большой дворец. В самом Манганском монастыре и на улицах города его провозглашали самодержавным императором расположенный к нему народ и те, которые собрались, услышав о происходящем. Императрица же Ирина, мать Иоанна, устрешенная происходящим, призвала к себе сына и стала уговаривать его воздержаться от осуществления своих намерений. Иоанн, однако, с головой был погружен в свои замыслы и не обратил никакого внимания на слова матери, поэтому она стала побуждать Вриенния с ее помощью взять власть. Ирина, видя, что события развиваются вопреки ее воле, подошла к Алексею, покоившемуся на ложе (отрывистое дыхание выдавало в нем еще живого), приникла к мужу и как «темноводный источник», испуская потоки слез, стала громко обвинять сына, будто тот у еще живого отца похитил царство и замыслил мятеж. Но Алексей ничего не ответил на это, ибо его мысли были заняты более серьезными вещами, перед концом жизни он, как и подобает, думал

о своем скором переселении в другой мир и вперял свой взор в ангелов — проводников душ.

Императрица же, не в силах перенести действия сына, стала еще настойчивее, и Алексей с усилием на короткое мгновение улыбнулся и вознес руки к небу, как будто выражая радость по поводу услышанного и благодаря Бога...

Ирина ясно поняла, что мужа обрадовало ее сообщение, что она в своих надеждах обманулась, а его обещания были напрасны. И тогда с глубоким вздохом она сказала: *«О муж, и живой ты отличался коварством, речь твоя была двузначной и исполненной хитрости, и вот теперь, прощаясь с жизнью, ты держишься своих старых привычек»*. Это об Ирине.

Иоанн же, явившись к Большому дворцу, не смог сразу туда войти, так как стражи не удовлетворились лицемерием перетня, а потребовали еще какого-нибудь доказательства того, что Иоанн явился по отцовскому приказу. Но вот двери дворца, усаженные с обеих сторон широкими медными брусками, отворяются, и Иоанн входит вместе с воинами и родственниками во дворец. Хлынула туда и сопровождающая его чернь, которая стала хватать все, что подвернется под руку. Ворота снова закрыли, приток толпы извне прекратился, а тем, кто был внутри, запретили выходить, и они несколько дней провели вместе с Императором. Это произошло 15 августа. На следующую ночь умер Император Алексей, процарствовав 37 лет и четыре с половиной месяца».

Музы Алексея Комнина

Алексея Комнина, матерелюбивого автократора,
сыну его Иоанну, порфирородному победителю,
отцелюбивому автократору, славному отцом,
последние наставления и заветы

Ты пожелал, владыка над Авзонами,
Встав из земли, избегнув разрушения,
Что всё размыв, лишает очертания,
Явиться перед нами в теле собственном,
5 Что соткано из подвигов всепамятных.
Ведь если не дано исчезнуть доблестным,
Оставившим своим победам памятник,
То ты пришел и учишь нас воочию,
Тому, что в мире и в войне спасительно
10 Везде, где Рима власть благозаконная
Цветет благодаря установлениям
И при прекрасном управленьи множится.
Ты пожелал, уйдя, опять явиться нам,
Еще побыть среди нас, кто к смерти движется, —
15 Хоть получил ты долю, смертным общую —

Проплыть по морю жизни — ты в спокойствии
Достиг причала жизни безмятежного,
Избегнув бурь и качки утомительной,
Что воздымает страсти ветер северный.
20 Ты пожелал — и как же то спасительно! —
Из жизни среди нас уйти не полностью,
Оставив нам, сынам Авзонов-воинов,
Трудов бессмертных память нерушимую —
25 Ты дал нам всем пример для жизни праведной,
И сыну, кто отныне самодержец наш,
Ты четкий образец дал — самого себя.
Ты в нем воскрес, в нем снова воплотился ты,
Тебя бессмертным добродетель сделала —
И не отнять ее, она лишь ширится,
30 Она — вне порчи, тленью не подвержена,
Единый Ум во всех, кто в тех садах живет,
И все поют, все славят царство Господа,
Возможно, там же — ипостаси Троицы,
Став близ нее, он слышит прорицания,
35 Которыми вся жизнь и направляется.
Ты не желал от нас быть в отдалении —
В речах твоих прекрасных, приснопамятных,
Которыми, с последними дыханьями,
Ты сына наставлял с глубокой мудростью
40 И говорил — о дивный звук божественный —
Как слово подобрать мне, как мне выразить,
Как можно речь назвать мне Алексееву,
Всё таинство такого наставления
Царя-отца, для слуха сына милого,
45 В час, как в наследство скипетр принимает он!
Не те ли то слова, что вечно в памяти,
Как божеский закон — их стоит так назвать,
Хотя они не на Синае сказаны,
Но здесь, на высоте Ромейской крепости,
50 С высот невыразимых и прекраснейших
Спустились к нам, снующим у подножия,
И в сердце сына, нового властителя,
Подобия отца, они записаны —
И вот что было в наставленьи сказано.

55 Пред чем все ниц — имеешь ты с рождения
И Римский скиптр, и трон благосчастливейший.
Владея полнотой престола царского,
Не отступай от правил ты отеческих,
О пифос, полный разума, дитя мое!
60 Но к должному стремись со всем старанием,

Во всё превосходя меня, родителя,
И над народом властвуя и воинством,
Будь справедлив и кроток, как родитель твой,
Ко всем, кто по-сыновнему настроены,
65 Но к тем, кто мыслит противозаконное,
Будь строг и укрощай законной силою,
Чтоб водворилось в них благоразумие,
Но, правя всем, правь силой лишь законною.
Не следуй за толпой, не подчиняйся ей,
70 Внимай лишь тем, чьи речи — во спасение
Тебе, семье, и войску, и согражданам.
Коль старики советуют — прислушайся,
Ведь их учитель — время, старцы опытны,
Но если тот тебе на счастье ветрется,
75 В ком ум — седой, как в старце многоопытном,
В ком разум зрел, а плоть и возраст — юные, —
Такие скиптру твоему полезнее,
Чем сонмы старцев глухих, но с сединами —
Тебе они докажут то со временем —
80 Нетрудно молодому телу сильным быть —
Сама природа этому способствует, —
Но, как у старца, мудрый ум у юного —
Вот это — Божий дар, большой, диковинный.
Так набирай в совет ты старых с юными,
85 Тебе и государству будет выгодно.
Так поступай, и вот еще запомни что:
Способности и ум считая главными,
Не оставляй и знатность без внимания, —
Стыдись принять совет от недостойного.
90 Речистому давай публично выступить,
Но помни — дело слова драгоценнее,
Нет ничего, что было б легчеценнее,
Чем речи человека, если нудит он
С собою согласиться, крутит хитростно
95 И говорит (к примеру): «Друзи, граждане!
Так надо поступить, так сделать выгодно!»
Тогда как надо точно всё исследовать
Тому, кто жить решил во всё по мудрости.
Ты властвуешь, мой сын, должно быть, с гордостью, —
100 Да, этот трон рождает самомнение —
Не ново это и не удивительно —
Ведь смертный ум на высях благоденствия
Всегда исполнен спеси и надутости,
А кто из прежней жизни выбивается,
105 Возвысившись, беспамятным становится.

Народу ты судья и племенам другим,
И будешь править теми, кто вокруг живет,
Как я, отец твой, правил с Божьей помощью,
А ею и земля и небо держатся,
110 И сам ты тоже — правь, суди и будь судим,
Во первых, Богом, во вторых — законами.
Но, правя суд, ты помни — ежедневно сам
Невольно ты свершаешь прегрешения —
Так сострадай в душе чужому промаху,
115 И помни: Тот, Кто судит окончательно —
Бог-Слово, всюду взором проникающий —
Он и тебе судья во всё, что сделал ты —
Ретивые наездники, что с запада,
120 На доблесть полагались, силой гордые,
И полчища народов, окруживших нас,
Не пошатнули нас и не повергли ниц,
Ни отступить, ни сдаться не заставили.
Таков мой нрав! Они все уничтожены!
Но и меня, я знаю, ждет последний Суд
125 За все мои дела — и я готов предстать
Пред строгим Судией, кому всё ведомо.
Так не ликуй, не затмевайся гордостью,
Что правишь над Авзонами и воинством —
Ликуй, когда с собою можешь справиться!
130 Вот так, дитя, и царствуй, над собой царя.
Как самого себя тогда сумеешь ты
Держать и Новый Рим в повиновении
И править племенами, нам подвластными.
Ведь может так случиться — волей случая —
135 И женщинам, и детям достается трон,
Но мудро править и прожить с достоинством —
Способность править — это свойство избранных —
Не для простых мужчин и женщин с чадами —
То избранных удел, способных властвовать
140 Во имя Слова, гимнами воспетого,
Чей главный труд — о веке печься будущем.
Ни жемчуг на венце да не слепит тебя,
Ни яркий блеск камней, венец украсивших,
Но пусть твой нрав сияет светом доблестей
145 И красотой мыслей добродетельных —
Вот так, вот так и страсти одолеешь ты,
И к доброму весь пыл души направится.
Отнюдь не трон достойным мужа делает,
Хоть будь он золотой и в драгоценностях,
150 И человек, занявший трон, но с мыслями

- Лишь о себе, с замашкой тиранической,
Без правил права вопреки законности —
Лишь ненависть в своих рождает подданных —
Все их молитвы — о его погибели.
- 155 Когда же добрый нравом получает трон,
Кто мудро всё вершит ко благу общему —
То должно, чтоб у мужа, власть имущего,
Из уст слетали речи только зрелые,
Чтоб думал он и говорил лишь мудрое,
- 160 Выказываясь вольно, беспрепятственно!
Порфирородство нрава благородного
Нетленно украшает и живет вовек,
И только добродетель принесет тебе
К ногам твоим сапожки цвета алого.
- 165 Вот это — твой доспех, так облекись в него,
Как благородный лев, в себе уверен будь,
И одолеешь обступивших ворогов.
Высоким духом укрощай противников,
И, мысля так, всегда держи правление.
- 170 Всегда имей в уме, что человек жизнь,
Дитя мое, недолгая и хрупкая.
И вот что я скажу тебе, послушай-ка:
Родившись, мы три первые пятерки лет
Онаграм и быкам подобясь, жизнь ведем,
- 175 Питаемся, растем без смысла всякого,
А дальше мы, примерно три семерки лет,
Покуда до четвертой мы не дожили,
Кипим, бурлим, стремимся к наслаждениям,
И жар страстей горит до наступления
- 180 Девятки четверной — и это время всё
Нам нелегко быть умными, высказывать
Уместное и всячески полезное,
Всем — кроме тех, кто погружен в учение.
Поэтому стремись быть сведущ в мудрости —
- 185 Ведь крепость тела, временем подточена,
Уходит, как вода, уничтожается,
Пока что незаметно — это ход вещей,
Но мягкость и подвижность тела нашего
Коснеет понемногу, но не полностью.
- 190 Четырежды двенадцать лет всё держится,
А там — и седина, и о кончине мысль.
Конечно, если мы (о, неразумные!)
Не станем говорить самообманчиво,
Что спелый колос — лета наступление,
- 195 Но такова природа наша слабая!

Семерок десять жить — немногим выпало,
И мало тех, кто к этому приблизился.
От четырех десятков до шести порой —
Вот поле жизни, смерти пограничье.
200 И это — ах! — несчастье века нашего.
Едва ль сейчас в народе нашем сыщется,
Кто прожил шестьдесят, не то что более!
А семьдесят и восемьдесят жившие,
При всём стараньи — вообще не сыщутся.
205 Так ставь, мой сын, себе пределом сорок лет,
И жизни дням, и планов упованиям,
Надеждам, что питают их питающих,
Надеждам, что служивших Слову ревностно
К Нему приводят — в Рай, Его отечество.
210 Поистине, все беды века нашего,
Что в наше время на людей обрушились,
Свидетельствуют: жизнь, что мы ведем сейчас,
Пример прекрасный светопреставления —
215 Когда погибнут все, умрут до времени,
До наступленья смерти, что естественна.
Да, так проходит смертных жизнь текучая,
Природа всех обезобразит старостью
Погибнут даже дети нерожденные,
Теперь еще зачатые во множестве
220 В утробах материнских, все зародыши
Погибнут, не родившись, не увидев свет —
Сиянье Колесницы Солнца сладкое.
Но есть о смерти сказ еще таинственной,
Великое Писание свидетелем:
225 Наступит срок — не скоро — и послышится
Трубы железной глас всепроникающий,
Он вострубит: вторая жизнь рождается,
И долгий век, что непричастен тлению,
Как яркий свет из мрака тучи вспыхнувший,
230 Прольется на сухие кости умерших,
Что долго спят в своих захоронениях,
И все тогда воспрянут с силой юною —
И те, кто осужден за прегрешения,
И те, кого ждет радость быть среди ангелов.
235 Из праха встанут все, на суд отправятся,
Кто зло творил и жизнь прожил безумную,
Тогда восстанут получить возмездие —
Кто жил в грехе и блуде, в безобразиях —
240 Послушай Павла, поучись и вытверди,
И научи, узнав всё это, подданных, —

Поступками, словами и характером.
И от меня тебе известно это всё —
А я ведь долго жил и долго царствовал.
Преходит всё. Всё гибели подвержено.
245 Направь же на себя свои усилия,
Познай себя и с мудростью скажи себе:
Всё суета, всё — тщетное блуждание,
И золото — ничто, и трон — ничтожество,
Отец пустой гордыни, суета сует.
250 Военные дела — шум веток фиговых,
Лишь тень, лишь пух, дитя земли и тления,
Материи подобья безобразные,
След корабля, промчавшего под парусом.
Одно, одно спасенье — в добродетели!
255 Коль облачишься ею, как доспехами,
Со всех сторон закрывшись, защитишь себя,
Спокойно спи, и сон твой будет сладостным.
И если в гуще вражеской окажешься —
Они во всеоружьи, безоружен ты —
260 Уйдешь от них ты в полной невредимости —
Не дрогнешь перед войском многотысячным,
Засады не убоишься, стрел, что тучами
В тебя направит плотный строй противника,
Стрела тебя не тронет — промахнется враг!
265 А ты на них и безоружный кинешься,
Как лев — тебе не нужен шлем спасительный,
И панцирь ты надеть не озаботишься,
Большим щитом прикрыться не подумаешь,
Иные у тебя доспехи — шлем иной,
270 И ты совсем другим облекся панцирем,
И щит иной — и твой доспех — прикрытие
Такое, что и кельт трепещет в ужасе,
Дрожит норманн, познав твою разительность,
Плывут обратно восвосяи, дрогнувши,
275 Пред ними персы и скифы бесконечные
Трепещут, и народы аравийские,
Абасг и смелый кельтибер воинственный,
Народы индов, войско маврусийское
И множество за морем обитающих,
280 Где северные ветры и восточные,
И эфиопы, те, кто где-то за морем.
Задолго до того, как скипетр стал моим,
Со всех сторон нам досаждали варвары,
Пылавшие стеснить, сгубить и вырезать
285 Ромеев чада. Ведь повсюду, вглубь и вширь,

По всей земле, с востока и до запада,
Вредили скифы нам бессчетоволпные,
Ум италийский, дерзкий силой ратною,
И та страна, что на восток простерлася
290 И к морю — зло персидского оружия.
В их власти были Родос с Митилеюю,
Они и Лесбос захватили с Хиосом,
И острова, что названы Кикладскими,
И Критом овладели тиранически,
295 И киприотов ввергли в беззаконие.
Но и внутри страны враги старались
Отнять ту власть, что свыше мне дана была,
Но Богоматерь и Святая Троица
Мне дали сделать всех врагов бессильными,
300 Меня спасали, помогая вовремя
И распознать врагов, и обезвредить их.
Но я тогда — да и еще и ранее —
Не обладал способностями с легкостью
Собрать свой ум в текучих обстоятельствах.
305 Но я пойму, обдумаю, и выучу
Тому, что есть в природе человеческой
Тебя, мой сын, тому, как образуется
И после распадается в движении
Четверка элементов изначальнейших.
310 Я, обратившись внутрь себя, сие постиг,
И передать спешу тебе, послушай-ка.
Считай, что город наш — источник золота.
Пока с эфира Бог наш с благосклонностью
Взирает на него, даруя милости
315 И славу, как дарит плодами яблоня.
Одних поит он золотом, от других Себе
Берет потоки золота могучие —
И вечен сей поток средь плеска шумного.
Давая и беря столь много — радуйся,
320 Живи подольше, в круге этом двигаясь,
Побольше злата положи в хранилища
И береги на черный день заботливо,
Чтоб было на какие средства сдерживать
Нас окруживших ненасытных варваров,
325 С разинутыми пастьями давно они
Хотят пожрать богатства града нашего.
Но я всегда с тобой в воспоминаниях,
Ты помнишь всё, всё в мыслях сохраняешь ты.
Что, если будет время — время тяжкое —
330 И Запад, встав, на нас войною двинется?

- Бесчестье нанесет он Риму Новому,
Его величью и престолу гордому.
О сем, дитя, подумай — и копи добро!
Старайся всё сберечь от вражьих челюстей
335 Сих варварских племён, враждою пышащих,
Что, если вдруг гроза на нас надвинется,
Неся беду, их войско многошумное,
И город в окружении окажется?
Теперь скажу к тому, что было сказано
340 Тебе, о сын мой, нечто очень важное.
Подарки за труды и награждения
Пусть будут в радость тем, кто получает их!
Тем легче и спокойней сможешь справиться,
Коль кто-нибудь возропщет, возмущая всех.
345 Ведь если не радеть о награждениях,
Иль чем-нибудь задеть своих соратников,
То вскоре целый город переполнится
Хулою на тебя и поношеньями.
Не надо обещать дары заранее,
350 Наград не надо крупных не ко времени,
372 И если человек, живущий в Аттике,
На Кипре, или, может быть, во Фракии,
Был привлечен к суду за преступление,
375 Кому-то вред нанес он, но впоследствии
Он получил от власти оправдание
(И был клеймом отличен, красной грамотой) —
Он гнев питает старый свой по-прежнему.
И если обошли кого наградою,
380 То нет в таком к начальству благодарности,
Не ходит он в места, что посещают все,
Где издавна все люди Богу молятся,
Не ходит и туда, где суд справляется —
Так пусть навеки сгинет эта пагуба!
385 Вина пусть сгинет — человек останется.
По человеколюбию пусть будет то.
Теперь скажу тебе довольно важное,
352 Что я едва-едва не упустил сказать, —
Оно бы ускользнуло незамеченным,
355 Когда б Сам Бог великий (уж не знаю, как)
Не ввел меня бы в ум из неразумия,
И слов златую связь я поспешу открыть
Для всех — то пища всякой добродетели!
Так вот — узнай и помни хорошенечко,
360 Где б ни был ты и что б с тобою ни было,
Лежал бы ты, сидел, коня пришпоривал

В краю далеком, на пиру блаженствовал —
Никто пусть из Авзонов не осмелится,
Никто из всех других народов подданных,
365 Тебе сказать худое слово лживое,
А если скажет так по легкомыслию,
Пусть понесет за это наказание.
Тогда другие, видя кару строгую,
Уж точно будут впредь поосторожнее.
370 И так, когда законно наказание,
Удержишь многих ты от заблуждения.
386 И если ты добьешься исправления,
И всякий будет свой язык придерживать,
Никто уж не посмеет слово лживое
Во вред тебе, закону, Богу вымолвить.
390 Легко обрежешь тяжб хитрословения
Ораторов болтливых, смуту сеящих,
И, если ты дурных из них повыведешь,
Что лают на законы в пустословии —
395 Спасительно поступишь и по-божески,
Избегнувши коварства неприкрытого,
И будет каждый жить в великой радости,
Законы соблюдать, уму понятные,
А ты всегда хранить их будешь в целости
От тех, кто их нарушит по безумию.
400 Знай — властвовать другими — дело малое,
Коль сам собою править не стараешься,
Умей унять свой гнев и укротить умом,
В котором мыслей гидры неусыпные —
405 А их неисчислимое количество —
Не брали б верха над умом для подлостей.
Пусть огонь ума дотла сожжет ненужное,
И этой скверне пусть поносит головы.
И если ты поймешь, что трон и власть твоя —
410 Столь малое, а жизни срок столь короток,
И если внемлешь ты словам родителя
И сможешь овладеть собою умственно —
Тогда ты и с народами справишься,
Великим даже Богу ты покажешься.
415 Сам по себе познать не будешь в силах ты
Что в помощь, чтобы обрести спасение,
Пока от дел текущих не найдешь досуг,
Чтоб о себе подумать всестороннейше,
И на спасенье устремив все помыслы
И ум свой обратив на Первосущее
420 И на пределы устремлений жизненных.

II. Алексея Комнина вторая Муза.
Второе, последнее наставление
Алексея Комнина, автократора

Сын — слово дорогое! — если б думал я,
Что ты — лишь плоть моя, от плоти сущая,
И не считал, что ты всегда, с рождения,
5 Души отцовской друг и часть великая,
И любишь мою душу, где, как Солнце, — ты,
Не полагал бы я, что будет правильно,
Пока я жив, оставить наставление
Единственному сыну наилучшему.
10 Ведь ты — мой плод, дитя мое любимое,
Ты — будто бы я сам, я так зову тебя,
Ты — как отец, и рад отцу подобиться,
И, стало быть, тебе законом Божеским
Положена с моею доля равная
15 В речах, по нашему произносимых поводу,
Чтоб ты, со мною вместе правя праведно,
На равных получал хвалу за подвиги.
Все видят — подает пример достойнейший
Сын, что собою трон украсит в будущем.
Поговорим об этом с Божьей помощью.
20 Я говорю с тобою — ведь на равных мы,
Со мной ты делишь власть — я право дал тебе
Нести бойцовский труд, в доспехах бедствовать,
Когда на нас, Авзонов, враг надвинулся,
А вовсе не готовить снаряжение,
Вести набор на безопасной местности,
25 Куда атака вражья не дотянется,
Не править в полном оснащеньи воинском
Каким-то городком и спать, как хочется,
Как говорится, сном Эпименидовым,
И утопать в пирах и удовольствиях,
30 В похмелье пребывать непозволительном,
Как будто сан и эта власть высокая
Даются лишь для роскоши расслабленной,
А трон (откуда — этого не ведаю)
И то, что он над жизнью возвышается —
Всего лишь просто так, барыш нечаянный,
35 Основа для пиров и диких выходок,
И этот трон, родящий столько зависти, —
Всего лишь дар отца, наследство верное.
— Нет! Трон — священный дар Его, Единого,
Предмет забот великих, многотруднейших

40 (У корибов и маргитов с либетрами
Иначе). Но владыки над Авзонами,
Питомцы славы — все они свободные,
А высота их доблестей и подвигов
До самого эфира поднимается.
45 Сын, ты хорош собою, ты умом богат,
Прекрасен ты, мой сын, краса династии,
Трон силу придает тебе великую,
Отеческих молитв ты плод достойнейший,
И оправдал мое ты воспитание.
50 Кулак твой крепок, пальцы твои — сильные,
В лодыжках и коленях мощь сцепления,
А что за щит подымлет крепкий локоть твой —
И скифы, и норманны в том свидетели,
Отряды персов, кельтибер бестрепетный,
55 И грудь твоя могуча, мощен плеч размах —
Их ширина и сила равномерная
Способны выносить большие тяжести,
Что налагает панцирь медноблещущий —
Ты носишь их весь день без утомления —
60 Ты так силён! Но и отвагой ярок ты,
И опытен, немало битв изведавши.
Считаю я — ты так щитом орудуешь
С любой руки — как ни один из воинов!
Когда ты несся вскачь при всём оружии —
65 Свалился кельт с коня от изумления!
Ты, по уму не знающий сравнения,
Не уступаешь удалцам известнейшим,
Подвижный, быстрый, тонко восприимчивый
К тому, что ново — и умом и в действии.
70 А войско как огромное обучено!
Ты свыше одарен великой помощью,
Ты свыше дивной силой облакаешься.
А войско твое, силы необорнейшей,
Подарками собрав, ведешь в сражение.
Ты блеском затмеваешь звезд сияние —
75 Но не оружия блеск, не скорость конницы
Видны там с неба, а страданья тайные,
И, раненый, ты лучше зришь Всевышнему.
Не я, мое дитя, тому свидетелем,
А рана головы, что кельт нанес тебе
80 Копьем под Фтией...

ИОАНН ЦЕЦ ДО ГОМЕРА

Мы начинаем публиковать первый полный русский перевод поэмы византийского автора XII века Иоанна Цеца (ок. 1110 — после 1180 г.) о событиях, связанных с троянской войной, — её начале, ходе и конце. Поэма состоит из трёх частей — «До Гомера», «По Гомеру» и «После Гомера». Здесь мы публикуем перевод первой части поэмы; переводы второй и третьей части будут опубликованы позже.

В замечательном издании «Памятники византийской литературы IX–XIV веков» (1969 г.) опубликованы вступительные статьи Л.А. Фрейберг «Литература эпохи Комнинов» (с. 32–38) и Т.В. Поповой «Иоанн Цец» (с. 245), а также переводы с древнегреческого отрывков поэмы (строки 1–75 и 210–245 первой части в переводе М.Е. Грабарь-Пассек и Т.В. Поповой, строки 289–407 второй части и строки 361–467 третьей части в переводе Т.В. Поповой). Считаю своим долгом выразить глубочайшую благодарность коллегам, осуществившим это многотомное издание памятников античной и византийской литературы.

...Филолог-эрудит времен Мануила I Иоанн Цец ... входил в кругок севастократориссы Ирины¹, и деятельность его была смещением ученых занятий и литературно-художественного творчества. В его письмах к друзьям содержится множество литературно-критических экскурсов, а иногда и просто интересных оценок классической литературы, которые были впоследствии им же самим обработаны «политическим» стихом и составили огромную дидактическую поэму историко-литературного содержания, — так называемые «Хилиады»... Однако в центре интересов Цеца неизменно стоит Гомер. «Илиада» и «Одиссея» занимали ученого прежде всего, по тысячелетней традиции, возможностью аллегорического толкования. И здесь Цец прибегает также к поэтической форме. Он излагает свои опыты аллегорической интерпретации на каждый эпизод «Илиады» и «Одиссеи» в поэме объемом около 10 000 стихов².

¹ См. о ней: *Jeffreys M.J., Jeffreys E.M.* Who Was Eirene the Sevastokratorissa? // *Byzantion*. 1994. 64, no. 1. P. 40–68.

² *Памятники византийской литературы IX–XIV веков*. М.: Наука, 1969. С. 34.

Широкую эрудицию, начитанность и ученость Иоанн Цец стремился во всей полноте показать в сочинениях, которые можно разделить на четыре группы: 1) антикварно-исторические сочинения; 2) схолии к древним авторам; 3) трактаты по метрике, поэзии, грамматике; 4) мифологическая поэма и небольшие стихотворения. К первой группе сочинений относятся 107 писем и так называемые «Хилиады» («Тысячи»). Письма охватывают период от 1138 г. до 1165; часть их — подлинная переписка автора с современниками, часть — письма фиктивные. И в тех, и в других есть биографические сведения о Цеце и тех лицах, с которыми он переписывался, но все же они тонут в изобилии ученого материала по мифологии, истории, литературе Греции и Рима. Письма трудно понять без обширного стихотворного комментария к ним, воплощенного в огромном труде Иоанна, состоящем из 12 674 политических стихов и озаглавленном «Книга историй». Принятое теперь условное название этого труда «Хилиады» существует со времени первого издания его (1546 г.), в котором для удобства критического аппарата труд был разделен на тринадцать частей, приблизительно по тысяче стихов каждая. В первоначальном виде «Книга историй» состояла из шестисот глав; содержание ее — сведения по мифологии, греческой и римской истории, литературе, искусству. Автор приводит множество цитат из произведений греческих и римских поэтов, философов, историков, ораторов... Ко второй группе сочинений Иоанна Цеца принадлежат «Аллегории к «Илиаде» и «Одиссее» Гомера», также написанные политическим стихом, прозаический комментарий к «Илиаде» Гомера, стихотворный комментарий к «Введению Порфирия» в «Категории» Аристотеля (около 1700 триметров) и схолии к комедиям Аристофана, к поэме Ликофрона «Александра», «Пеовой охоте» Оппиана; схолии к поэме Гесиода «Труды и дни» ценны тем, что содержат большую часть трактата Плутарха о «Трудах и днях» Гесиода... Сочинения четвертой группы дошли до нас в хорошем состоянии: это поэма, написанная гексаметрами, «События догомеровского, гомеровского и послегомеровского времени» (всего 1676 стихов), драматическое стихотворение, по теме близкое к «Драматии» Апдухира (хор, музы и мудрец прославляют жизнь ученого человека), стихи на смерть императора Мануила (умер в 1180 г.), в которых чувствуется повышенный трагический пафос; и то и другое стихотворения написаны ямбами. Поэма «События догомеровского, гомеровского и послегомеровского времени» интересна новым, свойственным только византийцу взглядом на роль философа и ритора в обществе, своеобразной, чисто христианской интерпретацией и даже в какой-то мере изменением древнегреческого мифа о Парисе. Во многих частях поэмы, например, при рассказе о смерти Ахилла и Поликсены, покончившей с собой на могиле Ахилла, при описании взятия Трои, чувствуется сильное влияние не древних, а более поздних античных авторов — Трифиодора, Квинта Смирнского, Диктиса и даже византийца Иоанна Малалы³.

³ Там же. С. 251–252.

Литература о Цеце

- Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. М.: Наука, 1989.
- Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М.: Наука, 1969.
- Gautier P.* La curieuse ascendance de Jean Tzetzes // *Revue des Études Byzantines*. 1970. 28. P. 207–220.
- Goldwyn A. Kokkini, Dimitra*, Allegories of the Iliad. Harvard University Press, 2015.
- Hunger H.* Allegorisch-Mythendutung in der Antike und bei Johannes Tzetzes // *JÖBG*. 1954. Bd. 3.
- Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium. Cambridge UP, 2007, 301–307 (глава «Ioannes Tzetzes: Professional Classicism»).
- Wendel C.* Tzetzes, Johannes // *RE*. VII A, 2. Stuttgart, 1948. Sp. 1959–2010.

Перевод выполнен по изданию:

Hesiodi Carmina: Apollonii Argonautica; Musaei Carmen de Herone et Leandro; Coluthi Raptus Helenae; Quinti Posthomerica; Tryphiodori Excidium Ilii; Tzetzae Antehomerica, etc. / Graece et Latine cum indicibus nominum et rerum edidit F.S. Lehrs; Asii, Pisandri, Panyasidis, Choerili, Antimachi fragmenta cum commentariis aliorum et suis adiecit Fridericus Dübner. Parisiis: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1840.

До Гомера

(Первая песнь)

- Страшной войны Илионской смятенье великое ныне,
 Каллиопея, воспой устами моих песнопений.
 Пой, начиная с начала, и все до конца мне поведай,
 Как, Расскажи, Приам троянам чуму уготовил —
- 5 Гибельного ЗлоПариса, причину войны беспощадной,
 Все сообщи, о чем не сказала Гомерова мудрость.
 И об Аргивской Елене, сияющей сладостным ликом,
 Как там ее в Илион Александр из Спарты доставил,
 Плаванье греков воспой, воспой корабли их подробно,
- 10 Гнев Ахиллеса воспой, и с ним — истребленье ахеян,
 Гибель Патрокла воспой, Сарпедона и Гектора гибель,
 Пентесилею воспой, подобную мужу царицу,
 Войско воспой эфиопов и сына Зари-Эригены,
 Слезную гибель потомка Эака воспой нам подробно,
- 15 Сына его нам воспой, напомни и об Эврипиле,
 Спой о пророке Гелене и том, кто убил Александра,
 Пой о разрушившем город коне деревянном Эпея,
 Как он помог, чтобы пали великие Трои твердыни,
 Все мне, о дочь всеблагого Зевеса, поведай, о Муза!
- 20 Троя, конечно, и прежде от войн настрадалась немало.

- Духом свирепый Геракл разрушил ее, необорный.
Часто войной амазонки ходили, Ареевы дщери,
Матери скифов, стреляют они из изогнутых луков, —
После ж воительницы обратились к раздорам взаимным,
25 Натиск кровавый туда устремили, воюя друг с другом.
Тут и вздохнули Трояне от войн, ужасающе тяжких,
Радуясь времени мира, к трудам на земле обратились.
Медью окованным Мойрам сие не пришлось по нраву.
Стали опять для троян замышлять они всякие беды.
30 Так что спокойным трудом лишь дотоле они наслаждались,
Страшное имя Париса пока не коснулось их слуха.
В час, когда веретена нетленные Мойр завертелись,
Те, что приводят в смятенье и небо, и сушу, и море,
35 Даже владыки Олимпа покорствуют сим веретенам, —
Зеве, Аполлон, и Арес, и Сатурн, сияющий Фенонт,
И Артемида во блеске красы, и Гермес с Афродитой, —
Главных двенадцать богов, и трижды по десять, и восемь, —
В час сей Мойры соткали начало погибели Трои,
И понесла от Приама во чреве царица Гекуба.
40 Сон, обитатель ночной темноты, встревожил царицу,
Снилось Гекубе, что факел горящий она породила,
Он истребляет огнем и Трою, и царство троянцев.
Дали ответ толкователи снов на это немедля:
«Сына ты носишь, Гекуба, что будет погибелью Трое.»
45 Вот каков был ответ непреложный, что дали царице.
Лишь породила она для троян нежеланного сына,
Имя Париса дала, — а лучше бы он не родился!
Тою порою Приам, перепуганный сына рождением,
В Гелия храм, к алтарю за оракулом бога явился.
50 Был у троян беспорочный пророк, — Аполлон его звали,
В храме священном у Гелия-солнца, светящего людям,
Он и ответил царю и такое изрек прорицанье:
«Слушай, начальник троян, моё прорицание, Феба!
Из-за Париса, недавно на свет порожденного сына,
55 Город разрушит троянский Арес многотрудной войною,
Ежели сын твой сумеет дожить до тридцатилетья.»
Сила Приама-царя, таковой услышавши оракул,
На воспитанье малютку тотчас отсылает в деревню.
В честь же Париса, как сына родного, он Парий возводит,
60 Там его сын и возрос, всему обучившись прекрасно,
Что подобает узнать царя благородным потомкам.
Ритором став, написал он весьма сочинений немало,
Было одно, — трактовал в нем богиню желаний и отдал
Там предпочтение он Афродите пред Герой с Афиной.
65 Мне же сдается, куда бы полезнее было иное, —

- Будь он философ, писал бы себе сотворение мира,
Как из Эреба и Хаоса первым Пелеей появился,
Почва, земля жизненосная, также и море-Фетида,
Гера-огонь, и Афина, что воздух собой знаменует,
70 С ними же вместе золотая и милая всем Афродита;
В мир же раздор и вражду Эриды яблоко вносит,
Но Афродита-любовь вражду и раздор побеждает,
Снова весь мир захватила и держит надежно доселе,
Вот что придумано было о споре богинь и о свадьбе,
75 Все это сделано было Парисом, Приамовым сыном.
В пору, как тридцать лет с тех пор уже миновали,
Тотчас Приам и троян племена неисчетные в Троию
Препровождают Париса из Пария, шествуя с песней,
Глухие, так и не знали, что гибель себе же готовят.
80 Месяц был Ксантик, когда провозжали его они в город,
Ксантик, — а греки обычно зовут этот месяц Априелем,
Двадцать второго числа привели они в Троию Париса.
Он предавался веселью, — а с ним и родители, братья,
Отчим богам совершал гекатомбы блестящие славно.
85 Восемь недель уж подряд над ним Эригена всходила,
В пору как шел пятьдесят седьмой уж день от начала —
То восемнадцатый день был июня-Десия, — летом,
Царь отец его в Аргивский град посылает
В храм Аполлона свершить отводящие порчу обряды,
90 Дивные дав приношенья и сотню людей с ним отправив,
Письма к тому приложив в передачу Аргивским владыкам,
Чтобы друг друга встречали и дали свершить гекатомбы.
Не был спокоен Приам, с тех пор, как стряслась с Ганимедом
Эта беда у Тантала царя, благородного мужа,
95 Вот и послал он его со свитой, письмом и дарами.
Тот же, проплыв через воды соленого Энносигея,
Радостный, Спарты достиг, при Зевесовом ветре попутном.
Принял радушно его Атрид Менелай белокурый,
Сам же Атрид, получив от Париса большие подарки,
100 Отбыл на Крит, дабы жертвы свершить прародителю Зевсу
Вместе с Астерием, тем, что царил в ту пору над Критом,
Зевсами древние люди царей всегда называли, —
Скипетр дарует царям звезда ведь счастливая Зевса,
Близ Немейского льва проходя, а именно в пятой
105 Действует боле всего — ведь самым царственным блеском
Зевса здесь светит звезда, с лучами солнца равняясь.
Стало быть, в Крит он поплыл, в честь пращура править обряды,
В доме оставив своем Александра-Париса с друзьями.
Он же, вечерней порой узрев Менелая супругу —
110 В сад выходила она, а с нею рабыни, служанки, —

- И красотою и прелестью дивной сияла Елена.
Сразу сражен был Парис горящей стрелою Эрота,
Точно попала она, но попала стрела и в Елену,
Оба влюбились они в прекрасные лица друг друга.
- 115 Нежная кожа, прекрасные брови и правильный носик,
Тела ее белизна со снегов чистотою поспорит,
Станом прелестна, лицо ее блеск источало сладчайший,
Речи медовые, влажность приятна очей волооких,
Пышных волос завитки текут золотою волною,
- 120 Стройная, в платье красивом, во всем совершенна на диво,
Превосходила красою других она женщин намного,
Словно луна, что сияние звезд затмевает на небе,
Младости двадцать шестая весна сияла роскошно,
Вот сколь великой красой отличалась Тиндарова дева.
- 125 Но Парис был и сам от Харит наделен красотою:
Белый, решительный, стройный, с красиво растущей бородою,
Он перед всеми блистал, золотыми увитый кудрями,
Сам был красив полюбивший красавицу, правда, взаимно.
После того, как влюбленная пара друг другу призналась, —
- 130 Им помогли передать эти вести служанки и Этра,
Быстро они поднялись на корабль и рабынь прихватили,
Также и все украшенья, и Этру коварную взяли,
И устремились по водам бесплодным Тирийского моря,
Прочь от пути, по которым обычно из Трои ходили.
- 135 Мигом помчались из дома на Крит возвестить Менелая,
Он же домой поспешил, направляясь как можно скорее
В путь по широким волнам колебателя недр Посейдона.
Сильно в душе он страдал, беглецов же преследовал тщетно —
Пересекали они большое Тирийское море,
- 140 И проплутав целый год, наконец к Илиону подплыли.
Только узрели Елену трояне и с ними троянки,
Вмиг поразились ее красоте, что сияла победно.
Ласково встретив, почтила Гекуба ее в мегароне.
Многие так говорят о приезде царя Александра,
- 145 После того, как из Трои уплыл, и о том, как Елену
В Трою с собою привез из славного Лакедемона.
Но сообщают другие иное, что любо их сердцу,
Молвят: Елена вовек пред троянами не появлялась,
Нет, пребывала она, вращаясь в чертогах Протея,
- 150 Так что аргивское войско с троянами тщетно сражалось.
Многие это плетут сочинители разных историй,
Я же сейчас изложу как по истине и непреложно
Было тогда, а прочие росказни все — небылицы.
Вот, как проводали все аргивяне о том, что Елена
- 155 Вместе с троянами в Трое, скорей снарядили посольство,

- В Трою поплыли Атрид Менелай, Одиссей с Паламедом,
И Акамант Тезейд с Диомедом, — забрать Тиндариду.
Было опасным посольство, — ведь там их едва не сгубили
Козни зловредные, что против них АнTIMах уготовил
160 (Это его Александр подстрекнул, заплатив ему златом),
Спас же послов от гибели верной почтенный Антенор,
Принял в дому как гостей, а в дальнейшем, по взятии Трои,
Те пощадили его и дарами почтили богато.
Так, избежав преступной руки АнTIMаха, посольство
165 Все, что делалось в Трое, своим сообщило, вернувшись.
Тут с островов и с материка собирается войско,
Вместе чтоб общим походом отправиться в Трою войною.
Долго они снаряжались, и десять уж лет пролетело
С той пору, как Тиндарiona отъехала в Трою,
170 Только тогда на свои корабли погрузились ахейцы,
Все, кто отцу ее Тиндару клятвой великою клялся,
Злое для Трои замыслив, совместно приплыли в Авлиду.
Но не забыли они об Ахилле, блистающем славою.
Он, новобрачный, тогда пребывал в чертогах супруги
175 У Ликомеда, на Скиросе-острове славном долопов,
(Вот откуда рассказы о женской одежде Ахилла),
Тут Одиссей, Паламед и Нестор отправлены были
В дом к Пелею с Фетидой, а также и к старцу Хирону,
Мудрость сияла его, и был он в почтении у смертных,
180 Он ведь Ахилла судьбу предсказал заранее дочери.
Это посольство почтенное долго молило Хирона,
И увели, наконец, Ахиллесово сердце к ахейцам, —
С ним пятьдесят кораблей, мирмидонское войско несущих,
Вышло, на каждом полсотни мужей находилось,
185 С ними пошел и Патрокл, и Феникс, Аминтора отпрыск,
Первый командовал войском, второй — управлял Ахиллесом.
Их увидав, панахейцы аргивяне возликовали,
Войско, с вожжами пришедшее мудрыми, всех восхищало,
Радость всеяла краса подобного вихрю Ахилла,
190 Всех ведь делами, красой, быстротой из них превзошел он.
В пору, когда панахейское войско стянулось в Авлиду,
Было всего их шесть тысяч сто восемьдесят общим счетом,
Зимние ветры, однако, в Авлиде их всех задержали.
Тут Одиссей отправляется в Аргос, в чертог Клитемнестры,
195 Хитрым обманом оттуда забрав Ифигению-деву,
В жертву заклал Артемиде, пророчеству вняв Фесторида.
Царь Агамемнон, сие увидав, проливал свои слезы,
Тут же избрали его предводителем целого войска,
Из-за того, что дочь его в жертву заклали ахейцы,
200 Деву ту лань подменила, сама же она Артемиды

- Жрицею стала, богини великой души, Таврополы, —
Ибо быки и волы запряженные возят богиню,
Влажностью лунной она умножает посевы и всходы,
На голове ее рожки, и правит она колесницей.
- 205 Жрицей сего божества панэллины сделали деву,
А на алтарь они лань положили при полном собранье.
Тут, выполняя Зевесов наказ, посылает Селена
Влагой дышащие ветры с богатого звездами неба,
Ветры попутные, те, что к Трои брегам их приводят.
- 210 Так вот отправились в Трою ахейцы и в море поплыли,
Ведая все, что их ждет по змее и гнезду на платане.
Знаком же бед для троян, предвещающим злого Арея,
Стала Ирида, что радугой вдруг многоцветной явилась, —
Это ведь знак предстоящей войны или бедственной бури,
- 215 Так же, как вспышка сверхъяркой звезды в небесах и кометы.
Радугу лишь заприметив, трояне расставили стражу,
И, как приблизились к берегу Трои аргивяне флотом,
Вмиг у могилы Мирины построив войска, по порядку,
В блеске доспехов слепящем, на берег пошли они строем.
- 220 Встали на бреге и бились, и флот отогнали ахейский.
Долго сражались бесплодно они, — предсказанья боялись,
Первым воинственный Протесилай с корабля устремился,
Дивно красой он сиял, красота его силой дышала.
Статен, кудряв, белокур, млечнобелой свергающий кожей,
- 225 Смел, благодравен, прекрасно воспитан, годами же юный, —
(Он да еще Антилох были самыми младшими в войске).
Дома осталась жена Лаодамия в брачном покое,
Долго носить не пришлось ей уборы жены новобрачной,
Краток был радостный миг, сиянье нарядного блеска;
- 230 Лишь услышала она, что пал ее муж новобрачный
Близ кораблей на морском берегу, пораженный ударом
Гектора ль мужеубийцы, Ахага, а может Эвфорба,
Тотчас надела она новобрачной жены украшенья,
Ярко сверкнула глазами и меч себе в печень вонзила,
- 235 Тотчас спустилась к Аиду, печальному дружке их свадьбы,
С мужем прекрасным прекрасная рядом и в жизни, и в смерти.
Я прославляю ее и чту среди жен наилучших,
Так же, как чту я Эвадну, Алкесту и Астиопею,
Как Теано, как Энону с Лукрецией чту ее равно,
- 240 Словно Панфею ее почитаю, жену Абродата,
Порции равной считаю, супруге прославленной Брута,
Жены сии были честью мужей, благороднейшей славой,
Ложа они не сквернили по страсти к делам нечестивым,
То, что безумицы хищные ныне творят распаленно, —
- 245 Все Сфенебеи и Федры, дарители зла Филономы.

- Стало быть, муж Лаодамии славный, столь юный летами,
Протесилай боевой был первым, кто спрыгнул на землю,
Тотчас же смерть обретя и страх предсказанья разрушив,
Смертью своей уготовив дружине победу в грядущем.
- 250 Войско, увидев, что пал уже за смертью муж благородный,
Хлынуло прочь с корабля, противники шибились друг с другом
Так, что борта кораблей покраснели от пролитой крови.
Скоро и воды морские окрасились цветом кровавым,
Бился кровавый прибой, бушевали противников рати,
- 255 К ночи, однако, троянские вои укрылись за стены,
Долее биться с аргивскими ратями страх не пустил их.
Кикн среди мрака ночного, напад с Тенедоса внезапно,
В битву пошел на ахеян — троянам в угоду, конечно,
Но Ахиллес и его умертвил, и его окруженье.
- 260 После того, как ахейцы палатки, сплетя, укрепили,
Тут порешили совместно, что будет им к выгоде выщей
Все города разорить возле Трои, деревни и села.
Стало быть, часть оставалась на месте, в шатрах пребывая,
Часть же отправилась грады крушить, Ахиллес предводил их,
- 265 С ним Паламед богоравный, из всех остальных наилучший, —
Мудрость его отличала, ведь грамоту людям придумал
Он, и в кости игру, и счет, и весы, и другое.
С ним-то совместно Ахилл, панахеяне также другие,
В Мисию вторглись впервые, напали на град Гераклида,
- 270 Царствовал там благородный Телеф среди владений обширных.
Жаркая битва вскипела, легло панахеян немало,
Равно же пало мисийцев. Ахейцев бежать принуждали
Сам Телеф и Гемос, владыка, Ареем рожденный,
С ними Гелор и Антей, оба Истра-реки порожденье,
- 275 Жены-мисиянки с ними дрались на своих колесницах.
Так бы ахейцев прогнали они к кораблям и палаткам,
Если б Телефа в бедро Ахиллес не поранил жестоко,
И не пронзил бы Нирей копьем Гиеру-царицу, —
Неукротимую битву она вела с колесницы,
- 280 Выхав сильно вперед, нападала на войско аргивян,
В ярость придя за супруга, что был поражен Ахиллесом.
Смерть ее в горе повергла мисийцев и даже аргивян;
Из-за ее красоты такая их скорбь обуяла,
Что заключили союз и Телеф с градовержцем Ахиллом,
- 285 Ведь затмевала своею красой Гиера Елену.
Вот, заключив договор, воротились ахейцы к палаткам,
Там они все Паламеда пресветлого чтят дружелюбно,
Муж сей был мудрости полн и доброго сделал немало,
Те, кого сильно снедала тоска по любимой отчизне, —
- 290 В кости игрою они разгоняли печальные мысли.

- Мог Паламед и болезнь предузнать, и ее излечение,
Ведомы были ему от болезней целебные средства,
Он толкование верно давал божественных знаков,
Был дружелюбен и добр ко всему человечьему роду,
295 Чванства лишен, не творил он бесчинств, не чинил беззаконий,
Вот и любили за это его все народы ахейцев.
Но Одиссей — эта гибель героев и враг благородных,
Кто, отрешив корабли, Филоктета покинул на Лемне,
Кто исполина Аякса сгубил, до безумья обидев,
300 Кто потопил и меньшого Аякса (один из аргиев,
В море бежал он), — пылал к Паламеду враждою и злобой,
Ибо не мог превзойти Паламеда, не мог с ним равняться.
Гибель измыслил ему умом, порождающим козни,
Чем распалил в Ахиллесе чудовищный гнев на аргиев,
305 Гнев же Ахилла на войско навлек многостонные беды.
Я расскажу о начале вражды, как она зародилась.
Дело не в том, что злопамятен был Одиссей из-за плуга
Иль Телемаха, — рассказы об этом — все лживые басни.
Сам Одиссей на войну собирал благороднейших воев.
310 Я же сейчас расскажу, отчего это вышло на деле.
В пору, как Аргос покинув, по глуби морской отправлялись
В Трою аргиевляне, множество знамений в небе явилось.
Молнии ярко блистали, и грома гремели раскаты,
Радуги были, кометы летали, и солнце затмилось.
315 Все панахейцы в душе безмерно объялись страхом,
Но Паламед этот страх тогда же у них и рассеял,
Он объяснил, что страшны эти знаменья только троянцам,
А не аргиевлянам: знаки являлись на небе с востока,
И прорицатель его правоту подтвердил предсказанья.
320 Далее, в кости игру избрел он и буквы придумал,
И панахейцы тогда Паламеда прославили много.
Вот и царяпалась зависть в груди боевой Одиссея.
Тою порой, как к шатрам отошли они все от мисийцев
После того, как с Телефом цари сговорились о мире,
325 С гор начинают к ахейским палаткам захаживать волки,
Скот разоряют, на слуг нападают, — в душе Одиссея
Тотчас желанье зажглось превзойти, наконец, Паламеда.
Громкие крики подняв, Одиссей поднимается в горы
Зверя прогнать, и с ним панахейские лучники вместе.
330 Глухой! То знак был грядущего мора, а он и не ведал!
Их увидав, Паламед обращается к ним, улыбаясь:
«О, многоумный герой Одиссей и лучники мужи!
Что вы идете на битву с волками без всякого смысла!
Разве в горах, неразумные вы, волков не водилось?»
335 Было ли раньше, чтоб кто-то из них тревожил ахеян?

- Это ведь мора грядущего признак! Оставьте же луки!
Нашей защитой в беде огородные овощи будут!
Мяса не ешьте совсем и в море скорей выходите!»
Молвил, и все поступили тогда по его указанию,
340 Лишь Одиссей не послушал его и бранью осыпал.
Тотчас же мор начинает свирепствовать в градах троянских,
Сами ж избегли несчастья, из всех лишь одни уцелели.
А Паламеда тогда почитали как некого бога.
Тотчас злокозненный муж ему черную гибель замыслил
345 И погубил его хитрыми кознями, промаха не дал.
Грады троян разорял Паламед, и совместно с Ахиллом
Взяли они, сокрушив, двадцать три окрестные града,
Множество ценностей вынес герой панахейцам в добычу,
А среди женщин и Астиномею, рожденную Хрисом,
350 И Гипподамию, Брисову дочь, не спросившись ахейн,
Взял себе Ахиллес, и она у него оставалась.
Только послушайте, как хороши были пленницы видом.
Маленькой, ловкой была Хрисеида, с молочной кожей,
Грудь небольшая, волосы золотые, а лет — девятнадцать,
355 Девушка в самой поре. Гипподамия же, дочь Бриса,
Крупной была, белокожей, с прекрасною грудью, нарядной,
Волосы черные пышно вились, и носик точеный,
Ярко блистала улыбкой, хотя и серьезной казалась.
Муж у нее был Минит, и он над делегами правил,
360 Двадцать первый уж год пошел Брисеиде в ту пору,
Дома была у Ахилла она, от ахейцев подальше,
Вот и сердились они на него, распаленные гневом.
Тут обратился тогда Одиссей к владыке Атриду:
«Разве тебе непонятно, сие — Паламеда работа!
365 Хочет он скипетр твой своему отдать Ахиллесу!
Будь же царем лучше ты, и давай истребим Паламеда!»
Так он, злоторный, сказал, и совет его к месту пришелся,
Пленника взяли троянца, письмо написать повелели,
Будто Приам обращается в нем к Паламеду как к другу,
370 После, раба подкупив, — служил он честнейшему мужу, —
Это письмо подложили они Паламеду на ложе,
Вскоре его отзывают к шатрам, — а на Лесбосе был он, —
Якобы с тем, чтобы средства он им сотворил для осады,
Тут отделили его от великого духом Ахилла.
375 Он же, прибыв, обратился тогда и промолвил Атридам:
«Если под Троей вам средства нужны для осады, Атриды, —
Вот вам Аяксы — их два — сокрушители мощные града,
Если же средства ещё вам нужны, — то вот мои руки,
Эти орудья мои немедленно Троию повалят!»
380 Рек Паламед, — ведь не знал, что ему уготовано было,

- Тотчас подложное вносят письмо, и немедля героя
Вяжут веревками, словно предателя Греции целой,
Тут закидали камнями его микенские вои
И кефаленские с ними. А он лишь промолвил со стоном:
385 «Истина, ныне прощай! Ведь тебя до меня умертвили!»
Так и погиб Паламед, и ахеяне молча скорбели, —
Все ведь они трепетали, страшась Агамемнона в гневе.
Он же не дал схоронить Паламеда, не дал и оплакать,
Смертью грозя, если кто-то, оплавав, его захоронит.
390 Но лишь проведал Аякс, что погиб его друг и товарищ,
(Рядом героев родные места — Саламин и Эвбея),
Тотчас с чудовищным стоном свой меч обнажает из ножен,
В гущу летит панахейн и груды камней разгребают,
Слезы безмерные льет, припадает с объятием к телу,
395 Рвет свои волосы с корнем, пучками с главы их срывает,
И предаёт погребению друга, презрев приказанье.
Я же сейчас сообщу, каков Паламед был собою.
Рослый, он был белокож, белокурый, с небрежной прической,
Зоркий и гибкий, служил он Софии равно как Аресу,
400 Пышные кудри его казались немытыми будго,
Столь был к прическе небрежен герой, но то не по лени,
Нет, просто спал, как солдат, на земле он обычно в походах,
В вечной заботе о деле войны предводил он в сраженьях,
И попеченье имел, чтобы каждый из воинов спасся.
405 Жизнь их казалась ему гораздо важней, чем прическа.
Он был убит Одиссеем, Аякс же свершил погребенье.

ИЗ «ХРОНИКИ» КОНСТАНТИНА МАНАССИИ

Время жизни и творчества византийского поэта Константина Манассии¹ пришлось на годы культурного расцвета². Исследователи датируют время его рождения по-разному, от 1115³ до 1130 г.⁴ У нас нет сведений о его родителях, мы не знаем, где и у кого он учился, но известно, что он, еще достаточно молодым, оказался в числе интеллектуалов, составлявших салон севастократориссы Ирины (1110/12–1153)⁵, куда входили и Феодор Продром, и Иоанн Цец. С 1124/25 г. Ирина была супругой севастократора Андроника Комнина (1108/9–1142)⁶, сына императора Иоанна II (1087–1143, император с 1118)⁷ и брата будущего императора Мануила I Комнина (ок. 1118–1180, император с 1143)⁸. В надписании к одной из рукописей главного труда Манассии, «Хроники», говорится: «Философа господина Константина Манассии обзор исторический в стихах, начинающийся от сотворения мира и доходящий до правления Кир Никифора Вотаниата. Было произнесено перед севастократориссой Ириной, невесткой императора Кир Мануила, с родным братом его Андроником»⁹. Если принять, что это сообщение достоверно, то recitatio поэмы могла иметь место только до 1142 г., по-

¹ В русской литературе встречаются два варианта передачи этого имени — Манассия и Манасси. В этой статье О.В. Смыка употребляет первый вариант, во всех остальных — второй (примеч. редколлегии).

² *Фрейберг Л.А., Попова Т.В.* Византийская литература эпохи расцвета. IX–XV вв. М., 1978; *Культура Византии. Вторая половина VII — XII в.* / Под ред. З.В. Удальцовой и др. М., 1989; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978; *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453) (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft IX/1). München, 1897.

³ *Lampsidis O.* Zur Biographie des Kostantins Manasses und seiner Chronik Synopsis // Byzantion. 1988. 58. S. 97.

⁴ *Horna K.* Das Hodoiporikon des Kostantins Manasses (= Das Hodoiporikon) // BZ. 1904. 13. S. 320.

⁵ *Βασιζός Κ.* Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Τ. Α'. Θεσσαλονίκη, 1984. Σ. 362.

⁶ *Ibid.* Σ. 357.

⁷ *Ibid.* Σ. 203.

⁸ *Ibid.* Σ. 422.

⁹ И. Беккер (Constantini Manassis Breviarium historiae metricum / Rec. I. Bekkerus. Bonnæ, 1837) указывает это на стр. 3. Наш перевод выполнен именно по этому изданию.

скольку в августе этого года севастократор Андроник умер¹⁰. Нам представляется маловероятным, что Манассии в момент чтения его поэмы было 12 лет.

Лишь немногие факты многообразной деятельности Константина Манассии — а это были придворные обязанности, преподавание, сочинительство, — могут быть датированы, да и то в основном приблизительно. Так, с уверенностью можно отнести монодию на смерть Феодоры Контостефанины и парное к ней утешение ее супругу Иоанну Контостефану к 1172 или 1173 г.¹¹ Монодия Константина Манассии на кончину Никифора Комнина¹², внука знаменитой четы, кесаря Никифора Вриенния и Анны Комниной, старшей дочери императора Алексея I, была написана между 1171 и 1175 гг. Этому скорбному событию была посвящена и монодия Евстафия Фессалоникийского. С немалыми усилиями публикатор датировал «Речь к императору Мануилу Комнину»¹³, имеющую особое значение ввиду затронутых в ней исторических событий. Анализ этой похвальной речи, предметом которой были отношения с уграми и сербами, позволил публикатору датировать ее 1173 г. Курц говорит, что, как и в других своих произведениях, Манассия обнаруживает в этой речи обширную начитанность и полное владение приемами византийского красноречия: то он ссылается на изречения св. Писания, то заимствует целые стихи или отдельные фразы из древних

¹⁰ Βασιλῆς Κ. Op. cit. Σ. 203.

¹¹ Публикатор Э. Курц (Два произведения Константина Манассии, относящиеся к смерти Феодоры Контостефанины // Византийский временник. 1900. Т. 7. С. 621–645) сообщает, что Феодора преждевременно (πρὸ τοῦ χρόνου, πρὸ ἔρας) умерла во цвете лет, и упоминает о гипотезе В.Г. Васильевского (Византийский временник. 1899. Т. 6. С. 536), что эта Феодора Контостефанина и была та племянница императора Мануила, которой Михаил Глика послал утешительное письмо, когда она сокрушалась о том, что из ревности убила свою служанку. О выдающемся византистисте Э. Курце см.: *Veçvagarç M. Эдуард Курц (1845–1925) / Пер. И.П. Медведева // Византийский временник. 2011. Т. 70 (95). С. 250–253.*

¹² Э. Курц опубликовал эту монодию вместе с монодией Евстафия Фессалоникийского (Евстафия Фессалоникийского и Константина Манассии монодии на кончину Никифора Комнина // Византийский временник. 1911. Т. 17. Вып. 1. С. 284–322).

¹³ Πρὸς τὸν βασιλέα κυρὸν Μανουὴλ τὸν Κομνηνόν (Курц Э. Еще два произведения Константина Манассии // Византийский временник. 1906. Т. 12. Вып. 1. С. 69–98). Курц указывает: «К сожалению, разъяснение этих событий и приурочение их к определенному времени и к известным историческим лицам встречают не мало затруднения, благодаря обычаю тогдашних витий, которого придерживается и Манасси: он уклоняется от всякого обозначения хронологии в разбираемых им данных и от названия по имени действующих лиц, ограничиваясь общими выражениями и неопределенными намеками, которые современникам, находящимся под свежим впечатлением событий, положим, были вполне понятны, но для нас нередко остаются темными или загадочными» (с. 70).

классиков (Гомера, Еврипида, Оппиана, Геродота, Дионисия Галикарнасского), то украшает рассказ пословицами и учеными намеками, то приводит длинный ряд примеров из египетской, персидской, греческой и римской истории для доказательства, что все подвиги каких бы то ни было вождей прежних времен должны уступить неслыханному успеху Мануила. Манассия «упоминает и о нескольких исторических событиях, которых в том виде, в котором они рассказываются у него, не найти у других писателей» (с. 77).

В 1159 г. Мануил I Комнин овдовел. Его супруга, Берта Зульцбахская, скончалась, не оставив мужского потомства. Император решил жениться вторично, и в 1160 г. для сватовства в Палестину было отправлено посольство, возглавляемое Иоанном Контостефаном. Константину Манассии было предписано принять в этом участие. Выполняя свой долг, поэт отправился в путешествие и в пути писал поэму, которую ему никто не заказывал. Впоследствии, обнаружив рукопись этой поэмы в четырех песнях (из 796 двенадцатисложников), Лев Алляций озаглавил ее *Hodoiporikon*. Однако это произведение — не итинерарий по святым местам. Конечно, путевые впечатления составляют серию экфрасисов, написанных с тонкостью, вкусом и эрудицией. Но перед нами — прежде всего глубоко личный рассказ о пережитых злоключениях, живой, непосредственный и полный ярких негативных эмоций: Манассия в дороге заболел, не доехал до места назначения, был отправлен выздоравливать на Кипр, откуда его забрали на обратном пути. Поэт очень страдал не только от болезни, но и от непереносимой для него жары, грязи и дурных запахов. Он томился без своей библиотеки и тосковал по Константинополю — каждая из четырех песен заканчивалась страстной хвалой родному городу. В конце первой песни читаем:

О богозданный град! Земля Византия!
 Ты свет явила мне, вскормила ты меня,
 О, быть бы вновь с тобой и зреть красоты твои!
 Хочу, хочу опять в твои объятия,
 335 Хочу, хочу я снова под крыло твое,
 Чтоб ты меня хранила, как воробушка!

Образ воробушка здесь не случаен. Манассия, который глубоко чувствует жизнь растительного и животного мира, красоту и учительность мироздания, как это мы еще увидим не раз, особенное чувство питает к пернатым. Его экфрасисы¹⁴ об охоте на птиц не только изображают красочную сцену императорской соколиной

¹⁴ *Εκφρασις ἀλώσεως σπίνων καὶ ἀκανθίδων καὶ Μονοψία ἐπὶ τῷ κυρῷ Ἀλεξίῳ // Eos. VII. 1902. P. 180–194; Τοῦ Μανασσῆ κυροῦ Κωνσταντίνου ἐκφρασις κυνηγεσίου

охоты с подобающей риторической оснащённостью и полным знанием дела, но и вызывают не выраженное словами чувство грусти о бессмысленно загубленных птичьих жизнях. Ему принадлежит и монолог на смерть щегленка¹⁵, его любимой ручной птицы, свидетеля его вдохновений и помощника в часы работы.

Среди риторических сочинений, время создания которых не установлено, есть описание придворного карлика¹⁶, описание стеной мозаики, представляющей Землю в виде женщины, окруженной разными плодами и животными, и описание рельефа с изображением Одиссея, подающего Киклопу вино¹⁷. Описание — один из главных приемов риторической техники Манассии, и владеет он им виртуозно¹⁸. Он умеет выделить суть и выразить ее самые характерные и впечатляющие черты метко и художественно, сказать многое в немногом. Предметы экфрасиса могут быть самыми разнообразными, одушевленными и неодушевленными; это могут быть даже моральные категории, человеческие страсти и чувства, жизненные ситуации. Манассии принадлежит большая поэма (916 пятнадцатисложников), условно названная издателем Э. Миллером¹⁹ «Poème moral», в 100 главах, каждая из которых представляет краткое описание многообразных страстей, аффектов, пороков, добродетелей, жизненных состояний и житейских ситуаций, с которыми встречается любой человек и которые требуют прежде всего правильного понимания их морального смысла («о любви», «о лжи», «о славе», «о раскаянии», «о снѣ», «о трудолюбии», «о глупости», «о злопамятстве», «о воспитании», «о подозрительности», «о том, почему больше не всегда лучше», «о врачах» и т. д.). Поучения не имеют абстрактного характера, это — наставительное слово от первого лица, внушительное и авторитетное, обращенное к вполне определенному слушателю. Мы не знаем, кто именно был этим поучаемым

γεράνων (*Курц* Э. Еще два произведения Константина Манассии // Византийский временник. 1906. Т. 12. Вып. 1. С. 69–98).

¹⁵ Μορφῶδια ἐπὶ ἀστρογλήνῳ αὐτοῦ τεθνηκότι καὶ Ἐνόδιον πρὸς (τὸν βασιλέα) (Einige unedierte Stücke des Manasses und Italikos. Wien, 1902. S. 3–9 и 12).

¹⁶ Ἐκφρασις ἀνθρώπου μικροῦ // Symbolae philologicae Polonicae. Leopoli, 1901. P. 11–20.

¹⁷ Ἐκφρασις εἰκονισμάτων ἐν μαριάρῳ κυκλοτερεῖ, κατὰ μέσον μὲν τυλοῦντων τὴν γῆν ἐν μορφῇ γυναικὸς κτλ. καὶ Ἐκφρασις εἰκονισμάτων ἐν μαριάρῳ κυκλοτερεῖ, κατὰ μέσον μὲν ἐχόντων τὸν Κύκλωπα κτλ. // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts. 1902. 5. Beiblatt. S. 74–94; первое описание было уже издано Hercher'ом в 1865 г.

¹⁸ Narrating Images in Byzantine Literature: The Ekphraseis of Konstantinos Manasses // JÖB. 2005. 55. S. 121–146.

¹⁹ Miller Emm. Poème moral de Constantin Manassès // Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France. 1875. Vol. 9. P. 23–75.

лицом. «Вέλτιστε» — адресуется к нему поэт в первой строчке, а в начале заключения к поэме говорит: «Теперь ты имеешь, о божественная голова, милая мне и драгоценная, плоды моих трудов...». Издатель поэмы Миллер предполагает, что свой дидактический труд, своего рода учебник по этике и психологии, Манассия написал для какого-то (вероятно, юного) члена императорского дома, возможно, своего ученика (мужского пола), как в свое время он написал исторический синопсис, своего рода учебник по истории, по поручению царственной заказчицы.

Еще одним шедевром экфразы является сочинение «Об Оппиане», греческом поэте II в. н. э., авторе поэм о рыбной ловле и об охоте. В 52 политических стихах Манассия дал целое жизнеописание. Он рассказал о родине Оппиана, о его родителях, о выдающейся учености его отца и о воспитании, которое отец давал сыну:

16   Ведь дни и ночи напролет над книгами сидел он,
Охоту вел на лучшее, что есть во всех науках,
И сына своего, как пса, учил охоте той же.

Затем Манассия сообщает о роковом событии, случившемся с ними, — посетивший их город Луций Вер отправил в ссылку на Мальту отца Оппиана за то, что тот не явился приветствовать его и вместо этого остался дома за книгами:

20   Впадает император в гнев и шлет к нему с приказом,
Чтоб сей любитель мудрости (что он считал гордыней) —
За то, что не явился он по первому же зову —
Наказан был изгнанием — и сослан был на Мальту,
На остров, омываемый прибоем тяжковзвучным.

Оппиан последовал за отцом в изгнание. После смерти Луция Вера Оппиан отправился в Рим и преподнес свою поэму о рыбной ловле Марку Аврелию, которому поэма так понравилась, что он заплатил Оппиану за каждую строчку поэмы — а их было 3500 — по золотому и даровал освобождение отцу Оппиана:

Ему велит он попросить, чего душе угодно,
И просит сын вернуть отца и дать покинуть остров.
Желанье исполняется — отца он получает,
Но получает он еще и золото в подарок —
40   За каждый стих кладет ему владыка по статире.
Но здесь рассказ остановлю, да не бежит он дале.
Не стану трагить много слов, подробностей избегну —
Как умерли отец и сын, в родной Назарб вернувшись,
Когда по городу чума свирепо шировала.
45   Народ же после статую поставил дорогую,
Поэта чтя, и надписал хвалебными стихами!

В XII в. происходит возрождение греческого романа на византийской почве. Появляется прозаический роман Евмафия Макремволита «Повесть об Исминии и Исмине», датированный первой половиной XII в.²⁰ Феодор Продром создает стихотворный роман в 4614 ямбах «Роданфа и Досикл». Ученик и друг Продрома Никита Евгениан, после смерти Продрома, сочиняет роман, тоже стихотворный, «Повесть о Дросилле и Харикле», в одном из надписаний отмечая, что роман сочинен «в подражание философу Продрому». Константин Манассия создал в политических стихах роман «Аристандр и Каллифея»²¹, дошедший до нас только во фрагментах, в основном нравоучительного характера, которыми в середине XIV в. воспользовался Макарий Хрисокефал, составляя «Розарий» — антологию назидательных сентенций из позднеантичных и византийских авторов. В учительстве, в старании поддержать и направить душу читателя среди жизненных испытаний и искушений на истинно спасительный путь мы явственно видим пастырский труд духовного лица. Известно, что Манассия окончил свои дни митрополитом города Навпакта²².

Самое знаменитое сочинение Манассии — «Хроника». В рукописях оно озаглавлено как ΚΩΝΣΤΑΝΤΙΝΟΥ ΤΟΥ ΜΑΝΑΣΣΗΝ ΣΥΝΟΨΙΣ ΙΣΤΟΡΙΚΗ, так и ΣΥΝΟΨΙΣ ΧΡΟΝΙΚΗ и представляет собой обзор (синопсис) всемирной истории от сотворения мира до времени императора Никифора III Вотаниата в стихотворной форме (6733 политических стиха).

В прооимии поэт обращается к заказчице своего сочинения, севастократориссе Ирине, воздавая хвалу ее возвышенной приверженности к знаниям, сообщает о ее поручении составить для нее «ясное и удобообозримое (εὐσύνολτον) сочинение, дающее четкое знание о древности, о тех, кто первоначально обладал верховной властью, до каких пор и на кого она простиралась и сколь долго держалась» (ст. 8–13). Таким образом, поэту был задан план, которого он должен был придерживаться и которому он следовал, излагая события мировой истории по царствованиям. Поэт осознает, сколь велик возлагаемый на него труд, но замечает при этом, что утешением для него послужат «великие дары», μεγαλόδορα:

²⁰ *Евмафий Макремволит. Повесть об Исминии и Исмине / Мемориальное издание перевода и исследования Софьи Викторовны Поляковой. СПб., 2008. С. 94.*

²¹ *Mazal O. Der Roman des Konstantinos Manasses. Überlieferung, Rekonstruktion, Textausgabe der Fragmente. Wien, 1967 (WBS 4).*

²² *Bees N.A. Manassis, der Metropolit von Naupaktos, ist identisch mit dem Schriftsteller Konstantinos Manassis? // BNJ. 1928–1929. 7. S. 119–130.*

16

И, частой какая росой, живительно подарки
Усталость жгучую смиряют трудов моих нелегких.

Далее следует реплика в сторону товарищей по «поэтическому цеху». Поэт прерывает тему вознаграждения за труд, «чтоб не казалось кой-кому, что льстиво мое слово». На самом деле, в отличие и от Птохопродрома, и от Цеца, Манассия очень сдержан в выражениях лести, а просьба о вознаграждении отсутствует — он выражает лишь надежду на заслуженную награду. Славословия императору мы найдем в поэме лишь в двух местах (ст. 2546–2554 и 6722–6732), и в обоих случаях эти предельно краткие славословия уместны и несут важную композиционную нагрузку.

Далее поэт определяет свой способ подачи материала. Он говорит о предшественниках²³, сочинявших историю и писавших хронографы (ἱστορησάντων δὲ καὶ χρονογραφήσαντων, ст. 21), что они, при всем своем старании говорить правильно и правдолюбиво, всё равно писали совершенно не согласующиеся друг с другом вещи, и ставит самого себя в другую позицию. Он обещает, что при выполнении поручения царственной заказчицы у него будут силы включить в свое сочинение то, «в чем точность наибольшая и что поближе к правде».

Пообещав рассказать о царях, поэт начинает с рассказа о Царе Небесном, о Начале Начал, и создает выдающееся по красоте повествование о шести днях творения. Объем этого шестоднева составляет значительную часть поэмы — более одной двадцатой. В описании сотворения мира поэт обращается и к разуму читателя, и ко всем его органам чувств, чтобы повествование охватило читателя или слушателя целиком. Именно эту часть поэмы мы предлагаем читателю в русском переводе.

Последовательность эпизодов «Хроники» изложена в работе И. Дуйчева: Константин Манассия и его «Всемирная летопись» // Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Перевод М.А. Салминой. Под ред. И.С. Дуйчева, Д.С. Лихачева. София, 1988. С. 11–27.

Отметим, что эпизод славословия правящего императора (ст. 2546–2554) представляет собой переход от повествования о старом Риме к новому и удивляет краткостью:

Но эти все события случились в старом Риме,
А наш цветет и множится, крепчает, молодеет,
И вечно будет возрастать, о царь наш всевладыка,

²³ О соотношении историографии и хронографии см.: *Досталова Р.* Византийская историография (характер и формы) // Византийский временник. 43. 1982. С. 22–34.

2550   Ведь в новом Риме — светлый царь, лучами свет дарящий,
 Авзонодержец, что стяжал бессчетные победы,
 В порфире роза — Мануил Комнениад великий —
 И пусть исчислит власть его бесчисленные солнца!
 Но пусть вернется наш рассказ на прежнюю дорогу
 И доберется до конца истории вот этой.

По словам И.С. Чичурова, «прооймион, проводя четкую границу вещи в начале, постулирует столь же четкую границу в конце»²⁴. Автор резко прерывает движение поэмы и приказывает своему слову остановиться «в гавани молчания», едва достигнув времени правления Алексея I Комнина:

О песнь моя, остановись — ты в гавани молчанья.
 Теперь открылась предо мной Атлантика иная,
 Простор бескрайний славных дел царей высокородных,
 6725 Героев — тех, кто столь велик отвагой, мощью, родом,
 Что неспособна речь моя проплыть их жизни море.
 Ведь было б нужно говорить о царственных Комнинах,
 Пересекая океан их дел победоносных,
 А это — даже самому Гераклу не под силу.
 6730 Итак, покрепче укрепим канаты на причале,
 Подъемем весла на корабль и паруса скатаем —
 Ведь за Гадеры заплывать, как говорят, не надо.

В издании Беккера, вслед за последними словами поэмы, как дополнения, в текстологическом аппарате, публикуются три текста из рукописей поэмы²⁵. Первое из них — гекзаметрическое посвящение Ирине, имеющееся в двух рукописях:

AR   Ныне прими сей дар от наших трудов и усилий,
 Ты, о дарящая счастьем владычица, славная в чадах,
 С ликом хариты невестка царей многоможных, великих,
 Ты, чье сияние ярче самой ясноглазой Селены!
 5   Браком с тобой сочетался счастливым на ложе законном
 Отпрыск Авзоновладыки могучего порфирородный,
 Славный боец Андроник, необорно отважный копейщик,
 Севастократор — его наделил этой честью родитель —
 Пусть переходит в бессчетные годы обязанность эта!

В одной из этих рукописей есть и ямбическая эпиграмма, посвященная Манассии:

R   Уста Манасси! Сердце вы чаруете!
 О новый наш Орфей, сильнее древнего!

²⁴ Чичуров И.С. К проблеме авторского самосознания византийских историков IV–IX вв. // Античность и Византия. М., 1975. С. 203–217.

²⁵ Constantini Manassis Breviarium... P. 286–287.

Заставь же вновь звучать кифару сладкую!
 Яви себя друзьям, тебе приверженным,
 5 К ученикам, как прежде, обратись своим!

Codex Labbeanus содержит еще одну ямбическую эпиграмму на книгу Манассии:

Я — книга, что питает мысли в старости,
 Я старю ум и снова юным делаю.
 Теперь в себе несу я, что написано
 Про жизнь царей владычных Рима нового
 5 И тех, кто был царями Рима древнего,
 Кто царствовал когда-то над халдеями,
 Над персами, кто властвовал в Ассирии.
 Ведь я — труд Константина всемудрейшего
 Манассии, в искусстве слова лучшего!

* * *

Первым переводчиком поэмы Манассии на русский язык был Антиох Кантемир (рукописный перевод, «Господина философа Константина Манассиса Синописис историческая», датирован 1725 г. (Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Q.IV.25)²⁶. Кантемир переводил хронику Манассии с латинского языка и впоследствии, обратившись к греческому оригиналу, внес изменения в свой перевод. Фрагменты о сотворении мира (20 стихов) в переводе с греческого О.В. Бычкова опубликованы в кн.: Культура Византии. Вторая половина VII — XII в. С. 438. Фрагмент из «Хроники» (4805–4830) в своем переводе опубликовал Д.Е. Афиногенов (Новые сведения о климате Понта Евксинского в историческую эпоху // ВДИ. 1999. 1. С. 137–145).

«Хроника» Манассии была любимым чтением его современников и вскоре была переложена в прозе на народный язык²⁷. Она вызвала подражания — Михаил Глика в своей «Хронике», обращенной к сыну, использовал материал Манассии и подражал его педагогическим приемам.

Перевод «Хроники» Манассии на среднеболгарский язык был выполнен (вероятно, в Тырнове) в прозе, но, несомненно, со стихотворного оригинала. Известны четыре списка славянского перевода

²⁶ *Глариянтова Е.В.* Античные и христианские источники в творчестве Антиоха Кантемира // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. 2007. 4. С. 167–171.

²⁷ *Praechter K.* Eine vulgargriechische Paraphrase der Chronik des Konstantinos Manasses // *BZ.* 1895. 4. S. 272–313; *Praechter K.* Zur vulgaren Paraphrase des Konstantinos Manasses // *BZ.* 1898. 7. S. 588–593.

«Хроники» Константина Манассии. В первом из них, хранящемся в Москве (ГИМ, собр. Синод. библ. № 20/38), есть запись, благодаря которой перевод может быть точно датирован. Эту рукопись вывез с Афона Арсений Суханов, и в 1655 г. патриарх Никон пожертвовал ее Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю под Москвой. На листе 140 рукописи оставлена запись писца: «Слава иже въ Троици славимому богу испльнѣжщому въ малѣ великаа. иже и приписашся сиа словеса мала и многополезньнаа повелѣнїемъ моего бл(а)городнаго и хр(ис)толюбиваго и прѣвысокаго и дрѣжавнаго ц(еса)рѣ прѣкраснаго Иоана Александра в лѣт[о] течения 6853 ендик[та] 13. Приписа поп Филипъ по повелѣн...» Тем самым, «Хроника» оказывается переписанной «попом Филиппом» в царствование болгарского царя Иоанна Александра в 1345 г. Следует отметить, что во вступлении к поэме Манассии болгарский переводчик заменил уже известное нам обращение к севастократориссе Ирине обращением к царю Ивану Александру. Вторая рукопись хранится в библиотеке Ватикана и описана кардиналом Ассемани под номером 1. Эта рукопись богато иллюминирована и представляет собой замечательный памятник южнославянской книжной миниатюры²⁸. В 1960-е гг. в НРБ была выпущена уникальная серия почтовых марок с изображениями этих миниатюр. Существуют еще Хиландарский и Гульчанский списки; последний издан И. Богданом²⁹ и снабжен славяно-румыно-греческим глоссарием. Перевод «Хроники» Манассии на среднеболгарский язык очень точен и отражает небывалое богатство поэтического языка оригинала, особенностью которого являются многочисленные новые лексемы, образованные как по модели гомеровских сложных слов, так и представляющие специфику образного языка Манассии. Исследователь среднеболгарского перевода Вейнгарт³⁰ подсчитал, что в среднеболгарском переводе 868 сложных слов, и больше половины из них не зафиксировано словарями.

На современный болгарский язык поэма Манассии была переведена стихотворно Иваном Буюклиевым³¹.

В 1988 г. совместными усилиями Болгарской Академии наук и Академии наук СССР была издана книга «Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах»

²⁸ *Джѹичев Ив.* Миниатюрите на Манасиевата летопис. София, 1962; Летописата на Константин Манаси. София, 1963.

²⁹ *Sronica lui Constantin Manasses, traducere medioblgara facuta pe la 1350 / Text si glosar de Joan Bogdan.* București, 1922.

³⁰ *Weingart M.* Byzantské kroniky v literatuře cirkevňeslovanske. Přehled a zbor filologický. 1. Bratislava, 1922. S. 160–219.

³¹ *Хрониката на Константин Манаси / Предговор, превод и коментар Иван Буюклиев, исторически бележки Иван Божилов.* София, 1992.

под ред. И.С. Дуйчева и Д.С. Лихачева (София, 1988), содержащая, в частности, исследование И.С. Дуйчева «Константин Манассия и его „Всемирная летопись“» и подготовленные М.А. Салминой публикации текстов среднеболгарского перевода «Хроники» по всем известным спискам. Книга содержит также составленные О.В. Твороговым ценные словоуказатели.

Среднеболгарский перевод «Хроники» оказал огромное влияние на развитие древнерусской литературы³². Составители «Хронографа» продолжали использовать «Летописец Еллинский и Римский», но во многих местах предпочли включить в свой свод тексты из среднеболгарского перевода «Хроники» Манассии. В итоге почти весь корпус «Хроники» был включен в «Русский Хронограф» 1512 г.³³ Уже из «Русского Хронографа» фрагменты «Хроники» попадают в состав других памятников — в Никоновскую летопись и в Лицевой свод. Так, в Лицевом своде оказывается «Повесть о создании и по пленении Тройском», взятая из «Русского Хронографа», и это при том, что Лицевой свод уже содержал перевод латинского романа Гвидо де Колумна о Троянской войне. Но главное, что «Хронике» Манассии подражают писатели XVI в., а затем и авторы первой половины XVII в.³⁴ Как пишет М.А. Салмина³⁵, «„Хроника“ Константина Манассии, войдя в XVI в. в Русский хронограф, в значительной мере определила стиль и манеру русского хронографического повествования последующего времени и явилась образцом для оригинальных исторических произведений... Ее стиль становится господствующим в русской хронографической литературе».

³² Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. Часть V: «Спад летописной работы». С. 337–346. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 133–137; Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 164–165.

³³ Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. 322 с. С. 180–181, 196–200; Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 99–186; 1869. Вып. 2. С. 4–7, 18–19.

³⁴ Васенко П.Г. Заметки к статьям о Смуте, включенным в хронограф редакции 1617 года // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пгр., 1922. С. 248–269; Орлов А.С. Хронограф и «Повесть о Казанском царстве» // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского / Под ред. акад. В.Н. Перетца. Сб. Отделения русского языка и словесности АН СССР. Т. CI, № 3. Л., 1928. С. 188–193; Салмина М.А. «Ентинарый» в «Повести о зачале Москвы» // ТОДРЛ. 1958. Т. 15. С. 362–363. Салмина М.А. Источники «Повести о зачале Москвы» // ТОДРЛ. 1960. Т. 16. С. 245–247; Салмина М.А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 44–46, 65–68. Салмина М.А. Хроника Константина Манассии как источник Русского хронографа // ТОДРЛ. 1979. Т. 33. С. 279–287.

³⁵ Салмина М.А. Хроника Константина Манассии и литературный стиль XVI в. на Руси // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 99–104.

Далее мы публикуем стихотворный перевод из «Хроники» Манассии (ст. 1-341) и в дополнение — изложение шести дней творения в «Летописце Еллинском и Римском»³⁶, в среднеболгарском переводе «Хроники»³⁷ и в «Русском Хронографе»³⁸.

Из Хроники Константина Манассии

- Душа, что любит вещное, лишь к вещному стремится
И всё на свете делает в погоне за желанным.
Но ты, с душою царственной, ты страстно любишь слово, —
Ты вечно жаждешь знания, учения, науки,
5 Всегда ты к книгам тянешься, твоя услада — чтение,
И вся твоя проходит жизнь в занятиях высоких.
Вот, возжелала ныне ты, питомица науки,
Чтоб я потщился написать и рассказать про древность, —
И обозримо, и легко, и ясно излагая,
10 Кто были первые цари, и что потом случилось,
Над кем их простиралась власть, и сколько лет держалась.
Я понимаю хорошо, сколь тяжким труд мой будет,
И сколь задача велика, и сколько тут работы,
Но утешает, что всегда за труд и муки слова
15 Твои большие ждут дары и всяческая щедрость,
И, частой капающей росой, живительно подарки
Усталость жгучую смиряют трудов моих нелегких.
Но тут, пожалуй, лучше мне теперь остановиться,
Чтоб не казалось кой-кому, что льстиво мое слово,
20 Чтоб не считалось, что оно, предмет забывши, скачет.
Про то, что хочешь ты узнать, писали люди много —
Историки, хронографы — и все они стремились
Повествование вести правдолюбиво, верно,
Но их писания порой не сходятся друг с другом,
25 А мы же, тратя силы все твою исполнить просьбу,
Свой труд готовились писать, лишь то в него включая,
В чем точность наибольшая и что поближе к правде.
В начале Слово Божие, Зиддитель совершенный
Вселенной, небо вывело — оно беззвездным было, —
30 Но наполнилось сиянием красоты неизреченной, —
И землю всекормилицу, и свет с землею вместе.
Земля была безвидная, лежала без убранства,
И мрак хребты ее скрывал, густой и непроглядный.
Но свет внезапно просиял и разлился повсюду,

³⁶ Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст. СПб., 1999. С. 3-4.

³⁷ Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Под ред. И.С. Дуйчева и Д.С. Лихачева. София, 1988. С. 106-110.

³⁸ Русский Хронограф. М., 2005. С. 21-23.

- 35 И ясноглазый первый день в одеждах белых вышел,
И тотчас стало видимым незримое доселе,
И скрылась тьма, гонимая огнем потоков света.
В таких трудах и пробежал сей первый день творенья.
При вспышке ока ясного второго дня, Бог-Слово
- 40 С великим совершенством круг замкнул второго неба,
Он закруглил его и дал земле шатер и крышу,
И имя «твердь» ему нарек Творец Доброхудожный.
Вторую сферу создал Он близ той беззвездной, первой,
А после воды разделил — текущие и бездны,
- 45 С непостижимой быстротой и легкостью безмерной
Он часть оставил на земле, а часть с земли приподнял,
И между ними проложил Он небо, как преграду.
И, словно крепкая стена, их небо разделило.
Вот день второй открыл глаза, а третий — вновь открыл их,
- 50 Свет засиял, и снова Он, искусник и умелец
Премудрый, Всезидитель Бог, к делам Своим вернулся.
Вода, что с неба излилась, поверхность всю земную
В свои глубины погрузив, лицо земли сокрыла —
Кругом вода, одна вода, стоячее болото —
- 55 И вот тогда всю эту хлябь Творец стянул внезапно,
Совсем как тот, кто белизну тягучей влаги млека
Сгустить сумеет, а потом кружок обточит сыра.
И вот, лишь схлынула вода, что сплошь скрывала землю,
Стал видим взору лик земли, явились очертанья
- 60 Ее холмов, высоких гор и скал крутых отвесов.
И водам, собранным в одно, Он дал название — «море»,
А то, где сухо, нет воды, где камни или почва,
Землей назвал Господь Творец, Кто всё на свете сделал,
Умелец мудрый. И затем немислимую силу
- 65 Свою явил — ведь в тот момент, когда еще на свете
Гиганта-Солнца не было — его не сотворил Он —
Бог повелел растениям укрыть собою землю,
Себе на радость — Он хотел дать взору утешенье,
Но и для жителей земли, для пользы пропитанья.
- 70 И в первый раз тогда земля, как юная невеста,
В узор роскошный, дорогой и золотом расшитый
Облачена, сияла в нем блистательной красою.
Фиалки благовонные перекликались с розой, —
Цвели фиалки всех цветов, рассыпавшись повсюду —
- 75 Пурпурным, синим, желтизной, пестрели, улыбаясь,
Вот розы яркокрасные цветут кустом роскошным,
А рядом — нежно-бледные, с тончайшим ароматом
Белее снега лилии, анагаллиды-ирис,
Вот гиацинты выросли, а вот краса нарцисса,

- 80 И всё убранство первое харит весны прелестных.
А там колосья поднялись, тяжелые от хлеба,
Плющ темнолистый вверх пошел, вершинам угрожая,
Всё свежее, всё влажное, всё блещет красотой,
Всё источает аромат, — и полнится земля им, —
- 85 Всё сочной устлано травой, зеленой, яркой, нежной,
На корм росистый для коней, коровам пропитанье. —
Таким нарядом всецветным земля тогда оделась,
Такой вот пеплос соткан был прекрасными цветами.
Фаланги выросли древес, на свет они явились
- 90 С густой листвою, ветвистые, с тяжелыми плодами,
Там были яблони — на них воцеленных яблочк время,
Оливы, полные плодов, и сладостные фиги,
Смолистых сосен стройный бор, дубы и ели, вязы,
И ветер сосны овевал, иголки шевелились,
- 95 И разносился аромат и сильный, и приятный,
Тут вишня выросла, а там возрос медовый финик,
Вот винограда мать — лоза — свила свой виноградник,
Где гроздьи сладкие висят, нектаром полня воздух,
Там всё созрело, всё в поре, всё полностью поспело,
- 100 Всё без изъяна, и на всём — Творца благоволенье.
Средь дел таких и третий день свой свет во тьму отправил,
И снова засветился лик дня, что пришел на смену.
И снова начались дела — теперь велел Создатель,
Чтоб звезды на небо взошли, венцом его украсив,
- 105 И вмиг всё небо расцвело убором звезд прекрасных,
Как шитый жемчугом наряд, златую нитью тканый,
Что блещет весь цветным огнем камней драгоценных.
В тот день впервые воссиял и дня зрачок великий,
И — Солнце, дивный исполин, светильник жизнедарный,
- 110 Как дом бездровного огня, ключ света неизбывный.
Тогда же факелом в ночи впервые просияла
Луна-Селена ясная, как шар голубоватый,
Почти как совершенный круг, сияющая дивно.
Впервые стали видимы великие созвездья,
- 115 В кругах своих прекраснейших, что спорили друг с другом
И украшали небеса, как луг — цветов узоры.
Темнел там Кронос — ведь Сатурн свинцового оттенка,
Серебряный Юпитер-Зеве и Марс-Арес кровавый
Светили, Солнце, как поток расплавленного золота,
- 120 Сверкала; оловянный шар — Венера — засияла,
Гермес-Меркурий в вышине светился медным светом,
И, как прозрачное стекло, Луна сверкала ярко.
Вот сколь цветистым был теперь нарядный пеплос неба!
Темнел Сатурн и цвет его был с гиацинтом схожим,

- 125 Юпитер лилией сиял, а Марс краснел фиалкой,
И Солнце было, золотясь, как пурпурная роза,
Эосфорос сиял светло, как ирис белоснежный,
Меркурий посылал лучи, окрашенные алым,
Нарцисса нежным лепестком цвела Луна-Селена, —
130 Вот сколь прекрасен был покров цветов теперь на небе!
Вот сколь великую красу, какую многоцветность,
Отраду, тешащую взор, сияющую радость
Бог подарил лицу небес! Он небо сделал садом!
Бог — Вертоградарь — насадил цветник тысячецветный,
135 Где, как растенья и цветы, росли, сияя, звезды.
В тот день впервые просиял — и всё насытил светом —
Луч Солнца, гордости небес, — и дня краса и яркость,
Явилось, верное, как раб, по Слову Господина,
А после скрылось — вместе с ним и день ушел четвертый.
140 Вот так Творец на небесах тогда устроил звезды,
Вот так Он Солнце сотворил, что днем повелевает,
И око ясное Луны возжег сиять средь ночи.
Но на земле пока ничто живое не водилось —
Никто не плавал, не летал и по земле не бегал.
145 И вот вложил Всесильный Бог в стихию вод способность
Живые души сотворять и силу порожденья,
Веля исторгнуть из глубин всю тварь, что жить способна,
Как роженицы чрево в срок на свет выводит в родах
Здоровый плод — что столько дней зародышем носила.
150 И повеление Творца, как излитое семя,
Потокам вод тогда дало способность к порожденью,
И стали птицы с той поры, воздушные скитальцы,
На длинных крыльях совершать свободные полеты,
Легко взмывая в небеса, над водами кружиться,
155 И громкий крик их огласил моря, ручьи и реки.
Одни — с размахом мощных крыл и с клювами большими,
С когтями гнутыми — они оружием им служили, —
Равно и клювы острые, к ножам-когтям вдобавок,
Чтоб так они могли себе доставить пропитанье,
160 Ведь создал Он и хищных птиц, пернатых плотоядных,
Царя-орла и коршуна, чья снедь — сырое мясо,
И прочих — всех, кому огонь, чтоб мясо есть, не нужен.
Он создал легких воробьев, болтливых, злаякоядных,
С коротенькими крыльями и жизнью очень краткой,
165 И вот из пышных зарослей щебечут многогласно,
Поющие в терновнике, щеглы, скворцы и галки,
И множество еще других — они, кружась над полем,
Клюют себе, как лакомство, всё, что ни попадетя.
Тогда же звери на земле большие появились, —

- 170 С густой косматой гривой львы, медведи, леопарды,
Большие тигры, кабаны и слон широкогрудый,
Собаки острозубые и зайцы крылоножки,
И всякий прочий род зверей, что бегают по суше
И в море жизнь свою ведет, и кроны населяет.
- 175 И вот, наполнивши зверьем и сушу всю, и море,
Великий Кровельщик укрыл всемирное жилище —
Он создал воздух, Он соткал хитон нерукотворный, —
Незримыми касаньями премудрости тончайшей
Перстов Своих божественных — простер его, как город,
- 180 Просторный, охраняемый, и отдал его птицам —
Большим пернатым хищникам и птахам безобидным,
Средь этих дел и пятый день свой быстрый бег закончил.
И снова вышел день — шестой — златой зарей сияя,
И стал Господь выращивать сад красоты великой,
- 185 В руках мотыги не держа — орудья битвы с почвой, —
Не дланью насадительной — но лишь единым Словом.
И вот деревья выросли и кроны зашумели,
Тенистые, душистые, с могучею листвою.
О, кто Эдема красоту очам представить может?
- 190 Стоят сады, что полнятся прекрасными плодами,
Ряды вечнозеленые растений благовонных.
Вот источающий нектар поднялся виноградник,
Вот к небесам возносятся деревья, что Он создал —
Не к пользе пропитания, а просто для отрады —
- 195 Платан, водой напоенный, ель с острою верхушкой,
И сосны высочайшие, и кипарисы, вязы
Сплетают ветви меж собой, ласкаются листвою,
И кажется, что все они друг к другу устремились,
И кажется, стараются сплестись в объятьях нежных.
- 200 Сияет Солнце яркое и сверху изливает —
Спокойный и рассеянный — свой свет животворящий,
Насколько путь ему дает покров сплетенных листьев.
Сияют розы дивные и лилии сверкают
(Ни роза, ни аканф тогда шипов еще не знали).
- 205 И пурпуром, и белизной светились ярко розы,
Лучи их от земли неслись, как свет от звезд на небе.
Каким великолепием был лик земли украшен!
Сиял он дивным пурпуром, красою улыбался!
Над многоцветной красотой лугов, росой впоенных,
- 210 Зефир дыханьем сладостным дышал и нежно веял,
И воздух полнил, разнося цветов благоуханье.
А в центре сада дивного стояло древо жизни,
Оно всего прекраснее, стройней и гуще было,
И ключ, как мать ручьев и рек, оттуда низвергался,

- 215 И влагой чистой орошал прекрасный сад Эдемский,
И корни щедро он поил, стволы им наливались,
Он жажду утолял цветов и всей листвы зеленой,
И на четыре части ток ключа делился дале,
Как мать, рожденье он давал потокам величайшим.
- 220 На языке сирийцев так те реки назывались:
Фисон их звали и Геон, Форад рекой был третьей,
Четвертой имя — Эддекиль. На языке Эллады
То были Ганг, великий Нил, Ефрат и Тигр могучий.
Обходит Ганг своей волной пределы Эвилата,
- 225 Где можно золото найти и зелень изумрудов, —
И злато неподдельное огнем сверкает ярко —
А воды Нила светлые приходят к Эфиопам
И дарят плодородие полям Египта щедро,
Питают почву тучную, даруя урожаи,
- 230 А Тигр течет стремительно, стрелой летит, со свистом,
Он бурно плещет, брызжется, шумит волной тяжелой,
И оглашает ток его пределы Ассирийцев.
Вот, насадив и вырастив такой шатер чудесный,
Руками всетворящими слепил Он человека
- 235 Из горсти праха жалкого, из грязи и землицы,
И жизни дух вложил Он в плоть, что из земли слепилась —
И получился человек, с дыханьем совершенным,
Бог при создании сочетал ему с душою тело,
И, как подарком, наделил умом, что движет волей.
- 240 Его слепил Он, как Свое подобие и образ.
Бог поселил его в Эдем, в свой сад, возвращенный дивно,
Прекрасный терем — целый мир он будто сделал в мире,
Казался малым этот мир в сравнении с мирозданьем,
Но ценность дивная его была отнюдь не меньшей.
- 245 Гончар, скатавший грязи ком, дал человеку имя
«Адам» — ведь он его слепил из глины красноватой.
И вот он — первый гражданин прекрасного Эдема,
Бог есть позволил все плоды, но к дереву познания
Он человеку запретил и пальцем прикоснуться.
- 250 Потом к Адаму Он привел всех тех, кто населяет
Густые заросли лесов, ручных и мирных тварей,
Кто бегал, ползал по земле и чья дорога — воздух,
Чтоб имена им дал Адам с природой их согласно.
Он быкбойцу льва привел с косматой рыжей гривой,
- 255 Медведя грозного, — пришли и леопард пятнистый,
С узорной шкурою олень, хвостатая лисица,
Широколобий слон пришел — и хоботом мотал он,
Пушистый заяц, мощный бык, украшенный рогами —
И куропаток Он привел, и журавля большого,

- 260 Чьи крылья черные длинные, а клюв могуч и красен,
И белизною по краям украшенные перья.
Переливался и блистал красною хвост павлиний,
И глаз, что перья украшал, сиял прекрасным блеском,
И так пестро, что сам павлин живым казался садом.
- 265 А звери, как хозяйина, Адама окружили,
К родоначальнику они доверчиво ласкались,
Служить ему готовые, Творца покорны воле.
Он гладил смелою рукой зверей необоримых,
Как новорожденных ягнят, сосущих млеко матки,
- 270 Он не боялся их ничуть, не ожидал угрозы —
Тогда еще ни страх, ни гнев, ни вспылчивая злоба
В его душе не завелись и сердцем не владели,
Ведь над бесстрастной душой — не могут похвалиться,
Что верх берут, — ни огонь, ни зверь, ни ужас наводненья.
- 275 Кто над своею страстью — царь, своим грехам — хозяин,
Тому ничто и василиск, и скорпион ужасный,
Тому и страшный лев — ничто, и тигр — ручная кошка.
Бог погрузил Адама в сон, но сон его был горек,
Он стал началом гибели и порчи всегубящей.
- 280 Творец, покуда спал Адам, ребро извлек из тела
И сделал женщину, жену из этого кусочка.
Адам, из праха сотворен, он, первый в человеках,
Праматерь нашу породил — ребро отцом ей стало.
И стали жить они вдвоем в сем месте дивной неги,
- 285 Как будто плоти лишены, забот о ней не знали,
И тяжесть тела их тогда ничуть не бременила,
Как будто были их тела и вовсе невесомы.
Бог им обоим дал закон, и вот что им сказал Он:
«Эдема первограждане, рожденные землею,
- 290 Здесь всё для вас сотворено, для ваших нужд и пользы,
В саду все эти дрevesа для вас плоды приносят,
Срывайте, наслаждайтесь, от всех вкушая сладость,
Одно для вас погибельно — се дерево познания.
Прочь от него — не вздумайте к нему и прикоснуться!
- 295 Его коснуться — к гибели, а вкус его — отравя.
Едва его надкусите — паденье будет страшным.
Его ужасен урожай, и смерть оно рождает.
Не тронете, послушны мне, — и смерти избежите,
Наградой будет долгий срок всей жизни непрерывной».
- 300 Бог рек — и прародители объаты были страхом,
Угроза в трепет их ввела, глагол потряс всецело,
От древа вмиг отпрянули, душою содрогнувшись.
Но тут взъярился сатана, заскрежетал зубами,
И, словно вебрь, он засопел, с клыков роняя пену.

- 305   Ведь видеть, что живут они, как ангелы, не мог он.
      И злomu замыслу тогда находит он орудье —
      Он подсылает змея к ним, коварного лукавца,
      Кто, подольстясь к праматери, показывает плод ей,
      А плод прекрасен был на вид, манил, дыша нектаром,
310   Праматерь смотрит на него — о, сколь же он прекрасен!
      Исполнен всякой прелести, и аромат чудесный,
      О, как он взор приковывал, как привлекал он сердце,
      Он прямо в душу источал чарующую сладость.
      Вот сатана и показал сей плод, — а зло обманом,
315   Как скорлупой, окутал он своей медовой лестью,
      Подполз поближе страшный змей и прошипел тихонько:
      «Едва вкусите, — говорит, — сей плод прекрасный древа,
      Едва приблизите к устам сей дивный плод созревший,
      Как в тот же миг круги очей у вас открыты станут,
320   Вы всё познаете тогда и станете, как боги».
      Сие услышала жена и поддалась соблазну
      И не сумела устоять пред сладостной красою,
      Которой перед ней сиял сей плод необычайный.
      Взяла его, отведала, дала отведать мужу,
325   И вместе съели они плод, вдвоем его вкусили,
      Запрет нарушив, преступив, вкусили плод от древа —
      И вмиг у ног их встало зло, и по пятам пустилось,
      Открылись вежды — и они смутились непомерно —
      Они познали наготу, и стыд обьял их страшный,
330   Немедля бросились бежать под сень дремучей чащи,
      Помчались прямо в заросли древес в тени глубокой,
      Соорудив передники из веток многолистных,
      И вновь вернулись к дереву, за ним пытаясь скрыться,
      И думая, что лучше бы земля их поглотила.
335   Приметил их Садовник Сам прекраснейшего сада, —
      Ведь прародители людей уже сбежать хотели —
      Он стал их глупость порицать, бранить за согрешенье —
      Ну, что уж долго говорить — изгнал Он их оттуда!
      И дал им в наказание работы труд и тягость,
340   И пригрозил Он, что земля, всего живого мать,
      Отныне будет им рождать аканф с чертополохом,
      А Еве первоматери судил, что с первых родов
      Детей рожденье будет ей страданием и мукой.

ЛЪТОПИСЕЦЪ ЕЛЛИНСКИЙ И РИМСКИЙ. СΙΑ КНИГИ СПИСАНЫ НЕ ИЗЪ ЕДИНЪХ КНИГЪ, НЪ ОТ РАЗЛИЧЕНЪ ИСТИННЫХЪ И ВЕЛИКЫХЪ ПО ИСПРАВЛЕНІЮ МНОГУ: МОУСЕЕВА ИСТИННАЯ СКАЗАНИЯ, И ОТ ЧЕТЫРЕХ ЦАРСТВИИ, И ОТ ПРОРОЧЪСТВИА ГЕОРГИЕВА, ПО ИСТИНЪ ИЗЛОЖЕНА, И ОТ ЕЗДРЫ, И ОТ ИСТИРИИ, И ОТ АЗМАТЬ АЗМАТЬСКИХЪ, И ПАТАУХИКА, И ЕЩЕ ЖЕ ОТ ИОАННОВА ГРАНОГРАФА И АНТИОХИЙСКАГО, ИЖЕ ВСЯ ЕЛЛИНЬСКІЯ АКИ БЛЯДИ СПЛЕТЕНИЯ СЛОВЕСЪ, И КАПИЩЪ ИДОЛЬСКІЯ ТРЕБЫ, ПРИНОСИМЫЯ ИМИ, ОТКУДУ И КАКО БЪАШЕ. СΙΑ КНИГЫ ПИСАНЫ БЫТИЙСКІЯ ОТ ТЕТРОВАСИЛИЯ.

Сказание святаго Епифанія, яко изначала сътвори Бог
дѣль 22 6-ю день

Въ пръвьи день небеса и вышняя, и землю, и воды, из нихже есть снѣгъ, и голоть, и град, и мраз, и росы, и духи, иже служатъ предъ нимъ, иже суть сии аггели предъ лицемъ его: аггели славы, аггели духомъ дышущимъ, аггели облакомъ и мѣгломъ, и снѣгу, и граду, и мразу, аггели гласомъ, и громомъ, аггели зимы, и зноевы, и зимнии, и осѣни, и весны, и лѣта, и всему твари его духу, и на земли водныя и бездныя, и суцая подъ землею пропасти и тѣмѣ, и суцая врѣху бездныя, бывшая древле врѣху земля, от неяже тѣмы, и вечерь, и ночь, и свѣтъ дневныи и утрении. Сихъ же седмъ дѣль створилъ есть Богъ въ 1 день.

Въ 2 день иже твердь, иже есть посреди воды. Сего же дни раздѣлишася воды и плъ ихъ въздоша на твердь, а полъ подъ твердию, посрѣди лица всея земля. Се едино дѣло створилъ есть Богъ въ 2 день.

И въ 3 море, и реки, и езера, и источники, траву же, и древеса и семена вся, яже прозябе древо плодовитое и неплодовитое, и дубравы. Сии же 4 делеса великая сътвори Богъ въ 3 день.

Въ четвертый день солнце, и луну, и звѣзды обѣсил. Си три великая же сотвори Богъ въ 4 день. Въ тои же день и диаволъ отпаде аггельскаго чина.

Въ 5 день киты великыя, и рыбы, и прочая, и вся гады, и вся суцая во водахъ, и птица пернатая. Сии велиции двѣ дѣль въ 5 день сотвори Богъ.

Въ 6 день звѣри, и скоть, и гады земныя. Сътвори же и человекъ. Сии 4 великая дѣла сътвори Богъ въ 6 день.

Та вся дѣла 20 и 2, и сконча вся дѣла своя, елико ихъ на небеси,

и елико их на земли и в водах. И почи Богъ въ 7 день от всѣх дѣл своих и благослови и.

ПРЕМУДРАГО МАНАСІА И ЛѢТОПИСЦА СЪБРАНІЕ ЛѢТНО, ОТЬ СЪЗДАНІА МИРУ НАЧИНАЮЩЕЕ И ТЕКУЩЕ ДО САМОГО ЦАРСТВА КИР НИКИФОРА ВОТАНИОТА

Д(оу)ша оубо тинолюбиваа имѣніом вѣнчает и въсеческы пещетса еже полоучити желанію Ты же, д(оу)ше ц(а)рская и словолюбиваа, присно жаждаси разума, и слова, и наказанія, книгамъ присно прилежіщи и наслаждаеши ся въ книгахъ, и бывает ти жизни въсе время слово. И понеже оубо вожделѣлъ еси, якы питателник слову добросъставленоу тебѣ и извѣстнѣу писанію изложеноу быти, ясно сказоующее древнѣа словеса, и которіи обладаша испрѣва и даже до где достигоша, и которіи ц(а)рствоваша и даже до колики лет. мы оубо въсприемлемъ тяготу троуда сего, аще и нужно дѣло и тррудно яс(т'). Оутешают бо нашу аже в словесехъ труды велиціи дарове твои и любоч(ь)стие твое, и трруднааго вара и болѣзньнаго дарове прохладжають въдавае мѣи часто.

[18 ст.] И сіа оубо зде ми и до сего да прѣстанут, да не како подхыбно възмѣнитса нѣкоторьими слово, и, помысль оставльше, другаа услышати потекутъ. Мнозѣмъ написавшим же, и лѣтописавшим, и потѣщавшим ся оубо изрещи правѣ и истиннолюбѣ, другт же с другом неслично сіа съписавшемъ, мы прѣдтекше мнѣщихся болшими вѣдѣти извѣсто и паче истинѣствовати, еже по силѣ нашей съвершаемъ тебѣ.

ЗАЧАЛО. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Божіе всесовершенство и мирожиждителное Слово небо безвездное приведе в началѣ, безчисленѣу добротою сияющи лучами божественными, и землю всепитателницу, и с ними свѣтъ. Земля же неукрашена и невидима бѣ, и тма належаще на тою плещу глублика. Свѣту же восиявшу и повсюду пролиявшусе, и свѣтлостію исполненому и свѣтозарну дню бывшу, явишася преже невидимая, и мрачная тма прогна бысть сияніемъ свѣтлых луч. В сѣхъ убо претече первый днем.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Оку же восиявшу дне втораго, небо второе утверди премудре, егоже земный всекровен содѣлав покров, нарече твердь Богъ доброхудожный, паче первыа безвездныа, вторую, другу твердь. Тогда

и вселѣтное естество водное и бездны разделив, ово убо горѣ к высоте невидимый легцы вознесъ, ово же на земли оставль, постави по средѣ сихъ небо яко преграду и яко тверду стѣну. Зеница же убо захождаше дню второму, а третій паки восияваше.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

И паки художникъ всезидитель премудрый и другимъ внимаше дѣломъ. И понеже убо проливашеся по земли всей елико от небесных вод остала бѣ вода и все лице ея покрываше езеръствие, все пролитие воедино совокупи внезапно, якоже нѣкто млекабела влагу сладкопролитну, яко да усырить и сырнѣй кругъ сотворить. Отделившу же ся убо первіе належащему, явися лице земленое, и красота восия каменю, игорамъ, и брегомъ глубоководнымъ. От сего убо состав водный и моря нарече; сушно же естество, елико каменемъ составлено и елико толстобразно, земли хитрецъ нарече Богъ вседѣтель. Премногую же свою силу являя, не восиявши ещезари исполина солнца, многообразному повелѣ былию прозябнути, ово убо на сладость токмо и красоту очима, ово же и живопытно и сущимъ на земли потребно. Тогда первіе красота земля украсися, паче отроковица младе вновь уневещаемее, златоносящую и сияющую пестротами бисерными. Сияще яко благоуханный шипокъ. Якоже шар многообразный всюду смияшеса, белозрачная и всебагрена, червлена же инюду. Ово убо багрено паче шипокъ зрима бяху, ово же беляхуся сладце сияху. Бяше кринь снѣгообразне, бяху агалиды. Иакинфъ восхождаше, бяше наркису доброта и все первоносие пролѣтных даров. Возвращаху класы отягчени пшеницею. Бяше просо мудролиствино стеблиемъ колиблемъ. Добра вся и росна и доброты лучами богатыяся и землю облагоухающе ростворенными благоуханми. Распростерта бѣ трава мякка, зеленыяся и говедо кормящия, коня питающия и волы росная пажить. Таковую красоту преиспещрена земля носаше, таковою одеждою доброцветущее и добротканною одияна. Бяху и множество садовиямъ, прозебаху и дрѣвеса добролиственная и доброцветуща и овощноносная веия. Бяху и яблони доброрастныя, и свѣтлоплоднии стебле, маслены тукоточныя, и услажающия смокви, тополие толстостебленое, елие, дубие, брестие. Приложися нѣкий тополеву вѣтръ листвие и сладокъ шепет творяше листвиемъ. Тако бѣ и чрешна добрая, и финикъмедовный, гроздная мати виноград, и состави лознии, гроздь, мечь точащия, растиша на лозахъ. Все совершенаплодна и пресовершена вся; ничтоже бо неодарованно и несовершено приведено бысть. В сихъ же убо заиде и свѣтъ дне третяго.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Восияваше же лице четвертаго дне, и паки дѣломъ начатокъ, и повелѣние зиждителево небу добровенчану звездами быти. Тогда звѣздное небо добротою просветится, яко одежда, бисериемъ обнизана, и златотканная риза, и яко тканица, украшенная сияющимъ камениемъ. Тогда первые восия звѣнца дневная, великий исполн Солнце, иже живопитательный свѣтилникъ, источникъ свѣту издаемый, дом огня бездровнаго. Тогда первые начал свѣтити ночь лунный белосвѣтлый и светоносный кругъ, скорообходный, и все-свѣтлый, и многообразный, и совершенный. Тогда первые небо звѣзды великие доброокруглы виде предъспевающе другъ друга и украшающе его, яко цвѣтїя юдолия.

ИМЕНА ЗВЕЗДЪ ВЕЛИКИХЪ

Крон бѣше мудръ и оловен образомъ; блещашеся Завсе, яко сребро; Ар же пламенемъ зряшеся. Сияше Солнце, яко доброкоренно злато. Светяше же ся, яко касытер, кругъ Афродитин; яко мѣдь чермнотрачная, Ермие сияше; свѣтло, яко иел, сияше Луна. Сице одежда небесная преиспещрена зрима бѣ. Крон мудряшеся, якоакинфовъ зракъ; яко кринъ бѣлияшеся Завсе. Ар же яко огонь, яко щипокъ червлений Солнце сияше; яко бѣлоцвѣтная агалидо сияшеся Денница. Яко свѣтчермнотрачнь, Ермие блещашеся. Наркисе добролиственный являшеся Луна. Таковая нѣкая цвѣтная пестрота небо украшаше, таковая нѣкая належаше небесному лицу многообразна и радостна и добротрачная красота. И вертоград новосажден неботворяше, емуже вертоградарь Богъ, яко садовия же и отрасли, и яко цвѣтїя многообразная звѣздные светлости. Тогда первые Солнцу восиявшу ипросветившуся, явльши же ся красотѣ небесней и добротѣ дневной, послужила повелѣнїю сотворшаго и преклонив свершенный день четвертый. Сице убо свершился яже о звездахъ и учинено бысть Солнце, звезда день здержащая, лунное же бревно просвещаше ночь.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Животное же ни едино живяше на земляныхъ широтахъ, ни по водѣ плывущее, ни посуху ходящее, ниже по аеру летящее. Но все-свершенный Богъ водному естеству крѣпость вложив одушевленную и силу рождественную, живи души оттуле повелѣ произыти, яко из чрева внове зачатымъ младенцемъ болящаго и обременена рожествомъ свершена отрочате, яко сѣмя бо Божїе повелѣнїя спадши,

водоточныя струя творяше многоплодны. От сего простокрилнии птице аеропарнии, имѣяху свободно перо, на летании борзаа, и легцы възвышахуся к ширинамъ воздушнымъ, обтичюще пролития его тонкопролитная. Ово убо великокрилни и великобедри, и ключатаноктии, и яко стрѣлы нокте протяжуще, остри клюнове имуще паче ножев, имѣже хотяше снѣдь мяса быти, и дружина быти на снисдение плотемъ птицами владуши орел, ястребы суровоядцы, и всѣ, имѣже и нѣсть потребен огонь, плотьядущимъ. От сего птица пѣснивыя и былия ядущия, малоперие и худотрушие; различно възглашаху дрозгове, славие, бригорие, синице, скворцы и всяко перо, селная былие обходящее и отгуду нетрудную снѣдь и красную збирающе. Тогда извѣрие на земли явишася страшнии: львове частогривии, медвѣди, пардуси, тигры, кози стремозубые, птичнонозеи заецы, и пси острозубии, твердоперсий елифантинъ, и всяка птица, и всяко ползающее, елико в водах живет, и елико вмори, и в горах вкупе елико. Толиким же животными мокрую исполнив и сушу, еще же и нерукотканную одежду, аер, егоже божественых испрядоша переть тонкодѣлания, яко град твердонырен и простран распространив плотосиднымъ птицамъ и былия ядущимъ, дне соверши течения пятого.

ДЕНЬ ШЕСТЫЙ

Шестый же день паки облистоваше шипкозрачен, и вертоград добродревен Богъ насаждаше, не мотыками раскопав, ни рылми, ни разорав доброту прекрасные земля, ниже дланми насадительными, но словомъ единым. И древо всяко прозябаше доброплодно тамо, благовонно, добросѣнно, листовено, добровѣтвено и сладкоуханно. И кто убо доброту едемскую пред лицемъ представитъ Ово бо стебля садовиямъ бѣху овощноноснымъ, ово же множество древес, благоуханнымъ и присноцветущих, ово медоточныя прозябаху овочия, ово же на красоту израцаху небесемъ точныя выотою древеса: елешия водами питаемая, и островерхое елие, превысокая тополя, и кипарисия, и брестия. Листвия сражахуся вкупе древняя, вѣия смешахуся и соединяхуся стебля. Подобляхуся якоже самохотне древняялиствия пригренующася друг со другомъ сплетенми любезнейшими. Солнце восияваше к садовию приближашеся, сметаше долу тихо листовие их кротко, елико же частина отверзашеся листовию. Восияваху шипкими доброты, и крином святяшеся бѣлость. Небодливии же и бес трении шипцы они, елико багро и белозрачно в нихъ, яко звѣзда луча испущающи сияющи от земля. Ово же земленое лице зеленышеся травами, ово же мудрияшеся росокаплеными цвѣтовы и многоразличными доброзрачнии. Зефир

тиходыходателнии подыховаше отвсюду, и цвѣтными вонями наполняше воздух. <...>

Прологъ сирѣчь собрание ото многихъ лѣтописецъ, отъ Бытїи о сотворенїи мира и отъ прочихъ книгъ Моисеовыхъ и отъ Исуса Наввина и огъ Судей [П]юдескихъ и отъ четырехъ Царствъ и отъ Асирискихъ царей и ото Александриа и отъ Римскихъ царей, Елин же и благочестивыхъ и отъ Рускихъ літописецъ и Серпскихъ и Болгарскихъ. Пръвѣ з Богомъ починаемъ о шестиxъ днехъ, в нихже сътвори Богъ всю тварь, якоже рече Давидъ: «словесемъ Господнимъ небеса оутвердишася и духомъ оустъ Его вся сила ихъ». Отъ премудраго Монасія и отъ Сивириана епископа Гевальскаго о шестиxъ днехъ.

Зачало прьваго дни

Глава 1. Въ началѣ сътвори Богъ мирозижительнымъ своимъ словомъ небо бѣзвѣздное, бесчисленую добротою сіающе лучами божественными, сирѣчь не сіе видїмое, но превышнее небо, якоже Давидъ глаголетъ: «небо небеси Господеви», и землю всепитательнїю. Земля же бѣ невѣдима и неоукрашена и тма верху бездны и духъ Божїй ношашеся верхоу воды. Не о святѣмъ же Душѣ глаголетъ здѣ, ибо не съчитается с тварїю несъзданное, но духъ наричетъ аерьное подвиженїе. И рече Богъ: «да будетъ свѣтъ!» Свѣту же всїавшю и повсюду проліавъшюся и нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече ночь. В сих оубо претече прьвый день.

Иже въ святыхъ отца нашего Епївѣанїа Кипрьскаго о первомъ дни. Въ первый день сътвори Богъ небеса горьная и землю, отъ нихже стихїа есть ледъ и снѣгъ и мрази и роса; створи духы и слоужащаа предъ нимъ, иже соуть се аггели предъ лицемъ его и аггели славъ, аггели вѣтри дыхающе и аггели буря и снѣга и града и леда, аггели гласовъ и громовъ и молнїи. аггели мрази и зимы и есени и пролѣтїа и жатвѣ и всѣхъ духовъ и тварей, сушихъ на небеси и на земли; створи бездны, соущаа подъ землею и подъ преисподними; сътвори тмоу, яже надъ безною водъ, бывшихъ древле верхоу земля, изъ неяже бысть вечеръ и ночь; сотвори свѣтъ дню же и оутренїй. Сїа седмъ дѣлъ великихъ сътвори Богъ в первый день.

Зачало дни втораго. Въ второй день рече Богъ: «да боудеть твердь посреди воды и да боудеть раздѣляющи посреди воды и воды!» И створи небо сіе, а не горнее, но видїмое. отъ воды згусивъ е яко ледъ, и нарече твердь, сирѣчь небо, и въздвиже половину отъ водъ горѣ и оучини надъ твердію, а половину остави воды долу. Смотри же прочее премудрость Зижителѣовоу, чесо ради постави

воды надъ твердію: понеже бо ледено небо отъ воды згустившееся, яко да не растаеяся солнечнымъ пламенемъ и луннымъ и звѣзднымъ, но пучины оны водныя тучны творять и помазуютъ плещи его и тако съпротивится пламеню и не изгорятъ. И толми оубо избыточествуютъ небесному кругу вода, яко и земли росу даетъ, облакоу не соушоу и воздоху водоу неимущу. Не токмо же иже превыше тверди воды съблюдаютъ небо нерастаемо, но и пламень солнечный и лунный долоу спущаютъ: аще бо бы открыто небо и не имѣло воды на себѣ, вся бы луча солнечныя и лоунныя горѣ восходили и землю поуету и без просвѣщенія сътворили. Сего ради, безмѣрными водами, иже верхоу неба, приноужаемы луча и спущаемы долоу землю просвѣщаютъ. Зинѣца оубо захожаше дни второму, а третій паки восіаваше.

Третій день. И паки всепремоудрый Богъ въ третій депъ сътвори моря и рѣкы, источники и езера, съвокупивъ воды во едино съвокупленіе, и бысть суша и явися лице земное и красота восіа каменію и горамъ и бродомъ глоубокодольнымъ. Огъ сего оубо съставъ всеводный море нарече, сушное же естество землю хитрець нарече, Богъ вседѣтель. И еще не въсіявшю солнцю, многоразличному билію повелѣтъ прозябнути: ово оубо на сладость токмо и красотоу очнама. ово же и живошпитанно и соущиѣ на земли потребно. Тогда первѣе красотами земля оукрася, якоже шарь многоразличный всюдоу смѣяшеса: сіяше бо кринь многообразный, бяху и галиды и акынѣ възхожаше, бяше наркису доброта, възростахоу класи отягчени пшеніцею, бяше просо мудролиствено стеблиемъ колеблемо, добра вся и росна, распростерта бѣ трава мягка зеленещися и говяда кормящи и коня питающія и волови росная пажить. Таковую красоту преиспещрену земля ношаше! Прозябахоу же и дресеса добролиствена и множество садовіа и доброцвѣтуща[я] и оощеносная вѣя бяхоу и яблони доброрастны и свѣтоплодны и стебель маслинны[й] и ту[ко]точныя и оуслажающія смокви, тополіе толстостебленое, елія, дубіа, брестіе; приложися нѣкый вѣтръ тополову листвію и сладокъ шепегъ творяше; тамо бѣ и чрешня добраа и ѳиникъ медовный и грозднаа мати виноградъ и състави лозніи и гроздъ мечь точащій растяше на лозахъ и всесвершена и плодна и одарованна приведено бысть. В нихъже оубо заиде свѣтъ дне третіаго.

Начало дне четвертаго. Въсіяваше же лице четвертаго дне, паки повелѣниемъ Зижителевымъ пръвѣе въсіа зѣница дневнаа, великое свѣтило солнце, и живопитательный свѣтилникъ источникъ свѣта неиздаемый, домъ огня бездровнаго. Тогда первѣе начатъ свѣтити ноць лоунный белосвѣтлый и свѣтоносный кроугъ, скоро-

объходный и всесвѣтлый и многообразный и совершенный. Тогда небо звѣздами просвѣтится, яко одежда златотканна бисериемъ обнизана и оукрашена, якоже камениемъ, доброкруглыми и великими звѣздами. Таковаа оубо нѣкаа пестрота цвѣтнаа небо оукрашаше! Сътвори же Богъ солнце и луну и звѣзды отъ створенаго свѣта въ первый день: тамо оубо вещество свѣта съдѣлавъ, здѣ же свѣтила створи. Якоже аще кто оукроухъ злата предложитъ и посемъ, на златники иссѣкъ великіа же малыа, сице расчинитъ златную красоту, тако и свѣтъ единосущенъ и единовиден рассецаа, хитрецъ раздѣли, всепремудрый Богъ, в солнце и лоуну и въ звѣзды. В сихъ оубо преиде четвертый день. Пишегъ же индѣ, яко в четвертый же день діаволь отпаде: видѣвъ землю оукрашеноу и рече: «поставлю на облацѣхъ престоль мой и буду подобенъ Вышнему».

О пятомъ дни. Животное же ни едино живяше на земляныхъ широтахъ, ни по водѣ пловоущее, ни по сухоу ходящее, ни по аероу лѣтящее, но всесъвершеный Богъ рече: «да изведуть воды киты великіа и рыбы и всякоу душу животныхъ, гадъ и всякоу птицоу пернатоу по роду»: і абіе водное естество, крѣпость приять одоушевленоую и силу рожественоую. живы душа оттудоу произведе і, акоже сѣмя, Божіе повелѣніе, спадши, водоточныа строуя творяше многоплодны. Отъ нихже въскорѣ произыдоша простокрилніи и аеропарніи птица, имѣахоу свободное перо на лѣтаніа борзая и легце възвышахоуся к ширинанъ воздушнымъ: ови оубо великокрилнии и велиководріи и ключатонокты і яко стрѣлы нокте протяжающе, остри клоновы имоуще паче ножевъ, иже птицами владоущей орель, ястреби соуровоядъцы, имже хотяше снѣдь мяса быти; отъ сего птица пѣснива и быліа ядоущаа, мали периемъ и хоуди телесы, различно възглашахоу: дроздове, славіе, брегоріе, синици, скворци и всяка птяца и всяко плъзающее, елико въ водахъ живетъ и в доубровахъ и в горахъ. Толикими животными поучины водныа и земляноюу соушю исполшивъ и аеръ яко градъ твердонырный распространивъ плотноснѣднымъ птицамъ и быліа ядущимъ! В сихъ съвершися теченіе пятаго дня.

Зачало шеста[го] дне. Шестый же день паки облиставаше, всепремудрый Виждатель рече: «да изведетъ земля душуо живу по роду четвероногаа и гады земли, звѣря и скоты». Рече Богъ: «сътворимъ челоуѣка по образу нашемуу и по подобію»: и вседѣтельнымиа дланьма вземъ переть отъ земля и сътвори челоуѣка, по образу Божію сътвори его, мужа и женоу сътвори ихъ. И сверши Богъ въ день шестый вся дѣла своа и препочи въ день седмый ото всѣхъ дѣлъ своихъ. И благослови Богъ день седмый и освати его, яко в той почи ото всѣхъ дѣлъ своихъ.

Приведем также концовку из «Русского Хронографа» 1512 г.³⁹ Обращаем внимание на образ окончания плавания, совпадающий с образом окончания плавания в концовке «Хроники» Манассии (ст. 6722 и 6731).

Сіа оубо вся благочестиваа царствіа Греческое и Серпское, Басанское и Арбаназское и инии мнози грѣхъ ради нашихъ божиимъ попущениемъ безбожнии турци поплѣниша и в запустение положиша и покориша подъ свою власть. Наша же Россійская земля божиею милостію и молитвами пречистыя богородица и всѣхъ святыхъ чудотворецъ растет и младѣеть и возвышается. Ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и расширятся и до окончания вѣка.

Достоитъ же оубо до здѣ корабль разума оуправити къ пристанищу безмолвіа и словесъ весла свѣсити. И всякъ, прочитай сіа, полезнымъ да ревнуеть, елици же нераденіемъ погреша, также и отъ сихъ можетъ пользоваться, хотяи, яко да и не самъ в тая же впадетъ, но да сохранить себе, яко птица отъ пругла и яко серна отъ тенета, и о насъ да воспомянетъ ко всеилному Богу, яко да и намъ в полезная таковая вмѣнитъ и навершитъ недостаточное моего худаго разума старыхъ ради и иностраньскихъ пословиць. Единъ оубо Господь нашъ Ісусъ Христосъ не точію наша, но и всего мира недостаточное наворачая, емуже слава со Отцемъ и со святымъ Духомъ нынѣ и присно и в бесконечныя вѣки вѣкомъ. Аминь.

³⁹ Русский Хронограф. С. 439-440.

КОНСТАНТИН МАНАССИ ЖИЗНЬ ОПШИАНА

В III выпуске нашего кафедрального сборника мы поместили¹ краткий очерк творчества византийского поэта Константина Манасси (1115–1187), опубликовали большой фрагмент его основного труда, «Хроники», и несколько переводов фрагментов других его сочинений, в частности, фрагмент об Опшиане². Этому сочинению и его полному переводу и посвящена настоящая статья.

Лейпцигский профессор классической филологии Антон Вестерманн (1806–1869), которому мы обязаны критическим изданием многих авторов, а также собранием свидетельств о греческих биографах, парадоксографах и мифографах³, издал в 1845 г. книгу: *Biographoi. Vitarum scriptores Graeci minores* (Braunschweig), в которой собраны свидетельства о жизни греческих авторов в восьми книгах: эпика, лирики, трагики, комедиографы, историки, риторы-софисты-грамматики, философы и врачи. В первой книге сведения об эпиках идут в следующем порядке: Гомер, Гесиод, Аполлоний, Арат, Никандр и Опшиан. В шестой главе, посвященной Опшиану, опубликованы *vita I* и *vita II* Опшиана, рассматриваемое нами в этой статье стихотворение Константина Манасси с подзаголовком «Константина Манасси род Опшиана, изложенный в политических стихах», и свидетельство Суды (*Biographoi. I. P. 63–68*). Приведем переводы вышеупомянутых свидетельств.

¹ Из «Хроники» Константина Манасси / Вступительная статья и перевод с греческого О.В. Смыка // Труды кафедры древних языков / Отв. ред. А.В. Подосинов (Труды исторического факультета МГУ: Выпуск 53; Сер. III. Instrumenta studiorum: 24). М., 2012. С. 228–239.

² Смыка О.В. Указ. соч. С. 232.

³ Основные публикации Вестерманна: *Quaestiones Demosthenicae*. 4 vol. Leipzig, 1830–1837; *Plutarchi Vitae decem oratorum*. Quedlinburg; Leipzig, 1833; *Paradoxographoi, scriptores rerum mirabilium graeci*. Braunschweig, 1839; *Stephani Byzantii Ethnikon quae supersunt*. Leipzig, 1839; *Diogenis Laertii De clarorum philosophorum vitis, dogmatibus et apophthegmatibus libri decem*. Paris, 1842 (часть серии: *Bibliotheca scriptorum graecorum editore A. Firmin-Didot, с другими авторами*); *Mythographoi. Scriptores poeticae historiae Graeci*. Braunschweig, 1843; *Philostratorum et Callistrati opera*. Paris, 1849 (с другими авторами); *Lysiae Orationes / Recognovit brevique adnotatione critica instruxit Carolus Hude*. Oxford, 1854; и др.

Vita I. Поэт Оппиан — родом из Аназарба в Киликии. Отцом его был Агесилай, а матерью Зенодота. Его отец был человеком богатым и считался одним из первых граждан города. Его отличала высокая образованность, он вел философский образ жизни и сына своего приучал к тому же, давая ему полный круг дисциплин и особенно математику, музыку, геометрию и грамматику.

Когда Оппиану было примерно тридцать лет, Аназарб посетил римский император Север. Всем гражданам было предписано явиться встречать царя. Но Агесилай был философом, он терпеть не мог пустой траты времени и оставил это предписание без внимания. Император разгневался на него за такую гордыню и сослал на остров Мелиту в Адриатике. Сын отправился туда вместе с отцом и в этой ссылке создал свои замечательные поэмы.

Когда Север умер, поэт отправился в Рим — это происходило уже при сыне Севера Антонине. Он прочитал императору свои сочинения, и в ответ ему было предложено просить чего угодно. Он попросил о возвращении отца — и получил своего отца, но помимо этого он получил еще и по золотой монете за каждый стих своих сочинений. Отец и сын вернулись домой. Вскоре на Аназарб обрушилась чума, и поэт умер. Сограждане устроили ему похороны и воздвигли в его честь прекрасный памятник, на котором была такая надпись:

Я, Оппиан певец, достиг немеркнувшей славы,
Но завистливо мойра сгубила меня молодого
Песен слагателя — держит теперь Аид леденящий.
Если бы мерзкая зависть позволила жить мне подольше,
Врно никто из мужей не обрел бы такой же награды.

5

Поэт написал и другие замечательные произведения в пору, когда был еще совсем юным, а всего он прожил тридцать лет. Его слогу была свойственна сила и свобода в сочетании с умом и зрелостью — а это самое трудное. Особенно ему удавались сентенции и сравнения.

Vita II. Поэт Оппиан родился от отца Агесилая и матери Зенодоты, родом они были из Корики и Аназарба в Киликии — есть там вдали от побережья киликийский город Корики. Отец его был весьма богат и в городе считался среди первых граждан и сыну своему дал всестороннее образование.

Когда Оппиану было тридцать лет и отец его был еще жив, в город корикийцев приехал Север, римский император. Всем гражданам подобало явиться встречать властителя, но Агесилай счел это для себя необязательным, ведь он вел философский образ жизни и держался в стороне от всякой суеты. Север разгневался на Агесилая и сослал его на остров, называемый Мелита. Вместе с отцом в ссылку отправился и сын. Пока он жил на острове, он сочинил превосходные поэмы в пяти книгах.

Когда Север умер, Оппиан приехал в Рим и в присутствии и сената и сына Севера Антонина прочитал свои произведения. Это вызвало такое восхищение, что ему предложили попросить что-нибудь у императора. «Я прошу отпустить моего отца с острова». И он не только получил своего отца, но и золотые монеты по числу стихов в его поэмах. Столь высоко оцененный императором, он был причислен к лучшим поэтам, а когда получил от властителя обещанное золото, переписал свои поэмы золотыми буквами.

Еще совсем юным он создал и другие удивительные произведения — Иксевтику о ловле птиц и Кинегетику о псовой охоте — каждая в пяти книгах, и в них уже тогда достиг большого успеха.

Он вернулся домой вместе с отцом в город корикийцев и умер еще при жизни своих родителей в тридцать лет. Город поставил ему прекрасный памятник и установил статую с такой надписью:

Я, Оппиан певец, достиг немеркнувшей славы,
 Но завистливо мойра сгубила меня молодого
 Песен слагателя — держит теперь Аид леденящий.
 Если бы мерзкая зависть позволила жить мне подольше,
 5 Верно никто из мужей не обрел бы такой же награды.
 Стаи бессчетные рыб своим я выудив свитком,
 Лакомый пир воздал обильно для всей молодежи.

Перевод стихотворения **Константина Манасси** мы приводим ниже.

Словарь «Суда» сообщает следующее:

Оппиан. Киликиец из города Корика, грамматик и эпик, родился при императоре Марке Антонине, написал поэмы Галиевтика в пяти книгах, Кинегетика в четырех книгах, Иксевтика в двух книгах. Когда он прочитал свои поэмы перед императором, тот подарил поэту по золотому статиру за каждый стих, что составило двадцать тысяч монет за всё.

Меир, подготовивший лёбовское издание Оппиана⁴, проанализировал опубликованные Вестерманном *vitae*, принимая мнение Вестерманна, что «*vita I, «quae narrationem praebet simplicissimam»*», отмечает, что *vita II* — «*referta interpolationibus*». В целом *vita II* согласуется с *vita I*, но Меир выделяет на стр. XV расхождение между этими источниками, которое носит не только вербальный характер.

- 1) *Vita II* дает местом рождения Оппиана не только Аназарб, как *vita I*, но Аназарб или Корик, а затем — просто Корик. Заметим, что Суда также называет Оппиана уроженцем Корика.

⁴ Oppian, Colluthus, Tryphiodorus / With an English translation by A.W. Mair. London; New York, 1928 (The Loeb Classical Library).

- 2) Vita II сообщает, что местом ссылки отца Оппиана был остров в Италии, в то время как vita I говорит об Адриатике. Это указывает на смешение Адриатической Меледы с Мальтой, потому что в древности оба острова назывались Melite.
- 3) Vita I характеризует произведения Оппиана, написанные в ссылке, расплывчато, как «эти замечательные поэмы», а vita II вносит уточнение: «превосходнейшие эти поэмы в пяти книгах».
- 4) Vita I не говорит ничего конкретного о других сочинениях Оппиана, но просто констатирует «написал и некоторые другие поэмы». Vita II сообщает: «Он сочинил и другие замечательные поэмы, будучи еще совсем молодым, Иксевтику и Кинегетику, каждая в пяти книгах, и в них уже тогда достиг большого успеха.»

Мы добавим к списку Меира еще одно расхождение между текстами. Vita I сообщает, что по возвращении вместе с отцом из ссылки в Аназарб поэт умер, и ничего не говорит о жизни или смерти отца, тогда как vita II указывает, что поэт умер от чумы в Корикие при живых родителях.

И vita I, и vita II в одинаковых выражениях сообщают о памятнике на могиле Оппиана и приводят надпись, которая расширена в vita II двумя дополнительными строчками, 6 и 7, по сравнению с надписью в vita I.

Меир отмечает, что «Вестерманн публикует „Жизнь Оппиана“ Константина Манасси в политических стихах, которая является простой парафразой vita I». Первое бросающееся в глаза отличие vita I от текста стихотворения Манасси — различная огласовка названия его родного города: vita I говорит об «Аназарбе», Манасси — о «Назарбе» (строки 2 и 43 стихотворения). У Манасси расширенно говорится о визите императора в Назарб, а также указывается причина, по которой Агесилай, отец Оппиана, не пошел на встречу с императором:

16   Ведь дни и ночи напролет над книгами сидел он,
              Охоту вел на лучшее, что есть во всех науках,
              И сына своего, как пса, учил охоте той же.

Местом ссылки, как и vita I, Манасси называет остров на Адрии. Манасси сообщает, что в изгнании, куда поэт последовал за отцом, он написал поэму о рыбной ловле:

25   И там, в изгнании, написал он труд о рыбной ловле,
              И много умных книг других, изящных, многочастных —
              Но их сумело победить всеукротитель время,

И пощадило только две — но, правда, самых лучших —
О рыбной ловле и еще — про псовую охоту.

Сведения о чтении поэтом своих поэм в Риме перед императором и награде императора в *vita* I и у Манасси совпадают.

Дальнейшее сравнение нарративной *vita* I и тончайшего поэтического рисунка концовки у Манасси бессмысленно. Сообщив об исполнении желания Оппиана,

Желанье исполняется — отца он получает,

и о щедром подарке императора,

Но получает он еще и золото в подарок —

За каждый стих кладет ему владыка по статуре

— Манасси обрывает себя, применяя свою любимую фигуру умолчания:

40   Но здесь рассказ остановлю, да не бежит он дале.

Не стану тратить много слов, подробностей избегну.

Когда Манасси сталкивается в развитии темы с чем-то содержательно бóльшим, чем то, о чем он говорил, он использует фигуру умолчания.⁵ Внезапный обрыв повествования, нарушение развития сюжетного действия включает иной смысловой план обобщения и ощущение не вербализованного эмоционального значения сказанного. Именно поэтому Манасси элиминирует цитату реальной надписи на памятнике. Две строки —

Народ же после статую поставил дорогую,

45   Поэта чтя, и надписал хвалебными стихами! —

еще сохраняют принадлежность всего комплекса мыслей и чувств Манасси сюжету жизненного плана, но концовка стихотворения совершенно органично завершает поэтический рассказ Манасси об

⁵ Эту фигуру умолчания мы видели и в «Хронике»: «Автор резко прерывает движение поэмы и приказывает своему слову остановиться „в гавани молчания“, едва достигнув времени правления Алексея I Комнина:

О песнь моя, остановись — ты в гавани молчанья.

Теперь открылась предо мной Атлантика иная,

Простор бескрайний славных дел царей высокородных,

6725 Героев — тех, кто столь велик отвагой, мощью, родом,

Что неспособна речь моя проплыть их жизни море.

Ведь было б нужно говорить о царственных Комнинах,

Пересекая океан их дел победоносных,

А это — даже самому Гераклу не под силу.

6730 Итак, покрепче укрепим канаты на причале,

Подыдем весла на корабль и паруса скатаем —

Ведь за Гадеры заплывать, как говорят, не надо».

(*Смысла* О.В. Указ. соч. С. 235). Фигура умолчания неоднократно встречается и в *Hodoiporikon* Константина Манасси.

основных ценностях жизни, а это — любовь между отцом и сыном, горячая жажда знаний, требующая истинного риска, «охота» за приобретением этих знаний (в контрасте с погоней за простыми острыми ощущениями, обретаемыми участниками бешеной забавы охоты на зверя⁶), самоотверженные усилия в работе, способной принести пользу ближнему или даже его спасти, высокая радость благотворения у тех, кто наделен царскими возможностями в обладании земными благами и, получив должное умственное и нравственное воспитание, способен наслаждаться искусством слова как истинный ценитель.

Манасси как педагог, проповедник и моралист дает очередной урок своим царственным ученикам.

Жизнь Оппиана

- Был киликийцем Оппиан по своему рождению,
Из города прекрасного — Назарб его название.
Происходил он из семьи богатой, знаменитой —
Агесилай его отец и мать Зенодота.
- 5 Известный мудростью, отец блистал образованием,
Обширным, основательным, он ведал толк в высоком
И процветал он в пору, как Север державой правил,
А порождением его Марк Антонин был, кесарь.
И вот, однажды, в те края, в пределы киликийцев
- 10 Север приехал — ведь тогда властители нередко
Свои владенья посещать обычаем имели,
И все являлися к нему — пред очи властелина.
Так и тогда собрались все, из родов киликийских,
Пред свитой пышною его — с торжественною встречей —
- 15 И лишь один Агесилай великий не явился —
Ведь дни и ночи напролет над книгами сидел он,
Охоту вел на лучшее, что есть во всех науках,
И сына своего, как пса, учил охоте той же.

⁶ Профессиональная жизнь Манасси была связана с двором Комнинов. Его дипломатическая, педагогическая и литературная деятельность протекала в рамках интересов этой семьи. Дважды упоминаемый в стихотворении Манасси Назарб был местом развертывания семейной катастрофы Комнинов, которая привела к внезапному восшествию Мануила на престол: трагическая смерть старших братьев Мануила, а затем и его горячо любимого отца — от раны, полученной на охоте в Аназарбе («Мануил, любивший отца больше, чем кто другой», см.: *Иоанн Киннам*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180) / Перевод под редакцией профессора В.Н. Карпова. СПб, 1859 (Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной Академии). Кн. 1, гл. 10). Этот мотив не имеет прямого словесного выражения у Манасси, но он создает общее минорное звучание в рассказе о любви отца и сына.

- Впадает император в гнев и шлет к нему с приказом,
20 Чтоб сей любитель мудрости (что он считал гордыней) —
За то, что не явился он по первому же зову —
Наказан был изгнанием — и сослан был на Мальту,
На остров, омываемый прибоем тяжкозвучным.
И сын отправился с отцом — ему лет тридцать было —
25 И там, в изгнании, написал он труд о рыбной ловле,
И много умных книг других, изящных, многочастных —
Но их сумело победить всеукротитель время,
И пощадило только две — но, правда, самых лучших —
О рыбной ловле и еще — про псовую охоту.
30 Когда же сын приехал в Рим — в тот, первый Рим исконный —
И смог увидеться с царем ромеев Антонином
(Север с земли уже ушел, он жизнь уже покинул)
И преподнес свои труды, написанные книги, —
Такую милость этим он стяжал у властелина!
35 Велит он сыну попросить, чего душе угодно,
И просит сын вернуть отца и дать покинуть остров.
Желанье исполняется — отца он получает,
Но получает он еще и золото в подарок —
За каждый стих кладет ему владыка по статистиру.
40 Но здесь рассказ остановлю, да не бежит он дале.
Не стану тратить много слов, подробностей избегну —
Как умер он, когда с отцом в родной Назарб вернулся,
Когда по городу чума свирепо пиновала.
Народ же после статую поставил дорогую,
45 Поэта чтя, и надписал хвалебными стихами!
Вот так бывает — все само собою познается,
Несчастье может показать всему и смысл, и цену —
И, как в речах всего важней прекрасная концовка,
Что проясняет смысл всего, в чем самая загадка,
50 Как соль и самый острый смысл в удачной энтимеме —
То, в чем витии не сильны и что и вправду трудно.

ПОЭМА МАНАССИ КИР КОНСТАНТИНА О ЕГО ПОЕЗДКЕ В ИЕРУСАЛИМ

Имя Константина Манасси известно русскому читателю со времен «Русского Хронографа» 1512 г., начинающегося словами «Премудраго Манасія и лѣтописца събраніе лѣтно, отъ създанія миру начинающее и текуще до самого царства кир Никифора Вотаниота». Перевод «Хроники» Манасси на среднеболгарский язык¹ был почти полностью включен в летописный свод «Хронографа», и «„Хроника“ Константина Манассии, войдя в XVI в. в Русский хронограф, в значительной мере определила стиль и манеру русского хронографического повествования последующего времени и явилась образцом для оригинальных исторических произведений... Ее стиль становится господствующим в русской хронографической литературе»².

Константин Манасси (1115–1187) — византийский интеллектуал, педагог и придворный поэт, окончивший свои дни митрополитом города Навпакта, наставник невестки Мануила I, севастократориссы Ирины, для которой Манасси и написал свою большую поэму, «Хронику», — ΣΥΝΟΨΙΣ ΙΣΤΟΡΙΚΗ, или ΣΥΝΟΨΙΣ ΧΡΟΝΙΚΗ (6733 стиха)³. Полностью дошло еще небольшое сочинение «Биогра-

---

¹ Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Под ред. И.С. Дуйчева и Д.С. Лихачева. София, 1988. С. 106–110; Русский Хронограф. М., 2005; *Смыка О.В.* Из «Хроники» Константина Манассии // Труды кафедры древних языков. Выпуск III / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2012. С. 228–239.

² *Салмина М.А.* Хроника Константина Манассии и литературный стиль XVI в. на Руси // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 99–104.

³ Первым переводчиком поэмы Манассии на русский язык был Антиох Кантемир; его рукописный перевод «Господина философа Константина Манассиа Синопсис историческая» датирован 1725 г. и хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, Q. IV. 25. Кантемир переводил хронику Манассии с латинского языка и впоследствии, обратившись к греческому оригиналу, внес изменения в свой перевод. Фрагменты о сотворении мира (20 стихов) в переводе с греческого О.В. Бычкова опубликованы в кн.: Культура Византии. Том 2. / Под ред. З.В. Удальцовой. М., 1989. С. 438. Фрагмент из «Хроники» (4805–4830) в своем переводе опубликовал Д.Е. Афиногенов (Новые сведения о климате Понта Евксинского в историческую эпоху // ВДИ. 1999. № 1. С. 137–145). Первые 343 стиха «Хроники»

фия Оппиана» (52 пятнадцатисложника)⁴. Риторические сочинения Манасси⁵, экфрасисы⁶, большая поэма (916 пятнадцатисложников), изданная Э. Миллером под условным названием «Poème moral» в ста главах⁷, и роман в стихах «Аристандр и Каллифея»⁸ на русский язык не переведены.

В 1904 г. известный византиновед Константин Хорна опубликовал в Вене⁹ поэму Константина Манасси о его поездке в Иерусалим. Текст поэмы дошел в двух рукописях, обнаруженных Хорна: Marcianus 524 (M), содержащей около 300 стихов, и Vaticanus graecus 1881 (V) из собрания Льва Алляция, около 800 стихов. Хорна описывает обе рукописи и устанавливает их соотношения в предисловии к своей публикации¹⁰. В первой главе примечаний Льва Алляция к изданию Георгия Акрополита¹¹ Алляций цитирует шесть стихов греческого текста, помечая: *Constantinus Manasses Lib. 2 Odoeporicí*. С этих пор название поэмы *Hodoiporikon* (*Itinerarium*) закрепилось за этим сочинением, хотя оно не имеет никакого подтверждения в собственно рукописной традиции: рукопись (V) имеет надписание «Манасси кир Константина о его поездке в Иерусалим», которое мы и сохраняем как заголовок нашего русского перевода.

(«Шестоднев») переведены О.В. Смыкой в сборнике: Труды кафедры древних языков. Выпуск III / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2012. С. 239–246.

⁴ Русский перевод О.В.Смыки, в сборнике: Труды кафедры древних языков. Вып. IV // Под ред. А.В. Подосинова. М., 2016. С. 262–264.

⁵ Э. Курц опубликовал «Два произведения Константина Манасси, относящиеся к смерти Феодоры Контостефанины» // Византийский временник. 1900. Т. 7. С. 621–645, и «Πρὸς τὸν βασιλέα κυρὸν Μανουὴλ τὸν Κομνηνόν» (*Курц Э.* Еще два произведения Константина Манасси // Византийский временник. 1906. Т. 12. Вып. 1. С. 69–98).

⁶ Ἐκφρασις ἀλώσεως σπίνων καὶ σκανθίδων καὶ Μονφῶδια ἐπὶ τῷ κυρῷ Ἀλεξίῳ // Eos. 1902. VII. 180–194; Τοῦ Μανασσῆ κυροῦ Κωνσταντίνου ἐκφρασις κυνηγεσίῳ γεράνων (*Курц Э.* Еще два произведения Константина Манасси // Византийский временник. 1906. Т. 12. Вып. 1. С. 69–98), Ἐκφρασις ἀνθρώπου μικροῦ, Symbolae philolog. Polon. Ludovico Ōwiklinski. Leopoli, 1901, p. 11–20, и Ἐκφρασις εἰκονισμάτων ἐν μαρμάρῳ κυκλοτερεῖ, κατὰ μέσον τυπούντων τὴν γῆν ἐν μορφῇ γυναικὸς κτλ. и Ἐκφρασις εἰκονισμάτων ἐν μαρμάρῳ κυκλοτερεῖ, κατὰ μέσον μὲν ἐχόντων τὸν κύκλωτα κτλ. // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts. 1902. 5. Beiblatt. S. 74–94; первое описание было уже издано Hercher'ом в 1865 г.

⁷ *Miller Emm.* Poème moral de Constantin Manassès // Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques en France. 1875. Vol. 9. P. 23–75.

⁸ *Mazal O.* Der Roman des Konstantinos Manasses. Überlieferung, Rekonstruktion, Textausgabe der Fragmente. Wien, WBS 4. 1967.

⁹ *Horna K.* Das Hodoiporikon des Konstantin Manasses // BZ. 1904. 13. S. 315–355.

¹⁰ *Horna K.* Op. cit. S. 313–315 и 318–319.

¹¹ *Leo Attatius Symmikta, sive opusculorum, graecorum et latinorum, vetustiorum ac recentiorum, libri duo* / Ed. Bartoldo Nihusio. Colonia Agrippina, 1653. Nachdruck (как Corpus Byzantinae historiae 23). Venetiis, 1733.

Список (V) содержит 796 двенадцатисложников и разделен на четыре книги (336, 158, 106 и 194 стиха соответственно), список (M) — 269 стихов. Это — единственное произведение Манасси, написанное не политическим стихом¹². Это также единственное произведение, посвященное современным ему событиям, в которых Манасси довелось лично принимать участие¹³. Императрица Ирина, первая супруга Мануила I, скончалась зимой 1159 г.¹⁴ В свое время Мануил I Комнин вступил в брак с ней, баварской принцессой Бертой Зульцбахской, свояченицей Конрада III, осуществляя план своего отца как часть политики поддержания хороших отношений с Германией (ввиду норманнской угрозы в Сицилии) После смерти первой жены мужского потомства у Мануила I не было. Вступление в новый брак имело и политические цели — усилить влияние Константинополя в Иерусалимском королевстве, чтобы обрести защиту от мусульман¹⁵.

Источники — Вильгельм Тирский¹⁶ и Иоанн Киннам — сообщают, что овдовевший Мануил послал хрисовул королю Балдуину III, женатому на племяннице Мануила, и его приятелю, с просьбой просватать ему любую из двух кузин Балдуина — Мелисенду Триполитанскую или Марию Антиохийскую. Балдуин выбрал триполитанскую, сестру Раймонда III, графа Триполи, имея собственный политический расчет: не допустить тесного сближения Византии и Антиохии. Мануил согласился с выбором Балдуина и отправил — в обстановке секретности — дипломатическую миссию во главе с севастом Иоанном Контостефаном (1128–1176 или

¹² *Maas P.* Das byzantinische Zwölfsilber // *BZ.* 1903. 12. S. 278–323.

¹³ *Horna K.* Op. cit. S. 315–318; *Aerts W.J.* A Byzantine Traveller to One of the Crusader States // East and West in the Crusader States, Context-Contacts-Confrontations. III. Acta of the Congress held at Hernen Castle in September 2000, Uitgeverij Peeters, Leuven. Dudley, MA. 2003. P. 166–170; *Külzer A.* Konstantinos Manasses und Johannes Phokas — zwei Byzantinische Orientreisende des 12. Jahrhunderts // Erkundung und Beschreibung der Welt. Zur Poetik der Reise- und Länderberichte. Vorträge eines interdisziplinären Symposiums vom 19.-24. Juni 2000 an der Justus-Liebig-Universität Gießen / Ed. X. von Ertzdorff, G. Giesemann. Amsterdam; New York; Rodopi, 2003. P. 195–198.

¹⁴ *Васильевский В.Г.* Василия Охридского, архиепископа (митрополита) Солунского, неизданное надгробное слово на смерть Ирины, первой супруги императора Мануила Комнина // Византийский временник. 1894. Том I. С. 55–132. Публикации греческого текста с параллельным русским переводом предпослано фундаментальное исследование: I часть — «Василий Охридский» (с. 55–76), II часть — «Ирина-Берта, супруга Мануила Комнина» (с. 77–104).

¹⁵ О государствах крестоносцев см.: *A History of the Crusades. Vol. II: The Kingdom of Jerusalem / By Steven Runciman.* Cambridge University Press, 1995.

¹⁶ *Guillelmus Tyr.* // *Patrologia Latina / Ed. J.-P. Migne.* T. 201.

1182), сыном сестры-близнеца Мануила I, порфирородной Анны¹⁷. С этим посольство прибыло в Иерусалим осенью 1160 г. Брачное предложение было сделано триполитанской принцессе. Византийское посольство из Иерусалима отправилось в Триполи, к родителям невесты и ее брату, и начались приготовления к свадьбе, потребовавшие огромных расходов. Ситуация затянулась. Еще в июне 1161 г. в одном официальном письме Балдуин назвал триполитанскую принцессу «*futura imperatrix Constantinopoitana*». Но никаких шагов к свадьбе с византийской стороны не предпринималось. Обеспокоенный Балдуин послал выяснить ситуацию Отто фон Ризберге (*Otto von Risberge*). В августе 1161 г. тот доложил, что Мануил расторг помолвку. Балдуин нанес визит в Антиохию и там обнаружил другое посольство императора с брачным предложением Марии Антиохийской. Брак состоялся в Константинополе, в Св. Софии, 25 декабря 1161 г.

Брат несостоявшейся невесты из мести развязал пиратскую войну с греческими прибрежными городами. Первое посольство Контостефана с большим трудом вернулось в Константинополь только в 1162 г.

Иоанн Киннам, говоря о разрыве помолвки с триполитанской принцессой, объясняет это ее внезапной болезнью и слухами о ее незаконном происхождении. Никита Хониат вообще обходит эпизод этого сватовства молчанием, а о браке Мануила с Марией Антиохийской не говорит ничего, кроме впечатляющего описания красоты невесты. Цитаты из Иоанна Киннама и Никиты Хониата мы приводим в приложении к нашей вступительной статье (см. ниже).

Контостефан заставил принять участие в своей поездке придворного поэта Манасси, который, по мнению Аэртса¹⁸, был включен в посольство не только для того, чтобы в дальнейшем информировать общество, но и как советник, способный описать внешние данные невесты еще до того, как было сделано официальное предложение (портрет, книга I, стихи 150–206)¹⁹. Большая часть текста поэмы в рукописи (M) (стихи 125–207), где раскрывалась тема поезд-

¹⁷ Иоанн Киннам, см. приложение ниже.

¹⁸ *Aerts W.J.* Op. cit. P. 166–170. См. также: *Horna K.* Op. cit. S. 316. В задание Манасси входило дать описание внешности претендентки до официального предложения. Выслушав сообщение Манасси, севаст принял положительное решение (I, 203 слл).

¹⁹ О двух типах литературных портретов — романтическом и «паспортном», см.: *Aerts W.J.* *Das literarische Porträt in der byzantinischen Literatur // Groningen Colloquia on the Novel. VIII / Ed. H. Hofmann and M. Zimmerman. Groningen, 1997. S. 151–195.*

ки в Иерусалим, а именно, будущая женитьба императора и портрет его невесты отсутствуют в более поздней рукописи (V). Хорна предполагает, что это была редакция самого Манасси после того, как Мануил вступил в брак с Марией Антиохийской.²⁰

Уже Хорна указывал²¹, что термин *Nodoiporikon* к публикуемому им произведению Манасси применяется случайно и условно (следуя Льву Алляцию, без учета надписания *ἀλοδιμίων*). Кюльцер²² рассматривает уже существовавшую к тому времени традицию описания путешествий в Святую Землю²³. Сопоставляя поэму Манасси с прозаическим произведением Иоанна Фоки²⁴, созданным несколько позже, в 1177 г., Кюльцер делает вывод, что поэма Манасси совершенно выпадает из рамок жанра *Iter Hierosolymitanum* и представляет собой сложное лирическое, лишенное уравновешенности повествование о внутренних состояниях, мыслях и впечатлениях своего автора, сосредоточенность которого на себе полностью вуалирует тот факт, что путешествие Манасси — секретная миссия с дипломатической целью (Хорна²⁵, Кюльцер²⁶, Аэртс²⁷).

Сюжетное движение материала в поэме таково.

I книга поэмы. Автор, утомленный учеными занятиями, уснул, держа в руках том Навкратита²⁸. Ему приснилось, что его затащивает силком (*πρὸς βίαν*) на борт триеры пансеваст Иоанн Контостефан:

На борт триеры всходит он стремительно
И силой затащить меня старается
(καὶ συνεφελκόνοντα κάμῃ πρὸς βίαν).

На борт поднимается также большая толпа военных и корабельщиков. Манасси крайне не хочет отправляться в путешествие, но

²⁰ *Horna K.* Op. cit. S. 319.

²¹ *Horna K.* Op. cit. S. 313.

²² *Külzer A.* Konstantinos Manasses... P. 195–198.

²³ *Külzer A.* Peregrinatio Graeca in Terram Sanctam. Studien zu Pilgerführern und Reisebeschreibungen über Syrien, Palästina und den Sinai aus byzantinischer und metabyzantinischer Zeit. Frankfurt am Main, 1994; *Külzer A.* Reisende und Reiseliteratur im byzantinischen Reich // СΥΓΜΜΕΙΚΤΑ. 2001. 14. S. 77–93.

²⁴ *Иоанн Фока.* Сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, также Сирии, Финикии и о святых местах Палестины конца XII века // ППС. 1889. Выпуск 23. Т. 8. Вып. 2.

²⁵ *Horna K.* Op. cit.

²⁶ *Külzer A.* Konstantinos Manasses...

²⁷ *Aerts W.J.* A Byzantine Traveller.

²⁸ Афиней Навкратийский — древнегреческий писатель из Навкратиса в Египте, жил на рубеже II–III вв. н. э., автор обширного сочинения «Пирующие софисты».

уступает многочисленным и многообразным понуждениям (πολλαῖς κινθραῖς καὶ δολυτρόβοις βίαις). Корабль выходит в море, вскоре погода портится, начинается сильная буря, грозящая кораблю гибелью. Затем ветер стихает и корабль входит в гавань²⁹. По пробуждении поэт пытается успокоиться, слишком явственно помня, что ему приснилось, но с наступлением дня он наяву получает приказ отправляться с севастом в Палестину. Следует перечисление (стихи I, 77–99) увиденного: Иконий (Конья), неназванные местности Киликии, Антиохия, Сидон, Тир, Бейрут, Птолемаида (Акка) и, наконец, Самария (Сихем, Неаполис и Наблус). Именно в Самарии Контостефан, наконец, раскрывает секрет — цель миссии: подготовку второго брака Мануила. Поэту удастся увидеть невесту, не названную по имени. Дается ее портрет, шедевр в своем роде. Севаст, впечатленный портретом, считает претендентку достойной. Покинув Самарию, посольство направляется в Иерусалим. Манасси более не упоминает в поэме о сватовстве императора к триполитанской принцессе (вероятно, считая, что его миссия выполнена). В Иерусалиме поэт с полным благоговением посещает Гроб Господень, Голгофу, гору Сион, дом апостолов, дом Пятидесятницы, место успения Богоматери Марии и могилу Богородицы в Гефсимани. Далее поэт посещает Вифлеем, Иерихон, реку Иордан и, на пути в Триполи, Назарет и Капернаум. Поэт не удерживается от изъявления своего неприятия местного климата³⁰. Концовка песни — страстная ностальгия по Константинополю.

Во второй книге Манасси продолжает путешествие и оказывается в Тире, крайне неблагоприятном месте, где тяжело заболевает. Таким образом, Манасси так и не доехал до Триполи. Дается описание симптомов болезни. Севаст отправляет Манасси лечиться на Кипр. Радужный прием на Кипре. Продолжение болезни. Концовка песни — новый взрыв ностальгии по Константинополю.

III книга — продолжение несчастий, новая болезнь, описание симптомов. Решительный отказ от услуг врачей и начало лечения термальными водами. Концовка — взрыв ностальгии.

²⁹ Хрисогелос (*Chrysogelos K. The prophetic dream in the Itinerary of Constantine Manasses // Parekbolai. 2013. Vol. 3. P. 65–76*), рассматривая эпизод сна, устанавливает, что мотив этого сновидения призван обобщить все путешествие в целом: 1) поэт вынужден отправиться в путь (I 64–66); 2) путешествие, сначала благоприятное (I 77–151), затем превращается в кошмар (I 218–336, главы II и III и IV 36–71); 3) вопреки всему этому, поэту удастся вернуться в Константинополь (IV 1–35 и IV 133 и далее). Таким образом, пророческий сон программирует всю структуру поэмы.

³⁰ Согласно Магдалино (*Magdalino P. The empire of Manuel I Komnenos 1143–1180. Cambridge, 1993. P. 369–370*), Манасси, несомненно, выражает впечатления многих посетителей Святой Земли.

IV книга — улучшение физического состояния, но сумеречность сознания. Поэт оказывается уже в Константинополе, но не верит своим глазам и не помнит событий, которые его туда привели. Постепенно приходит в себя, убеждаясь, что он и правда в Константинополе. Способен, хоть и сбивчиво, рассказать о том, как он вернулся с Кипра. Сообщает о страшных действиях пиратов по приказу графа Триполитанского. Только здесь кратко упоминается брак Мануила I с Марией Антиохийской (также не называя ее имени). Бесчинства пиратов. Ситуация радикально меняется, когда на Кипр прибывает севаст, даже здоровье Манасси поразительным образом немедленно восстанавливается. Вставной эпизод: смешное приключение с дурно пахнущим киприотом. Отъезд на родину, горячая благодарность Спасителю. Описание реальных угроз обратного путешествия: морские бури и зверства пиратов, терзающих свою добычу. Благодарность Богу за избавление. Поэт дает зарок никогда больше не ездить в Палестину и не поддаваться на принуждение:

190 И впредь да не придет мне больше в голову
 Поехать в Палестину пересохшую,
 Да не затащит кто меня насильственно,
 Да не попасть мне в руки чужеродные!
 Христос! Тебе хвала! Тебе! Ты спас меня
 И уберег среди таких опасностей.

И вновь, как в начале поэмы в строках (I, 17) и (I, 26), в строке (IV, 191) употреблено слово βία — принуждение, сила, насилие. Это выражает страх поэта перед ситуацией, когда он вынужден действовать не по своей воле, что исключает творческое состояние, тогда как его дело — поэзия, умственный труд и духовная деятельность, а не участие в политике (см. его «Биографию Опшиана»).

В течение ста лет работа Хорна оставалась единственной на тему о поэме Манасси. Она сохраняет свою актуальность до сих пор. В 1987 г. появилось небольшое, но весьма содержательное исследование Марковича³¹. В 2003 г. была опубликована работа Кюльцера³², в которой обсуждается поэма Манасси в сопоставлении с описанием путешествия у прозаического автора Иоанна Фоки³³. Также в 2003 г. Аэртс³⁴ в работе «Византийский путешественник в одной из стран крестоносцев» опубликовал интересные замечания о поэме

³¹ *Marcovich M.* The Itinerary of Constantine Manasses // *Illinois Classical Studies*. 1987. 12/2. P. 277-291.

³² *Külzer A.* Konstantinos Manasses...

³³ *Иоанн Фока.* Указ соч.

³⁴ *Aerts W.J.* A Byzantine Traveller.

Манасси и свой полный ее перевод на английский язык размером подлинника с параллельным греческим текстом. В 2011 г. итальянский исследователь Гори³⁵ издал поэму и ее итальянский перевод с обширной вступительной статьей и фундаментальными комментариями. В 2015 г. греческий ученый Хрисогелос³⁶ опубликовал концептуальную работу о снах в поэме Манасси.

Исследование поэмы Манасси чрезвычайно перспективно во многих аспектах и несомненно является делом ближайшего будущего. Предмет исследования плодотворен и богат. Как выразился Хрисогелос³⁷, «... мастерство, с которым Манасси использует литературные источники, выявляет поэта изошренного и уточненного, который совершенно не ставит целью подражать, но создает нечто уникальное, используя — но это никогда не бывает неуместно — старые стандарты. Это позволяет глубже воспринимать византийских авторов и не рассматривать их как лишенных вдохновения имитаторов древней греческой литературы».

Приложения

I. *Никита Хониат*. История. Царствование Мануила Комнина, книга 3 (Никиты Хониата История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Том 1 / Перевод под редакцией проф. В.И. Долюцкого. СПб., 1860).

5. Между тем у Мануила скончалась супруга, взятая из рода Алеманов. Терзаясь скорбью, он громко рыдал по ней, как будто бы с ее смертью лишился части собственного тела, почтил ее великолепным погребением и схоронил в отцовской обители пантократора. Затем, прожив во вдовстве и одиночестве столько времени, сколько считал приличным, решил вступить во второй брак, желая сделаться отцом детей мужеского пола. Из многих мест приходили к нему и письма, и предложения невест от царей и королей и владетелей земли; но всем невестам он предпочел одну из дочерей правителя Антиохии Петевина, — разумею Антиохию, которая находится в Келесирии и которую напаяет Оронт и освежает западный ветер с моря. Этот Петевин, родом итальянец, был отличный всадник и владел ясеновым копьём лучше известного Приама. Отправив к нему знаменитых по своему происхождению сенаторов, царь чрез них ввел к себе в дом эту девицу и совершил брачное

³⁵ Gori E. Lo Hodoiporikon di Costantino Manasse // Porphyra. 2011. Anno VIII, Supplemento 12, Ottobre.

³⁶ Chryssoygelos K. Op. cit.

³⁷ Chryssoygelos K. Op. cit. P. 75.

торжество. Это была женщина красивая, и очень красивая, и даже чрезвычайно красивая, словом, необыкновенная красавица. В сравнении с ней решительно ничего не значили и всегда улыбающаяся и золотая Венера, и белорукая и волоокая Юнона, и знаменитая своей высокой шеей и прекрасными ногами Елена, которых древние за красоту обоготворили, да и вообще все женщины, которых книги и повести выдают за красавиц.

II. *Иоанн Киннам*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 5 (*Иоанн Киннам*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180) / Перевод под редакцией профессора В.Н. Карпова. СПб, 1859 (Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной Академии)).

4. Когда царица Ирина уже скончалась, царь, не имея еще детей мужского пола, стал думать о вступлении во второй брак. В Триполе финикийском была девица, родом хотя латинянка, но одна из прекраснейших. Привезти ее оттуда посланы были Иоанн Севаст Контостефан и итальянец Теофилакт, которого прозывали Эксувитом. Посланные, увидев девицу, были восхищены ее красотой и, так как не представлялось ниоткуда никакого препятствия, нисколько не медля посадили ее на трирему. Но только лишь хотели они отплыть, как в девице проявилась жестокая болезнь, и она находилась в опасном состоянии. Посему откладывая со дня на день отплытие, они напрасно теряли время, ибо только лишь немного облегчались ее страдания и она казалась благонадежной для отплытия, страшная болезнь вдруг будто нарочно возвращалась к ней, и тогда, уложенная в постель, она тряслась всем телом и подвергалась жестоким судорогам, а затем следовали жар, синева под глазами и изнеможение. Цвет глаз, прежде сиявший какой-то прелестью, быстро изменялся и становился мрачным. Всякий, видя, как вянет преждевременно этот цветок, проливал слезы. Так страдала девица, находясь дома; а когда она всходила на корабль и немного удалялась от Триполя, тогда поднималась в ней сугубая тревога, и судно снова возвращалось к Триполю, где, после кратковременного облегчения от страданий, она подвергалась еще сильнейшим. Частое повторение этого явления наконец поставило Контостефана в недоумение, — и вот он, колеблясь теми и другими мыслями, пришел в один из тамошних храмов узнать, следует ли царю жениться на этой девице. Священный оракул отвечал: «Брак действительно готов, но званые не достойны войти». Услышав это

и поняв ответ оракула, подтверждавшийся притом и распространившейся молвой, будто девица вступила уже в незаконный брак, Контостефан считал предпринимаемое дело весьма постыдным и, удерживаясь от выполнения его, скоро собрался и прибыл в Византию. В то время и у антиохийского князя Раймунда были дочери, славившиеся своей красотой. Посмотреть их царь послал некоего Василия, по прозванию Каматира, бывшего тогда аколумфом. Он поспешно приехал в Антиохию и нашел, что обе дочери были прекрасны, но Мария казалась более красивой. Взгляд этого посла оказался до того верным, что такой красоты византийки, по их словам, от века не видывали. Впрочем, это после, а тогда, выспросив у разведывателя все, что он знал о Марии, царь для испрошения девицы в супружество послал в Антиохию чиновных особ: Алексея, внука царю Алексею, имевшего тогда сан великого дукса, и Никифора из рода Вриенниев, зятя царю по сестре, бывшего севастом. К ним присоединен был и Андроник Каматир, облеченный в то время властью эпарха, — человек с достоинством севаста и состоявший в родстве с царем. Увидев Марию, они удивлены были ее красотой, посадили ее на трирему и пышно привезли в Византию. Потом, в двадцать пятый день текущего месяца апеллея, который люди, говорящие по-латински, называют декабрем, царь торжественно введен был в славнейший храм Божьей Премудрости, где тогдашний предстоятель Константинопольской Церкви Лука, предстоятель александрийский Софроний и антиохийский Афанасий, по христианскому обычаю возложив на них руки, сочетали их браком — и царь, наименовав свою жену Августой, возвратился в царские палаты, угостил великолепным обедом вельмож, а для народа по всем улицам города расставил преисполненные кушаньем столы, пригласил также патриархов принять участие в его пиршестве и, одарив каждого обильно золотом, отпустил их; больше же всего одарил Церковь, внеся в нее центенарий золота; а немного спустя развлекал народ и конскими скачками и ничего не упустил, что могло служить к его удовольствию.

Манасси кир Константина о его поездке в Иерусалим

Песнь первая

Насилу избежал я неприятностей
И горькой пены обстоятельств — вызвал их
Я сам — таков уж нрав мой человеческий —
Не искушен во зле я и неопытен —

5 Но, наконец, вошел я в гавань мирную,
Где веял ветер тихой безмятежности —
Там щедрый дар обрел я книжной прелести,
И за труды, пчеле подобясь, принялся.
10 Вот ночью я сидел, трудясь над книгою, —
Том Навкратита был тогда в руках моих —
И сон меня настиг — глаза сомкнулися,
Но сон принес мне сновиденья жуткие,
Приснилось мне, что вижу пансеваста я,
15 Почтеннейшего Иоанна мудрого
Контостефана, родом знаменитого —
На борт триеры всходит он стремительно
И силой затащить меня старается.
Идут туда толпой военачальники,
20 Стрелки, гоплиты, пращники и всадники,
Военные, матросы, корабельщики —
И все они готовы плыть в Сицилию,
Пока благоприятен ветер ласковый.
Мне кажется, что и того увидел я,
Кто возглавлял все это предприятие.
25 Как остальное выплакать, как выразить?
Поддался я на понужденья хитрые,
Взошел с ним на корабль с летучим парусом
И в путь пустился по морю соленому.
Сначала плыли мы с благоприятностью —
30 И ветра дуновенья были нежные,
И море ходу судна улыбалось.
Но вдруг порыв свирепый ветра с севера
Потряс корабль наш, словно листик легонький,
И он, на высоту валов подъемлемый,
35 Добычей стал порывов ветра яростных,
Метался — то взлетал, то в бездну рушился —
Как чашки у весов неравновесные,
Летел то вверх, то вниз безостановочно,
Вдруг наскочил он на скалу подводную,
40 И стало ясно, что грозит опасность нам —
Кругом нет ни одной пригодной гавани,
Нет места, для причала подходящего,
Лишь грохот волн, дыханье бури яростно.
Вот тут-то и объяло нас уныние,
45 И сердце ныло, колотилось бешено —
Пока не прекратился ветер яростный
И не вошли с трудом мы в гавань тихую.
Сон, что не в добрый час тогда сморил меня,
50 Растаял так же быстро, как объял меня.

Пробудился я, но сон свой помнил явственно,
Стеная, стал я отгонять видения,
Молиться, чтобы эти злые призраки
Беду не предвещали, не пророчили.
55 Прогнал я толкования недобрые,
Решил, что сон и ложный, и ошибочный,
И напугал меня пустыми страхами.
Но нет! Сон был правдив и напорочил мне
Моря и бури всяких неприятностей.
60 Да что уж тут тянуть мне речи длинные?
Лишь просияла Эос ясноглазая,
И светоносец яркий, повелитель звезд
Взошел из-под земли для вышних жителей,
Как в тот же час ко мне стопой стремительной
65 Пришел приказ ужасный, огорчительный,
Глася: «С Севастом вместе ты отправишься
В Иерусалим и в Палестину двинешься».
Сим словом как кинжалом пораженный, я
Не дрогнул все ж, не дал себе расплакаться,
70 Из глаз не проронил я ни слезиночки,
Лишь слух мне поразило слово горькое,
И душу умертвив, и сердце выстудив.
Мгновенье — буря слез приостановлена,
И стоны — беглецы, и причитания,
75 И ропот пресечен — уста безмолвствуют.
Ну, что сюда влетать я буду лишнее?
Сладчайшую столицу покидаю я,
И вот, — Никею вижу я прекрасную,
Вот — Иконийцев город многотысячный,
80 Как морем, окруженный нивой пышною.
Я повидал и область Киликийскую —
Их города в полнейшем процветании,
Прекрасные среди прекрасной местности.
И вот Антиохия перед взорами,
85 Вся — блеск, вся — роскошь, вся — благоустроенность
Средь городов, что в Азии находятся.
И Дафны красотой насытил взоры я,
И роскошью источника Касталии —
Вода — нектар сладчайший, если пить ее,
90 Потрогать — холодна, и вид божественный.
Но надо ли все города описывать —
Сидон и Тир и Гавани Беритские,
Птолемаиду — городок убийственный,
Птолемаиду, гибели виновницу?
95 Молю Тебя, Иисус, ключ света вечного,

Затми, затми сиянье солнца жаркого,
Закрой и затемни зрачок всевидящий,
Чтоб мерзкий город не был миру видимым!
В Самарию придя, увидел местность я
100 Цветущую бесчисленными красотами,
Приятную своим расположением.
Там воздух чист, там множество источников,
Прозрачных и целебных, вечно льющихся,
105 Деревьев много, почва всерождаящая,
Сады, поля пшеницы, виноградники,
Оливы, огороды богатейшие,
Простор для лошадей, дороги славные,
Прекрасные дуга, благоуханье роз,
И местность так уютно расположена,
110 Что глядя, скажешь — мать чадолюбивая
Лелеет так дитя в своих объятиях.
А далее — стена утеса страшного,
Не одолеть ее, столь неприступную:
Столь высоко та круча поднимается,
115 А дальше — и другие скалы острые
До самого эфира воздымаются,
Отвесные, в глубоких лютых пропастях, —
Отрадная долина между круч лежит,
Как меж сосцов обильных млечком матери
120 Дитя, что вскармливается заботливо,
Любимое, в покоях нежной матери.
Уютно столь же местность та покоилась.
Но путь наш цель имел — и нечто тайное
Нам стало проясняться, прежде скрытое.
125 Севаст был убежден с неколебимостью,
Что нужно, чтобы он из всех единственный
Знал тайну, что царем была доверена, —
И цель поездки всем была неведома,
И царский план был полностью загадочен —
130 Севаст от нас в секрете это все держал,
Но все равно узнали мы со временем —
Царю была нужна царица новая,
Ведь только двух младенцев пола женского
Родил он, да и то одна, последняя,
135 Уже была в могильный мрак окутана.
Мужских потомков царь наш жаждал пламенно,
Чтоб власть его державы приумножили,
И потому второй свой брак устраивал,
Но он желал, чтоб от других правителей
140 Пока что это скрытым оставалось —

Куда и для чего он направляется —
Но под конец уж не было возможности
Скрывать, зачем мы в Палестину прибыли,
И в землю Самаритскую прекрасную,
145 В сей край, водой обильно орошаемый,
Пришли мы, чтоб красу увидеть дивную
Той, что была секретно в жены выбрана.
Посольства цель — просватав, привести ее
К владыке Мануилу скиптрононому.
150 Та дева в это время обреталась
В Самарии, прекрасно орошаемой,
И видел я ее. О, как мне выразить!
То было в зале с тусклым освещением,
Зал был красивый, только было сумрачно,
155 Ведь солнечного света не хватало там.
Частенько заходил я в эту комнату
И недоволен был я освещением,
И вот вхожу однажды, как обычно, я,
160 И вижу вдруг девицу! Белоснежное
Лицо ее лампадой светоносою
Сияло и сияньем прогоняло мрак.
Я, пораженный блеском ослепительным,
Промолвил про себя: «Что это? Молния?
165 Иль круг луны на землю ниспустился к нам?»
Краса была той девы несравненная,
И кожи белизна, что молока белей,
И золото волос, и стройность гибкая,
Прекрасный рост и статность соразмерная. —
170 Любой сказал бы: «Это пальма юная,
Прекрасная, что ветви вознесла свои
Густые, будто кудри золотистые».
Дугою брови, и глаза прекрасные —
175 Их взгляд, прямой и чистый, полон прелести,
Прекрасных уст красиво очертание,
Они румяны, цвета нежно-алого,
На них легко цветет улыбка скромная,
Слегка, пристойно, дева улыбается,
Нет, не могу ее красу я выразить!
180 Ее прелестный нос, дыханье легкое,
Изящные движенья, поступь плавную!
Она полна спокойного достоинства —
И все же видно, что юна по возрасту,
А как же благородно воспитание!
185 Течет в ней кровь от скиптродержцев Юлиев,
От Цезарей, что властвовали Западом,

Все совершенства просто совместились в ней,
Слились, перемешались изумительно,
И сочетанье их — вот эта девушка,
190 Краса и гордость рода знаменитого,
И даже Мом, сам Мом не смог придрататься бы,
Пред ней ничто Елена белокожая,
Дочь Зевса, — мифы нам ее придумали.
Из первых родом, внешность ослепительна,
195 И высшей чести стоит несравненная —
Лицо, прическа, брови, выражение глаз —
Все в ней и благородно, и утонченно,
А гибкий стан ее, высокий, кажется
Стройнее самого платана стройного.
200 И, потрясенный этим всем увиденным —
И прелестью и лика, и сложения, —
Я счел — она достойна власть держащего,
Севаста сердце окрылив надеждами,
205 Что он теперь царю Авзонов щедрому
Подарок привезет, какой не сыщется —
Как ни трудись искать — награду лучшую.
А я, несчастный, только одного хотел, —
Увидеть поскорее Константинов град,
210 Но ветры, как назло, лишь неприятности
Сулили мне — воздвиглись бури зимние
С чудовищными волнами — и плыть нельзя,
И вот — одни задержки и бездействие,
Эхила впору вспоминать трагедию
И Фриниховы песнопенья скорбные.
215 И тут, пожалуй, можно с основанием
Сказать, что превосходят эти тяготы
И даже сочиненье Фукидидово.
Вот наконец с большим трудом, с задержками
Неополитов город мы покинули.
220 А после Иерусалим увидели,
Великий, славный город, процветающий,
Его богатство — местоположение,
Дающее защиту: в части северной,
Лежит долина, рядом кручи горные,
225 Град окружая, неприступным делают.
Там я приник благоговейно, трепетно
Ко гробу, где почил Он, словно чадо льва,
Тот, кто Адамов грех похоронил для нас,
И всем, кто от Него, дал вечной жизни дар.
230 Голгофу видел я, и видел я разлом,
Что землю расколол в тот самый страшный миг,

Когда мой Бог, Гончар всего живущего,
Страданьем, что спасеньем миру сделалось,
Из-под камней потомков Авраамовых
235 На свет извел, им дав природу новую.
Припав, я поклонился той земле святой,
Убийцы Бога тень навеки бросившей
На древо всеблаженное, священное.
Покинув те места, к Сиону я пришел,
240 Он столькими пленил меня отрадами!
Недалеко оттуда он находится,
К нему подходят башни укрепления.
Там посетил я место всесвященное,
Где ноги омывал ученикам своим
245 Тот, кто способен бури был обуздывать,
А чуть подальше видел и домишко я,
Где горсть учеников его таилася
От бешеных убийц, их смерти жаждавших, —
Таились, как ягнята травоядные,
250 Что прячутся от волчьей пасти яростной,
Когда пастух, защитник их, отсутствует.
Забуть ли помещенье то священное,
Где речи беспрестанно раздавались
Починщиков сетей, когда сошло на них
255 Богатство языков потоком пламенным,
Что высекалось будто силой молота
Святого Духа из печи невидимой.
Другое видел место я священное —
Его касались руки Сына Божьего,
260 Жилище Бога моего чистейшего.
Я был и в темном, мрачном помещении,
Где Петр сидел, трусливый, но и дерзостный,
И слезы проливал над преступлением.
Я видел в Гефсимани драгоценную
265 Могилу трижды чистой Богородицы,
Захороненье жалкое и скромное —
Таилось в нем несметное сокровище.
О, да простится мне то слово дерзкое! —
Себе сказал я — вот в ракушке каменной
270 Живет порфира, словно в царском тереме!
Морские черепки с краями острыми
Растят внутри себя сиянье жемчуга.
Нет, лучше так: росток, шипами ранищий,
Венчается золотою розой дивною.
275 На холм многовостпетый поднимался я,
На нем стоял Приявший воплощение,

Оттуда Он благословлял апостолов,
К Отцу вознесшись, Света Прародителю.
Я был и в Вифлееме, ясли видел я,
280 В печи иерихонской я поджарился,
Я испытал пустыни жар удушливый —
Не защититься от него, не спрятаться,
Там солнца жар таким пылает пламенем, —
Его проникновенье иссушает мозг,
285 Хочу сказать — да снова не решаюся,
Чтоб не прогнать Око мне всезрящее —
Иерихон — пусть лучше б он приснился мне!
Я погружался в воды Иорданские
Болотистые, грязной тины полные,
290 Нечистые и для питья негодные,
Молочные по цвету воды мутные
С теченьем вязким и лениво медленным,
Назвать теченье сонным так и хочется.
Ну почему, Христос, о Свет бессмертный наш,
295 Ты посещал места такие гиблые —
Засушливые пекла смертоносные?
Должно быть, Слово, жар всеиссушающий
Был тем, чего Твое смиренье жаждало!
Свидетельство тому всеочевидное —
300 Слова Нафанаила, вот что он сказал:
«Что может Назарет взрастить хорошего?»
Лишь одному Тебе, Спаситель, ведомо,
Зачем Твой выбор пал на эти местности
При Воплощеньи — почему их выбрал Ты.
305 Ты выбрал Иордан из всех на свете рек,
А ведь его рекою и назвать нельзя!
Из всех местечек края Палестинского
Злосчастнейшие, крайне неприступные —
Капернаум, на редкость отвратительный,
310 И Назарета угли раскаленные.
И все места, где Ты, о Бог, присутствовал,
Где Ты, Спаситель, во плоти расхаживал —
Все гиблые, и верно скажет кто-нибудь,
Что Господа чудес благоухание —
315 Как роза средь шипов, до крови ранивших.
Ну что еще там есть, что стоит вспомнить мне?
Ужасный воздух, совершенно огненный,
Невыносимый пламень несмягчаемый,
И жар такой, что нету силы вынести.
320 Ведь в воздухе нет ни малейшей влажности,
А если на возвышенностях выпадет

Роса, иль облака прольются брызгами —
 Дороже то вина и благовония.
 И, чтоб от жажды до смерти не высохнуть,
 325 И грязную пьют воду, и вонючую,
 И деньги платят за нее немалые,
 Земля же запекалась, земля растрескалась,
 И бедствуют на ней в работах тягостных,
 330 Задавленные столькими несчастьями,
 И пахарь — бык, и руки серподержные.
 О богозданный град, земля Византия,
 Ты свет явила мне, меня взлелеяла.
 О, быть бы вновь с тобой и зреть красу твою,
 Хочу, хочу опять в твои объятия,
 335 Хочу, хочу я снова под крыло твое,
 Чтоб ты меня хранила, как воробышка!

Песнь вторая

Я, повидав так много мест прекраснейших,
 Подумывал о скором возвращении,
 Когда страхну я тяжкий груз служения,
 И мнил, что отступают мои тяготы.
 5 Но нет! Мое злосчастье вездесущее
 Мною завладев, опять в меня вцепилось!
 Едва взойдя на судно быстроходное
 Мы в Тире оказались отвратительном,
 10 Глотка воды там просто не допросишься.
 О, Тир, всегнусный Тир, всененавистнейший,
 О как же тяжек воздух твой удушливый,
 Как нестерпимо пекло жара знойного,
 Не может ни один оратор выразить!
 15 Здесь началась моя болезнь злосчастливая,
 Ужасная болезнь невыносимая.
 Во мне поднялся жар, и он сжигал меня,
 И я пылал, как будто куча хвороста,
 Он внутренности жег до основания,
 Обугливая, он испепелял меня
 20 Наплывами своими помрачал мне ум
 И затемнял сознание и зрение,
 Я был как мертвый, потерял все волосы —
 Они такого жара не смогли снести —
 25 Увы, мой вид достоин был рыдания, —
 Иссохший человек, внутри расплавленный,
 Чья плоть завяла, тени уподобилась,
 Короче — только кожа и осталась.
 Христос — творец вселенной, живородящий Бог,

30   Какое же во мне опустошение!
Уста все исторгали, что пытались съесть,
Как будто я вкусил плода запретного —
На память только это приходило мне.
Несчастный! Завладела мной предательски
35   Болезнь, что порождала горечь жгучую,
Ведь если с чем-то желчи вкус и сравнивать,
То смертью называть бы это стоило.
Ослабли руки, ноги подгибаются,
Лишилась моя поступь всякой твердости,
40   Как бездыханный труп на землю падал я,
Такая жажда — просто море выпил бы,
Такая жажда — реки поглотил бы я —
Столь хищный огонь внутри меня бесчинствовал
И кожу иссушил мне, и всю внутренность.
45   О род наш человеческий, многобедственный,
Пучина горя, пропасть неприятностей!
О наша жизнь, чреватая несчастьями,
Меж крайностями скачущая, шаткая,
Ты смешиваешь все, в тебе основы нет,
50   Ты горький червь, нам сердце изъедающий,
Ты зол бесчисленных море беспокойное,
Пучина злая тысяч неприятностей.
Севаст увидел — я почти что при смерти —
И пожалел меня, скорбя сочувственно,
55   И честь мне оказал своей заботою:
Несчастливого, меня препоручает он
Алексию — сей отпрыск Дуков доблестный
В ту пору власть держал над Киприотами,
Щедрейший муж, своей блиставший скромностью
60   (А в жилах его кровь струилась царская!)
Ну, главное скажу, оставив многое:
По воле их двоих, по их решению
На славный остров Кипр меня доставили,
Где воздухом почище начал я дышать
65   И стала отходить болезнь ужасная.
И слов мне не найти, чтоб описать я мог,
Какими напитал меня он благами,
Своей рукою щедрою, рачительной,
Сей отпрыск Дуков нрава безупречного,
70   Тишайший. Но болезнь моя коварная
Напала снова словно лев из зарослей,
Или кабан, ощерив пасть зубастую,
Когда он мчит с неудержимой силою
Упиться кровью — тело снова высохло.

75   Ведь потучнел я было, как оправился,
И внутренности снова воспалилися,
О тело, пригоршня земли ничтожная,
Когда б Отец, Садовник человеческий,
Не оросил меня росой живительной,
80   Когда я пал, и хладный, уж исчез почти,
Когда почти уже я прахом сделался.
Я вырвался, как из тенет губительных,
Встряхнулся я свободно и расправился.
И вот живу на Кипре воспеваемом,
85   Его земля и почва плодородная
Кому-то — просто Кипр, мне — Кипр священнейший.
Но как сиянье звезд на небе слабое
Перед лучами солнца всемогущего,
Вот так и Кипр и все, что только есть на нем,
90   В сравненье с блеском града Константинова!
О напряженный труд, о книги мудрые,
Все то, чему я предавался с юности,
Усталость тела и ночные бдения,
Когда всецело отдавался чтению,
95   Забыв о пище, даже не смыкая век!
Теперь, как воробей, сидящий в клеточке,
Нет, лучше — словно ворон ночью темною,
Живу я на земле, лишенный чтения,
Сижу без дела, на замке свой рот держу,
100   Без слова, без движенья, как колодочник,
Как безъязыкий ритор — слову хода нет,
Как ритор безголосый — где тут слушатель?
Как будто сад, лишенный орошения,
Его не поливают — вот и сохнет он,
105   Лишенный влаги, чахнет в увядании,
Теряют листья дерева кудрявые.
Вот так и я страдал и шел к погибели,
Утратив красоту — а я ведь был хорош!
Я жил, лишенный сил, одной надеждою,
110   Что возвратится влага в естество мое,
Как сила вновь вошла в мою расслабленность!
О, мира красота, земля Ромейская!
Дай сил очам, тебя столь страстно жаждущим!
О матери сестра, дочь мироздания,
115   Дышу тобой, стеная, жажду я тебя,
Вдали от лика твоего желанного,
О круг златой, монастырей величие,
Пропал я без тебя, заледевел душой,
Так без росы терзаются кузнечики,

- 120 Мусическую лета песнь поющие,
И погибают, стужей пораженные, —
И род наш человечесий многобедственный
Цветет под теплым солнцем в беззаботности,
И голос возвышает пуще Стенора
- 125 И звуки издает, с магадой схожие,
А то порой звучит руладой хитрою,
Но как застынет в холоде погибели —
То исчезает, будто замерзает он.
Щедрейший Дука, золото чистейшее,
- 130 Нил милостей, текущий чистым золотом,
Меня лелеял, как ребенка малого,
Кропил меня росой Аермонскою,
В ответ не ожидая благодарности.
Как слабый свет лампы не равняется
- 135 Со светом ярким диска в полнолуние —
Он движим был лишь человеколюбием.
О, если б землю видеть мне Византия,
То желчь мне туком, лакомством казалась бы,
А горечь вся — нектаром ощущалась.
- 140 Любое блюдо счел бы я амброзией.
Всегда в неволе даже птица певчая,
Хоть кормят ее вдоволь, кормят досыта,
Из плена улететь всегда старается,
И тяготится жизнью, сидя в клеточке,
- 145 И вечно ищет, ищет, как бы выпорхнуть,
Ничто не мило ей, а только надобно,
Чтоб свет свободной жизни перед ней сиял.
О дай, Христос, достичь кончины праведной!
Тебе, Гончар породы человеческой,
- 150 Тебе, Хранитель добрый рода смертного,
Тебе возносим гимны за спасение,
Из чаши возливая евхаристии.
Счастливей трижды Град, земля Византия,
Зеница всей земли, краса вселенская,
- 155 Звезда и яркий светоч мироздания!
В тебе рожден, в тебе я вскормлен, выращен,
В тебе лишь знаю жизни наслаждения.
Расти, цветы и крепни в возрастании,
Держа меня как мать в своих объятиях!

Песнь третья

Решил я снова дать руке движение —
Взять стиль и описать свои мучения.
Ведь так и не кончались злоключения,

И от меня не отставали ужасы,
5 А, постоянно обновляясь, мучили,
А я уж было думал, что до дна испил
Всю чашу испытаний этих горестных —
Сосуд несчастий, чан болезней тягостных.
Но нет — кратер передо мною горечи,
10 Неистощимо пенящийся бедами.
Я уповал, что древо неприятностей,
Что летом расцвело, зимою соохнется —
Но нет! Оно — увы! — неувядаемо,
И летом, и зимой плодами полное!
15 Увы! О род людской, слепой, злосчастнейший,
Твои глаза незрячи для грядущего.
Ведь я, познав болезней море полное, —
Столь много хворей тело разрывали мне, —
Доставлен был на остров, на великий Кипр,
Чтоб там я груз несчастий смог стряхнуть с себя,
20 Но нет — мои мучения вернулись,
И бурный вал несчастий вновь накрыл меня
Так, словно кто на холм крутой вскарабкался
И снова с высоты к подножью катится.
О день злосчастный, пропади он пропадом,
25 В который я уехал из Византия!
Как вычеркнуть его из хода времени,
Тот день, когда счастливый град покинул я,
И оказался среди бездн и пропастей!
Но что на время буду тщетно сетовать,
30 Что против самого себя свой меч острить?
Уж лучше вновь заговорю — ведь в силах я —
О новых расскажу моих страданиях.
Теперь меня постигли боли тяжкие —
Болезнь от почек, в организме спрятанных,
35 Да, мой Христос, — мне это полагается,
Ведь не берег я почки так, как следует,
Поправ закон Твой, их не опоясывал,
И вот — страдаю тяжело, боли острые
Пронизывали все до основания,
40 И двигаться не мог я, и стоять не мог,
Лежание мне тоже причиняло боль,
Я был во всем похож на паралитика —
Как неподвижный труп лежал на ложе я.
Я так страдал от боли, что в отчаяньи
45 Я дико выл, стонал, кричал и корчился,
О солнце! Не глядеть бы твоим светочам
На человека под такую тяжестью!

Тут даже и гигант, хоть будь он каменный,
И мощный, словно кедр в Ливане выросший,
50 Покажется, увы, тростинкой слабою,
Как колесо согнется колесничное.
Запретный плод, ты желчи средоточие,
О злого сатаны коварный замысел!
О ненасытность праотца злосчастная —
55 Из-за нее все море бед бесчисленных,
Что пьет злосчастный род наш человеческий.
Я был уже наполовину умершим,
Пошевелить ногою я уже не мог,
Лежал я, будто дерево засохшее,
60 И сердце мое билось с перебойми,
Не мог я сделать верного движения
И пищу есть не мог, не принимал воды,
И внутренности все как будто сохли.
И пища, и питье мне причиняли боль,
65 Пронзали мне нутро, как будто жалили.
Христе мой, и во сне мне не привиделось
Такое испытать мученье горькое!
А если б и явилось в снах блуждающих —
Я тут же б их забыл, в себя не принял бы!
70 Так запер меня ад всепожирающий —
И долго в сей болезни находился я.
И понял я тогда, сколь малодейственны
Асклепиадов хитрые премудрости —
Сплошная болтовня и пустословие,
75 В безвыходности выход мне пришлось найти —
Решился «жребий брошен» сам себе сказать,
И стал лечиться водами термальными.
О ванна, ты основа исцеления!
Какое ты приносишь облегчение
80 Страдальцам — и мои ты смыла хворости!
Готов тебя я славить и трубой трубить,
Чтоб честь воздать твоим благим воздействиям! —
Но голос еще слаб и пресекается,
Сгорел он от мучений иссушающих.
85 То видело и Солнце, и заход Луны,
Какой стопою быстрою, крылатою
Напала на меня напасть ужасная —
Ни передышки, ни конца ей не было,
И быстро я погряз в моем несчастье,
90 Доступно только слову Иеремии
Оплакать злые муки этой участи.
О, сколько же страданий и опасностей,

О, сколько стрел, в меня судьбою пущенных,
 Доколе же терпеть мне муки лютые?
 95 За что, судьба, так мучишь, так крушишь меня
 Ты будто чашу моей крови выпила,
 Ты плоть мою с меня как будто срезала
 И вглубь моей утробы погрузилася.
 За что меня и режешь ты, и душишь ты?
 100 О солнца свет! О хороводы звездные!
 Вы видя это все — и не сокрылися!
 О золотой, священный град Византия!
 Залит ты солнцем, красота бескрайняя!
 Доколе лишь во сне ты будишь сниться мне,
 105 Когда увижу я твое сияние,
 Когда твое лицо увижу светлое!

Песнь четвертая

Налейтесь силой, руки, и задвигайтесь!
 Вставайте, мои ноги, и пускайтесь в пляс!
 Язык мой, гимн исполни благодарственный!
 Ты, сердце трижды бедное, — возрадуйся!
 5 Ведь вижу, вижу я — яснее некуда —
 Византий мой, счастливый, вселюбимейший.
 Но что это? Ужель конец скитаниям?
 Я больше не на Кипре среди зловония,
 Я не в Птолемаиде удушающей,
 10 Не в Назарете, для меня губительном?
 О Град златой, ужель ты плод фантазии?
 Не сон ли ты, насмешка ночи злобная?
 Тебя ли вижу я — ты мне не грезилась?
 Ты впрямь не Пафос, не земля Китейская,
 15 Не жалкий город нищих Тримитусиев,
 И воздух здесь не издает зловония,
 И трупный запах всюду не разносится
 От мертвецов, что кучами навалены
 (А это постоянно наблюдается
 20 В Птолемаиде — жители то делают).
 Нет! Здесь я вижу славный город, прибранный,
 И всадник, как живой, здесь возвышается,
 Я вижу гавань — кораблей там тысячи!
 Дом Бога вижу тот, всезнаменитейший,
 25 И, словно драгоценность, он меняет цвет,
 Переливаясь, издает сияние,
 Сверкает он в лучах победных солнечных,
 Но что со мной! Я снова в заблуждении,
 Увы! То в непрерывных сновидениях

30   Обманный сон опять прогнал действительность?
Ведь вижу я то место, мне отградное,
Сей город золотой, блаженных остров сей,
И я забыл все страхи и все ужасы,
И все обманы снов, в ночи блуждающих,
35   Я Константинов град увидел явственно.
Но возвращусь назад к повествованию.
Вот обогнули курсом мы Исаврию,
Водовороты миновав Драконовы
(Такая есть река: течет в Исаврии),
40   Мы миновали Сику, место дикое,
Град ненавистный, всеми презираемый,
Но много говорить о нем не стану я.
И вот застали Кипр объатым паникой,
Из-за набегов частых, устрашающих
45   Триполитанца, яростью кипящего.
(Ведь он не преуспел в своих намереньях —
Ведь та, кого сначала предназначили
Для брака с государем дальновиднейшим —
Была сестрой по крови и по семени
50   Триполитанцу, наглому до крайности.)
Ей не пришлось подняться в спальню царскую,
Вошла другая! — Ветвь харит, что выросла
В Антиохии, граде, полном золота,
Ее сочли достойной брака царского —
55   Со взорами Хариты деву милую,
Чьи корни уходили в роды царские,
Но Триполит пылал ужасной яростью —
И весь кипел бесстыдной решимостью —
Латинянин — гордец самоуверенный —
60   Он сколотил эскадру, взял оружие
И двинулся на Кипр, пошел пиратствовать,
Глупец! Не понимал он — невдомек ему —
Что сил ему не хватит одолеть царя.
Ну как же воробей неоперившийся
65   Спасти бы мог от клюва от орлиного?
И может ли уйти от льва рычащего,
От льва, царя зверей, козленок маленький!
Хоть дерзость придавала сил злосчастному,
Он уступал и в мощи, и в решимости,
70   А мы пока что были в замешательстве,
Подавленные столькими несчастьями,
На нас со всех сторон тогда нападшими,
Покуда наш Севаст к нам не пожаловал
На Кипр, пройдя сквозь смерти и опасности.

- 75 Пришел — и тут же наши все волнения
Утихли — тишина пришла весенняя.
Не верящий, что радость может многое —
Пусть слушает меня, узнав, уверится!
Так вот: прошло совсем немного времени
- 80 И жар четырехдневной лихорадки стих,
Лишь я узнал, что наш Севаст присутствует,
Как жар мой стих, исчез, освободился я.
А наш Севаст, собрав всех воедино — так
Вожак собирает птичью стаю звонкую,
- 85 Поющих свои песни благозвучные —
Он их скликает, сводит воедино их,
Кто смог силков избегнуть и охотников, —
Он им трубит приказ о выступлении,
И разом все с ним вместе поднимаются.
- 90 Совсем не ново и искусству свойственно
Когда в речах встречается забавное —
В историях печальных, полных тягостным,
Приятного порой добавить следует.
В угрюмых исторических писаниях
- 95 Бывает к месту шутка, смех творящая.
Однажды, в день значительного праздника —
Мы называем — день Пятидесятницы,
Когда все люди в храмах собираются
И службу отправляют там вечернюю,
- 100 И я там тоже был и близ дверей стоял, —
Вдруг входит киприот какой-то, кажется,
Всех киприотов превзошедший дуростью.
Войдя, ко мне вплотную он становится,
Винищем от него и чесноком разит,
- 105 И в нос мне ударяет страшный запах сей.
Меня почти тошнит от отвращения,
Как будто воздух портят испражнения —
Такое сатанинское зловоние,
Мне просто дурно — головокружение,
- 110 В глазах темно — все мраком застилается,
Едва без чувств я замертво не падаю.
Я говорю ему — сначала с кротостью:
«Подальше стань, любезный, отойди чуток,
Ты чесноком воняешь, стань подальше.
- 115 Я не могу такую вонь выдерживать».
А он — ни с места, он меня не слушает,
Я снова говорю, уже свирепее:
«Уйди отсюда прочь, не удушай меня,
Ты изо рта воняешь нечистотами» —

- 120 Он, подколодный змей, глухим прикинулся
И обратил не более внимания,
Чем лев на муху иль кабан на бабочку.
Тут понимаю — тщетно убеждение,
И вразумлять я начал врукопашную —
- 125 И, размахнувшись, по мужски влепляю я
От всей души удар ему по челюсти,
В себя вобравший злость мою сильнейшую,
И гулкий, сильный звук удара мощного
Раздался в такт со звуком песнопения!
- 130 А дерьмод тотчас же в бегство кинулся!
Да, так и было! Пусть и упрекнут меня!
- А Дука благородный, муж прекраснейший,
Всех вдоволь упоил своею щедростью
И отослал на родину нас, радостных,
- 135 О Сын Отца, печать Его, рука Его,
Панбасилевс, о Солнце справедливости,
Из Палестины Ты ведь нас сумел спасти,
Как спас Израиль от Египта некогда.
О Слово, нет в богах тебе подобного,
- 140 О Бог Живой, о Высший Бог Единственный!
Владыка тварей всех и Небодержец, Ты
Освободил нас от Латинской наглости!
Как прежде — Даниила, величайшего
Пророка — спас от пастей львов погибельных!
- 145 Пред Ним ничто латинский род хвастливейший.
О новый Аввакум, ведь ты по воздуху
Отправил флоты в землю вавилонскую,
И словно Даниилу прорицателю,
И мне сровнял мой путь — сверх ожидания,
- 150 И вот я вижу — скачет всадник в воздухе,
И Ты извлек меня из злого пламени
Птолемаиды, умертвившей тысячи,
Из града Триполитов меня вызволил,
Из гарнизона Кипрского ужасного,
- 155 Из стен железных, клеток его каменных,
Безвыходных, как сам Аид безвыходный!
На Кипре задержавшись на свою беду,
Я так легко оттуда бы не выбрался,
Ведь если б сушей я пройти попробовал —
- 160 Наверняка попал бы в руки варваров, —
Лишь Бог один меня оттуда вывел бы —
Куда бы я бежал и где бы прятался?
Ведь ширь морская всюду расстилается!
О, сколько раз я в пасти был погибели!

- 165 Кругом со страшным воем ветры буйствуют,
А волны с тяжким грохотом сшибаются —
Волна растет, а ветер рвет, безумствуя!
А что за ужас — корабли пиратские,
170 Когда ты в море — словом то не выразить!
В огонь вулкана, право, лучше ввергнуться,
Чем оказаться схваченным пиратами.
Увы, сколь жалко человека бедного,
Который в эти сети попадается!
Не сжалятся, хоть манна с неба выпадет,
175 Хоть выпадет роса, чтоб загасить огонь,
Хоть станут рядом щелкать пасти львиные!
Пираты только золота и требуют,
А не дает несчастный — где же взять ему! —
Подвешивают, мучают и бьют его,
180 И на цепях кунают в воду пленника,
Пока он не испустит дух в мучениях.
Я думаю, злодеям в наказание
Такие же мученья тоже выпадут
В суровый грозный час суда последнего —
185 Да не избегнут мук и наказания,
Что сами своим пленникам готовили.
А я сумел избежать этих ужасов
По Божьей воле, по Его решению.
И впредь да не придет мне больше в голову
190 Поехать в Палестину пересохшую,
Да не затащит кто меня насильственно,
Да не попасть мне в руки чужеродные!
Христос! Тебе хвала! Тебе! Ты спас меня
И уберег среди таких опасностей.

МАНУИЛ ФИЛ

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Корпус сочинений Мануила Фила насчитывает более 25 000 стихов, и донесли его до нашего времени Эскуриальская, Флорентинская, Парижская, Ватиканская, Московская Синодальная, Туринская, Монакская и Оксфордская (Бодлеянская) рукописи.

В 1530 г. в Венеции архиепископ монемвасийский Арсений первым напечатал поэму Фила «О свойствах животных»; затем ее же издали Иоаким Камерарий и Григорий Берсман в 1575 г. и Иоанн Корнелий де По¹ в 1730 г. Последовал еще ряд изданий отдельных сочинений, из которых отметим книгу немецкого филолога Готтлиба Вернсдорфа (1768 г.)² — отдельные стихотворения с латинским переводом, предваренные небольшим исследованием. В 1855–1857 гг. известный византист Эдуард Миллер предпринял издание почти всех сочинений Фила в двух томах на основе четырех рукописей, сохраняя порядковую нумерацию в каждой из них; работа снабжена латинским вступлением, дополнением и индексами. К. Крумбахер назвал это издание «неметодичной и поверхностной работой»³, однако оно стало раритетом уже через 30 лет, а за последующие 100 лет ничего качественно нового не появилось, так что в 1967 г. в Амстердаме был выпущен репринт издания Миллера⁴. В настоящее время принято пользоваться изданием Миллера, и места указываются номерами тома и страницы. Дидактические поэмы были изданы в собрании Лерса и Дюбнера в 1896 г.⁵

Основные сведения о Мануиле Филе приведены в работах К. Крумбахера (Op. cit.) и Г. Хунгера⁶, там же — полная библиография.

¹ *De Pauv.* Trajecti ad Rhenum, 1730.

² *Manuelis Philae carmina graeca* / cura G. Wernsdorfii. Lipsiae, 1768.

³ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). 2 Aufl. München: Beck, 1897.

⁴ *Manuelis Philae carmina* / Ed. È. Miller. Vols. 1–2. Paris, 1855, 1857.

⁵ *Poetae bucolici et didactici* / Ed. Fr. Dübner et F.S. Lehrs. Paris: Didot, 1862. В этом издании опубликованы поэмы «О свойствах животных», «О шелковичных червях», «О струтокаmile», и «Краткое описание слона».

⁶ *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1–2. München: Beck, 1978.

Единственным специальным трудом, более 100 лет сохраняющим свое значение, является исследование известного русского византиниста Х.М. Лопарева «Византийский поэт Мануил Фил. К истории Болгарии в XIII, XIV вв.» (СПб, 1891)⁷. В нем содержится очерк творчества поэта и подробно исследуются стихотворения II, 59–65 и II, 240–255, содержащие весьма ценные исторические и географические сведения. Авторы отечественных фундаментальных трудов «История Византии» и «Культура Византии»⁸, базовых для нашей работы, при создании глав, обобщающих историко-культурные процессы палеологовского периода, учитывают и творчество Мануила Фила и указывают на существенную роль, которую играет его изучение.

Кратко упомянут и даже процитирован Фил в «Истории всемирной литературы»⁹; «Памятники византийской литературы IX–XIV веков» помещают два небольших отрывка¹⁰ — и это всё, что существует по-русски.

⁷ На эту работу Лопарева ссылается и современный историк: *Нуждин И.* Византийско-сербский мирный договор 1298/1299 г.: причины, условия, последствия // Византийский временник. 1997. 57 (82). С. 96–109, и филолог Кочев Н.: *Античная литературная традиция и византийские авторы.* София: Наука и искусство, 1982.

⁸ *История Византии.* Т. 1–3 / Отв. ред. акад. С.Д. Сказкин. М.: Наука, 1967; *Культура Византии.* Т. 1–3. М.: Наука, 1989. В нашей работе мы опираемся также на следующие важнейшие для нас монографии: *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы М.: Сода, 1997; *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: «Языки русской культуры», 1996; *Вибиков М.В.* Византийская историческая проза. М.: Институт всеобщей истории, 1996; *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. Том I. О поэтах. М.: «Языки русской культуры», 1997; *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб.: Алетейя, 1997.

⁹ *История всемирной литературы.* Т. 3. М.: Наука, 1987. С. 37. Приведенный здесь отрывок взят из перевода С.С. Аверинцева, помещенного в издании «Памятники византийской литературы IX–XIV веков» (М., 1969. С. 331–332).

Державный повелитель, обносился я!
Хитон поистрепался, продырявился,
И ворс на львиной шкуре, тонко стриженный,
Весь вылез от мороза и попортился.
И вот, нуждаясь страшно в одеянии,
К тебе я припадаю!..

Весьма часто в своих стихах к разным адресатам, включая императора, поэт жалуется на бедность, даже нищету, и на разные житейские невзгоды. Не останавливаясь на обсуждении этой тематики, скажем только, что условная маска попрошайки имеет образцом Птохо-Продрома.

¹⁰ Один из отрывков приведен в предыдущем примечании. Второй отрывок, из поэмы «О свойствах животных», посвященной императору Михаилу Палеологу (2015 триметров), за которую адресат щедро награждал поэта, был опубликован в издании: *Памятники византийской литературы IX–XIV веков.* М.: Наука, 1969. Воспроизведем перевод С.С. Аверинцева (см. с. 224 настоящего издания).

Таким образом, становится понятной наша задача, которая видится в том, чтобы постепенно вводить в обиход специалистов, да и просто читателей, тексты этого малоизученного и непереуверенного автора, предоставляя материал для исследования и осмысления такого сложного и специфического явления, как поздневизантийская «высокая» словесность, и способствовать приближению к установлению критериев, применимых к анализу элементов этой эстетической системы, замкнутой в себе и далекой от наших вкусов, чтобы понять, какой же суд признаёт над собой эта поэзия.

Традиционно считается, что Мануил Фил жил с 1275 по 1375 гг., но Х. Лопарев убедительно аргументировал некоторое расширение этих рамок: так, было установлено, что в 1293 году поэт уже выполнял функции посланника, и Лопарев весьма справедливо усомнился, что правительство поручило бы эту миссию восемнадцатилетнему юноше; с другой стороны, лемма к стихотворению II, 58 указывает на обращение к Кантакузину как к василевсу, тогда как он, как известно, вступил на престол в 1347 году. На этом основании Х. Лопарев допускает, что поэт родился около 1270 и умер около 1350 года, и время его жизни, тем самым, пришлось на правление Михаила Палеолога, обоих Андроников и Кантакузина.

Вернсдорф¹¹ и Миллер¹², вслед за Фабрицием¹³, собрали сведения о представителях фамилии Филос и установили, что они занимали видное положение и состояли в родстве с высшей знатью. Например, Алексей Фил, великий domestik, был женат на дочери сестры императора Михаила, Евлогии; после смерти Алексея его вдова стала женой царя Болгарии Константина. Из леммы к стихотворению II, 267 мы узнаем и о тесном родстве со старинной родовитой фамилией Мелиссеносов.

Лемма к стихотворению II, 334 свидетельствует, что Мануил Фил родился в Эфесе. Стихотворение II, 400–405, эпитафия Георгию Пахимеру (1242–1300), где Фил называет покойного своим учителем, позволяет предположить, что учиться у Пахимера Фил мог в Константинополе. Высшая школа богословия, патриаршая οἰκουμηνικὸν διδασκαλεῖον, считавшаяся самым стабильным учебным заведением империи, возобновила свою работу в 1266 году¹⁴, и здесь и преподавал Георгий Пахимер¹⁵.

¹¹ Wernsdorf. Op. cit. Praefacio III.

¹² Miller. Op. cit. Praefacio II–IV.

¹³ Fabricius. Bibliotheca graeca, VII (ed. 1727).

¹⁴ Культура Византии. Т. 3. С. 406–407.

¹⁵ Там же. С. 407.

Образованный и родовитый Фил занимал видное положение при дворе; по поручению Андроника старшего он как посланник ездил к арабам, индийцам, туркам (Фил именует их персами) и тавроскифам¹⁶. В 1293 г. он ездил заключать брак между ханом Золотой Орды Тохтой и незаконнорожденной дочерью императора Марией (II, 7).

Филу были хорошо известны некоторые реалии русского быта. В частности, о теплой шубе, которая ему нужна для защиты от холодов, Фил говорит, что ее «сшил из обработанных кусков густой шкуры какой-то рос, обрета ее у пастухов, разводящих собак» (II, 4). Говоря о протостраторе Михаиле Тарханиоте Главе, которому посвящена историческая поэма, проанализированная Х. Лопаревым, Фил показывает знакомство с русским языком (II, 107): «Кто, о военачальник, дал тебе имя Главы? Ведь в переводе это означает „голова“» (а Миллер добавляет: «*lingua russica*»).

В стихотворении «О посольстве к кельтам», под которыми подразумевались грузины, Фил рассказывает, как он сам принимал участие в этом посольстве (II, 59–65).

Жизнь Мануила Фила, как и большинства его современников, не была ни спокойной, ни безмятежной. Он рано утратил родителей, остался вдовцом с малолетними детьми, извдал и тюремное заключение¹⁷. Судя по лемме к стихотворению II, 397–398, поэт был репрессирован за свое сочинение «Хронография», вполне естественно, до нас не дошедшее, вызвавшее недовольство Андроника Старшего. Вероятно, в тюрьме написаны стихотворения «На крест нательный» (№ 1 в прилагаемых переводах), «К святому Николаю» (№ 2) и так называемая «Клятва» (№ 3), высоко оцениваемая комментаторами нашего времени¹⁸. Что именно побудило императора, неизвестно, но, так или иначе, Андроник II, знаменитый своим прекрасным философским и богословским образованием, любитель литературы и покровитель наук и искусств¹⁹, освободил поэта. (Вспомним, что в свое время и Михаил Глика обратился из тюрьмы к императору Мануилу Комнину с «поэмой-прошением, в которой автор хочет предстать перед государем во всем блеске своих твор-

¹⁶ *Лев Диакон*. История. М.: Наука, 1988. Книга IV, 6: «отправил его к тавроскифам, которых в просторечии обычно называют росами»; см. также примечание 24 на стр. 182 того же издания: «Лев Диакон первым использовал данное этническое наименование применительно к русским».

¹⁷ *Лопарев Х.М.* Указ. соч. С. 3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ История Византии. Т. 3. С. 86; *Hunger H.* Zur Humanität Kaiser Andronikos II // Сборник Радова Византологического института. 1963. 8/1. S. 149–152.

ческих и интеллектуальных способностей»²⁰. В ответ император распорядился немедленно ослепить поэта, сохранив ему, правда, жизнь.)

К теме своего освобождения Фил обращается еще раз в следующем своеобразном цикле.

I, 283–284. Благодарение императору, спасшему оклеветанного поэта, превознесение его суда выше соломонова. Финальные строки:

Умолкни, Соломон, здесь василеве — судья!
 Решай же, Судия мой справедливейший!
 35 Умолкни, Соломон, ты умер заново —
 Бог создал человека, что мудрей тебя!

За этим следует стихотворение, обращенное к императрице (I, 284). Начало:

1 Владычица моя, прости мне, дерзкому...

Далее, в I, 285–287, снова славословие кротости императора и, наконец, благодарение Богоматери (I, 287–288 и I, 288–289). Впрочем, в I, 268 («автократору») читаем:

Писал я, не писал — уж ты прости меня,
 На все грехи и заблужденья подданных
 Лишь доброта — ответ природы царственной...

В дальнейшем отношения с двором не омрачались трагическими коллизиями, поэт активно откликался на события государственной и природной жизни, будь то военная победа (I, 220–225) или поражение (II, 37–58), переезд императора в летнюю резиденцию (II, 152–153), пострижение Андроника Старшего в монахи (II, 375–376) или благополучное приручение друг к другу льва и собаки, удавшееся страстному любителю животных Михаилу Палеологу (I, 415–419).

К императору, членам его семьи, известным вельможам, их супругам адресовано множество крупных и небольших стихотворений, а некоторые написаны от лица заказчика. Неистощимая изобретательность, изящество, эрудиция, остроумие и тонкость риторства отличают его энкомиастические послания и стихи «на случай», эпиграммы и эпитафии.

Порой панегирик государственному лицу может принимать совершенно необычную форму: восхваление Иоанна Кантакузина, тогда еще великого доместика, — это целый спектакль, где действующие лица — сам Фил и Ум-Нус — беседуют на протяжении

²⁰ Чичуров И.С. Литература XI–XII вв. // Культура Византии. Т. 2. С. 198.

965 триметров, обмениваясь десятистрочными репликами, о достоинствах Кантакузина. Посреди этого разговора к ним присоединяются подоспевшие двенадцать красавиц-Добродетелей, а под конец является и сам Кантакузин, оставляя за собой последнюю строфу (Драматическая Этопея I, 143–184). Несомненный познавательный интерес представляет стихотворение, условно называемое «Табель о рангах» (II, 407–413), где Фил проявляет себя знатоком генеалогии членов императорского дома, сообщая, по словам Лопарева²¹, многое, «чего нельзя найти в таких трудах, как „Византийские фамилии“ Дю Канжа и „Христианский Восток“ Ле Кёна».

Стихи Фила, как правило, имеют адресата — лицо, предмет, событие, на которое они направлены, «написаны на», что дает основание называть их в широком смысле эпиграммами. «<...> Эпиграмматическая традиция оставалась на редкость непрерывной более полутора тысячелетий. Есть периоды, когда поэзия только и представлена эпиграммами. Греки не могли перестать писать эпиграммы, как они не могли перестать сочинять торжественные речи в совещательном, судебном и эпидейктическом роде; утилитарные приложения школьной риторики в парадной прозе и ее же игровые приложения в эпиграмматической поэзии — это, так сказать, минимум данного типа словесной культуры, его скромное ядро, без чего невозможно обойтись. <...> Эпиграммы пишут все <...> это вопрос школьного умения, вопрос грамотности <...> иногда сочинение эпиграмм напоминает по своей функции что-то вроде домашнего музицирования или игры в шахматы»²².

Впрочем, применительно к концу XIII и началу XIV вв. стоит обратить внимание на то, что сочинялись эпиграммы на «литературном диалекте», за полтора тысячелетия весьма отделившемся от живого языка, и овладение им требовало от учащихся много времени и больших усилий, так что возникла даже специальная дисциплина, оптимизирующая этот процесс, схедаграфия²³, и тем самым «минимум культуры», требовавшийся и от составителей, и от читателей эпиграмм, оказывался здесь величиной уже весьма значительной. Распространенность эпиграмм и вкус к сочинительству и сочинениям характеризует интеллектуальный уровень этого времени. Недаром тогда же составил свою редакцию антологии Кефалы знаменитый Максим Плануд²⁴, знакомец и корреспондент²⁵ Мануила Фила.

²¹ Лопарев Х.М. Указ. соч. С. 13.

²² Аверинцев С.С. Риторика... С. 179.

²³ Чичуров И.С. Указ. соч. С. 186–187.

²⁴ Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 298 и 291–342; Krumbacher K. Op. cit. S. 727.

²⁵ Treu M. Maximi Monachi Planudis epistolae. Breslau, 1890. S. 254.

Большую группу составляют эпиграммы, которые современный греческий исследователь А. Коминис называет *ἑρμᾶ*²⁶. Это в основном небольшие стихотворения, воспевающие Спасителя (их 54), Богоматерь (тоже 54), Иоанна Крестителя (их 15), и других святых, пророков, апостолов, храмы, иконы, праздники и священные тексты от лица автора или заказчиков.

Есть эпиграммы и на другие, самые разные случаи, например, просьба прислать книги, и т. п.

Многочисленны стихи «на случай» смерти. Надгробное слово во все времена — самая практикуемая разновидность парадного красноречия. В основном учебнике риторики — труде Гермогена (II в. н. э.) — техника построения речей такого рода специально не рассматривалась, но нашла разработку у ритора конца III в. н. э. Менаандра Лаодикийского в его сочинении «О торжественном красноречии», где, в частности, по отдельности рассматриваются эпитафия, утешительная речь и монодия²⁷.

Мануил Фил успешно прошел риторическую школу и знает все приемы и правила, полагающиеся к применению. Однако пользуется он этим арсеналом средств с полной свободой и оригинальностью. Среди многих стихотворений на тему смерти есть, например, драматическое произведение «Человек, разговаривающий с душой» (I, 419–430). Гнетомый горем человек (видимо, сам овдовевший Фил) ведет печальную беседу с Душой (каждая реплика — по десять пятнадцатисложников, первое слово строфы — в порядке алфавита), в разговор вступает умершая жена, в итоге требующая, чтобы ее перестали задерживать на пути к свету, что и выполняет человек и обретает утешение (240 стихов). Необычна и «Монодия» на смерть Иоанна Палеолога (I, 388–414; 597 стихов). Действующих лиц здесь еще больше — царь, царица, вдова, царский сын, слуга (видимо, сам поэт). Это — уже своего рода траурный митинг.

Фил пишет эпитафии от лица заказчика (№ 9), по заказу (№ 10) и от своего имени (№ 11). Эпитафия Георгию Пахимеру, № 11, сделана с особым мастерством и является предметом специального исследования.

²⁶ *Κομίνης Α.Δ.* Τὸ βυζαντινὸν ἑρμᾶ ἐπιγράμματα καὶ οἱ ἐπιγράμματατοιοί. Ἀθήνα, 1966.

²⁷ Menander Rhetor / Eds. D. Russel and M. Wilson. Oxford, 1981. Существует и русский перевод: *Парфентюк Г.А.* Трактат Менаандра Ритора о торжественном красноречии как исторический источник. Дипломная работа (машинопись). Кафедра истории древнего мира, исторический факультет МГУ. М., 1996. Об эпитафии и монодии в византийской литературе см.: *Hunger H.* Die hochsprachliche... Bd. 1. S. 132–133.

Для Фила и его читателей представлял несомненный интерес и ценность такой вид сочинения, как «переложение». Так, сохранилось его переложение на триметры акафиста Богородице (II, 317–334). Наши переводы включает также пример «переложения». Это обязательное риторическое упражнение, первое в списке прогимназмов: басня. Обычно ее сочиняли в прозе, но во времена Фила в риторической практике проза и поэзия легко менялись местами (так, уже давно писали прозаические гимны и стихотворные хроники). Фил блестяще справляется со своей задачей, живо диалогизирует материал, сжато и емко повествует и сохраняет требуемую в басне генерализацию, создающую здесь острый комический эффект: ἀνὴρ λότῃ κλῶψ в начале, ударно-вопросительное τίς (в стихе 24) в роли обобщающе-неопределенного и универсализирующая концовка комически закрепляет как вечную данность нелепую житейскую ситуацию вынужденной лжи²⁸.

Прилагаемые переводы выполнены нами по последнему изданию Миллера.

1. На крест нательный. Стихотворение Эммануила Фила

II, 399

В плененьи да найду в тебе хранителя,
Великую защиту, избавителя,
Ведь сам Христос, как руки на тебе простер,
Все души отпустил из заточения!

2. Св. Николаю

II, 199

Пока дышал ты в теле человеческом,
Ты милостью чудес преизобиловал,
А ныне там, где дух и свет мешаются,
И ум крылатый зря и Бога явственно,
5   Блаженный, ты ли бросишь чудотворствовать?
О, прекрати мне это заключение,
От ужасов тюрьмы освободи меня!
Прими свой образ, дар мой за спасение,
Его душой писал я, как рукой моей,
10   Ведь там, где хочешь, все исполнить властен ты!

²⁸ Ср.: *Аверинцев С.С.* Риторика... С. 298–301.

**3. Фил — Автократору,
когда по наветам из-за «Хронографии»
от него потребовали клятву в благонадежности**

II, 397-398

Свидетель мне — сам Сущий прежде всех времен,
О Авзонарх, Сам Тот, создатель времени,
Чей трон великий окружают ангелы,
Кто небо распростер над головой моей,
5 Кто землю утвердил, что под стопой моей,
Кто ветер и огонь отвесил поровну,
Кто смог собрать, стянуть природу водную,
Единственный, кто звездам в небе знает счет,
Кто зелень трав растит, лелеет лилии,
10 Кто сотворил одушевленных множество,
Кто создал и людского прародителя,
И разумом, и словом одарил его,
Тот Самый, Кто Эдемский насадил мне сад,
Кто дал познать величье силы почести,
15 Кто запретил от древа мне вкушение,
Кто снял с нас грех ошибшейся праматери
Своим неизреченным милосердием,
Когда послал к нам Сына — искупителя,
Ведь Дух Святой от крови чистой девушки,
20 Не знавшей мужа, дал Ему рождение
Во истинной плоти, плоти причастия,
И с чистотою первого рождения.
Свидетель Он — не смел тебя злословить я!
Бессмертья светом в этом я клянусь тебе!
25 И преданно любовь мою горячую,
Как безупречный раб, я приношу тебе,
И мой язык, и все мои писания,
Чтоб силу дать тебе на крыльях слов моих
Всю землю облететь, все времена пройти,
30 И весь наш род людской пусть знает в будущем,
Какого Авзонарха солнце видело!

4. Автократору

II, 198

Фил твой, когда молчит, и когда пишет — твой,
Твой он, когда скорбит, и твой он в радости.
О солнце! Разве есть такое облако,
Что медлит раствориться от лучей твоих?

5. На Авраама, угощающего Святую Троицу²⁹

II, 399

«Ты в жертву, Авраам, быка закласть решил?»
 «О нет, готовлю я для пира кушанье».
 «А кто же гость, кого обедом потчуеть?»
 «Сама Святая Троица». — «Бог ест быков?»
 5 «Не мне вникать в слова неизреченные».
 О, сколь благословен за веру, старец, ты,
 За жизнь благословен гостеприимную!
 И будет вам обоим плод от чресл твоих!

6. На икону Пресвятой Богородицы

II, 279

Есть у меня твое изображение,
 О Дева, Ты, неизречимо родшая —
 Есть Ты — моя надежда на спасение,
 И больше не страшусь несчастий в жизни я —
 5 Ведь Ты — мое лекарство от страдания.

7. На источник от руки святого Николая

II, 278

И даже кость нагая от руки твоей
 Богатством одаряет чудодейственным —
 В ней благодать живет, и густо капает
 Источник мира, Мир блюститель праведный!

8. Святому Духу

II, 400

О, дух живой, о ток росы божественной!
 О, утешитель, радость обновления,
 Животворящий Свет, Дыханье ангелов,
 5 Податель нескупой благого, доброго,
 Творец всего, что зрению является,
 Творец всего для взоров недоступного,
 О Новый дар, о сила всемудрейшая,
 О мощь любой науки и умения,
 В тебе дышу, живу, пою и радуюсь,
 10 Пишу — со мною будь во время всякое!

²⁹ Ср. Быт. 18, 7-8.

9. Эпитафия деспоту господину Мануилу³⁰ от имени его матери

I, 226

Святая дева, свят твой плод Божественный!
А я — земная мать чада смертного.
О, поделись своей святою силою!
Сын умер мой — даруй ему бессмертие!

10. Эпитафия Иоанну Факрасу³¹

I, 376–377

Не может быть! Факрас — причина треносов!
Факрас! Какой удар судьбы разительный!
Что в наше время может быть ужаснее?
Природы чудо — вещь, души лишенная!
5 Всех дел творец — в могиле прах безжизненный,
Краса — в земле, достоинство — в ничтожестве,
И слава — дым, и речь ушла в безмолвие.
Богатства не нужны — жизнь обесценилась,
Отец счастливый — брошен. Вот конец тому,
10 Кто жизни вечной был достоин заживо,
Ведь был он — луг цветущий благу всякому,
Харитам — терем, Музам — обиталище,
Пристанище всем Божьим наставлениям,
Что с детства жизнь его блюли блистательно
15 В борьбе со злом, идущим от материи.
Кто эту скорбь о чуде может выплакать!
О солнце, о земля, о люди смертные,
Сливай хоть все моря — и то нехватит слез!
Сам Василеве, заметив, сколь разумен он
20 Не по летам, сколь дивен красноречием,
И дел бразды правления вручил ему,
И неуспынным стражем стал он доблестно,
И, мудрый кормчий, вел корабль общественный
На пользу всем народам столько времени,
25 Средь логофетов лучший, к процветанию.
Когда ж дохнул злотворный ветер зависти
И чуть не сбил с прямого курса плаванья,
Сын-Василевс его себе в наследство взял
И над своим поставил достоинием.
30 Здесь цвел он сверх природы человеческой

³⁰ Мануил Палеолог, сын Михаила Палеолога.

³¹ Иоанн Факрас — великий логофет при Михаиле Палеологе.

И выносил судьбы удары с твердостью,
 Ведь корень прочный был его — жена его,
 Помощница во всем, а нравом — горлица,
 Как будто от рожденья с ним срослась она!
 35 Хоть жизнь теснила их — но не могла смутить,
 Все видели, что наиболее благороднейше
 Он натиск жизни выносил, с достоинством
 Свой вел корабль и добрый дал пример
 И в том, что тварным — все бывает к лучшему,
 40 Когда кончину встретил он счастливую.
 Достиг он всем желанной, тихой гавани,
 Спустил и парус плаванья последнего,
 И все богатство жизни тут, не мешкая,
 Вернул Тому, Кто нам его на время дал.
 45 Но как же бедняки по нем кручинятся —
 Ведь он кормильцем был их прирожденнейшим!
 Скорбит и тонкой речи слово вякое,
 Такого потерявши сочинителя.
 Скорбит супруга, хоть о ней пекутся все,
 50 И чад, что видом — копии родителя,
 Заботы окружают неустанные,
 От дома царской крови исходящие —
 Жена не хочет жить, и свет не в радость ей,
 Но погибает, всякий раз кончается,
 55 Лишь память о потере всколыхнется в ней.
 А ты, о зритель, помни — повстречается
 Тебе скорбящий кто — скажи тогда ему:
 Сидерийот Факрас уже в могилу лег,
 А ты свое при сем готов оплакивать?!
 60 Оставь! Твое — второе после этого!

11. Эпитафия Георгию Пахимеру³²

П, 400–405

Могу живописать я по желанию —
 И верное создать изображение,
 Чтоб зритель мог увидеть как воочию
 Любого, кто сокрыт уже могилою —
 5 Мне сделать то поможет красноречие,

³² Георгий Пахимер (1242–1310), знаменитый историк, государственный и церковный деятель, педагог, ученый эрудит, автор трудов по математике, астрономии, риторике, философии, музыке; поэт и мемуарист. См. *Вибиков М.В.* Указ. соч. С. 126–128; *Krumbacher K.* Op. cit. S. 288–291; *Hunger H.* Die hochschsprachliche... Bd. 1–2, passim, и *Коробейников Д.А.* Из ΣΥΓΓΡΑΦΙΚΩΝ ΙΣΤΟΡΙΩΝ Георгия Пахимера // Византийский временник. 1999. Т. 59. С. 288–292.

В портрет вдохнет и силу, и дыхание, —
В портрет любого, но, увы — не твой портрет!
Учитель мой, ты умер, о учитель мой,
И все Хариты речи тоже умерли!
10 И я боюсь, что к человеку мудрому
И от страстей и горестей свободному,
Не речь я обращу, а лишь невнятицу.
Но ты при жизни — и не раз бывало так —
Хвалил по доброте и неученые
15 Писанья, чтобы поддержать способного.
Так неужель в могиле обитаючи,
Покрытый камнем, в глубях обретаяся,
Где вовсе нету книг, ужели речь мою
Сочтешь ты ни за что, при том, что цель ее —
20 Воздать тебе хоть малость благодарности!
Горюйте, города, законы — траур вам!
Не разожжет уже огня риторики
Пред вами Демосфен благочестивый ваш,
Не взяткам ли — терновник, больно жалящий, —
25 Скамья судьбы, коль видят — не пуста она?
А ты, Гомер, в такой-то час безмолвствуешь?
Вторую «Илиаду» должен ты писать
И плакать, что страдает твоя первая!
Ведь тот, кто ныне смолк и смертным сном обьят,
30 Не он ли был среди тех мужей наставников,
Кто выпростал из тучи всяких вымыслов
Поэмы блеск твоей во всем сиянии!
Теперь, старик Платон, ты умер заново, —
Не душ переселенье и не сам Сократ, —
35 Уменье, как твое, такой, как твой, язык
Дыханьем чистым полнили умершего.
Ты, Аристотель, чем теперь гордишься ты?
Тебе теперь молчать пристало, спрятавшись,
Когда твои увечат сочинения.
40 Ведь ныне твой исследователь опытный,
Достигнув цели лучшей и отраднейшей,
Сам издан праотцам, как «Аналитики»!
О Новый Рим, стеной, сплетая треносы —
Земля сокрыла лучший цвет словесности!
45 Но если вновь слова ты можешь чувствовать,
Приди, о Пахимер, и победы всех тех,
Кто пишет о науках математики,
Им преподай свои находки новые.
Да что там — кратко я скажу: поистине
50 Со мною бьется в горе мудрых сонмище!

Ты был, как ларь, всех наших книг вместилищем,
А ныне стал ларем, где прах и тление.
О справедливости хранитель, коль в тебе
Жива забота о законах, о суде,
55 Вещай, внушай решенья, распри прочь гони
И суд верши по нелицеприятности,
Ведь к правде страсть твоя не умерла с тобой,
Не ты ль при жизни видел и конец пути,
И все же воспевал ее возвышенно?
60 О белый лебедь! Вот, за все труды твои,
Увы — конец — могила трехлоктевая!
Где твой язык могучий, где уста твои,
Божественным писанием дышавшие,
И ясный ум — скажи, куда все скрылося?
65 И он в ответ: «Я понял, что у смертных жизнь —
Ничто — лишь тени тень, иль отражение
В Эврипа водах, призрачное, зыбкое.
Она — пузырь, и пепел, дым клубящийся,
Четверка-астрагал — забава отроков,
70 Шестерка-кубик — кость непостоянная.
Но я пришел сюда, и вот в могиле я,
Где жду трубы последней призывания,
Услышу — встану, Слову кинусь в сретенье,
Идущему судить всех тварей праведно.
75 Ты обо мне пиши без восхваления,
Молчаньем обходи забавы важные
Таких, как я, людей — ведь пыль взметенная
Порою прямо к небу подымается,
Но все равно осядет, раз уж пыль она,
80 Как нашей жизни нитка обрывается.
Все наши речи, книги, рассуждения,
Все силлогизмы, прѳтасисы, стасисы —
Всё гибнет, всё — в ничто, всё только сон один,
Ведь смерть кладет предел существованию
85 Со скоростью, уму непостижимую.
Дела мои не стоят восхищения,
Хвали лишь кротость, бедность добровольную,
Хвали всей жизни стройность музыкальную,
И звук моей души хвали особенный,
90 С ним я сумел владеть страстями дерзкими,
Перебирая их, как струны лирные».
О, будь блажен, и шлѳм благословение
За речь и наставленья мистагогу мы.
Ты не молчишь, напротив, с силой большею
95 Показываешь сущность добродетели,

100 Как будто жив, как будто сочиняешь ты,
О Мудрый, дом найдя в последнем портике,
Теперь твоя отчизна — край премудрости,
Что выше и Афинской Академии,
И лишь сейчас, сейчас я понял явственно,
Что праведник, достигнув часа смертного,
Как говорит Писанье, обретет покой,
Жизнь чистую и чуждую страдания,
И к свету перейдет из мрака сумерек.

12. Переложение известной басни

I, 213-214

5 Однажды некий муж с большой котомкою —
А был он вор — забрался к огороднику
И принялся за жатву тут бесшумную,
Весь срезал урожай и уложил в мешок.
И вдруг — сам огородник появляется.
«Ты что же это у меня тут делаешь,
Ты, вор», — кричит, — «негодник, огород сгубил,
Плоды присвоил ночью всех трудов моих!»
10 А вор ему в ответ: «Да нет, совсем не я!
Я сам не знаю, как и очутился тут.
Со мной случилось страшно необычное —
Тифон меня схватил и поволок меня,
И кувыркал, гоня своим дыханием,
И, как пернатый, я летел по пустошам,
15 И вдруг остановился в огороде я
Средь овощей, где ты и лицезришь меня.
А урожай твой, видно, тот же смерч сгубил,
Что и меня валял, где ему вздумалось».
— «А твой мешок, вот этот, говорит о чем?
20 Что, разве кто другой, сюда забравшийся,
Набил его плодами огородными?»
Тут вор молчит и только тихо пятится.
Но, погодя, от страха чуть опомнился
И говорит: «Ну, кто тут скажет что-нибудь!»
25 Так, оплошав, ни с чем он удаляется,
Мешок оставил, душу, правда, выиграл.
Вот так вранье и не проходит явное,
Когда его несут, коль деться некуда.

МАНУИЛ ФИЛ

СТИХИ НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

Мы назвали нашу небольшую публикацию русских переводов из византийского поэта Мануила Фила словами из заголовка Эскуриальской рукописи¹, которую обнаружил Э. Миллер² в 1843 г.: ΣΤΙΧΟΙ ΔΙΑΦΟΡΟΙ ΤΟΥ ΣΟΦΩΤΑΤΟΥ ΚΑΙ ΛΟΓΙΩΤΑΤΟΥ ΦΙΛΗ ΕΠΙ ΔΙΑΦΟΡΟΙΣ ΤΠΟΘΕΣΕΣΙ.

---

¹ Корпус сочинений Мануила Фила насчитывает более 30 000 стихов. Наиболее крупные собрания — эскуриальское, флорентинское, парижское, туринское, ватиканское, московское, оxfordское (Бодлеянское) и монашеское.

² Первое издание Фила — поэма «О свойствах животных», посвященная Михаилу IX, сыну и соправителю Андроника II — вышло в 1530 г. в Венеции. Издал ее Арсений, архиепископ Монеувасийский (Аристобул Апостолес, 1468–1535). Все последующие издания поэта перечислены и подробно рассмотрены в работе Гюнтера Штиклера, посвященной метафразам псалмов (*Stickler G. Manuel Philes und seine Psalmenmetaphrase. Wien: VWGÖ, 1992*); в последние годы Штиклер совместно с Hans Veit Beyer готовит критическое издание полного корпуса сочинений Мануила Фила. Там же дается полный список рукописей (стр. 209–242) и приведена наиболее полная библиография.

В настоящее время в научном обиходе находится репринтное (1967 г.) издание двухтомного собрания, выпущенного Эммануилом Миллером в 1855–57 гг. (*Miller E. Manuelis Philae carmina ex codicibus Escorialensibus, Florentinis, Parisinis et Vaticanis nunc primum edidit E. Miller. Vol. 1–2. P., 1855–1857. Репринт Amsterdam 1967*). Туда входят флорентинский, парижский, ватиканский и эскуриальский кодексы, а в приложении опубликован московский синодальный кодекс, который Э. Миллер привез из своей дипломатической поездки на коронацию Александра II, во время которой он успел поработать в библиотеках Москвы и Петербурга.

Четверть века спустя медиевист из Константинополя Мануил Гедеон (1851–1943) обнаружил рукопись Фила, задорого купил ее для князя Александра Маврокордато и опубликовал (*Γεδεών Μ.Ι. Μανουήλ τοῦ Θιλή ἱστορικὰ ποιήματα // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια 1882–1883. Π (3). Σ. 215–220, 244–280, 652–659*). В 1900 г. Эмидио Мартини выпустил *Inedita* на основе туринского кодекса (*Martini Ae. Manuelis Philae carmina inedita ex Cod. C VII 7 Bibliothecae Nationalis Taurinensis et Cod. 260 Bibliothecae Publicae Cremonensis edidit Ae. Martini. Atti della Reale Accademia di Archeologia, Lettere e Belle Arti 20, supplemento. Neapel, 1900*). Многие тексты Фила еще не опубликованы. При цитировании принято указывать стихотворения по изданию Миллера буквой М, римским номером тома, арабским номером страницы и/или римским номером стихотворения по изданию, а по изданию Мартини — буквами Ма и арабским порядковым номером стихотворения (например, Ма 2 — второе стихотворение в сборнике).

Гендиастическое соединение превосходных степеней многозначных и важнейших для оценки владения искусством слова понятий встречается в леммах неоднократно, и повторяемость придает этому сочетанию формульный характер, — оно звучит как почетный титул³, даже когда употребляется только один эпитет из двух. Однозначный перевод каждого из этих слов недостаточен («красноречивейший» и «ученейший» — это и есть *λογιώτατος*). На латыни это звучит определеннее. «*Sapientissimi et eruditissimi domini Manuelis Philae...*» — начало заглавия перевода поэмы «О свойствах животных»⁴. Здесь выделяется именно ученость, осведомленность, умение логично расположить материал, научная подготовка автора дидактической поэмы. Таким образом, становятся понятными категории, в которых присваивается наивысшая оценка творческим возможностям автора, которого в другое время попросту назвали бы *poeta doctus*.

С другой стороны, становится также понятным уровень подготовки и особенности художественного вкуса читателей, способных находить интерес и удовольствие, пищу для своего ума и отраду для своего сердца в таких сложных и рафинированных сочинениях. Для восприятия такой словесности было необходимо получить долгое воспитание в мощной риторической традиции на искусственном и очень сложном литературном языке, которым требовалось овладеть активно⁵. Обширное поле необходимых знаний составляли канонические тексты, богатейшая христианская словесность, классическая литература, которая уже не воспринималась негативно — как языческая, а составляла национальное богатство в период подъема национального эллинского самосознания, и собственно византийская литература, ставшая к тому времени также своего рода классикой (Писида, Песелл, Продром, Манассия, Филипп Монотроп⁶ и др.). Необходимы были и познания в философии,

³ Заглавия рукописей часто содержат подобные оценки: «Мудрейшего и ученейшего Рагендита Кир Иосифа краткое слово о себе самом», «Мудрейшего господина Продрома сходы о мыши», «Красноречивейшего хартофилака господина Николая Иреника тетрастихи...», «Премудрого Манассии...»,

⁴ Издание этой поэмы первый издатель Фила, Арсений Монемвасийский (см. примеч. 1), посвятил императору Карлу V. Это сочинение, вместе с поэмами «О растениях» и «Краткое описание слона», было позднее опубликовано в издании Ф. Лерса и Фр. Дюбнера: *Manuelis Philae versus iambici de proprietate animalium collatis codicibus emendarunt et Latinae verterunt F.S. Lehrs et Fr. Dübner // Poetae Vucolici et Didactici*. P., 1848.

⁵ Существовала даже специальная дисциплина, схедеография, оптимизирующая этот процесс. Огромным авторитетом пользовался, например, Мануил Мосхопуд, знаменитый филолог, автор, в частности, руководства по схедеографии.

⁶ Сочинение Филиппа Монотропа «Диоптра», оказавшее глубочайшее влияние

математике, астрономии, музыке и естествознании. Заметим, что со времен Иоанна Дамаскина «наука просто инкорпорировалась в состав богословия»⁷. Об основном сочинении Иоанна Дамаскина мы читаем: «„Точное изъяснение православной веры“ несколько неожиданно включает такие, например, главы: „О свете, огне и светилах — солнце, луне и звездах“, „О воздухе и ветрах“, „О водах“, „О способности воображения“, „О способности памяти“. И космология, и философская антропология не просто используются на потребу теологии, как это происходило, например, в „Шестодневе“ Василия Великого, но безоговорочно включаются в состав корпуса теологических сведений»⁸. Духовным устремлениям той поры было свойственно, наряду с подъемом рационалистической мысли, усиление уточненных мистических интересов.

Таким образом, феномен ученой поэзии, хорошо известный в истории мировой литературы, предстает в литературе палеологовского возрождения в особой исторической модификации. Специфические условия, вызвавшие духовный подъем, взлет образованности и небывалую интенсификацию интеллектуальной активности, многосторонне изучены, и исследования эти продолжаются. В работах И.П. Медведева, И.И. Шевченко и других авторов выявлены основные особенности и тенденции несколько парадоксального явления, в котором «одним из самых поразительных феноменов эпохи было глубокое несоответствие материального потенциала страны духовному»⁹. Впрочем, как заметил И.И. Шевченко, «в начале четырнадцатого столетия византийское общество было способно поддерживать блестящую элиту, несмотря на стеснительные обстоятельства, — свидетельство возрождения при Андронике II»¹⁰. Не имея возможности должным образом остановиться на вопросах социальной и культурной политики этого периода, мы отсылаем читателя к основополагающим руководствам¹¹.

не только на современников и соплеменников, но и на славянскую литературу, издано теперь для русского читателя благодаря усилиям Гелиана Михайловича Прохорова («Диоптра» Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного Средневековья. М., 2008. 733 с.).

⁷ *Аверинцев С.С.* Философия VIII–XII вв. // Культура Византии. Т. 2. М., 1989. С. 41.

⁸ *Аверинцев С.С.* Указ. соч.

⁹ *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976. С. 12.

¹⁰ *Ševčenko I.* Society and Intellectual Life in the Fourteenth Century // Actes du XIVe Congrès International des Etudes Byzantines. Bucarest, 1971. P. 69–92.

¹¹ История Византии / Отв. ред. С.Д. Сказкин. Т. 1–3. М., 1967; Культура Византии. Т. 1–3. М., 1989; *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997; *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996; *Бибиков М.В.* Византийская историческая проза. М., 1996; *Гас-*

Специальные работы по Манулу Филу немногочисленны. Мы уже указали на чрезвычайно ценную диссертацию венского исследователя Г. Штиклера. Работа Пападояннакиса¹² посвящена исследованию эпитафий, их внутренней и внешней формы и их метрики. Вводная глава обобщает все известные данные об имени и жизненном пути поэта. Библиография охватывает широчайший круг источников, относящихся к тематике.

Более ста лет сохраняет свою актуальность исследование известного русского византиниста Хрисанфа Мефодиевича Лопарева «Византийский поэт Мануил Фил. К истории Болгарии в XIII, XIV вв.» (СПб., 1891). В нем содержится очерк творчества поэта и подробно исследуются стихотворения М, II, 59–65 и М, II, 240–255, сообщающие важные историко-географические сведения. Традиционно считается, что Мануил Фил жил с 1275 по 1345 гг., но Х.М. Лопарев убедительно аргументировал некоторое расширение этих рамок: так, было установлено, что в 1293 г. поэт уже выполнял функции посланника, и Х.М. Лопарев весьма справедливо усомнился, что правительство поручило бы эту миссию восемнадцатилетнему юноше; с другой стороны, лемма к стихотворению М, II, 58 указывает на обращение к Кантакузину как к василевсу, тогда как он, как известно, вступил на престол в 1347 г. На этом основании Х.М. Лопарев допускает, что поэт родился около 1270 и умер около 1350 г., и время его жизни, тем самым, пришлось на правление Михаила Палеолога, обоих Андроников и Кантакузина.

Штиклер соглашается с предложенной Лопаревым датой рождения поэта, но дату его смерти считает недостаточно определенной. В собственной работе Штиклер приводит все данные о личности и жизненном пути Фила, которые сообщают старинные исследователи¹³, и сведения, которые сам Штиклер извлекает из сочинений Фила, однако выводы, которые делает исследователь, отличаются от выводов его предшественников отсутствием категоричности. Из его анализа возникает образ человека благородного происхождения, но далеко не представителя высшего нобилитета. Знаменитых носителей фамилии Филов Штиклер считает скорее однофамильцами, чем родственниками поэта. Он ставит под сомнение и официальное ученичество поэта у Пахимера, полагая, что об-

---

паров М.Л. Избранные труды. Т. I. О поэтах. М., 1997; *Медведев И.П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997; История всемирной литературы. Т. 3. М., 1987.; *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). 2 Aufl. München, 1897; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1–2. München, 1978.

¹² *Papadogiannakis N.* Studien zu den Epitaphien des Manuel Philes. Heraklion, 1984.

¹³ *Manuelis Philae carmina graeca / Cura G. Wernsdorfii.* Lipsiae, 1768.

ращение «учитель» выражает не профессиональные отношения, но высочайший пиетет. Что Штиклер считает несомненным, так это мощный талант поэта, чьи стихи образовали удивительный оком единственного свидетельства о пестрой, противоречивой, полной горя, но и великих уметвенных радостей жизни своего поколения, зеркало, в котором отразилась — сразу во всем неразличимом многообразии и трепете жизненного движения и в стольких лицах — навсегда ушедшая действительность. Штиклер сетует, что, хотя ученые и часто привлекают в своих аргументациях свидетельства Фила, — очень надежные, — но совершенно не понимают, что имеют дело не с источником информации, а с великим поэтом.

Из текстов Фила и лемм к ним становится вероятным, что родился он в Эфесе, трагически потерял родителей, поселился в Константинополе, женился и остался вдовцом с двумя детьми. Не осталось письменных свидетельств о его государственной службе, но из его стихов явствует, что он выполнял дипломатические поручения. Так, в 1293 г. он сопровождал в Золотую Орду побочную дочь Андроника II для вступления ее в брак с ханом Золотой Орды Токтаем (М, II, 7). По поручению императора он совершал поездки к арабам, индийцам, туркам (Фил именует их персами) и «тавроскифам»¹⁴. Он обнаруживает знакомство с некоторыми реалиями русского быта. В частности, о теплой шубе, которая ему нужна для защиты от холодов, Фил говорит, что ее «сшил из обработанных кусков густой шкуры какой-то рос, обретя ее у пастухов, разводящих собак» (М, II, 4). Говоря о протостраторе Михаиле Тарханите Главе, которому посвящена историческая поэма, проанализированная Х.М. Лопаревым, Фил показывает знакомство с русским языком (М, II, 107): «Кто, о военачальник, дал тебе имя Главы? Ведь в переводе это означает „голова“» (а Миллер добавляет: «*lingua russica*»).

В стихотворении «О посольстве к кельтам», под которыми подразумевались грузины, Фил рассказывает, как он сам принимал участие в этом посольстве (М, II, 59–65).

Несомненный познавательный интерес представляет стихотворение, условно называемое «Табель о рангах» (М, II, 407–413), где Фил проявляет себя знатоком генеалогии членов императорского дома, сообщая, по словам Х.М. Лопарева, многое, «чего нельзя найти в таких трудах, как „Византийские фамилии“ Дю Канжа и „Христианский Восток“ Ле Кёна».

¹⁴ *Лев Диакон*. История. М., 1988. Книга IV, 6: «...отправил его к тавроскифам, которых в просторечии обычно называют росами»; см. также примеч. 24 на с. 182 того же издания: «Лев Диакон первым использовал данное этническое наименование применительно к русским».

Познавательный материал естественнонаучного характера, содержащийся в стихах Фила, также чрезвычайно богат и принимает разные жанровые формы. Мы уже упоминали дидактическую поэму «О свойствах животных» (см. примеч. 3), очень популярный своего рода «физиолог» (2015 стихов и 103 эпизода). Миллер опубликовал пять стихотворений, явно составляющих цикл: «К небу» (М, II, XXXII), «К солнцу» (М, II, XXXIII), «К луне» (М, II, XXXIV), «К земле» (М, II, XXXV) и «К морю» (М, II, XXXVI). Их леммы по-гречески звучат, как обращения к языческим богам — Урану, Гелиосу, Селене, Гее и Талассу, что вызывает ассоциацию с гимнической традицией. Эрудированный читатель неизбежно вспоминает гимны Орфея и Прокла, и стихи эти воспринимаются в контексте именно этого литературного прецедента. Традиционная композиция гимна — призывание, восхваление, просьба к божеству. В каждом из этих стихотворений Фила призывание присутствует, но ни разу не употребляется данное в лемме именование. Так, солнце ни разу не названо ни солнцем, ни Солнцем (Гелиосом). Обращение осуществляется с помощью перифрастических замен, очень изящных и изобретательных, ни одно из которых не напоминает традиционные эпиклезы божеств. Неоднократные призывания в форме перифрастических выражений или эпитетов с развертыванием упоминаемого свойства в краткий эпизод имитирует повествовательно-хвалебную (вторую) часть гимна. Концовки — афористичные или неожиданно эффектные — в четырех гимнах из пяти (кроме гимна «К морю») никаких просьб не содержат. В последнем же гимне просьба есть. Ее вводит традиционное гимническое сказуемое «прошу», «молю», но адресовано оно ко всем стихиям сразу, к космосу. Поэт просит, чтобы космос «слушал его длинные песнопения» (употреблено слово *τραυφιδίας* явно в значении новогреческого *τραυφῆδι* для усиления трагического звучания).

Отметим, что похвальная часть, вторая часть гимна, представляет некоторые тонкие черты, совершенно новые по сравнению с традиционной гимнографией. Следующие друг за другом стихотворения образуют своеобразную цепь — последняя часть предыдущего стихотворения текстуально связана с первой частью следующего — и это единство выразительно скрепляет единственная просьба в конце стихотворения «К морю». Все части творения приведены к единству в конце цикла, оно названо «космосом», и свою финальную просьбу поэт обращает к космосу, рассматриваемому как единый мир, созданный Богом. Поэт просит мир «слушать его песнопения», тогда как до финала он называет свои слова *λόγος* и *λόγος*.

Итак, и поэт, и космос — в равной мере творения Бога; однако поэт — творец своих стихотворений, а космос — его аудитория, и слушатели его — силы Природы, так же, как слушателями Орфея были деревья и камни.

Аудиторией, адресатами и заказчиками стихов Мануила Фила были самые высокие лица государства — император, члены его семьи, высшие сановники и духовенство. Стихи были разного объема, разных жанровых форм¹⁵. Почти половину общего числа стихотворений составляют стихи малой формы, направленные на то или иное лицо, предмет, событие, что дает основание называть их в широком смысле эпиграммами. Распространенность эпиграмм, вкус к их сочинительству характеризует интеллектуальный уровень этого времени. Недаром тогда же составил свою редакцию антологии Кефалы знаменитый Максим Плануд¹⁶, знакомец и корреспондент¹⁷ Мануила Фила.

Большую группу составляют эпиграммы, которые современный греческий исследователь А. Коминис называет *ἱερά*¹⁸. Это в основном небольшие стихотворения, воспевающие Спасителя (их 54), Богородицу (их тоже 54), Иоанна Крестителя (15) и других святых, пророков, апостолов, храмы, иконы, праздники и священные тексты от лица автора или заказчиков. Эти эпиграммы привлекали внимание многих исследователей с давних пор¹⁹, и в настоящее время их изучение является одним из актуальных научных направлений византиноведения²⁰.

Особую группу составляют стихи, связанные с Андроником II. Непосредственно адресованы ему около 50 стихотворений, но во многих стихах славословие императора включено в ткань повествования как вступление, как эпилог, а порой и в том и в другом случае (например, в «Описании слона» и в «Розе», поэме «О растениях»).

Исключительный интерес представляет группа стихотворений, отражающая эпизод опалы поэта, его тюремного заключения (М, II, 399), условия освобождения (клятва, М, II, 397–398) и, наконец, успешную попытку достичь реабилитации и вернуть благоволение

¹⁵ *Смьлка О.В.* Византийский поэт Мануил Фил // Труды кафедры древних языков. Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 15 Серия: Instrumenta studiorum / Под ред. И.С. Чичурова. СПб., 2000.

¹⁶ *Гаспаров М.Л.* Указ. соч. С. 298, 291–342 и *Krumbacher K.* Op. cit. P. 727.

¹⁷ *Treu M.* Maximī Monachi Planudis epistolae. Breslau, 1890. S. 254.

¹⁸ Κομίνης Α.Δ. Το βυζαντινὸν ἱερὸν ἐπιγράμμα καὶ οἱ ἐπιγράμματοιοί. Ἀθήνα, 1966.

¹⁹ *Шевченко И.И.* У истоков русского византиноведения: переводы стихотворений М. Фила (XIV в.) Евфимием Чудовским // Славяноведение. 1995. 5. С. 3–23.

²⁰ *Talbot A.-M.* Epigrams of Manuel Philes on the Theotokos tes Peges and Its Art // DOP. 1994. 48. P. 135–165.

императора (Ма, 2). Это последнее стихотворение начинается с обращения к некоему другу с предложением послушать стихи (употреблен глагол *μάθηθε*, — собственно, «узнай» и даже «выучи»), которые написаны «Писиде в подражание»²¹ и которые уже имели успех, будучи посвящены императору, перед кем ничто — всякая сила (войско) слов. Далее, без пауз, следуют подряд — с очень небольшими, но важными вариациями — обсужденные нами выше пять «гимнов», вызывающих ассоциации с волшебной силой слова Орфея. Так, в конце эпизода Талассы, поэт обращается тоже к космосу. Он просит его собраться из разрозненных частей воедино и стать ему послом, ходатаем за поэта перед императором:

Стань мне послом — ведь я злосчастно вытолкнут
Прочь из дворца, где столько видел счастья.

Поэт просит подействовать на владыку «словами несказанными», *ἀρρήτους λόγους*, потому что обычные речи для владыки — ничто, может быть, имеется в виду, что после клятвы он был освобожден из тюрьмы, но во дворец не допущен. Магическое призывание космоса придает словам поэта волшебную орфическую силу. Он начинает прозревать незримое ему доселе сверхъестественное средоточие высших сил в особе императора, пространно эксплицирует идентификацию императора с четырьмя стихиями, воспетыми в его «гимнах» (а луну-Селену отождествляет с императрицей в обращении к ней стихотворении). Заканчивает это гимнопение и другое обращение к космосу:

О, слушай песнопенья мои длинные,
Коль хочешь стать послом мне сострадательным!

К теме своего освобождения Фил обращается еще раз в следующем своеобразном цикле.

М, I, 283–284. Благодарение императору, спасшему оклеветанного поэта, превознесение его суда выше соломонова. Финальные строки:

30 Умолкни, Соломон, здесь василевс — судья!
Решай же, Судия мой справедливейший!
Умолкни, Соломон, ты умер заново –
Бог создал человека, что мудрей тебя!

²¹ Декларируемое Филом «подражание Писиде» текстовым анализом этого стихотворения и произведений Писиды не подтверждается, но создает иллюзорный фон, на котором Фил, возможно, рассчитывает быть воспринятым императором Андроником так же, как император Ираклий воспринимал Писиду, который был приближенным и доверенным лицом императора и занимал высокий церковный пост.

За этим следует стихотворение, обращенное к императрице (М, I, 284). Начало:

1 Владычица моя, прости мне, дерзкому...

Далее, в М, I, 285–287, снова славословие кротости императора и, наконец, благодарение Богоматери, М, I, 287–288 и М, I, 288–289. Впрочем, в М, I, 268 читаем («автократору»):

Писал я, не писал — уж ты прости меня,
На все грехи и заблужденья подданных
Лишь доброта — ответ природы царственной...

Свою благодарность императору поэт пронес через всю жизнь. В 1328 г. Андроник II был отстранен от власти, насильственно пострижен и находился под домашним арестом, ослепший и хворый. В 1332 г. он умер, и на его смерть поэт откликнулся замечательным циклом эпитафий. Три из них написаны политическим стихом (из 77 принадлежащих перу Фила эпитафий остальные 74 написаны двенадцатисложником), а четвертая написана от лица, вероятно, дочери (Симониды). Высокая торжественность и страстность трех первых эпитафий создает впечатление грандиозных императорских похорон, в которых принимает участие три хора. Это — лучшие образцы официального траурного песнопения. Эпитафия от имени дочери — пронзительный образец траурной лирики. Заканчивается она просьбой о сострадании, обращенным к стихиям, которые поэт сделал родными ее отцу.

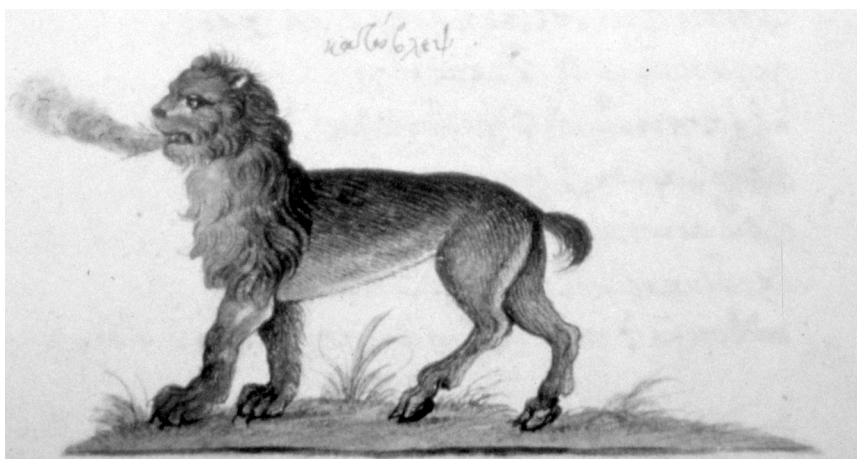
Обращенные к императору стихи требуют внимательного исследования, которое может дать важный материал для понимания концепции божественности императорской власти и сакральности его личности.

Далее мы помещаем переводы. Начнем с воспроизведения перевода С.С. Аверинцева в: Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969. С. 30–31 (первая публикация перевода Фила на русский язык).

Катоблеп

5 Как молвят, изо всех животных злейшее
Живет в земле Ливийской и имеет вид
Весьма похожий на быка свирепого.
Глядит оно, как будто разъяренный лев,
Из-под бровей густых и нависающих.
А глаз его по мере меньше бычьего,
Налит густою кровью и притом вовек
Не взглянет прямо, в землю потупляясь:
Отсюда и прозвание катоблепово.

Изображение катоблепа из MS. Auct. F. 4. 15 (fol. 31)

- 10 С макушки зверя волосы обильные
 Нисходят гребнем и на лоб спускаются,
 И с конской гривой сходствуют. Великий страх
 Тому, кто с этим дивом повстречается!
 Зверь кормится корнями ядовитыми,
 15 Которых больше ни одно животное
 В рот не возьмет, а коль возьмет — отравится.
 Избычившись и в землю взор уставивши,
 Он распускает гриву и вздымает шерсть,
 Как будто вепрь, свирепо ощетинившись.
 20 И если рот его приоткрывается,
 Из недр гортани мерзостный исходит дух,
 Отравного зловония исполненный.
 Тот, на кого повеет дуновением,
 Лишится языка незамедлительно
 И навзничь в корчах яростных повергнется.

Для сравнения приводим наш перевод отрывка из «Шестоднева» Писиды.

- 960 Откуда катоблеп, что жар, живущий в нем,
 Струей из носа испускает пламенной,
 Но направляет вниз к земле поток огня,
 И, как стрелок, далеко мечет пламя он,
 Похожее на Этны извержение,
 Что в клубах дыма испускает молнии?
 965 Но если зверь не наклонял бы голову —
 Не направлял бы вниз огонь дыхания —
 То вся земля сокрылась бы под трупами.

Далее — отрывок из Элиана, «О природе животных», XXVI, V: Земля ливийская способна производить на свет множество самых разных зверей, породила она и так называемого катоблепа, который кажется похожим на быка, но вид у него совершенно утрашающий. Высоко поднятые густые брови, а под ними глаза крупнее бычьих, но поставлены близко и налиты кровью, и смотрит он не прямо, а косит вниз на землю, поэтому и называется он като-блеп (вниз смотрящий). Лошадиная грива, начиная расти на макушке, спускается со лба, закрывая всю морду, и делает его еще более страшным. Его пищу составляют корни, смертельно ядовитые, и когда он, злобно сбычившись, страшно напрягается и поднимает гриву, она встает у него дыбом, и открываются обрамляющие пасть губы, и он исторгает из гортани, со страшной силой, струю дыхания, пронзительно зловонную и ядовитую, и весь воздух вокруг его головы становится ядовитым, и кто из зверей приближается к нему, вдохнув это, тотчас бывает поражаем, теряет голос и валится наземь в смертельных судорогах. Катоблеп понимает свою силу, но и другие звери ее знают, так что бегут от него со всех ног куда подальше.

О лебеде

Свой смертный час встречает лебедь песнею
И умирает в стройных благозвучиях —
Ведь смерть ему надежней жизни кажется.
Напрягшись, оперенье поднимает он,
5 Подобно струнам, правильно натянутым,
И плектром вмиг ему зефир становится,
А шея, барбитон, природой созданный,
Выводит небывалую мелодию —
Панегирист, уход свой прославляющий,
10 И, как вакхант, ликующий в предчувствии,
Он с жадностью к кончине устремляется.
Ты, смертный душелюб, — взгляни на лебеда —
Не дрогнешь пред кончиной, если в разуме.

О дельфине

Морской дельфин, завидя корабельщиков,
Несется к ним и дружелюбно фыркает.
Он то плывет вдоль борта, то вперед пойдет,
И предвещает ветер, нужный плаванию,
5 И волн движенье, ходу неопасное,
И чудно их прыжками волны пенятся.
Все время он находится в движении,
Но отдыха природа все же требует —
Тогда он из пучины появляется

10 И, лежа на поверхности, качается.
А если сверху тяжкий вал обрушится
Своим громадным весом — он скрывается,
Едва ли не на дно нырнув глубокое —
И снова на поверхность устремляется.

15 Когда стареет лев, он обезьяну съест
(Он лучше, чем Гален, природой лечится).
Дельфин же от болезней избавляется,
Когда наестся рыбой «обезьяною».

20 А самка у дельфина, продолжая род,
Как правило, рождает двух детенышей —
И сколь ее прекрасно чадолюбие!
Она ни перед чем не остановится,
Когда ее детеныши в опасности.

25 Коль ей угрозы нет — но только детищу —
Она к малютке мчится, смело гибнет с ним,
Когда рыбак сразит, метнув орудие,
Иль в сети заберет, в силки какие-то,
Подплыв к нему поближе на суденышке.

30 А кормит самка молоком детенышей,
Сосцы дает, как добрая кормилица,
Дельфин же взрослый, если в сеть попался он,
Сперва спокойно доле покоряется
И поедает рыбу, что вокруг него,

35 А как поймет, что тащат его к берегу —
Усиьем мощным сеть порвет — и был таков!
Снабжен он от природы словно флейтою,
И лучше всех зверей на свете прыгает,
Сжимает он пути для входа воздуха
Согнувшись, словно лук, стрельцом натянутый,

40 Пускается в прыжок стрелой пронзительной,
Через любое судно перепрыгнет он!
Еще он от природы любит музыку
И может слушать лиру зачарованно —
Но грохота и стука он пугается.

45 Обычно так они семейством плавают —
В середине — молодняк, с ним рядом — матери,
Вокруг же них плывут самцы фалангою,
Их стражи, их защитники могучие.

Краткое описание слона

Великий Автократор, лев среди подданных,
Горяч, непобедим, твой рык всем слышится,
Рука крепка, и ты не знаешь усталости
В походе и за зверем, и за мыслями,

5 И, сколь суров, столь счастлив в детях царственных.
 Природный дар твой — справедливо властвовать,
 От молодых ногтей — хоть и сейчас ты свеж —
 Его явил ты всем разумно мыслящим.
 А я, как пес, служу тебе — и вот, сейчас,
 10 Гоняясь с лаем, я загнал тебе, как в сеть,
 В ловушку слов слона — прими подарок мой!
 Его добыл я в тайных дебрях знания.
 Да будет тебе в радость зверь диковинный,
 Ты без труда им в мыслях позабавишься.
 15 А я хочу быть песом — любя хозяина,
 Пес рад и малым крохам со стола его.
 Смотри: вот слон, четвероногий зверь, стоит,
 Большой, могучий, страшный, цвета темного...

Роза

266 О Василевс! Ты — луг всех Божьих милостей!
 Прими же розу, вянуть неспособную, —
 Сад слов взрастил ее и посвятил тебе.
 Ее росой кропила благозвучною
 Заря, сладчайший час для сочинителя.

Фил — Автократору, когда по наветам из-за «Хронографии» от него потребовали клятву в благонадежности (М, II, 397–398)

(см. с. 209 настоящего издания)

К Небу (М, XXXII)

Текучий круг! Ты кажешься незыблемым,
 Между частями света приколоченный,
 Покуда глаз хватает, простираешься.
 О Диск, собою землю всю объемлющий,
 5 Тебя Создатель так привел в движение,
 Что ты в биеньи пульса не сжимаешься,
 Держа свой центр, и ось блюдешь вращения,
 И свой хранишь объем без расширения —
 Творенье и Творец тобой очерчены.
 10 О Космос, Лад порядка благоносного,
 Цилиндр свой под землю обращаешь ты,
 А сам для нас подобен сводам портика!
 О мать, утроба, всем твореньям общая,

15 В чьих легких родах жизнь дарует Сеятель!
О тело, все из бестелесных органов!
Как Сам Творец всего на свете сущего,
О многоцветной кровли роспись дивная,
Что Сам Столист-Хозяин пишет наново[,]
[Макая кисть в четыре краски времени!]

К Солнцу (М, XXXIII)

О ясный круг всевидящего светоча!
Коль речь о небе — надо о тебе сказать.
Вращением своим его обходишь ты,
Явившись в вышине, ты в глубях прячешься,
5 Дня белого кормилец и родной отец,
Создатель и распорядитель вечера,
Огонь, зажженный согреть творение,
Способный выжать влагу из огромных туч
И мир предохранить от возгорания.
10 О свет из негасимого светильника!
О пламя, над землею незажженное!
О зоркий глаз, из высей устремляемый, —
Тебе все зримо в зеркале творения!
Когда лучи, как волоски, таинственно
15 Твое прикроют око, как ресницами,
То это укрепляет в людях зрение,
А если прямо кто на Свет уставится —
Глаза его болезнь покроет пятнами.

К Луне (М, XXXIV)

О темный свет противу света днёвного!
О росный огонь с огнем в сравненьи солнечным!
Теперь свой курс меняем осмотрительно,
К Луне-Селене речь свою погоним мы.
5 О колесница, солнечной неспешнее,
И, круговым движеньем истончаема,
Последний свой пробег летишь, крылатая.
Ты, жаждущая губка, пьешь поток лучей,
Когда весов клонится чаша к светочу,
10 Ты, от него опять напившись допьяна,
Сияешь в небе снова ночью темною.
Прекрасная супруга Солнца ясного,
Ты от него родишь потомство дивное,
И к мужу ты жену влечешь таинственно,
15 Творишь детей из пламенного семени,
Ты, ясная Лампада, мраку чуждая,

Для путников, идущих поздним вечером,
 И для купцов, плывущих ночью темною,
 Ты — тело в вечно новых очертаниях.
 20 Лучей пресветлый Рисовальщик тщательный
 На ось глядит и всякий раз по-новому
 Рисует очерк лика предрассветного.

К Земле (М, XXXV)

О куб Земли, незыблемо поставленный!
 Теперь отпустим вожжи слова нашего —
 Пускай бежит к Земле оно от полюса!
 О, радуйся, оплот и основание
 5 Для жизни всего рода человеческого,
 Ты перед троном семигранным стелешься
 Ступенькою надежной Трона Божьего,
 Вместителище порядка многоплодного,
 На водах неомоченно повисшее,
 10 Ты долго пребываешь в неподвижности,
 Но вдруг, по мановению единому
 Ты вздрогнешь, разорвешься, восколеблешь все,
 Раздастся грохот грозный, устрашающий,
 А после все к покою возвращается!
 15 Не одобряю я пустых географов,
 Когда они подозревают, будто бы
 Крушит подземный ветер твою незыблемость —
 И от толчков дают дороги трещины.
 О рослые деревья, зелень пышная,
 20 О птицы, о ползучих бессловесный род!

К Морю (М, XXXVI)

Широкая пучина, диво влажное,
 Рассказ мой, словно конь на состязании,
 С дорожек беговых пути духовного
 Кидается к тебе омыться влагою.
 5 Ты плещешься, о чудо всеумудрейшее,
 Блудешь умело волны быстротечные,
 Чтоб сушу не накрыл поток нахлынувший.
 О вечные уста! Во славу Божию
 Немолчен ваш поток и плеск рокочущий,
 10 То лепет звонок ваш, то ропот яростен,
 Когда при ветра жутких завываниях
 Стеной встают валы — куда хватает глаз.
 Какой же это страх для корабельщиков!
 Ты вертишь их суда водоворотами,

- 15 Но вдруг внезапно всё вокруг меняется —
И ты уже спасаешь тварь дрожащую —
Волнение улеглось, смерчи растаяли,
По прихоти твоей всё яено сделалось.
О племя рыб, дыханьем наделенное!
- 20 Моими вас речами уловляю я
Не с тем, чтоб съесть — сие не пропитание,
Но лишь для единенья твари всяческой.
О Космос-Мир, молю — ведь ты же слушатель,
И сам богатый сказами бесчисленными, —
- 25 О, слушай часто песни мои длинные!

Ма 2.

- Послушай, друг, стихи — рукоплескали им!
Писал я их Писиде в подражание
И посвятил владыке всемогущему,
Комнину Андронику Дуке Ангелу
- 5 Палеологу — светочу Авзонскому,
Пред кем ничто — речей любое воинство.

Далее следуют пять предыдущих стихотворений (без трех последних строк).

- О Космос! Я ведь часто говорю с тобой —
Явись, собравшись из частей разрозненных,
Стань мне послом — ведь я злосчастно вытолкнул
Прочь из дворца, где столько видел счастья.
- 110 Разжалоби словами несказанными
Владыку моего — ведь сам смущаюсь я.
Тебе ведь радость Светлого Писания
Дает и силу скрытую над чувствами.
Я думаю, — он чтит и уважает власть,
- 115 И если сам он принимает почести, —
Не станет презирать к нему собравшихся,
И смелости благой придаст молениям.
Ведь сам он — небо, сам — земля, он сам — поток,
И всё, что только в жизни есть прекрасного.
- 120 Вкруг сердца его — сфера от рождения,
А сердце — в самом центре его разума,
Устремлено к прекрасных дел свершениям,
В душе, как центр, надежно помещенное.
Его блестяще красит, сильным делаая,
- 125 Даров Творца седмица высочайшая.
Естественно — ведь небо тоже держится
Седмицей поясов, его объемлющих, —

Ведь так ему надежней, безопаснее
Бежать в круговращении стремительном.
130 Но выше есть еще круг добродетелей —
Он сам, Авзонодержец наш блистательный, —
Неся в душе страх Божий всеобъемлющий,
Что первое из качеств превосходнейших, —
Крепит и возвышает власть он царскую,
135 Но держит в рамках круга своих подданных.
Есть шесть кругов внутри него — и вот они:
Острейший ум и человеколюбие,
Спокойный нрав, речей и мыслей вольный ток,
Сочувствие, огонь забот рачительный —
140 Его питает он углем мистическим.
Но — по порядку: надо об огне сказать,
Ведь первенствует он в четверке правящей,
Его зажечь способен только жар души,
Коль Тот, Кто управляет всем, возжег его.
145 Давид в псалме поет о том, что ангелы —
Божественного пламени дыхание,
И тем владыку возвышает более —
Ведь чистота души его утонченность
Всецело устремляет только к Господу,
150 И дух его творит, и искру Божию,
Испепеляя всё себе противное
Клеймом палящим мыслей своих действенных.
К тому же он — земля — скажу мистически,
В веках в себя столь многое впитавшая,
155 Любое благо взять в себя готовая,
Что из порядка стройных мыслей выросло, —
Таков и он, таков наш общий сеятель —
Что дал потомство наше Авзонийское,
Лелея и питая, как родитель — чад,
160 Он хочет быть отцом нам и хозяином,
Храня от всяких треволнений жизненных,
Неся любую тяжесть неподъемную, —
И в сем подобен он земной поверхности.
Хозяин на четыре части делит всё —
165 Четверка — вот число для благотворчества,
Ведь есть четыре силы в мироздании,
И мир мы делим на четыре стороны.
Но можем и как море мы понять его —
Лишь возражая, что оно — соленое,
170 Ведь реки силой Божьего течения
Несутся полноводно, разливаются
От золотых дождей, излитых благами.

И сам он, как по морю своих милостей,
Ведет ума олькаду прямо к гавани,
175 На пользу миру благом изобилуя.
Порой он хвалит многих говорящих рыб,
Но тем, кто часто складной речью хвалится,
Уста он заградил потоком дел своих.
И мне, конечно, страшно, всё мне кажется,
180 Как будто я бездонное течение
Пытаюсь мерить черепками мелкими.
Ошибки общей всё же не избегнуть мне!
Ведь, побеждаем царскими деяньями,
Хочу, рукоплеща, всегда писать о них,
185 И пусть меня несут потоки мирные,
И зависть не встает на них запрудою.
О Космос — я ведь часто говорю с тобой,
И ты внимаешь не без благосклонности —
О, слушай песнопенья мои длинные,
190 Коль хочешь стать послом мне сострадательным!

**Псалом 3. Псалом Давида,
когда бежал он от лица Авессалома, сына своего**

О Всевадыка! Как сей рой мучителей слетелся?
На Твоего молителя столь многие восстали!
И говорят душе моей — я часто слышу это —
«Теперь уж незачем ему от Бога ждать спасенья!»
5 Но Ты — заступник мой и страж — и Ты из вышней выси
Излил на голову мою могущество и славу —
Я глас мой тайно возношу — и Ты внимаешь в высях,
Ты поднимаешь ото сна раба, что поживает,
И Ты один хранишь меня, воспрявшего мгновенно,
10 О Человеколюбец! Мне и варвары не страшны,
Что, с многочисленной ордой напавши, окружают, —
Восстань теперь, спаси меня, спасенного Тобой,
Ведь ненавидящих меня Ты встарь разил десницей,
И мощно зубы сокрушал, что скалились с угрозой.
15 Благословенна власть Твоя, дарующая благо!

**На чудо, сотворенное Богоматерью,
когда капля от лампы образовала на ткани
Ее божественный образ (Ма 21)**

Что это? Как, каким уменьем сделалось,
Что получился образ зыбкий, сумрачный
На ткани грубой и простой оставшийся?

5 Как это воск, лучиною расплавленный,
 Ту ткань, что так легко воспламеняется,
 Не сжег, но образ дивный написал на ней?
 Мария! Ты вещей меняешь сущности!
 Огонь чудесный, странный написал Тебя,
 Огонь, что жег терновник негоряемый.
 10 Здесь сам Христос с небес на огонь лампы сей
 Таинственную влагу посылает вниз,
 И верующий, созерцая образ Твой,
 Не опален выходит из огня страстей.

На икону великого Хрисостома (М I, 33 LXIX)

Ты умер — но живешь, уже в бесплотности.
 Написан ты — и ожил! Вот искусства дар!
 Не дышишь — но ведь это от постов твоих,
 Ведь чудо, что при жизни ты дышал еще.

Ему же (М I, 33 LXX)

Раз ангелов рисуют матерьяльными —
 Что странного, что во плоти написан ты —
 Хоть за твоей спиною крыльев нет — но ты
 Сильнее этих воплощенных ангелов.

Ему же (М I, 33 LXXI)

Ты тени тень дала, рука Зографова,
 Ведь тело Хрисостома тенью сделалось,
 В постах оно, бесплотное, растаяло —
 И чудо написал художник — тени тень.

На покров святого Николая (М I, 37 LXXIV)

На лик твой взор поднять мешает трепет мне —
 Ведь столь он чтим, сколь Моисеев издревле.
 Прими же сей покров, и дай узнать тебя
 По чудесам твоим, Отец божественный!

**Мудрейшего Фила стихи монодические к
 прославленному среди царей благочестивейшему и
 христоробивому самодержцу и царю нашему
 Андронику Палеологу, принявшему имя Антония. I.**

Что за волнение кругом, что за смятенья буря,
 Что люди в грудь так бьют себя? Что скорбный плач подъемлют?

Великий царь пал за смертью — о горе всей вселенной!
Твердыни башня рухнула — о горе всем нам, горе!
5 Скорбите, люди добрые, о лучшем в человеках,
О счастье нашем всяческом. Теперь нам только слезы!
Покинул человечество, кто ужас был неверным,
Река под землю скрылася, сокровище зарылось,
Краса земли, родник живой! О, как снести страданье —
10 Ведь солнце закатилось, и мрак разлился страшный!
Сам корень власти всяческой подрубен был внезапно!
Родитель василевсов, он, сам василевс, — в могиле!
Сверхчеловек природою, как человек, — исчез он.
Как может горе выразить трагическое слово!
15 О время — несравнимого явив, теперь ты скрыло!
О, все цари по всей земле, вздымайте вопли плача —
Из вас сильнейший, лучший царь поработен природой!
Уста замолкли дивные риторика природной,
Философ прирожденнейший из жизни удалился.
20 Рыдайте, море и земля, оплакивайте горе —
Вас так украсил василевс победами своими!
О, дивный василевс, пред кем вся тварь благоговела,
Ум величайший, ты, всего и вождь и устроитель, —
Какая страшная беда! Теперь нам только слезы!
25 О ты, великий наш перун! О гром, гремящий мощно!
Светильник церкви, верный страж ее святых законов!
Ты прекратил брожения вокруг отцов ученья,
Великий поборол раскол, связав все воедино,
Ты жезл свой наземь уронил, ты отошел от трона,
30 Оставил радость красоты и муз, тебе родимых.
О, неприступный для врагов, о лев, чей рык ужасен,
Ты мертвым лег, и Смерть тебя, охотница, схватила.
Орел великий наш, с небес под землю ты сокрылся.
Державы нашей свет и блеск — увы — навек похищен.
35 Что за волнение кругом, что за смятенья буря!

Его же. II.

Песнь скорби, как пророк, пришла и горе возвестила,
И всю Ромейскую страну объяли, захватили
Всебезутешная печаль, страдание, смятенье,
Безумный мрак и ветер злой, и ураган на море,
5 И буря в час, как в темноте вся жизнь остановилась, —
По всей Ромейской шли земле, и чувства всех объяли
И потрясение, и боль, и страшный гул несчастья.
Закрыли тучи небеса, объятые печалью,
И отражают плача звук, до неба доходящий,
10 И посылают слезы вниз, в рыданиях раскатов,
А реки, заводи, ключи, и море, и озера

- Впивая, словно на пиру, такого горя влагу,
 Несут ее в себе везде в потоке состраданья —
 И все уже орошено вселенским этим горем.
 15   Ведь факел, миру несший свет, покинул мир наш тварный.
       Ах, закатился светоч наш! О горе, о страданье!
       Пошла молва по всем царям, поднявшись над землею,
       Погас светильник, что всему сиял, — и всё померкло.
 20   Великий, дивный наш оплот, Ромеев всех опора,
       Покинул нас, от нас ушел, ряды расстроил наши.
       О благочестия оплот, о догматов хранитель,
       Светильник церкви, бастион и крепость царской власти,
       Порядка страж, спаситель наш, защитник всех Ромеев,
       О человечества краса и слава скиптродержцев,
 25   О мудрость царственной руки и опыт полководства,
       О сила красноречия, о слов цветник безбрежный,
       Познаний глубь бездонная, безмерная, закрылась
       И тяжкий камень водружен над сим природы дивом.
       Ты — море милосердия, сочувствия источник,
 30   Великое прибежище страдальцам и скорбящим,
       Ромеям — крепость дивная, а супостатам — ужас.
       Всегда без сна, без усталости для нашего спасенья,
       Повсюду восхваляемы твои и нрав, и разум,
       Твое к народу рвение, благодеянья людям —
 35   Давайте же воздвигнем плач о нашем властелине,
       Оплачем безутешное и горькое сиротство!
       Лишились василевса мы, что добрым был и кротким,
       Приветливым и ласковым, и всех харит питомцем,
       Дарящим в изобилии плоды благодеяний,
 40   Все ныне — сон, все только тень, все только прах, не боле,
       Все наше счастье смертное — восплачем же от горя!
       Ведь нет и прежде не было беды, что горше этой,
       Его величье вечное в рыдании надгробном,
       Из сердца истекающим потоком слез и горя,
 45   Распространим, дотянемся до края ойкумены!

Его же. III.

- Кто одолжит мне слезы, стон и траурные песни?
 Кто боль почувствует, как я, заплачет с той же скорбью?
 Заголосит Ромея вся, ведь отнят злою долей
 Властитель Божьей милостью, и ласковый, и кроткий,
 5   Податель блага всякого, вместилище надежды,
       Хранилище прекрасного, рой милостей и граций,
       Во всяком благоденствии оплот Ромеев мощный,
       Храбрец, себя прославивший в победах и трофеях,
       В спасительных решениях молниеносно яркий,

- 10 Стена несокрушимая в военачальстве мудром
И в промыслах тактических о разных видах блага,
Кто улей государственный довел до совершенства,
Как пчелы копят в ульях мед, копил благоразумье.
Ты — смесь всех добродетелей и калокагатии,
- 15 Умелый кормчий корабля своей державы мощной,
Возничий мудрый, ясный свет порядка в государстве.
Пусть, кто скорбит со мной, придет, со мною вместе плачет,
Восплачем все, как должно то, по нашему владыке,
Ведь отошел уж он от нас, на тропы стал Аида,
- 20 Полеж, навек сомкнул уста, замолк Авзонов светоч,
И туча мрачная легла, накрыла всю Ромею,
Лишь столб железный сверху встал, — сокрыв всё под собою.
Но мы — давайте мы молить, пусть жизнь его продлится,
Пусть наш преславный василевс, Авзонии хранитель,
- 25 Кто изнемог в своих трудах для нашего спасенья,
Кто был ужасен для врагов, что против нас ярились,
А к нам, подвластным, кроток был, и весел, и приветлив,
Пусть он, кто так любил людей, жалел их, сострадая,
Пусть будет Богом он храним на счастье всем нам, смертным!

IV = 2, 379

- Кто, глядя на меня сейчас, подумал бы,
Что выкована я страданий молотом
И вся полна слезами — не ошибся бы!
Нет больше ни огня, ни света ясного
- 5 Без василевса — для меня погасло все.
Лишь пожирает кости пламя темное.
Когда сиял ты, светоносец сладостный,
То власть твоя творила небо ясное,
Ушел ты — мрак несчастий опустил на нас,
- 10 И вот, теперь тебе лампадку вешаю.
О, стать бы мне частицей урны траурной
Иль вовсе превратиться в камень плачущий,
А я еще живу с душой разрубленной,
Еще дышу, хоть глыбою придавлена.
- 15 Земля и небо, море — сострадайте мне!
Кого меня несчастнее вы знаете?

ВИЗАНТИЙСКИЙ ПОЭТ МАНУИЛ ФИЛ И ЕГО СЛАВОСЛОВИЕ ИМПЕРАТОРУ

И сегодня на стене церкви св. Марии Паммакаристос в Константинополе можно прочесть стихи, написанные там в самом начале XIV в.¹ Их автор — византийский поэт Мануил Фил. Стихи его ещё в XIX в. переписывали от руки, а в Афинах в музее Бенаки есть вышивка того же времени, создателя которой вдохновила поэма Фила о животных².

Рукописи Мануила Фила, содержащие 30000 стихов, хранятся в библиотеках многих городов³. Наиболее крупные собрания — эскуриальское, флорентийское, парижское, туринское, ватиканское, московское⁴, оксфордское и мюнхенское.

Первое издание Фила — поэма «О свойствах животных»⁵, посвящённая Михаилу IX, сыну и соправителю Андроника II — вышло в 1530 г. в Венеции. Издал её Арсений, архиепископ Монеувасийский (Аристокл Апостолес, 1468–1535). Все последующие издания поэта перечислены и подробно рассмотрены в работе Гюнтера Штиклера⁶, который в соавторстве⁷ готовит критическое издание полного корпуса сочинений Мануила Фила.

В настоящее время в научном обиходе находится репринтное издание 1967 г. двухтомного собрания, которое выпустил

¹ *Talbot A.-M.* Epigrams in Context: Metrical Inscriptions on Art and Architecture of the Palaiologan Era // *DOP*. 1999. 53. P. 75–90; *Belting H., Mango C., Mouriki D.* The Mosaics and Frescoes of St. Mary Pammakaristos (Fethiye Camii) at Istanbul. Washington (D. C.), 1978. P. 3–22.

² *Stickler G.* Manuel Philes und seine Psalmenmetaphrase. Wien: VWGÖ, 1992.

³ *Stickler G.* *Op. cit.* Число рукописей в местах хранения: Афины 13, Афон 19, Берлин 3, Болонья 2, Бремен 1, Бухарест 1, Варшава 1, Ватикан 18, Вена 8, Венеция 4, Гамбург 1, Гарвардский университет 1, Иерусалим 1, Копенгаген 1, Кремона 1, Лейден 3, Лондон 4, Мадрид 3, Милан 5, Москва 5, Мюнхен 5, Оксфорд 5, Париж 13, Патмос 1, Рим 5, Санкт-Петербург 2, Синай 1, Стамбул 1, Турин 1, Упсала 1, Флоренция 8, Эрланген 1, Эскориал 8.

⁴ *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. М.: Индрик, 2003.

⁵ Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969. С. 331–332 (перевод С.С. Аверинцева).

⁶ *Stickler G.* *Op. cit.*

⁷ Совместно с Гансом-Фейтом Бейером (Beyer).

Эммануил Миллер в 1855–1857 гг.⁸, а также издание Эмилио Мартини⁹.

Основные сведения о Мануиле Филе и библиография приведены в работах К. Крумбахаера¹⁰, Г. Хунгера¹¹, Г. Штиклера¹² и Н. Пападояннакиса¹³.

Более 100 лет сохраняет своё значение исследование известного русского византиниста Х.М. Лопарева «Византийский поэт Мануил Фил. К истории Болгарии в XIII, XIV вв.» (СПб., 1891)¹⁴. В нём содержится очерк творчества поэта и подробно исследуются стихотворения II 59–65 и II 240–255, сообщающие важные историко-географические сведения.

Время жизни Мануила Фила (1275–1345) пришлось на царствование Михаила VIII, обоих Андроников и Кантакузина. Известно, что фамилия Филос занимала видное положение и состояла в родстве с высшей знатью. Например, Алексей Фил, великий domestik, был женат на дочери сестры императора Михаила, Евлогии; после смерти Алексея его вдова стала женой царя Болгарии Константина. Из леммы к стихотворению II 267 мы узнаем и о тесном родстве со старинной родовитой фамилией Мелиссенос.

⟨...⟩

Всё, что мы знаем о Филе, мы знаем либо от него самого, либо из лемм к его стихотворениям. Мы знаем, таким образом, что он рано утратил родителей и остался вдовцом с малолетними детьми. Судя по лемме к стихотворению II 397–398, поэт извёдал и тюремное заключение за свое сочинение «Хронография» (по понятным причинам до нас не дошедшее). Вероятно, в тюрьме он написал стихотворения II 399 «На крест нательный» и II 199 «К святому Николаю»

⁸ Manuelis Philae carmina ex codicibus Excurialensibus, Florentinis, Parisinis et Vaticanis nunc primum edidit E. Miller. Vol. 1–2. Parisii, 1855–1857 (= ed. anastatica Amsterdam, 1967).

⁹ Manuelis Philae carmina inedita ex Cod. C VII7 Bibliothecae Nationalis Taurinensis et Cod. 260 Bibliothecae Publicae Cremonensis edidit Ae. Martini // Atti della Reale Academia di Archeologia, Lettere e Belle Arti 20, supplemento. Napoli, 1900.

¹⁰ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des Ostromischen Reiches (527–1453). 2. Aufl. München, 1897.

¹¹ *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1–2.

¹² *Stickler G.* Op. cit.

¹³ *Papadogiannakis N.* Studien zu den Epitaphien des Manuel Philes. Heraklion, 1984.

¹⁴ На эту работу Х.М. Лопарева ссылается и современный историк И. Нуждин (*Нуждин И.* Византийско-сербский мирный договор 1298/1299 г.: причины, условия, последствия // Византийский временник. 1997. 57 (82). С. 96–109), и филолог Н. Кочев (*Кочев Н.* Античната литературна традиция и византийските автори. София, 1982).

и так называемую «Клятву», высоко оцениваемую комментаторами нашего времени¹⁵. Император Андроник II, любитель литературы и покровитель наук и искусств¹⁶, освободил поэта — поступок, достойный истинного восхищения, особенно в сравнении с ответом императора Мануила Комнина на тюремную «поэму-прошение» Михаила Глики, «в которой автор хочет предстать перед государем во всем блеске своих творческих и интеллектуальных способностей»¹⁷. Тогда император распорядился немедленно ослепить поэта, сохранив ему, правда, жизнь.

Адресатами, заказчиками и аудиторией стихов Мануила Фила были самые высокие лица государства — император, члены его семьи, высшие сановники и духовенство. Стихи были разного объёма, разных жанровых форм¹⁸. Почти половину общего числа стихотворений составляют стихи малой формы, направленные на то или иное лицо, предмет, событие, «написаны на», что даёт основание называть их в широком смысле эпиграммами. Распространённость эпиграммы, вкус к их сочинительству характеризует интеллектуальный уровень этого времени. Недаром тогда же составил свою редакцию антологии Кефалы знаменитый Максим Плануд¹⁹, знакомец и корреспондент²⁰ Мануила Фила.

Большую группу составляют эпиграммы, которые современный греческий исследователь А. Коминис называет *ἱερά*²¹. Это в основном небольшие стихотворения, прославляющие Спасителя (их 54), Богородицу (их тоже 54), Иоанна Крестителя (15), и других святых, пророков, апостолов, храмы, иконы, праздники и священные тексты от лица автора или заказчиков. Эти эпиграммы привлекали внимание многих исследователей с давних пор²², и в настоящее время их изучение является одним из актуальных научных направлений византиноведения²³.

¹⁵ Лопарев Х.М. Указ. соч. С. 3.

¹⁶ История Византии. Т. 3. С. 86; *Hunger H.* Zur Humanität Kaisers Andronikos II // *Зборник Радова Византолошког института.* 1963. 8/1. S. 149–152.

¹⁷ Чичуров И.С. Литература XI–XII вв. // *Культура Византии.* Т. 2. С. 198.

¹⁸ *Смыка О.В.* Мануил Фил (1270–1345). Стихи на разные темы // *Труды кафедры древних языков.* Вып. II. Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2009 (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 44; Сер. III. *Instrumenta studiorum:* 18). С. 242–263.

¹⁹ *Гаспаров М.Л.* Указ. соч. С. 298, 291–342; *Krumbacher K.* Op. cit. S. 727.

²⁰ *Treu M.* Maximī Monachi Planudis epistolae. Breslau, 1890. P. 254.

²¹ *Κομίνης Α.Δ.* Τὸ βυζαντινὸν ἱερόν ἐλίργια καὶ οἱ ἐλίργιατολογοί. Αθήνα, 1966.

²² *Шевченко И.И.* У истоков русского византиноведения: переводы стихотворений М. Фила (XIV в.) Евфимием Чудовским. *Славяноведение.* 5. 1995. С. 3–23.

²³ *Talbot A.-M.* Epigrams of Manuel Philes on the Theotokos tes Peges and Its Art // *DOP.* 1994. 48. P. 135–165.

Особую группу произведений Фила составляют стихи, связанные с императором Андроником II. Непосредственно адресованы ему около 50 стихотворений, но во многих стихах славословие императора включено в ткань повествования как вступление, как эпиграф, а порой и в том, и в другом случае (например, в «Описании слона» и в «Розе», поэме «О растениях»). Здесь мы помещаем перевод одного из самых известных славословий императору.

К Автократору Василевсу (II 393–397)

Ты несравним, о Василевс, и пусть умолкнут речи!
Нет равных в мудрости тебе — рукоплесканья, тише!
Ты свет, что первый свет возжег, души твоей горенье
Так сильно светит, что ещё нам света добавляет,
Как мошкара, как комары, как стаи тли летучей,
В мощнейший дел твоих поток всецело погружаясь,
Как населяющие глубь дипсады-водолубы.
Ах, где мне взять напор и ритм, и метр, и слов сцепленье,
Изящные параболы, и темп, и силу слова,
Где взять стремительность, порыв, и точность, и кипенье?
Ведь все трепещет пред тобой, ведь робко отступает
Сам красноречья океан перед твоим величьем,
Лишь возвращается назад прибой рукоплесканий.
Перед величием твоим моё искусство никнет,
И лес похвал моих сожжён дотла твоим величьем,
Я замешательством объят, дрожу, как быть, не знаю —
Ну, кто способен сосчитать бесщётность звезд на небе,
Кто может волны перечесть, что катят друг за другом,
И кто исчислит всю листву, что с дерева слетает
Зимой, когда нагонит хлад темнеющие тучи!
Ведь ты — сам воплощённый свет, и радость, и улада,
Ум ясный, царственный, ты весь — и знание, и мудрость,
Ты — диво дивное из див, ты — чудо среди смертных,
Во всём ты превосходишь всех, во всём ты необычен,
Нечеловечески красив, твой ум — ума превыше!
Не превзойти твои дела. А как звучит твой голос!
Да если б ангел во плоти на землю к нам спустился
И стал бы видимым очам, доступным взорам смертных,
О Василевс — не превзошел бы он тебя в величье!
И кто представить захотел, каков Адам был первый —
Ещё не изгнанный, в раю — пусть на тебя посмотрит!
А коль кому-то и дано хвалой тебя прославить —
Такой найдётся лишь один, чей глас и ум всех выше.
Не твой ли властный скипетр нам прорезал море бедствий
И силы злой водоворот, чтобы во время бегства

Не потонул весь твой народ, но из пучины спасся?
Не ты ли изменить сумел вселенской Мерры воды,
Второй Израиль свой ведя и в холе выпасая?
Не ты ли осушил поток — племён вторженья диких?
Твой ум впитал его, как плащ — вот это было чудо!
О, Василеве, ну кто на мощь твою не подивится,
Не содрогнётся пред чредой деяний исполинских!
Бывает, многие цари лишь предками кичатся,
А ты прославил сам себя и доблестью, и блеском!
И слушать речи о тебе вовеки не наскучит.
О, ты, неизречимых дел река, нет, больше — море!
Ведь нет ума, чья острога хоть ремешок могла бы
Ослабить, коим крепишь ты подошвы своей власти!
Ты несравним, о Василеве! Прости мои мне речи!
Ты с корнем вырвал весь сорняк, враждебный государству,
Оставил добрые плоды благого самовластья,
И как сокровище свое, в амбар души припрятал,
А все бесплодное, сушняк, и все, что неприглядно,
Ты срезал — словно тем клинком, что на бедре ты носишь,
Как ты сумел, завоевав великие успехи,
Наполнить подданных своих и сытыми их сделать,
И горы ты своих врагов разрушил, сокрушивши,
А сколько пустошей, болот, заброшенных наделов,
Собрав, ты снова превратил в поля для земледельца!
О, сколь же ты, о Василеве, всех слов моих превыше!
Не блеск торжественных одежд твое правленье красит,
Не самоцветы, не войска, не деньги, не победы, —
Хоть им, конечно, нет числа — но счастье и удача!
Ведь на тебя кладут печать — и всем то видно сразу —
Твой ум, и совесть, и душа, что отличает мужа,
Надёжность, внутренний закон и ширь большого сердца.
Ты несравним, о Василеве, нет, не сдержу я речи!
Ты богатырь у нас один, один герой, мы видим,
Один гигант — врагам к тебе и подступать не стоит!
После того, кто дал тебе помазанье на царство,
Лишь ты являешь все дары, что род ваш отличают.
Ты несравним, о Василеве, и нет тебе пределов!
Пусть радость будет небесам, что ты...
Ликуют море и земля, что ты повелеваешь —
Великий светоч, первый свет возжег твое сиянье,
С небес на землю послан был...
И разогнав туман и мрак столпившихся несчастий,
Ты освещаешь всё кругом и щедро согреваешь,
И, словно светом облечён, а не одеждой дивной,
Ты украшаешь землю всю, всю...

Купель крещения ты несёшь и в дикие народы,
На суше, в море и в лесах...
И юг, и север, и восток, и край захода солнца —
Все шире простираешь ты владычества границы.
Близ трона множится твое потомство золотое,
От тех, кто ныне близ тебя, другие народятся,
От них — ещё, потом опять — и всё при том же троне,
И так пойдет из века в век, так будет бесконечно,
Ты будешь долго жить, сравним с Элиасом Тисбитом,
На колесницу с ним взойдёшь...
Ещё раз утвердив над всем Христову власть и силу.
Да будет так, Панбасилевс, так будет так вовеки!
И Одигитрия пусть в том поможет пресвятая —
Ведь сам Господь покорен ей и правит вместе с нею,
Господь наш, властный нам внушать и исполнять надежды, —
Ты несравним, о Василевс, и пусть умолкнут речи!

МАНУИЛ ФИЛ О РАСТЕНИЯХ. РОЗА

Посвящается Нине Брагинской

Мануил Фил — автор более 30 000 стихов в самых разных жанрах и формах, ученик Пахимера, корреспондент Максима Плануда, придворный поэт и дипломат, приближенный Андроника II, частного адресата его стихов. Поэма «О растениях» тоже посвящена Андронику II. Первые русские переводы Фила принадлежат Евфимию Чудовскому¹. Настоящий перевод выполнен по изданиям Вернсдорфа² и Лерса-Дюбнера³.

О Василеве! Ты — дуг всех Божьих милостей!
Прими же розу, вянуть неспособную —
Сад слов ее взрастил — и преподнес тебе,
Ее росой крошила предрассветную
270 Заря, сладчайший час для сочинителя.
Язычник-эллин, видя розу яркую —
Она была в цвету, в пору, как должно ей
И листья, и колючки густо выпустить —
275 Дивясь прекрасным краскам, басню выдумал,
Себе по вкусу — и сказал с нескромностью:
«Да, вот она, порфира Афродитина», —
Мол, в красный цвет густой цветок окрасился,
Когда богиня ногу свою нежную
280 Шипами роз (и поделом!) поранила,
И стал кровавый цвет предупреждением
Влюбленным — розы рвать поосторожнее.
То — эллин, а вот я, когда беру цветок
С куста, росой покрытого, колючего,
285 Дивлюсь с восторгом нашему Создателю —
Ведь Он к простым колючкам, больно жалящим,

¹ *Шевченко И.И.* У истоков русского византиноведения: переводы стихотворений М. Фила (XIV в.) Евфимием Чудовским // Славяноведение. 1995. 5. С. 3–23.

² *Manuelis Philae carmina graeca / Cura G. Wernsdorfii.* Lipsiae, 1768.

³ *Manuelis Philae versus iambici de proprietate animalium collatis codicibus emendarunt et Latinae verterunt F.S. Lehrs et Fr. Dübner // Poetae Bucolici et Didactici.* Paris, 1848.

Сумел привить порфиру благородную —
 Явив еще одну из бездны милостей —
 Дал обрести порфиру земледельцам он —
 Цветок ее хранит, как деву в тереме,
 290 А влажный пурпур в дом улитки прячется,
 И рыбы-псы, что пурпуром окрасились,
 Укажут, где на дне скопление раковин.
 Ткань лепестков, утком незримым соткана,
 Перед рассветом влагой насыщается,
 295 Но после, под лучами солнца жаркого
 И от дыханья ветров истончается,
 И года времена все продолжают ткать
 Сей неплос дивный красок несмываемых,
 Одной царице года подобающий.
 300 О Василевс! Ну чья рука умелая
 Всю эту красоту так дивно вывела!
 Кто в центре поместил цветочек маленький,
 Чья бледность еще гуще пурпур делает,
 Когда сверкнет с ним рядом что-то желтое!
 305 А кто в зеленый цвет камедь подмешивал,
 И листья будто дышат скрытым пламенем!
 А сколь прожилки листьев выразительны —
 Ведь краска в них то гуще, то прозрачнее —
 А запах — словно миро источается,
 310 Точь-в-точь, как ароматы аравийские!
 Кто скрыл в сих листьях пламя негасимое,
 Огонь прохладный, влажный из земли взрастил?
 Как может нежным быть прикосновение
 Цветка, что так весом в своем роскошестве?
 315 Хитоном прочным снабжено растение,
 И ткань его из крепких нитей соткана:
 Насилье непогоды переносит куст
 И дождь, и град, и ветер может выдержать,
 И под напором вихрей не ломается,
 320 Но гнется, направленья ветра слушаясь.
 Ни огненный рубин, ни уголь сверкающий,
 Ни скрытый свет, лихнитом источаемый,
 Не очаруют душу, как цветок его,
 И лишь воспримет розу свет очей моих —
 325 Она в душе за дело принимается,
 И пурпур жаркий в сердце моем тотчас же
 Рождает жар, что цвета с ней единого —
 И по сосудам, жилам, этот жар бежит
 И разливает радость несказанную.
 330 О красота! В цвету иль в увядании —

Ты вмиг с души сдуваешь все недужное!
О драгоценность дивная! Сойдя с земли,
Ты вновь из почвы славно поднимаешься,
Во всем блюдя закон Природы-матери.
335 О Василеве! Кормилец всей Авзонии!
О свойство розы — расцвётать и сохнуть вновь,
Как полевой цветок, как росы поутру,
Когда уходит влага их природная, —
Жить невозможно телу однодневному.
340 Лишь ты один, кто властен розу дивную,
Единственную, Богом орошенную,
Цветок, как ты, порфиноносный, царственный,
Явить средь луга твоего правления,
Блестящего на все века и в вечности.
345 Пребудь же для людей весною вечною,
Для бед и зол вовеки недоступною!

МАНУИЛ ФИЛ

ЧЕЛОВЕК, РАЗГОВАРИВАЮЩИЙ С ДУШОЙ

В двух предыдущих сборниках трудов нашей кафедры, впервые на русском языке, были опубликованы некоторые стихи византийского поэта Мануила Фила¹. Тридцатитысячестрочный корпус сочинений поэта включает стихи на разные темы, среди которых большое место занимают произведения траурного, эпитафического характера. Эпитафиям у Мануила Фила посвящена диссертация Николаоса Пападояннакиса², в которой проанализированы внутренняя и внешняя форма 77 эпитафий и монодий, их топика и метрика. Объем проанализированных произведений Фила колеблется: 26 эпитафий содержат от 2 до 10 строк, по 10 эпитафий содержат от 11 до 20 строк, от 21 до 30 строк и от 31 до 40 строк, три эпитафии содержат от 41 до 50 строк, две — от 51 до 60, четыре — от 61 до 70, две — от 81 до 90, пять от 91 до 100 и две содержат свыше 100 строк.

Двенадцатисложником написаны 74 эпитафии, пятнадцатисложником — три. Среди этих эпитафий есть предназначенные для произнесения и предназначенные для переноса на могильный камень³ или стену храма⁴.

---

¹ *Смыка О.В.* Византийский поэт Мануил Фил // Труды кафедры древних языков: Вып. I / Отв. ред. И.С. Чичуров. СПб., 2000. С. 241–255; *Смыка О.В.* Мануил Фил (1270–1345). Стихи на разные темы // Труды кафедры древних языков: Вып. II / Отв. ред. А.В. Подосинов. М., 2009. С. 242–263. Переводы были опубликованы также в изданиях «ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ. Вопросы классической филологии. Выпуск XV. Сборник в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. М., 2011 (*Смыка О.В.* Византийский поэт Мануил Фил и его славословие императору. С. 547–555) и «Orientalia et classica. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXXIII. Классика... и не только. Нине Владимировне Брагинской». М., 2011 (*Смыка О.В.* Мануил Фил (1270–1345). О растениях. Роза. С. 458–461).

² *Papadogiannakis N.* Studien zu den Epitaphien des Manuel Philes. Heraklion, 1984.

³ *Ξεγγρόπουλος Α.* Το κάλυμμα της σαρκοφάγου του Γεωργίου Καλανδρίτου // ΕΕΒΣ. 1935. 11. Ρ. 346–360.

⁴ *Papadogiannakis N.* Op. cit. S. 50–51; *Talbot A.-M.* Epigrams in Context: Metrical Inscriptions on Art and Architecture of the Palaiologan Era // DOP. 1999. 53. Ρ. 75–90; *Belting H., Mango C., and Mouriki D.* The Mosaics and Frescoes of St. Mary Pammakaristos (Fethiye Camii) at Istanbul. Washington, D.C., 1978. Ρ. 3–22.

Значительная часть эпитафий написана от лица заказчиков, но, в основном, поэт не скрывает авторства. Некоторые эпитафии составляют цикл, например, на смерть Андроника II Фил откликается четырьмя стихотворениями: «Мудрейшего Фила стихи монодические к прославленному среди царей благочестивейшему и христоробивому самодержцу и царю нашему Андронику Палеологу, принявшему имя Антония. I», «Его же. II», «Его же. III» и «IV = 2, 379»⁵.

С высоким риторическим мастерством и глубоким пафосом личного чувства написана эпитафия Пахимеру, учителю поэта, финал которой содержит проникнутое истинно религиозным чувством наставление в праведной жизни⁶.

В число рассмотренных Пападояннакисом не вошло произведение, написанное в диалогической форме, но, несомненно, относящееся к траурной поэзии. Крumbaхер⁷ определил жанр этого произведения как «nekrologisches Trostgedicht»⁸. Двести сорок пятнадцатисложников, по десять строчек в строфе, образуют алфавитный акростих⁹ под названием «Ἐνθρολος διαλεγόμενος μετὰ Ψυχῆς»¹⁰. Эта сложная метрическая форма восходит к библейской традиции. Ветхозаветный пророк Иеремия (VII — начало VI в. до н. э.) считается автором «Плача Иеремии», посвященного катастрофе Иерусалима и состоящего из пяти песней. Первая, вторая и четвертая песни состоят из 22 строф каждая, начальные буквы которых последовательно воспроизводят весь еврейский алфавит. Пятая песнь состоит из 22 строк, но алфавит не воспроизводит. Третья песнь содержит 66 строк в 22 строфах по алфавиту.

В третьей песни, среди безнадежной скорби пророка о Сионе, он обращается к душе и сердцу, и это вызывает тему памяти о милости Господней, упование на нее и увещание к Израилю обратиться к Богу. В четвертой песни снова речь идет о бедственном состоянии осажденного Сиона. В пятой — осознание греховности Израиля завершается молитвой о милости и помощи: «Обрати нас к Тебе, Господи, и мы обратимся; обнови дни наши, как древле. Неужели Ты совсем отверг нас, прогневался на нас безмерно?» (5.21–22).

⁵ См. *Смыка О.В.* Мануил Фил (1270–1345). Стихи. С. 261–263.

⁶ См. *Смыка О.В.* Византийский поэт Мануил. С. 250–253.

⁷ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453) (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft IX/1). München, 1897. S. 776.

⁸ Ibid. S. 776.

⁹ Ibid. S. 697.

¹⁰ Ibid. S. 776. *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. II. S. 147.

Таким образом, жанровая форма алфавитного акростиха, входящая к плачу Иеремии, оказывается применимой при художественном воплощении катастрофической ситуации (от общенациональной¹¹ до личной), в ситуации непоправимой гибели основ жизни, выражением чего может быть только плач. Поиск опоры — чтобы вынести невыносимое — приводит к тому, что единственно устойчивым элементом бытия, единственным еще сохраняющимся порядком, удерживающим гибнущего от полного уничтожения в хаосе несчастья, порождающего уныние — верный путь к страшному концу, — оказывается священный порядок букв, прочный и неизменный¹². И пока существует хоть один элемент порядка, возможно изменение к укреплению устойчивости и в остальном. Приблизительно к середине третьей песни «Плача Иеремии» происходит этот сдвиг к укреплению — человек, совсем было истребленный страданием, начинает снова ощущать присутствие в себе души, и теперь, кроме беды, у него есть его сердце и его душа. Человек вступает в разговор с ними. «Вот что я отвечаю сердцу моему и потому уповаю: по милости Господа мы не исчезли, ибо милосердие Его не истощилось. Оно обновляется каждое утро; велика верность Твоя! Господь часть моя, говорит душа моя, итак буду надеяться на Него. Благ Господь к надеющимся на Него, к душе, ищущей Его. Благо тому, кто терпеливо ожидает спасения от Господа» (3.21–26).

В поэме Мануила Фила «Человек, разговаривающий с Душой»¹³ показан переход человека, неспособного вынести неизбежное горе — утрату любимой жены, — от отчаяния к стабилизации (возможно, это — автобиографический эпизод). Сокрушена основа, утрачен лад и строй (ὀρθός) его жизни. В ситуации полной деструкции остается внешний рубеж формы — порядок букв, στοιχεῖα («основной элемент, основание, начало») — а стало быть, существует возможность восстановления разрушенных основных элементов, основ его существа. Для этого необходимо участие его Души, — очевидно, не ощущаемой им сквозь силу боли, и призывание Души к

¹¹ Форма алфавитного акростиха, соответствуя в «Плаче Иеремии» значительно-сти содержания, в этом смысле выражает его. В армянской литературе VII в. н. э. католикос Комитас в алфавитном акростихе «Души, посвятившие себя любви Христовой...» воспел первых христианских подвижниц, пожертвовавших собой во имя христианизации Армении, а поэт Давтак Кертог создал в той же форме «Плач на смерть великого князя Дживаншира», убитого в 670 г. (см. *Давтак Кертог*. Плач на смерть великого князя Дживаншира. Ереван, 1986. С. 145 и сл.).

¹² *Dornseiff F.* Das Alphabet in Mystik und Magie. Leipzig; Berlin, 1925.

¹³ Примеры обращения к своей душе, заимствованные из писания и литургических текстов, указывает Г.М. Прохоров в книге: «Диоптра» Филиппа Монтропа. М., 2008. См. также: *Ватюшков Ф.Д.* Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. М., 2012.

разговору в первой же строке (Ἄγε, Ψυχή μου ταλεινή, σχολάσωμεν καὶ γνῶμεν), представляющее собой деформированную цитату из первой строки известного алфавитного акростиха Симеона Метафраста¹⁴ (Ἀναλογίζου, ταλεινή Ψυχή μου, παναθλία) подчеркивает эту болезненную дистанцию между поэтом и его Душой, которую именно Душа во второй строфе с готовностью и поспешностью преодолевает («Согласна — я спешу к тебе и не хочу промедлить»).

Разговор между человеком и его Душой напоминает движение маятника, колеблющегося между отчаянным и всепоглощающим желанием человека чувствовать то, что испытывает его жена, и попытками Души повлиять на его разум, отказывающийся принимать ее доводы на веру. Человек требует вызывания его супруги из иного мира, тайны которого он пытается выпытать у Души. Страсть, с которой он добивается появления супруги, сопоставима с пафосом знаменитого стихотворения А.С. Пушкина «Заклинание». Душа тронута мучениями несчастного мужа и соглашается вызвать его жену. Явившаяся из иного мира жена весьма недовольна тем, что ее покой нарушен, но все-таки соглашается на просьбы Души поговорить с ней и заверяет, что смерть приносит только благо, которое живой человек не в состоянии оценить. Получив это наставление, которое он слышал сам, человек принимает жизнь, «как философ», оставляет пустые страсти, прекращает слезы и надеется, что по оставшемуся жизненному пути его будет вести, как педагог ведет дитя, память о его супруге, облекая его ум «ритмом» — ладом и строем.

Утонченная риторика действительно превращает лирический плач в уравновешенное и гармоничное утешение.

Человек, разговаривающий с Душой¹⁵

Человек

- А — Душа моя смиренная, давай с тобой посмотрим
 На жизнь, ее смятение, кипение событий,
 Круговращенье быстрое, воронки и стремнины —
 Так, словно с расстояния мы на картину смотрим.
- б Оставим глупую игру с мячом земных событий,
 С которым носимся порой, туда-сюда, как дети,
 Совсем не видя пред собой конца забавы этой.
 Ну, право, сколько можно так? Доколе заблуждаться?
 Да сгинут прочь, изыдут вон, погибнут безвозвратно
- 10 Все колдовские пугала и лживые личины!

¹⁴ Symeon Metaphrastes // Patrologia graeca / Ed. J.-P. Migne. T. 114, 133.

¹⁵ Перевод выполнен по изданию: Manuelis Philae carmina / Ed. È. Miller. P., 1855-1857. Vols. 1—2.

Душа

- В — Прекрасна тема, человек, для наших рассуждений!
Согласна — я спешу к тебе и не хочу промедлить,
Не то качнешься ты назад, опять во власть страданий,
И станут новые тебе еще страшнее прежних.
15 Но, впрочем, кормчего искать до бури было нужно,
И до болезни запастись лекарством остро-горьким,
И перед битвой укрепить себя стеной оружия.
Ну, а теперь — опасность есть, за беззаботность нашу,
Что мы, как те, что спят-храпят в глубоком ошьяненьи,
20 Найдем, что было выгодно, когда уже не нужно.

Человек

- Г — В жизнь, даже очень горькую, примешана и сладость —
Вор, обольститель пагубный, враг гибельный, разбойник¹⁶
Манит природу смертного, как мошкару на пламя,
И в тех, кто мрачным кажется, уныние вселяет,
25 И тут уж их хватает он и вскачь несет с собою,
Летит, как наглый, дерзкий конь, коль всадник необучен,
И восприятие добра на нет уходит быстро,
И мнится — худшее нас ждет того, что есть сегодня.
Но, вообще-то, лучше спать, чем умереть, конечно,
30 Да только в силах ли снести такое малодушный?

Душа

- Δ — Ну, плоть, рожденная землей, смиренная, давай же
Изучим то, что сказано, от самого начала.
Итак, смотри — твоя жена, предивное созданье,
Твоя любовь, с тобой одно и в мыслях, и душою,
35 Мила, красива и скромна, смела отважным сердцем.
Еще премудрый Соломон хвалил как раз такую
Заботливую горлицу, но только с даром речи, —
И как исчезла! Как ушла! Как скрылась! Как погасла!
С уходом лета так цветок с поляны исчезает,
40 Так гаснет молния меж туч, морская пена тает.

Человек

- Е — Тебе бы, милая Душа, другое лучше вспомнить,
Не вынося передо мной ужасное несчастье.
Беда внезапная больней того, что ожидаешь,
Война без объявления страшнее возвещенной —
45 Уж так природа создана, судить об этом просто.
Зачем о ней ты говоришь! О, слезы мои, слезы!
Зачем ты с самых первых слов беседу омрачаешь?

¹⁶ Имеется в виду враг рода человеческого.

Открой мне тайные стези! Где та, что мне желанна?
 Она ведь скрылась от меня, покинув наше ложе, —
 50 И жажду знать я, где она, и где теперь ночует.

Душа

Z — Ее ты жаждешь повидать? Сие недостижимо.
 Ведь из темницы естества, как птица, упорхнула
 Она и облик приняла псалмической голубки.
 Она блаженствует сейчас в самом саду Эдема,
 55 А ты пока что на земле, пока что матерьялен,
 Ну, как тебе догнать ее, блуждающую в небе?
 Оставь неуловимый Ум, о ты, сгущенье плоти!
 Оставь сей быстролетный дух, о ты, земная тяжесть!
 На голос твой, на твой призыв она не ответится,
 60 Ведь помнит одного Христа она в лампад сияньи.

Человек

H — О да, я знал и ранее — как сам себя не знал я —
 Еще при жизни милая была непостижима,
 Она ценила золото, как пыль и прах, не боле,
 Ей жемчуг был, что камешки, наряды — что лохмотья,
 65 Молва и слава — призраком и глупостью ребячьей.
 Так непреложно мыслила она умом высоким —
 Где это все — чудесное, достойные деянья?
 О, дай услышать голос твой — и я тебе отвечу!
 Не пожалей супругу часть от твоего блаженства!
 70 Всегда послушна ты была тому, что говорил я!

Душа

Θ — Дивлюсь — зачем ты в дверь стучишь
 напрасно, малодушный!
 Она уснула и лежит, среди камней покоясь,
 Где источает теплоту и влагу добродетель
 Роскошного и нежного вместилища для духа.
 75 А ты ее тревожишь сам, а ты стучишь снаружи!
 Не страшно ли? Не стыдно ли? Не дрогнешь? Не утихнешь?
 Благоговейно не уйдешь? Терпеть беду не станешь?
 А всё рыдаешь, всё скорбишь, всё вопли воздымаешь!
 Смотри, любезный, как бы ты несчастье не умножил,
 80 Ведь дух жены твоей собой отяготить ты можешь.

Человек

I — Ну, буду сдерживать себя я в горести разлуки!
 Душа, ты отвергаешь плач, из глубины идущий,
 Но как я выдохнуть смогу, как выход дам наружу
 Той туче, что, внутри меня сгустившись, уплотнилась,
 85 Как я избавиться могу от головни горящей,

Во мне дымящейся внутри, как вынуть тяжесть эту,
Как пламя боли погасить, когда нельзя заплакать?
О, я горю и плавлюсь я, пролей росу, родная,
Измучен, изнемог, я рвусь к тебе, мое дыханье,
90 Коль можешь что-то мне сказать, скажи без промедленья!

Душа

К — Ее, чья мудрость и краса среди жен сияла ярко,
Ваятель сущего, Творец, увел с земли на небо,
И, как сокровище, блюдет, его надежно спрятав,
Ведь и лампаду с огоньком хранят от погашенья,
95 И град не ставят на горе, для всех ветров открытый,
А та, что расквиталася и с плотию, и с кровью,
В глаза оставшимся в живых метнула горстку праха,
Чтоб переполнились они горячими слезами,
Но вопли ненавистны той, что радости достойна.

100

Человек

Л — Скажи мне, милая Душа, и об ее останках,
Как изменилась красота, что ей была присуща.
Прическа милая волос, лица ее приятность,
Рисунок — плавная дуга — бровей ее чудесных,
105 Очей влекущая краса, и нос прямой изящный,
И пурпур щек — что розы цвет, взлелеянный с заботой, —
С умом готовят почву ей, с расчетом поливают —
И рот порфиновый ее, и уст прекрасных сочность,
Где стройной шеи белизна и снежность рук прекрасных,
110 Где остальное тело, где, что было совершенством?

Душа

М — Одних лишь только дивных рук и глаз ее прекрасных
Обезобразить и сгубить кончина не посмела.
Ведь целомудрия глаза — куда они исчезнут?
Как истребится красота тех рук трудолюбивых,
115 Что ткали с мудрой добротой для бедности покровы?
Смогли набальзамировать уже всё остальное,
И от природной влажности всё высохнуть успело.
Когда ж раздастся мощный глас, призыв трубы последней,
Как было нам предвещано — и плоть, и кровь восстанут
120 Из этих высохших костей, беспомощно-смирненных.

Человек

Н — Пусть соберутся все певцы трагические жизни,
Пусть плач поднимут — рухнули подмостки дел житейских,
И в действе роль ужасную теперь Судьба и Случай
Умело хором слаженным комедию представят.

- 125 И слово хора этого, чей смысл нам неприемлем,
 Нам говорит, что сущее — лишь дым, и персть, и пепел,
 Во тьме густой блуждание, и западня, и сети,
 Силки какой-то пагубы в засаде скрытых козней.
 Поток, с вершины хлынувший, и серп, и мяч вертлявый,
 130 Всё — только кость игральная и черепка вращенье.

Душа

- Е — Не странно — всё, что из земли, всё тленное по сути,
 Природа в землю возвратит в свой должный срок, всё это
 Является — скрывается, цветет — и увядает,
 И жизнь его, и смерть его проходят эфемерно.
 135 Идет вперед — и снова вспять, подобно раку ходит.
 О, если б первослепленный не снял плода со древа
 И не вкусил погибели, обманутый столь просто!
 (Увы, он простодушен был, увы — неосторожен!)
 Тогда не насмеялся бы над всем, что в жизни нашей,
 140 Мим Демокрит неистовый в безумии премудром.

Человек

- О — Со мною вместе плачь, сосна, плачь о паденьи кедра,
 Его вепоили капли слез, неведомые миру,
 Он возрастал совсем один в моей души Ливане,
 Себя сосною я зову, себя, кто смертен плотью,
 145 Сосну и раскачать легко, и повалить нетрудно,
 Уж если этот кедр, кого деянья укрепляли,
 Повержен, с корнем вырван был ужасным вихрем смерти,
 Так разве я не упаду? Ведь я лишен опоры!
 Ни пня, ни корня, ни плодов, рососою орошенных,
 150 Лишь только листья и кора и скрытое гниенье.

Душа

- П — Вот, снова явно ропщешь ты, хоть это и скрываешь,
 Оплакать плачем хочешь ты любимую супругу,
 И привлекаешь невпопад природу к нашей теме,
 Ты философствуешь, меж тем бежишь, идешь обратно
 155 И прячешь боль несчастья, пытаясь усмехнуться.
 Но ты не чувствуешь, что я тебя изблщила —
 И наказать тебя хочу незримыми цепями,
 Коль ты не в силах выносить несчастье как философ.
 Но, впрочем, пусть теперь она, великая душою,
 160 Опять предметом станет нам для наших рассуждений.

Человек

- Р — Твои слова кропят меня, Душа, о друг мой, миром,
 И постепенно на меня снисходит облегченье.
 Чего вначале я искал, всё это ты даешь мне —

- Ты говоришь со мной о ней, о ней, моей желанной.
165 Сирен бы мне не миновать, коль пели бы о милой.
Но не могла б ты сделать так, чтоб вновь она вздохнула,
Опять свой голос издала, взглянула на супруга!
О, убеди мою жену сейчас сюда явиться
И слово молвить для меня, приветом осчастливить,
170 Коль только можно, я молю, доставь мне эту милость!

Душа

- Σ — Страдая тяжко, просишь ты — и я тебе послушна.
Но трудно вновь заговорить той, что навек замолкла.
Придется понуждать язык опять учиться речи —
Но вот уже ее уста готовы к стройным звукам.
175 Сюда, скорее к нам сюда, любимая супруга!
Ожившим голосом своим дай мужу утешенье,
Он, кто с тобой — одна душа, не видишь — близок к смерти!
Но слышишь ли ты голос мой? А то еще прибавлю!
Надеюсь, что проснешься ты, ничуть не рассердившись,
180 Ведь, если робкой я была, ты мне всегда прощала.

Супруга

- Т — Ну, что такое, телолоб! Что это, суетливец!
Зачем зовешь меня к себе, зовешь с небес на землю?
Зачем меня в земную плоть ты нудишь возвратиться?
Что гонишь в темный мир страстей меня из храма света?
185 Оттуда, где свободна я, в узилище толкаешь?
Я отвергаю твой призыв, я ненавижу тело,
Мне неприятно говорить, опять уснуть хочу я,
Не принимаю маету, я жажду лишь покоя,
Конечно, ты был добрый муж, пока была живой я,
190 Но не желаннее того, что сталося после смерти.

Душа

- Т — Побудь, тебя мы вызвали, поговори со мною,
Не принуждаем мы тебя, но страстно умоляем,
Нет, не старайся удержать ни капли влаги тела —
Ты выше раз и навсегда материи и тлена —
195 Но, может быть, ты о себе расскажешь нам смиренно,
Захочешь, может, развернуть рассказ передо мною,
А я уж сказ твой перешлю, отправлю человеку,
Стараться буду, как посол, и поучусь при этом —
Пойми, мне будет что найти полезного в рассказе,
200 Ведь я сама пока иду по жизненной дороге.

Супруга

- Ф — Не думай, я не расскажу о том, что прежде срока,
Смолчу про силу вышнюю, про муки преисподней,

Смолчу, как вниз спускаются, смолчу, как воспаряют,
 Но если о теперешнем сказать ты умоляешь,
 205 То слушай молча речь мою и передай дословно.
 И если внемлешь сим речам всерьез, без малодушья, —
 Непоправимо велико у смертных заблуждение —
 Бессмысленных, бесчувственных, дурных, на зло готовых, —
 Беги, душа, из дома прочь, что на песке построен,
 210 Не то останешься в цепях материи навечно.

Душа

X — Я возблагодарю тебя, коль скажешь пояснее,
 А то ведь, как в загадке, ты нарочно смысл сокрыла —
 Нередко люди хворые с трудом соображают —
 Так будь же поподробнее, точнее в объяснениях.
 215 Но если, намолчавшись, ты не хочешь длинной речи,
 Скажи полаконичнее для нас про всё про это —
 И возвращайся на покой, ступай в Эдем любимый,
 К вознаграждению своему за прежние заслуги,
 К чертогу брачному всех душ, в сей край, гордыне чуждый, —
 220 Мы будем знать, чего нам ждать, и мучиться не будем.

Супруга

Ψ — Душа — как плод, как эмбрион в утробе материнской,
 Проводит срок свой в тесноте, заката и не дышит,
 А выйдет к свету — страшно ей, она кричит и плачет,
 Ведь, что бывает и простор, — она еще не знает.
 225 Вот так и всякий человек — что есть, считает лучшим,
 И часто недоволен он, среди света очутившись.
 Но если яено он поймет, что смерть ему приносит —
 Что нету больше перемен, что столько преимуществ
 В том, что он выскочил умно, ушел от всех напастей, —
 230 И узы всех скорбей и мук разрублены мгновенно...

Человек

Ω — Живи и радуйся, Душа, светись и очищайся,
 И мне всегда передавай всё, что об этом знаешь!
 Ведь сам я слышал, слышал звук медоточивой речи,
 Ведь я теперь и дел земных познал непостоянство,
 235 И принимаю ныне жизнь, как должен то философ.
 Я знаю — нет, я не лишен всех благ моей супруги,
 Не мне — сей мир пустых страстей,
 не мне — сей дым бесследный!
 Довольно воя, хватит слез, и треносов довольно!
 И пусть, как педагог — дитя, меня ведет сквозь беды
 240 И стройный ритм дает уму мне память о супруге.

МАНУИЛ ФИЛ
ИЗ СТИХОВ О ЖИВОТНЫХ,
АДРЕСОВАННЫХ ИМПЕРАТОРУ
МИХАИЛУ IX ПАЛЕОЛОГУ

Мы продолжаем¹ публиковать, впервые на русском языке, произведения византийского поэта Мануила Фила (1275–1345), корпус текстов которого составляет 35000 стихов. Мы уже опубликовали несколько стихотворений, посвященных императору Андронику II Палеологу². Для настоящего издания мы выбрали некоторые стихотворения Фила, посвященные императору Михаилу IX Палеологу³. Это вступление к большой поэме «О свойствах животных»

---

¹ *Смыка О.В.* Мануил Фил. Поэтические произведения // Труды кафедры древних языков / Отв. ред. И.С. Чичуров (Труды исторического ф-та МГУ: Вып. 15. Серия III: Instrumenta studiorum: 6). СПб.: «Алетейя», 2000. С. 241–255; *Смыка О.В.* Мануил Фил (127–1345). Стихи на разные темы // Труды кафедры древних языков. Вып. II / Отв. ред. А.В. Подосинов (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 44. Серия III. Instrumenta studiorum: 18). М.: «Индрик», 2009. С. 242–263; *Смыка О.В.* Мануил Фил. Человек, разговаривающий с душой // Труды кафедры древних языков. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 53. Серия III: Instrumenta studiorum: 24). М.: «Индрик», 2012. С. 256–259. Переводы были опубликованы также в изданиях: «ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΩΝ. Вопросы классической филологии. Выпуск XV. Сборник в честь Азы Алибековны Тахо-Годи». М., 2011 (*Смыка О.В.* Византийский поэт Мануил Фил и его славословие императору. С. 547–555); «Orientalia et classica. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XXXIII. Классика ... и не только. Нине Владимировне Брагинской» М., РГГУ, 2011 (*Смыка О.В.* Мануил Фил (1270–1345). О растениях. Роза. С. 458–461) и «Ars docendi. Искусство научить. К 90-летию латиниста Н.А. Фёдорова», М., Издательство ПСТГУ, 2015 (*Смыка О.В.* Византийский поэт Мануил Фил (1270–1345). Из поэмы «О свойствах животных» (I, 80 ст.), «Об орлах». С. 218–224).

² Андроник II Палеолог (1259–1332) — император Византийской империи в 1282–1328 гг.

³ Михаил IX Палеолог (1277–1320) — император Византийской империи в 1294–1320 гг., сын и соправитель Андроника II Палеолога. По выражению Рамона Мунтанера (Рамон Мунтанер (между 1265 и 1270 — ок. 1336) — испанский каталонский историк, военный и хронист, автор хроник, см.: *Ramon Muntaner. Crònica*. Barcelona. Marina Gustà. Edicions 62, 1979), Михаил — доблестный и отважный воин, «один из лучших рыцарей на свете» («Xor Miqueli... era dels bons cavallers del mon», «one of the accomplished knights of the world» в английском переводе: *Ramon Muntaner. Chronicle / Translation by Lady Goodenough* (In

(2018 стихов) и ее фрагменты. Именно эту поэму выбрал архиепископ Арсений Монеувасийский (Аристул Апостолес, 1468–1535) для своего первого печатного издания Фила в Венеции в 1533 г.⁴ Свой труд он посвятил Карлу V, императору Священной Римской империи, покровителю гуманистов⁵. Мы сочли целесообразным полностью привести перевод этого посвящения, ставшего образцом стиля для подобных посвящений других авторов⁶. Сам факт избрания этой поэмы Фила для первого печатного издания, посвященного императору в качестве подарка коронованной особе, — свидетельство высочайшей оценки достоинств поэмы и большого интереса к ее тематике⁷. Мы цитируем перевод посвящения изда-

---

parentheses publications, Catalan Series). Cambridge; Ontario, 2000. P. 410). Михаил IX имел несчастье командовать византийским войском после губительных реформ армии, которые провел его отец. Потерпел поражения при Магнезии (1302), Скахиде (1304) и Апрах (1305); см.: *Никифор Григора*. Римская История. Никифора Григоры / Перевод под редакцией П. Шалфеева. Том 1. СПб., 1862 (Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной Академии); кн. 6,2, кн. 6,8, кн. 6,10, кн. 7,3, кн. 7,5, кн. 7,8, кн. 7,15, кн. 8,1. Михаил IX Палеолог — человек высоких нравственных достоинств и умственных интересов, любитель литературы и животных.

⁴ Исследователь французской культуры XVI в. Гленн Пирс (*Peers G. Thinking with Animals: Byzantine Natural History in Sixteenth-Century France* (Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance, 68, No. 3). Paris, 2006. P. 457–482), говоря о греческом влиянии на французскую культуру после 1453 г., останавливается на фигуре каллиграфа Ангелоса Вергекиоса (1505–1569), выходяца с Крита, который обогатился во Франции в 30-е гг. XVI в. и копировал многих греческих авторов; в частности, поэму Фила он скопировал 11 раз (*Ibid.* P. 457). Пирс указывает также, что Вергекиос содействовал распространению информации о поэме Фила: «В случае Фила, Вергекиос распространил мнение о ценности и значительности этой естественно-исторической поэмы среди узкого круга французской элиты, но настоящая популяризация этого текста — в том виде, как он есть — была достигнута только после того, как архиепископ Мосемвасии Арсений опубликовал печатное издание Фила в Венеции в 1533 г. Это издание самым очевидным образом сделало Фила известным гуманистам» (*Ibid.* P. 473; о знакомстве гуманистов с поэмой Фила, см.: *Stickler G. Manuel Philes und seine Psalmenmetaphrase* (Dissertationen der Universität Wien, Band 229). Wien, 1992).

⁵ Карл V Габсбург (1500–1558) — король Кастилии и Арагона (1516–1556), король Германии (римский король, 1519–1556), император Священной Римской империи (1519–1558).

⁶ См. *Stickler G.* *Op. cit.* S. 39.

⁷ Животные всегда представляли интерес для византийца, и нас не должно удивлять, что Пахимер (Фил называет его своим учителем) в ходе своего исторического рассказа охотно описывает подарок эфиопского царя — жирафа, диковинного для Константинополя (цитируем по изданию: *Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Тринадцать книг. Том 1: Царствование Михаила Палеолога. 1255–1282. СПб., 1862 (Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной Академии). Кн. 3,7: «4. Между подарками был и камелопард — животное удивительное и необыкновенное, о котором я хочу сказать несколько слов — видевшим его для напоминания, а не

ния поэмы Арсением Монеувасийским и введение Мануила Фила к его поэме по нашей упомянутой выше публикации в сборнике «*Arts docendi*».

Перевод текстов выполнен по изданию Ф. Лерса и Фр. Дюбнера: *Manuelis Philae versus iambici de proprietate animalium collatis codicibus emendarunt et Latinae verterunt F.S. Lehrs et Fr. Dübner (Poetae Bucolici et Didactici)*. Paris, 1848.

Мы также публикуем адресованное Михаилу IX Палеологу стихотворение Фила Cod. Florent. ССХIV, «его же, к автократуру господину Михаилу Палеологу на то, что он сделал льва другом собаке» (*Manuelis Philae Carmina / Ed. E. Miller. Vol. 1. Amsterdam: Nakkert, 1967. P. 415–419*). Мануил Фил, в отличие от придворного поэта Комнинов Феодора Продрома, не имел оснований воспевать победы византийского оружия. Он проявляет необыкновенную изобретательность и риторическое мастерство, занимая внимание адресата, отвлекая его от тяжелых фактов действительности, развлекая его интересной информацией и утешая находчивыми похвалами.

Перейдем к переводам.

видевшим для сведения. Тело у него небольшое, как у тех ослов, которых мы называем канфонами (*κόνθων*); кожа, как у леопардов, белая, испещренная красными пятнами; фигура тела, как у верблюдов — от задних то есть частей его к плечам поднимаются горбы; передние ноги значительно выше задних; шея, как у журавлей, очень длинная и поднимающаяся вверх до самой головы, так что он представляется животным гордым; голова малая, [162] видом похожая на верблюжью; брюхо белое; от шеи по всему хребту до самого хвоста, который не велик, простирается весьма прямо, как бы по линейке, черная полоса; ноги тонкие, как у оленей, и с раздвоенными копытами. Правом это животное кроткое, так что и дети забавлялись им, водя его за нос;— послушное,—веди, куда хочешь, травоядное, питающееся и хлебом и пшеницею, как овца,—вообще ручное. А для защиты от нападения (ибо природа по большей части доставила животным и это, если бы кто стал угрожать им) оно не снабжено ни таким копытом, как у лошадей, ни рогом, как у быков, (ибо не увенчано рогами), ни зубом, как у кабанов, ни когтями, как у кошек, а только одними зубами, которыми, впрочем, оно, по-видимому, кусает умеренно, лишь бы только отклонить нападения, не делая вреда, и никакого яда не заключается в его зубах, как у тех животных, которых природа вооружила зубами. Камелопарда, будто какое чудо, присланное к царю из Эфиопии, каждый день водили по площадям для зрелища и удовольствия видевших».

**Мудрейшего и ученейшего
кир Мануила Филадельфийского
стихи ямбические, сочиненные
для автократора Михаила Палеолога,
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЖИВОТНЫХ**

Набожнейшему и благочестивейшему Государю Карлу
Арсений Монефвасийский архиепископ
желает вечных триумфов над варварами.

В древности, о Тишайший Государь, Опсиан сочинил поэмы Галиевтика (о рыбной ловле) и Кинегетика (о псовой охоте) и преподнес их императору Антонину, надеясь снискать его благосклонность и прощение. Государь пришел от этих сочинений в такой восторг, что принял автора, «отца» поэм, с великолепием и щедростью, а их «деда» — отца автора — вернул из изгнания, чтобы показать свою милость к его сыну.

Гораздо позже жил на свете поэт Фил, написавший много прекрасного, в том числе и восхитительные ямбы — ему принадлежит книга «Об особенностях животных», примерно две тысячи ямбов. Он прочел ее перед автократором Михаилом — и, так же, как Опсиан, снискал от государя огромную похвалу и щедрую награду.

Однако написанное Опсианом еще до книгопечатания можно было найти во многих местах, а вот сочинение Филадельфийского существует, как говорится, в единственном экземпляре и находится у меня. Я собрал его из разрозненных и поврежденных частей, привел их в последовательный порядок, многое переставив и многое убрав, поскольку, как говорится, этот новый Пелий нуждался в новой Медее.

В конце концов я разделил книгу на листы и привел их в стройный порядок, работая с жаром, чтобы придать этому первоначальный вид и чтобы издать это и в напечатанном виде посвятить Твоей царственности. И я, с Божьей помощью, это осуществил и представляю Твоему Величеству дар полезный и приятный.

Здесь увидишь Ты, Божественный Василевс, как животные, повинувшись общему закону природы, без царских приказаний и постановлений, умеют заботиться о собственном спасении и следуют предписанному им самой природой способу существования, как они умеют избегать того, чего им следует избегать и твердо держаться того, что для них является наилучшим, гораздо лучше нас, украшенных словом, законом и науками.

Ты увидишь, как сильно привязаны к своим родителям аисты, как они разом, словно по приказу, все как один взлетают и приземляются,

Ты увидишь, как вороны приходят друг другу на помощь, когда возникает необходимость отогнать чужаков,

Твое восхищение вызовут журавли, — как предусмотрительно готовятся они и ко сну, и к полету,

Ты узнаешь и о преображении шелковичного червя, которое приводит на ум непреложность воскресения, и Ты с еще большим презрением отнесешься к учению нечестивцев, которые его отрицают,

Ты увидишь и коршунов, как они продолжают род без соития, и с негодованием презришь насмехающихся над великой тайной, которые злобно заявляют, что невозможно и противоестественно, чтобы Дева родила Дитя и при этом сохранила девственность — как об этом поют в гимнах христиане, что они восхваляют и во что веруют, прославляя воплотившегося от нее Бога нашего,

Твое изумление вызовут и рыбы, и другие создания, живущие в мудрой и стройной упорядоченности, умея благодаря своему естественному чутью предузнавать изменения погоды. Словно по изречению Гишпократа, они исцеляют себя сами, каждый своим средством и средством. Медведь мажет раны фломом, лисица лечится каплями смолы, змея лечит глаза укропом.

И во всех живых существах, будь то животные, птицы, бегающие на ногах, ползучие и плавающие — ты увидишь то, что дала им природа, их собственные особые свойства.

Я счел, что книга эта будет, как я уже сказал, и очень приятна, и весьма полезна.

Я убежден, что второе издание будет еще более удачным — ведь оно посвящено Государю, украсившему свое царствование всем, что было почитаемо всеми предшествующими властителями.

Будь здоров.

Вот пред тобой, Владыка, стадо мирное —
Здесь рыбы, птицы, звери и рептилии —
И стол тебе немедля приготовлю я,
Коль разрешишь мне тот же самый промысел,
Что разрешил когда-то Достохвальному,
Чтоб угостил на славу сразу двух царей —
И Вер, и Антонин поцировали там!
А я — твой пес, ты — мой хозяин сладостный,
И вот я лаю в целях пропитания.

10 Владыка, лев душою — покорми же пса!
Охотясь, ты сражаешь толпы варваров!

Мануил Фил. Стихи об особенностях животных

Адам, генарх великий рода нашего,
По заповеди Господа обязан был
Блюсти души пречистое достоинство
И быть владыкой тварей всевозможнейших.
5 Но он вкусил от дерева познания
И Божий дар пограл в себе немедленно.
Он образ своей власти погубил навек,
И звери тоже всякий стыд утратили,
Как от врага умчались от хозяина
10 И, закусив удила послушания,
Порвали узы, прежде столь любимые,
И стали жить в местах недосягаемых.
Я, для Тебя сплетя благоволенья сеть,
Сих беглецов привел из чащ и пустошей,
15 И для Тебя, о Солнце восходящее, —
Как царь Давид сказал о Дне Творения, —
Они должны бежать в загоны слов моих,
Я нитью ритма все свяжу изящною —
Ведь я не упустил летучих сонмы птиц,
20 И обыскал умом морские пропасти,
И рыб морских словесной сетью выловил,
Всё — только для Тебя! Смотри, рассматривай,
О Автократор, изучай и радуйся!
Какой подарок поднести достойнее
25 Владыке, сыну Авзонарха милому,
Твой редкий нрав — особый, выдающийся,
Приятнейший, во всем превосходительный,
Величие души и обхождение —
Воспеть — мне слов не хватит человеческих!
30 Будь то Платон — сказал бы он, наверное,
Зачем же мошкаре тягаться с коршуном?
И, если все уста соединились бы
И все красоты речи вместе сплавились —
Всё ж не смогли бы спеть хвалу достойную!
35 Молчанием сказал бы много большее,
Кто не дерзает петь пустыми звуками.
К тому же — как сказать хоть что-то новое?
Ведь это — дар природы многохитростной,
Чьи тайные движенья Тот лишь ведает,
40 Кто создал всё премудро, промыслительно,
И если это чудо слову свойственно,

Изображение орла из MS. Auct. F. 4. 15 (fol. 2v)

То это лишь заслуга нашей древности —
 От древних получая побуждения,
 Я связываю цепь размера стройностью.
 45 У мудрецов — у греков и у варваров —
 Ценителей-творцов сказаний всяческих,
 Приврать — и не зазорно, и простительно,
 Но нам — нельзя! Мы Слову поклоняемся,
 Ведь Слово — свет, потемки разгоняющий!

1. Об орлах

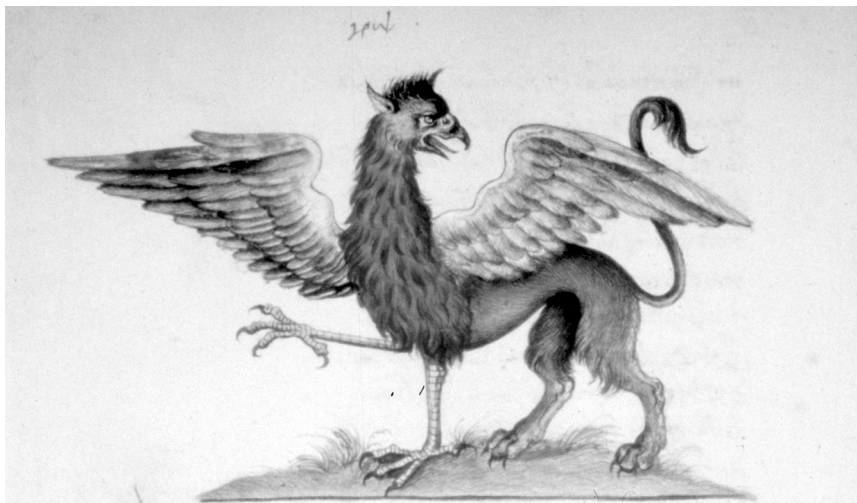
Орлы, Властитель, в вышине бродящие,
 В питье — то видно точно — не нуждаются.
 О, как я их Создавшим восхищаюсь!
 5 Среди птиц нет никого с такой способностью
 Спокойно выносить страданий тяготы.
 Сей крылократор зорок замечательно —
 Из туч способен даже моль заметить он.
 Шум крыл его заслышав, даже змей-дракон
 От страха мигом в бегство устремляется
 10 И заползает в норы потаенные,
 Чтобы орел, догнав, не растерзал его.
 Он и на коз, и на гусей охотится,
 На зайцев, даже на телят молоденьких.
 Своих птенцов, пока не оперившихся,
 15 Он испытует необычным образом,

И суд вершит над ними солнце яркое,
 И если есть птенец, кто немигаючи
 На солнце прямо смотрит — он в любимчиках,
 Он чист от подозрений в чужекровии,
 20 А если кто моргнет — того немедленно
 Исторгнут из гнезда, как семя чуждое.
 Бывают, говорят, орлы нехищные,
 Что мяса не едят, травой питаются,
 А хищные к траве и не притронутся,
 25 И только мясом постоянно кормятся,
 Летя на сильный тяжкий запах падали.
 Остатки пищи стережет он, словно лев,
 И отгоняет прочих птиц безжалостно,
 Когда клевать его добычу пробуют.
 30 Теряет перья он, как птицы прочие,
 И та стрела имеет силу страшную,
 Когда она в такой колчан положена,
 Где спрятал мастер и перо орлиное.
 Живи, царь, как орел, жизнь столь же долгую
 35 И крепни в постоянном обновлении!

2. О грифе

Гриф — птица крупная, о четырех ногах,
 Крылатый, когти на ногах преострые,
 С пятном на голове багряно-пурпурным,
 На белоснежном теле шея черная,
 5 А острый взор его пылает пламенем.
 И голова его, и клюв, властитель мой,
 Коль издали глядишь, совсем орлиные.
 Он там живет, где местности пустынные
 И горы неприступные, скалистые,
 10 В местах, где из земли выходит золото,
 Из золота он, молвят, гнезда делает
 На самой вышине скалы отвесистой.
 И не поймать, конечно, грифа взрослого,
 Возможно только взять птенца бескрылого.
 15 Гриф с индами, до золота охочими,
 Свирепо бьется, если к гнездам тянутся,
 Боится за птенцов, что их отнять хотят,
 И страшно бьется, говорят, с пришельцами,
 Когда к гнезду за золотом подбираются,
 20 Ведь он подозревает, что стараются
 Птенцов его схватить и унести с собой.
 Индусы днем зверей остерегаются,
 Таясь в уединенных чащах, прячутся

Изображение грифа из MS. Auct. F. 4. 15 (fol. 3v)

25 (И прячутся в густых пустынных зарослях),
 А ночью потихоньку подбираются
 К местам, где это золото находится,
 И там копают с жадностью поспешною
 И золотой песок собрать стараются,
 И коль удастся им от грифов спрятаться
 30 И избегут они большой опасности
 И черной Керы — повезло им, стало быть!

3. О коршуне

Воитель коршун мертвыми питается
 И, если труп найдет себе на счастье,
 Пирует, словно победитель доблестный.
 Имеют птицы эти дар мантический,
 5 Летят за войском, что идет в сражение,
 Надеясь на тела убитых воинов —
 Они прекрасно помнят, где их пища ждет,
 Туда летят и рвут добычу, жрут ее,
 Пока, жукам подобясь, не отвалятся,
 10 Жукам, что мрут, когда их миром смазали.
 Их самки зачинают без соития,
 Плодотворит их ветер, ввысь поднявшихся,
 От Нота зачинают, и на третий год
 Из чрева чадо в перьях появляется,
 15 Что корм добыть когтями может сразу же,

Изображение мантихора из MS. Auct. F. 4. 15 (fol. 26)

Ища нетерпеливо, что там есть в гнезде.
 Но говорят, что есть другие коршуны,
 Что яйца могут класть, с самцами сходятся
 И берегут птенцов в гнезде заботливо,
 Пока они растут, еще бесперые.
 Они, как египтяне, цвета черного,
 А коль поджечь от птицы этой перышко,
 Откуда пожелаешь, змей изгонишь ты.

10. О лебеде

(см. с. 226 настоящего издания)

86. О дельфине

(см. с. 226-227 настоящего издания)

39. О мартихоре

Зверь мартихор у индов обретается,
 Косматый, рыжий, с мордой человеческой,
 Глаза его огнем пылают светлые,
 А уши — волосатые, некрушные,
 Округлые, у основания гладкие,
 А пасть — на эти зубы просто жуть взглянуть,
 А в остальном он явно — совершенный лев.

С хвостом он уродился, стрелы мечущим,
 Стрелец он от природы, дальновержец он,
 10 И умерщвляет всех, кто на него идет,
 Сколь ни было бы много нападающих.
 А если кто-то нападает спереди,
 Зверь мигом вскинет вверх свое металище,
 Отгонит всех и быстро продолжает путь.
 15 В своем движеньи порождает заново
 Чудовище орудия разящие
 И быстро подавляет всех охотников.
 Зверей у индов много страшных водится
 Прожорливых, необоримых, яростных,
 20 Но только мартихор зовется «людоед».
 Потомству мартихора инды, выловив,
 Камнями раздробляют кости вредные,
 И зверь, не порождая жал губительных,
 Тогда ручной, хоть трогай безбоязненно⁸.

⁸ Для сравнения приводим свидетельство Элиана в переводе М.Л. Гаспарова (Памятники поздней античной поэзии и прозы II-V века. Сборник / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. Москва: Издательство «Наука», 1964. С. 285-286):

IV, 21. Об индийской мартихоре

Есть в Индии зверь, чудовищной силы, величиной с самого большого льва; шкура у него красная, подобно киноvari, и покрыта шерстью, как у собаки. На языке индийцев он называется мартихора. Морда у него такая, что напоминает не звериную, а человеческую; зубы в три ряда сверху и в три ряда снизу, и такие острые, что лучше собачьих; уши по форме похожи на человеческие, но крупнее и покрыты шерстью; глаза светлые, и также похожи на человеческие. Ноги и когти, да будет это известно, такие, как у льва; а на конце хвоста находится жало, подобно жалю скорпиона, длиной больше локтя, и весь хвост покрыт жалами с обеих сторон; жало на конце хвоста при малейшем прикосновении наносит рану и убивает на месте. Когда ее преследуют, она мечет боковые жала, наподобие стрел, и разит издалека; если ей нужно жалить спереди, то она изгибает хвост, а если сзади, наподобие саков, то вытягивает его во всю длину. Летящее жало губит все, чего ни коснется, и не убивает только слона; длиной оно около фута, толщиной — как стебель камыша. Ктесий говорит (и уверяет, что все индийцы думают так же), что на месте выброшенных жал отрастают другие, как новая пагубная поросль. По его же словам, этот зверь очень любит пожирать людей и совершает много убийств, причем не подстерегает людей по одиночке, а нападает на двоих и троих сразу, и один их одолевает. Она побеждает всех остальных животных, и только лва не может осилить. О том, что она с особенным удовольствием поедает человеческое мясо, свидетельствует само ее название — это индийское слово по-гречески означает «людоед», и такое имя получила она по заслугам. Бегаёт она, как самый быстрый олень. На ее детенышей, еще не имеющих жал, индийцы устраивают охоты, и камнями раздавливают им хвосты, чтобы на них не могли вырасти жала. Голос ее больше всего похож на звук трубы. Ктесий говорит, что он даже видел в Персии такое животное, присланное индийцами в подарок персидскому царю. Если кто считает Ктесия надежным свидетелем по этой части, тот, услышав о таких достопримечательностях этого животного, пусть обратится к сочинениям книдского писателя.

47. О катоблепе⁹(см. с. 224–225 настоящего издания)¹⁰

Далее, как мы указали во введении, мы помещаем перевод упомянутого выше стихотворения Miller I, 214 к Михаилу IX Палеологу.

I, 214. Лев и собака

Мануила Фила к автократору господину Михаилу Палеологу по случаю того, что он сумел подружить льва и собаку¹¹

Как?! Ты сумел природу победить легко
 И всем явил, что дружит лев с собакою!
 Но Авзонарх, ведь это чудо дивное —
 Как лев — собака, да и как собака — лев!
 5 Двойное чудо, Авзонарх, предивное!
 Твой рык немедля умирляет воинство
 Всех варваров, что лаем заливаются!
 В любом сраженьи меч твой появляется,
 Как когтя острие, всегда без промаха
 10 И властно от природы погружается
 Легко во всех, кто только смеет нагличать.
 Увидя скорпиона, змей пугается,
 Ведь знает его жало смертоносное,
 Что испускает яд, стрелой отравленной.
 15 А кто укусит скорпиона — гибнет сам —
 Укус его немедля мертвым сделает —
 Жизнь отнимает мигом яд проникнувший.
 Хорек, в норе поймав добычу нужную,
 Хрустит ее костями, пожираяючи,

⁹ Мы воспроизводим перевод С.С. Аверинцева: (Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., Наука, 1969. С. 30–31). Это самый первый стихотворный перевод Фила на русский язык.

¹⁰ Для сравнения приводим наш перевод отрывка из Шестоднева Писиды (см. с. 225 настоящего издания). Далее — отрывок из Элиана, «О природе животных», XXVI, V, в нашем переводе (с. 226 настоящего издания).

¹¹ Напомним концовку вступления к поэме «О свойствах животных»:

А я — твой пес, ты — мой хозяин сладостный,
 И вот я лаю в целях пропитания.
 10 Владыка, лев душою — покорми же пса!

Император уподоблен льву, дружески кормящему своего пса-поэта. Сравнение с собакой несколько не уничижительно: ум, чутье и преданность собак ценились очень высоко, и хорошая собака считалась большой ценностью.

20 А пес бежит и в беге поворотливом
Поймает даже зайца быстроногого.
Индийский слон — тот змей остерегается,
К душителям питая отвращение,
Не терпит он огня, свиней с баранами,
25 Мышей не любит, в коробе таящихся.
Гиена, по ночам идя на промысел,
От пестрых леопардов робко прячется,
А львы огня не терпят, ненавидят псов,
Детеньшей пантеры новорожденных,
30 Но вот теперь — смотри, как лев с собакою
По воле Авзонарха подружились.
Любое сердце изумится этому!
Какая же в твоей натуре силища —
Саму природу может изменить она —
35 Ведь вправду подружились лев с собакою!
Едва завидит пес, что лев поблизости —
У мощных львиных лап он так и вертится,
Отважно подбегает, смело прыгает,
Лижет — удивительное зрелище,
40 Старается коснуться зверя мощного —
И защищает лев собачьи шалости.
Повсюду вместе ходят два приятеля,
И лев как будто ниже стать старается.
Душа его тогда не знает ярости,
45 И не пугает сердца он собачьего —
И пищу дружелюбно разделяет с ним,
И рык его лишен опасной ярости,
Прижавшись тесно, лев и спит с собакою,
И шерсть он псу вылизывает тщательно,
50 Как росный луг блестит она от влажности,
Из пасти льва обильно изливаемой,
А если видит лев, что рядом нету пса, —
Горюет и вздыхает, поднимает рык —
55 И так уж рад, едва лишь пес отыщется!
Он вместе с псом и ест, и забавляется,
И делит с ним он все свои занятия —
Пес ласково глядит и улыбается,
Не лает рядом с ним, своим хозяином,
60 У львиных лап ложится, расстилается
И ковриком живым лежит, раскинувшись.
Природа иногда непостижима!
Такие в ней встречаются явления!
Ведь по природе лев — ведь это сам огонь,
65 Он весь — как будто Этны извержение

И то, что пожирает из когтей своих —
Со скоростью огня уничтожается,
И грива у него огнеподобная,
Ее природа сделала, наверное,
70 Из угля, только влажного и гибкого.
Природа псов прохладная и водная,
Охотник он, да и бегун отличнейший.
О, сколь густа у львов их грива светлая,
Но вот что ново — не боится он воды.
75 И не слабеет вовсе при смешении.
Друг друга они любят, это вижу я!
И ни на миг не терпят расставания.
Не знаем мы твоей особой властности,
Что держит толпы варваров в покорности,
80 Клада предел собачей ненасытности.
Твой добрый нрав, спокойный и уверенный,
О лев, и ярость псов полезной делает —
Едва-едва ты до меча касаешься,
Любой противник, дрогнув, тут же прячется.
85 А на меня, на пса, глядишь ты ласково,
Даруешь, Царь, мне крохи пропитания.
Ты грозным рыком разгоняешь тягости,
Что залегли в засаде, чтоб сгубить меня,
Беду любую, словно лань трусливую,
90 Ты, Авзонарх, немедля прогоняешь прочь.
Ты, царь, умеешь постоянно сдерживать
На суше и на море вражьи полчища —
Твой меч, что закалился кровью варваров,
Легко до океана добирается.
95 Когда же достигаешь ты желанного,
То говоришь отцу и соправителю,
Ликуя, словно лев, рыча и прыгая —
«Царь-лев, — тебе добыча — эта мира часть!»

ФОТОАЛЬБОМ

С С.С. Аверинцевым

С семьей Аверинцевых

С Аверинцевыми

С Аверинцевыми

С Аверинцевыми

С семьей Аверинцевых и Вигасиными

С Вигасиными

С Н.П. Аверицовой

С А. Махлаюком, И. Суриковым и дочерью

С В. Бегелиным

С Д.А. Коробейниковым

С И.А. Гвоздевой

С А.М. Крюковым

С С.П. Карповым и А.В. Подсиновым

С семьей

С дочерью, внуками и М. Ордубади

С дочерью

Лето 2014 года

На истафаке МГУ

На Ученом совете
филфака МГУ

На кафедре древних языков истфака МГУ с коллегами

Отчет на кафедре
древних языков

СПИСОК РАБОТ О.В. СМЫКА

- О композиции «Аргонавтики» Аполлония Родосского // Вопросы классической филологии. Вып. 3–4. М.: Изд-во МГУ. 1971. С. 344–364.
- Некоторые замечания об источниках «Аргонавтики» Аполлония Родосского // Вопросы классической филологии. Вып. 5. М.: Изд-во МГУ. 1973. С. 108–123.
- Замечания о каталоге у Аполлония Родосского // Вопросы классической филологии. Вып. 6. М.: Изд-во МГУ. 1976. С. 105–114.
- Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею. [Перевод с древнегреческого] // Античные риторика. М.: Изд-во МГУ. 1978. С. 222–233.
- Менандр. Fragments. [Перевод с древнегреческого] // Менандр. Комедии. Fragments. М.: Наука, 1978. С. 271–272, 288–350.
- Эпитеты Зевса в «Аргонавтике» Аполлония Родосского // Образ и слово. М.: Изд-во МГУ. 1980. С. 58–68.
- Рутилий Намациан. Возвращение на родину. [Перевод с латинского] // Поздняя латинская поэзия. М.: Художественная литература, 1982. С. 283–302.
- Греческая мелика // Древнегреческая мелика. М.: Книга, 1988. С. 391, 393, 394, 396–406, 411–414, 422–425, 427–428, 431–432, 436–439, 441–442.
- Орфические гимны. Прокл, Гимны. Синезий, Гимны (1, 4, 5) [Перевод с древнегреческого] // Античные гимны. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 174–267, 271–279, 283–293.
- Арриан. Индия [Перевод с древнегреческого] // История и культура древней Индии. М.: Восточная литература, 1990. С. 270–290.
- Софокл. Fragments 50, 54, 55, 159, 265, 284, 352. [Перевод с древнегреческого] // Софокл. Драммы. М.: Наука, 1990. С. 386, 390, 391, 401, 412, 413, 423.
- Дион Хрисостом. Речи 21, 51, 53, 55 [Перевод с древнегреческого] // Античность в контексте современности. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 174–191.
- Прокл. Гимны. [Перевод с древнегреческого] // Прокл. Первоосновы теологии. М.: Изд. Группа «Прогресс», 1993.
- Эринна. Прялка; Каллимах. Причины, фр. 1; О городах Сицилии, фр. 43; Могила Симонида, фр. 64; Аконтий и Кидиппа, фр. 67–74; фр. 178; Ямбы, фр. 191, 229; Гекала, фр. 384. Земледельческие об-

- рядовые песни (1,4,5), походная песнь, застольные песни (1-27), гимны богам: Дионису (1,2,4), Мойрам, Матери богов, Пану, всем богам, Артемиде, из других хоровых жанров (1,2,3) [Перевод с древнегреческого] // Эллинистические поэты VII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999. С. 206–207, 210–211, 292–294, 295–296, 298–301, 391, 400–401, 401–405, 405–407, 409–411, 413–414.
- Мануил Фил. Поэтические произведения. Вступительная статья, перевод и примечания // Труды кафедры древних языков / Отв. ред. И.С. Чичуров. М.: СПб.: Алетейя, 2000. С. 241–255.
- Manuel Philes as poeta doctus // XX-e Congrès International des Études Byzantines, Collège de France — Sorbonne, 19–25 Aout 2001. Pre-actes, vol. III. Paris, 2001. P. 47.
- Арриан. Индия. [Перевод с древнегреческого] // История Древнего Востока. Тексты и документы: учебное пособие / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002. С. 462–471.
- Сонник Мага Астрампсиха. [Перевод с древнегреческого] // Сборник филологического факультета МГУ. М., 2009. С. 298–302.
- Мануил Фил. Стихи на разные темы. [Перевод с древнегреческого] // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2009. С. 251–263.
- Мануил Фил. Славословие императору. [Вступительная статья и перевод с древнегреческого] // Вопросы классической филологии. Вып. XV. ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ. Сборник статей в честь А.А. Тахо-Годи. Серия: Вопросы классической филологии. М.: Никея. Т. 15. С. 547–555.
- Мануил Фил. О растениях. Роза. [Перевод с древнегреческого и комментарий] // *Orientalia et classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXXIII. Классика ...и не только. Нине Владимировне Брагинской. М.: Из-во РГГУ, 2011. С. 458–461.
- Мануил Фил. Человек, разговаривающий с Душой. [Вступительная статья и перевод с древнегреческого] // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2012. С. 256–265.
- Из Хроники Константина Манассии. [Вступительная статья и перевод с древнегреческого] // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2012. С. 228–246.
- Квинт Смирнский. После Гомера. Погребальные игры в честь Ахилла (IV песнь, 61–595). [Перевод с древнегреческого] // Олим-

- пийские игры в политике и культуре: сборник статей участников ежегодной межвузовской научной конференции «Восток и Запад: приоритеты эпох». Москва, РУДН, 19 апреля 2013 г. М.: Российский университет дружбы народов. 2013. С. 170–187.
- Клавдий Рутилий Намациан. Возвращение на родину. [Перевод с латинского] // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2014. № 3. С. 150–165.
- Филострат Старший. Картины. 6. Аррихион. [Перевод с древнегреческого] // Традиции античного олимпизма в мировой культуре: от древности до наших дней. М.: Изд-во Литературного института имени А.М. Горького, 2015. С. 265–266.
- Византийский поэт Мануил Фил (1270–1345). Из поэмы «О свойствах животных» «Об орлах» (I. 1–80). [Перевод с древнегреческого] // *Ars docendi*. Искусство научить. К 90-летию латиниста Н.А. Федорова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 218–224.
- «Музы» Алексея Комнина [Вступительная статья и перевод с древнегреческого] // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 235–253.
- Константин Манасси. Жизнь Опшиана. [Вступительная статья и перевод с древнегреческого] // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 254–260.
- Византийский поэт Мануил Фил. Из стихов о животных, адресованных императору Михаилу IX Палеологу. [Вступительная статья и перевод с древнегреческого] // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 4 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2016. С. 261–275.
- Поэма Манасси Кир Константина о его поездке в Иерусалим (перевод и вступительная статья О.В. Смыка) // *Аристей*. Вестник классической филологии и античной истории. Т. XV. 2017. С. 161–192.
- Трифидор. «Взятие Илиона» — памятник позднего греческого эпоса // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 6 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2020. С. 222–238.
- Памятник позднего эпоса — поэма Коллуфа «Похищение Елены» // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. Вып. 6 / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: Индрик, 2020. С. 239–251.
- «Письмо из нескольких слогов в ямбическом размере» (К. Манасси, Обзор истории, 4908) // *Nomo omnium horarum*. Сборник статей

в честь 70-летия А.В. Подосинова / Под ред. А.В. Белоусова и Е.В. Илюшечкиной. М., 2020. С. 516–519.

Иоанн Цец. До Гомера // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. XXIV. 2021. С. 189–203.

Черновики переводов. М., «Новый хронограф», 2022.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ПШС — Православный Палестинский сборник. СПб.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР. Л.
- ЯСК — Языки славянских культур. М.
- BNJ — Byzantinisch-Neugriechische Jahrbucher. Berlin
- BZ — Byzantinische Zeitschrift. München
- DOP — Dumbarton Oaks Papers. Washington, DC
- ΕΕΒΣ — Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. Ἀθήναι
- JÖB — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. Wien
- JÖBG — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft. Wien
- RE — Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart
- VWGÖ — Verband der Wissenschaftliche Gesellschaften Österreichs. Wien

Научное издание

О.В. СМЫКА

**ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ
ИЗ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Ответственный редактор:

А.В. Подосинов

Редколлегия сборника:

*А.О. Корчагин, А.М. Крюков,
Е.В. Приходько, С.А. Хандажинская*

Корректор:

И.В. Подосинова

Оригинал-макет:

А.М. Крюков

Издательство

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
28,0 п. л. Тираж 000 экз. Заказ №